

Из фондов Российской государственной библиотеки

Толстой, Лев Николаевич
Полное собрание сочинений. Том 68.
Письма 1895

Москва
Российская государственная библиотека
2006

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 68. Письма 1895 [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой ; издание осуществляется под наблюдением Государственной редакционной комиссии ; подготовка текста и комментарии А.С. Петровского. - М.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской государственной библиотеки)

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в
фонде РГБ:

Толстой, Лев Николаевич
Полное собрание сочинений. Том 68.
Письма 1895

Государственное издательство
художественной литературы, 1954

Российская государственная библиотека, 2006
(электронный текст)

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
И Н С Ъ М А

Т О М

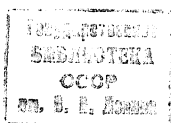
68

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1954

Перепечатка разрешается безвозмездно

SH - 99711

22

ПИСЬМА
1895

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
А. С. ПЕТРОВСКОГО

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ¹

В том шестьдесят восьмой входят тексты 219 писем Л. Н. Толстого за 1895 год. Из них 132 письма печатается впервые, 101 письмо печатается по автографам и подлинникам, 6 — по фотокопиям, 106 — по копиям и 6 — по печатным текстам.

18 писем к С. А. Толстой опубликованы в т. 84 и 16 писем к В. Г. Черткову — в т. 87.

В примечаниях указание на то, что письмо печатается по автографу, не делается. Публикация по другим источникам (копиям, печатным текстам) каждый раз оговаривается.

При воспроизведении текста писем Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением¹ всех особенностей правописания, которое не унифицируется, то есть в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся.

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», раскрываются, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый».

Слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: т. к. — т[ак] к[ак]; б. — б[ыл].

Не дополняются общепринятые сокращения: и т. п., и пр., и др.

Описки (пропуски и перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках,

---

¹ Предисловие см. в т. 67.

кроме тех случаев, когда есть сомнение, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или [*2 неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

В случаях написания слов или отдельных букв поверх написанного или над написанным (и зачеркнутым) обычно воспроизводятся вторые написания без оговорок и лишь в исключительных случаях делаются оговорки в сноске.

Из зачеркнутого воспроизводится в сноске лишь то, что необходимо для понимания текста, причем знак сноски ставится при слове, после которого стоит зачеркнутое.

Написанное в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия, кроме случаев явно ошибочного написания; 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки (кроме восклицательного) в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

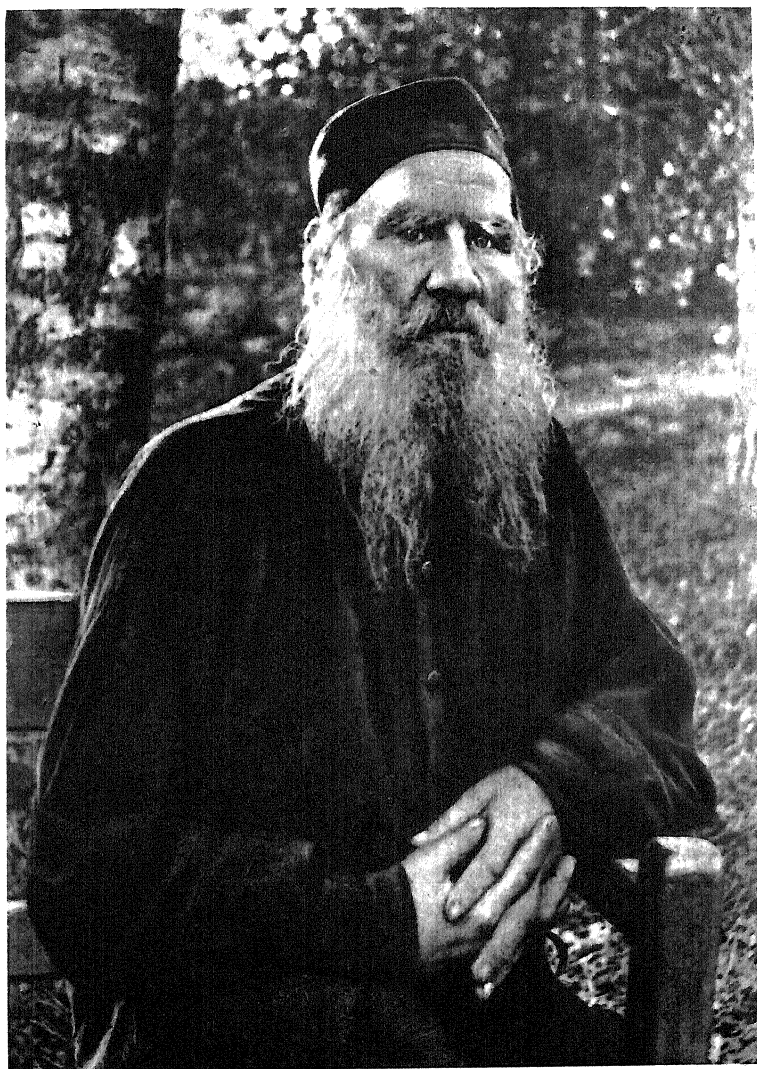
Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие абзацы в тех местах, где начинается разительно отличный по теме и характеру от предыдущего текст, причем каждый раз делается оговорка в сноске: Абзац редактора. Знак сноски ставится перед первым словом сделанного редактором абзаца.

Письма, публикуемые впервые, или те, из которых печатались лишь отрывки или переводы, обозначаются звездочкой*.

Все даты по 31 декабря 1917 г. приводятся только по старому стилю; а с января 1918 г. — только по новому стилю.

В составлении тома и выверке текстов писем Л. Н. Толстого принимал участие В. В. Плюснин

- В примечаниях приняты следующие условные сокращения:
- АТ — Архив Л. Н. Толстого.
- АЧ — Архив В. Г. Черткова.
- Б, III — П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. III, Берлин, 1921, изд. И. П. Ладьянникова.
- ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва).
- «Летописи», 2, 12 — «Государственный литературный музей. Летописи. Книга вторая. Л. Н. Толстой», М. 1938, «Государственный литературный музей. Летописи. Книга двенадцатая. Л. Н. Толстой», М. 1948.
- ЛН — «Литературное наследство», № 37-38, изд. Академии наук СССР, М. 1939.
- ПТ — «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», СПб. 1911.
- ПТС, I — Письма Л. Н. Толстого, собр. и ред. П. А. Сергеенко, изд. «Книга», т. I, М. 1910.
- ПТС, II — Письма Л. Н. Толстого, собр. и ред. П. А. Сергеенко, изд. «Книга», т. II, М. 1911.
- ПТСО — Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собр. П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского, изд. «Окто», М. 1912.
- СТМ — «Сборник Государственного Толстовского музея», Гослитиздат, М. 1937.
- ТЕ — «Толстовский ежегодник».
- ТТ, 1, 2, 3, 4 — «Толстой и о Толстом. Новые материалы», изд. Толстовского музея, М. 1924—1928.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1896 г.

П И С Ъ М А
1895

1. В. Г. Черткову от 1 января.

2. А. С. Буткевичу.

1895 г. Января 3. Никольское-Горушки.

Переделки евангельских стихов стихами я считаю неправви[льным]. Лучше они от эт[ого] не становятся, а тер[яют]¹ одно из важн[ых] свойств — простоту и да[же] краткость. Но это дела[ли] многие поэты, и, может быть, и найдется охотник напечатать. Я предложу при случае. Очень жалею, что не успел перехватить у дочери² Евангелие.³ Она отдала его. Но оно скоро вернется, и тогда пришлю вам. Очень, очень жалею, что давно не видался с вами и с Анд[реем] Степ[ановичем].⁴ Много для всех нас важное и хорошее хотел бы сообщить, да не знаю, что вы знаете, чего не знаете, да в письме [пи]сать всё длинно.

Скажу только, что ч[ем] дальше иду по том[у] пути, по кот[орому] пошел, тем радостнее и, главн[ое], спокойнее.

Прощайте пока, дай бог вам истинного блага, т. е. сознание движения на пути и личного совершенствования и содействия установлению царства бога. Привет всем вашим.

Любящий вас Л. Толстой.

3 января 1895.

Опубликовано впервые в «Летописях», 2, стр. 344.

Анатолий Степанович Буткевич (1859—1942) — занимался пчеловодством. Был близок по взглядам к Толстому.

В письмах от 23 ноября и 20 декабря 1894 г. А. С. Буткевич прислал несколько своих стихотворных переложений евангелия и спрашивал о них мнение Толстого.

¹ Зачеркнуто: глав

² Татьяны Львовны Толстой, сопровождавшей отца в поездке в Никольское.

³ Имеется в виду «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий» графа Л. Н. Толстого. Напечатано в 1892—1894 гг. М. К. Эллидиным в Женеве. Буткевич просил прислать ему эту книгу для справок.

⁴ Андрей Степанович Буткевич (1865—1948), врач. См. т. 50, стр. 270.

3. С. А. Толстой от 2 или 3 января.

* 4. Е. Н. Воробьеву.

1895 г. Января 4. Никольское-Горюшки.

Ефим Н[иколаевич], пришлите свою рукопись в Москву, по тому же адресу, по которому вы писали и письмо. В настоящую минуту я в деревне, ¹ но дней через 10 буду в Москве. Я прочту вашу рукопись со вниманием и скажу вам о ней свое мнение. Не нравится мне то, что вы связываете свой рассказ с Крейц[еровой] Сон[атой]. ² Таких рассказов было много; лучше самостоятельно и независимо от того, что было написано прежде, рассказывать то, что имеешь рассказать. Меня тоже очень интересует ваша жизнь. Как вы устроились и живете и, главное, как ваше душевное состояние? Я буду очень благодарен вам, если вы напишете о себе подробно. Я очень интересуюсь вами и вашей жизнью и всей душой желаю вам истинного блага, состоящего в сознании того, что приближаешься всё более и более к тому, в чем мы все одинаково полагаем волю божию, а именно, чтобы самому быть лучше и содействовать улучшению и увеличению блага мира.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

Ефим Николаевич Воробьев (1852—1914) — служил одно время капитаном на волжских пароходах, а потом на железной дороге начальником станции. С 1890 г. жил в Нальчике, занимаясь пчеловодством.

Ответ на письмо Воробьева от 19 декабря 1894 г., в котором он просил у Толстого разрешения прислать ему рукопись своего рассказа для просмотра и отзыва.

¹ В пении А. М. Олсуфьевой Никольском-Горюшках.

² В письме от 19 декабря 1894 г. Воробьев писал, что рассказ его написан так же, как... «Крейцера соната», в вагоне.

* 5. Артуру Син-Джону (Arthour St.-John).

1895 г. Января 4. Никольское-Горюшки.

Dear Sir,

I am very sorry, that I could not answer your letter before. I was very glad to receive it. The greatest joy of my life is to know, that there are in the world men like you, who feel and think in the same way as myself, especially when they are so straightforward and sincere as you are. I am sure that the farther you will go on the way, that you have chosen, the happier you will feel yourself. I say it by experience. Our life is so short and the power of mind and love, that we have, is so great, that it is not worth the while to live it in doing the wrong thing. If you will be so good to inform me of your doings, I will be thankful.

With true love Yours truly Leo Tolstoy.

Give my love, if you see him, to Mr. Kenworthy.¹ It is a long time that I had no news from him and of his work.

4 January 1895.

Милостивый государь,

Мне очень жаль, что я не мог ответить раньше на ваше письмо. Очень был рад получить его. Самая большая для меня радость в жизни, это знать, что на свете есть люди, подобные вам, которые чувствуют и думают одинаково со мной, в особенности, если они так прямодушны и искренни, как вы. Я уверен, что чем дальше вы пойдете по избранному вами пути, тем счастливее будете себя чувствовать. Говорю это по личному опыту. Наша жизнь так коротка, и сила разума и любви, которая в нас, так велика, что не стоит жить, поступая неправильно. Если будете так добры известить меня о том, что вы делаете, буду вам очень признателен.

С истинной любовью искренно ваш Лев Толстой.

Передайте мой привет мистру Кенворти,¹ если его увидите. Давно не имел известий о нем и о его работе.

4 января 1895.

Артур Син-Джон (Arthour St.-John) — англичанин, бывший офицер индийской службы. Под влиянием идей Толстого он покинул армию и поселился в земледельческой колонии на юге Англии.

Ответ на письмо Син-Джона от 22 октября н. ст. 1894 г., в котором он рассказывал историю своего идейного переворота.

¹ О Джоне Кенворти см. письмо № 59.

6. В. Г. Черткову от 6? января.

7—9. С. А. Толстой от 7, 8 или 9, 12 января.

10. Л. Я. Гуревич.

1895 г. Января 14. Никольское-Горушки.

Посылая вам, дорогая Любовь Яковлевна, рассказ,¹ посылаю его через Н. Н. Страхова,² к[оторому] поручаю корректировать его и подписать к печати. Очень рад буду, если он поспеет к Февр[альской] книжке, но если нет — не взыщите.

Очень рад буду, если это послужит на пользу вашему журналу. Желаю и журналу всякого добра, но больше всего вам — человеку.

Л. Толстой.

После того как я просмотрю корректуры в Москве, непременно пришлите мне в Москву.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 121. По связи с письмом к Н. Н. Страхову от 14 января 1895 г. датируется тем же числом.

Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940) — издательница журнала «Северный вестник». См. т. 66, стр. 380—381.

¹ Только что оконченный рассказ «Хозяин и работник».

² См. письмо № 12.

* 11. Ионасу Стадлингу (Jonas Stadling).

1895 г. Января 14. Никольское-Горушки.

Dear Mr. Stadling,

I was very glad to have news from you and such good news: you are in London, you are well, are energetic as always and in relation with my friend and coworker Mr. Kenworthy. I was ashamed to read your description of our work in Riazan, but I knew it was due only to your friendship, and [I am] very glad of it.

My wife and daughters and my son Lioff send you their hearty greetings.

Yours truly

Дорогой господин Стадлинг,

Очень был рад получить от вас известия и притом такие хорошие: вы в Лондоне, здоровы, энергичны, как всегда, и поддерживаете отношения с моим другом и единомышленником Кенворти. Мне было совестно читать ваше описание нашей работы в Рязани, но я понимаю, что это объяснялось только вашим дружественным отношением к нам, и очень этому рад.

Моя жена и дочери и сын Лев шлют вам сердечные приветы.

Искренно ваш

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

Ионас Стадлинг (Jonas Stadling, 1847—1935) — шведский путешественник. В 1892 г. приезжал в Россию и был у Толстого в Бегичевке Давковского у. Рязанской губ. См. т. 84, стр. 129.

Ответ на письмо Стадлинга от 8 января и. ст. 1895 г., в котором он писал Толстому о своем докладе в Лондоне, на митинге рабочих, о работе Толстого на голоде и посылал ему вырезку из газеты «Daily chronicle» с отчетом об этом докладе.

12. Н. Н. Страхову.

1895 г. Января 14. Никольское-Горушки.

Вот, дорогой Николай Николаевич, к вам опять просьба, боюсь, что самая неприятная.

Письмо это вам перешлет или передаст очень милая девушка, баронесса Майндорф, ¹ с кот[орой] я провел несколько дней у Олсуфьевых, ² у кот[орых] я жил и живу еще теперь. Я ей передал рукопись рассказа для Сев[ерного] Вестн[ика]. ³ Редакторы так жадны, что я не хочу давать им прямо в руки. А то они напечатают, не прислав мне корректур и без необходимых поправок. Поэтому я позволил себе послать этот рассказ вам и через вас. Во-1-х, вы просмотрите его и скажите, можно ли его печатать. Не стыдно ли? Я так давно не писал ничего худож[ественного], что, право, не знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием, но что вышло, не знаю. Если вы скажете, что нехорошо, я несколько не обижусь. Вот это-то и может быть вам неприятно. Если же вы найдете годным рассказ, то уж, пожалуйста, вы подпишите корект[уру] к печати.

Благодарствуйте за ваши добрые письма.

Любящий вас Л. Толстой.

14 января.

Таня говорит, что из письма моего не видно, что я прошу прислать мне корректуры. Я очень прошу, непременно прошу прислать мне в Москву.

Впервые опубликовано в СТМ, стр. 185—186.

¹ Одна из дочерей Федора Егоровича и Марии Васильевны Мейендорф, рожд. Олсуфьевой, сестры А. В. Олсуфьева, у которого гостил в это время Толстой.

² Олсуфьевы Адам Васильевич (1833—1901) и жена его Анна Михайловна (1835—1899), владельцы имения Никольское-Горушки, были в дружеских отношениях с семьей Толстых.

³ «Хозяин и работник».

* 13. П. П. Кандидову.

1895 г. Января 16. Никольское-Горушки.

Получил ваше письмо, дорогой Пав[ел] Петр[ович], а вчера и ваше письмо Тане. Не унывайте, голубчик. Не думайте, если можете, о том, что о вас думают и толкуют. И пусть это не смущает вас и не нарушает вашу деятельность. «Претерпевый до конца спасен будет». Как часто это бывало со мной и бывает со всеми, что именно в тот момент, когда отчаиваешься изменить взгляд другого, смягчить его, именно в этот момент тот, кого я считаю непоколебимым, уже колеблется и вот, вот поймет меня и вместо врага станет братом. Я сказал: не изменяйте вашей деятельности, и хочу сказать, как я разумею вашу деятельность и в чем представляю себе ее. Я думаю, что деятельность ваша, несмотря на то, что она не зачислена ни в какое министерство и не имеет определенной формы, — есть деятельность самая важная в мире и единственно нужная деятельность, про которую говорил Христос, когда говорил: «пусть свет ваш светит перед людьми, чтобы они познавали (хвалили) отца вашего». Но надо, чтобы деятельность эта всегда светила, всегда была свет и не застилалась раздражением или унынием. А в чем она должна состоять, спросят люди? В том, чтобы, забывая о себе, о своей выгоде и своей славе (людской), всегда быть готовым служить богу, делая всегда то, что он хочет, т. е. 1) добро людям, добро и материальное, отдавая свой труд другим, и, главное, добро духовное, не скрывая перед людьми тот свет,

который есть в нас, и 2) стараясь с каждым днем и часом быть лучше и ближе к нему. «Будьте совершенны, как отец небесный».

Знаю, что это трудно, но знаю, что это одно радостно и всегда радостно, и знаю, что вы можете это, особенно первое. Постарайтесь же воспитать в себе и второе. Чего вам не достает (мы все более успеваем в одном, менее в другом) — так это мужества, христианского, смиренного мужества, при котором осуждения и незаслуженное недоброжелательство людей не ввергают в уныние, а только увеличивают силы для того, чтобы победить зло добром. Обнимаю и целую вас, как сердечно любимого дорогого друга. Мы с Таней у Олсуфьевых. Я писал глупости — рассказ. Теперь на днях едем в Москву. Пишите чаще.

Л. Т.

16-го янв[аря] 1895.

Печатается по копии с подлинника рукой Т. Л. Толстой.

Павел Петрович Кандидов (р. 1867) — в 1893 г. был учителем Андрея и Михаила, сыновей Толстого. В 1895 г. жил у матери в г. Елатье Тамбовской губ., занимаясь огородничеством.

Ответ на письмо Кандидова от начала января 1895 г.

* 14. Д. Р. Кудрявцеву.

1895 г. Января 16. Никольское-Горюшки.

Дорогой Дмит[рий] Рост[иславович],

Очень рад был получить ваше письмо, ¹ хотя содержащиеся в нем известия об отношении к вашему делу ² власти и «неутешительны», как определял не нравящиеся ему явления жизни Александр III. Я говорю, неутешительно отношение властей, но самое положение ваше, я думаю, вас не будет тяготить, и вы можете, — как тот мудрец, который, когда его изгнали из Афин, сказал: «вы приговариваете меня не быть в Афинах, а я приговариваю вас оставаться в них», — сказать, что и вы приговариваете жителей городов оставаться в них, а сами будете продолжать жить и работать в своем уединении. Досадно и обидно, что они отняли у вас бумаги и книги, но и тут, я думаю, если поискать, найдется возмездие.

Обыски и подписки о невыезде очень часто повторяются среди наших друзей последнее время. Так поступили с Попо-

вым, ³ Страховым, ⁴ Ивановым ⁵ (в Воронежской губ.), с Аলেখиным ⁶ и др. — Хорошо бы вашими устами мед пить и думать, что хоть не везешь, но участвуешь в везении воза. Этого только одного желаю, но то, что меня оставляют в покое, заставляет меня сомневаться в этом. Радостно мне последнее время очень то, что в Англии Кенворти ⁷ и его друзья, в Австрии — Будапеште — Eugen Schmitt и вообще все члены кружка Religion des Geistes ⁸ совершенно совпадают взглядами со мною и ведут там ту же работу, встречая тот же отпор, хотя и в других формах.

Прощайте пока, желаю душевного спокойствия и душевных радостей, таких, которые никакие жандармы отнять не могут и которые вы знаете.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по копии рукой Т. Л. Толстой. Дата копии.

Дмитрий Ростиславович Кудрявцев (ум. 1906) — помещик Николаевского уезда Херсонской губ., сочувствовавший тогда взглядам Толстого и занимавшийся воспроизведением на гектографе нелегальных произведений Толстого. См. т. 65, стр. 246.

¹ Письмо Кудрявцева неизвестно.

² В 1894 г. у Кудрявцева был жандармский обыск, и он был арестован, но затем до суда выпущен на поруки, причем с него была взята подписка о невыезде.

³ Евгений Иванович Попов. См. письмо № 94.

⁴ Федор Алексеевич Страхов (1861—1923). См. т. 50, стр. 261.

⁵ Николай Никитич Иванов (1867—1913). См. т. 85, стр. 334—335 и т. 58, стр. 608.

⁶ Митрофан Васильевич Аলেখин. См. письмо № 89.

⁷ Джон Кенворти. См. письмо № 59.

⁸ Эуген Генрих Шмит. «Religion des Geistes» («Религия духа») — кружок единомышленников Э. Г. Шмита, группировавшийся вокруг основанного им одноименного журнала. См. письмо № 24.

* 15. П. А. Сергеенко.

1895 г. Января 16—17. Никольское-Горюшки.

Письмо ваше очень тронуло меня, и я от всей души благодарю вас за всё то, что вы говорите мне в нем. Всё это слишком хорошо, и потому боишься верить этому — именно, верить тому, что оставляешь по себе след добра. Благодарю вас очень. Я всё надеялся вас увидать и поговорить с вами о биограф[ии]

Дрож[жина], ¹ в редактировании к[оторой] вы предложи[ли] свою помощь. Я был в деревне и на днях вернусь, тогда увидимся и поговорим.

Л. Толстой.

Радостно узнавать про влияние на других людей, п[отому] ч[то] только тогда несомненно убеждаешься, что огонь, к[оторый] есть в тебе, настоящий. Настоящий — если зажигает.

На конверте: Коломна Сергеенко.

Дата определяется почтовым штемпелем отправления на конверте: «ст. Подсолнечная 17 января 1895 г.».

Петр Алексеевич Сергеенко (1854—1930) — писатель, один из близких знакомых Толстого.

Ответ на письмо Сергеенко от 1 января 1895 г.

¹ Евдоким Никитич Дрожжин (1866—1894) — сельский учитель. В 1891 г. был отдан под суд за отказ от военной службы и умер в Воронежской тюрьме. Биография его была написана Е. И. Поповым. Сергеенко в редактировании ее участия не принимал.

16. Л. П. Никифорову.

1895 г. Января 18—19. Москва.

Получил ваше письмо, дорогой Лев Павлович, и очень хотел бы ответить вам на ваши вопросы, но так запустил переписку, что теперь не имею времени. В первом вашем вопросе, как вы его ставите, я совсем согласен. Хорошая жизнь есть необходимое условие познания истины. Но истина познается все-таки не хорошей жизнью, а любовью к истине. И пот[ому] чел[овек], не любящий истины, если может быть такой хороший чел[овек], как бы он ни был добр, не узнает истины. И точно так же чел[овек], не живущий добро, никогда не узнает истины, как бы он ни желал узнать ее, если может человек недобрый желать узнать истину.

Насчет 2-го — Рёскина ¹ правило: не употреб[лять] ничего фабричного, но оно не получило распростр[анения]. До следующего письма.

Любящий вас Л. Т.

Рёск[ина] пришлю. ²

На обороте: Льву Павловичу Никифорову.

Впервые опубликовано в «Ежемесячном журнале науки, литературы и общественной» 1914, № 1, стр. 89, с датой: «18 января 1895», подтвержденной почтовым штемпелем отправления: «Москва, 19/1, 1895».

Лев Павлович Никифоров (1848—1917) — переводчик, сотрудник «Посредника». См. т. 63, стр. 318—319.

Ответ на письмо Никифорова от 5 января 1895 г., в котором он обращался к Толстому с вопросом о связи между «доброй жизнью» и познанием истины.

¹ Джон Рёскин (1819—1900), английский писатель, критик идеалистического направления. Рёскин призывал к бойкоту фабричных изделий, предлагая вернуться к ручному труду. Многие мысли его находили отклик в Толстом. «С Рёскиным спорить трудно, — говорил он, — у него одного больше ума, чем у всего английского парламента» (А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», т. I, М. 1922, стр. 96).

² В письме своем Никифоров просил Толстого прислать ему книжки Рёскина и указать те статьи, которые «заслуживают перевода».

17. Н. Н. Страхову.

1895 г. Января 27—28. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень благодарю за присылку книги. ¹ Непременно прочту то, на что вы указываете, и, вероятно, перечту и все. Посылаю корректуры очень измаранные. Пожалуйста, не дайте напечатать в безобразном виде. ² Надо мне после вас пересмотреть еще раз. Я и пишу Гуревич, ³ чтобы мне прислали еще. Если вы будете добры просмотреть еще разик и поправить, что там неладно, то я очень буду благодарен. Мне не нравится этот рассказ. И в вашем отзыве я слышу неодобрение. Пожалуйста, напишите порезче всё, что вы скажете об этом рассказе, говоря не со мною. Мне интересно знать: ослабела ли моя способность, или нет. И если да, то это меня так же мало огорчит и удивит, как и то, что я не могу бегать так же, как 40 лет тому назад.

Ну, пока прощайте. Целую вас.

Л. Толстой.

Письмо это вам передаст мой хороший знакомый Зиновьев, брат губернатора. ⁴

Впервые опубликовано в СТМ, стр. 186—187. Дата определяется пометкой на автографе рукой Н. Н. Страхова: «Получ. 29 янв. 95 г.» и письмом Страхова от 25 января, на которое Толстой отвечает.

¹ «Философские очерки» Н. Н. Стрехова (СПб. 1895), о которых он в письме к Толстому от 25 января 1895 г. пишет: «Очень прошу Вас прочитать предисловие. Да, пожалуй, еще «Главную черту мышления».

² В письме речь идет о рассказе «Хозяин и работник», который в то время печатался в Петербурге в журнале «Северный вестник» (см. письма №№ 10 и 12).

³ Это письмо неизвестно.

⁴ Алексей Алексеевич Зиновьев, архитектор, кончил самоубийством в 1915 г., застигнутый войной в Германии; брат Николая Алексеевича Зиновьева, бывшего тульского губернатора.

На письмо Толстого с сомнениями относительно возможного с годами ослабления его творческих способностей Стрехов отвечает в своих последних трех письмах (от 29 января, 3 и 21 февраля), высказывая каждый раз, по мере чтения новых корректур рассказа, всё более восторженные отзывы о нем.

* 18. А. И. Чичаговой.

1895 г. Января 28 — февраля 1. Москва.

Пришлите рассказ, я скажу свое искреннее мнение.

Л. Толстой.

Печатается по листу 128 копировальной книги. Датируется на основании писем Чичаговой от 28 января 1895 г., на которое Толстой отвечает, и от 3 февраля, которое служит ответом на письмо Толстого.

Алиса Иосифовна Чичагова в письме от 28 января просила у Толстого разрешения прислать ему на отзыв написанный ею детский рассказ «Горькие дни Кати».

* 19. В. Н. Веселовской.

1895 г. Февраля 1. Москва.

Пишу только с тем, чтобы известить вас, что письмо ваше я получил и постараюсь, насколько смогу, ответить на ваши вопросы.

Л. Толстой.

1 фев.

Печатается по листу 129 копировальной книги.

В. Н. Веселовская — вдова врача в Казани; обратилась к Толстому с письмом от 10 января 1895 г., в котором просила совета, как ей воспитывать своего единственного сына, гимназиста 7-го класса.

* 20. Е. Н. Воробьеву.

1895 г. Февраля 1. Москва.

Дорогой Николай Ефимович,¹ рукопись вашу я прочел и, к сожалению, должен сказать, что она для печатания, по моему мнению, не годится. Всё то, что вы высказываете там, справедливо, но высказано это не так, чтобы оно могло подействовать на читателя так, как бы это было желательно. Та развращенность девушки, кот[орую] вы описываете, представляет исключительное явление; все же посторонние лица, кот[орые] являются у Нарзана² и кот[орых] вы описываете, ничем не связаны с рассказом и неинтересны. Потом самая форма рассказа в вагоне неестественна, ц[отому] ч[то] напоминает Крейц[ерову] сон[ату]. Да и вообще нет в этой повести ни чего-либо нового, ни литературного мастерства. — Мне очень жаль, что я должен дать вам неудовлетворительный ответ, так бы хотелось быть вам полезным, да что же делать.

Всё, что вы пишете мне о своей жизни и жизни наших общих знакомых, очень грустно с материальной стороны; но не скажу того же со стороны духовной и нравственной. Судя по мыслям, изложенным вами и в повести и в письме, кот[орое] вы прислали, видно, что в вас, не переставая, происходила духовная работа и работа небесплодная. А я думаю, что в этом всё и что, если мы только правильно, т. е. по закону бога, смотрим на жизнь, то жизнь практическая сложится так, как она должна сложиться, и всё будет хорошо. Надеюсь, что так будет у вас, и всей душой желаю этого.

Письмо я перешлю, как вы хотели. Я буду очень рад, если вы напишете мне и вообще будете извещать о том, как сложится ваша жизнь.

Любящий вас Лев Толстой.

1 февраля.

Что делать с рукописью?

Печатается по листам 130 и 131 копировальной книги. Год определяется на основании письма адресата.

В письме от 24 января 1895 г., прилагая свою рукопись (о ней см. выше, в письме № 4), Воробьев писал о своей жизни в земледельческой общине и о возникших у него сомнениях в целесообразности такого устройства жизни.

¹ Пужно: Ефим Николаевич.

² Минеральный источник Нарзан на Кавказе — место действия в повести Воробьева.

21. Арвиду Эрнефельту (Arvid Järnefelt).

1895 г. Февраля 1. Москва.

Письмо, полученное от вас, доставило мне большую радость. Я получил и ваши книги и благодарю вас за них, но, к сожалению, не мог прочесть их, о чем истинно сожалею, так как, судя по той главе, кот[орую] вы перевели, и по названию глав, книга ваша должна быть не только интересна, но и очень значительна.

В России, я думаю, что книга эта не будет допущена цензурой,¹ но если бы мы имели перевод ее, мы бы поместили его в издающемся у нас рукописном журнале.²

Желаю вам непрерывающего движения вперед на том пути, на который вы вступили. Желаю этого вам, п[отому] ч[то] радость жизни на пути Христовом приобретает только неустанным движением вперед, стремлением к бесконечному совершенствованию и вследствие того всё большим и большим осуществлением в этой жизни учения Христа, т. е. установлением царства бога.

Очень рад общению с вами и буду еще более рад, если буду в состоянии чем-нибудь служить вам.

Любящий вас Лев Толстой.

1/13 февраля 1895.

На конверте: Финляндия. г. Гельсингфорс. Арвиду Эрнефельту.

Впервые опубликовано в книге: А. Эрнефельт, «Мое пробуждение», М, 1921, стр. XVIII.

Арвид Эрнефельт (Arvid Järnefelt, 1861 — 1933) — финский писатель, брат художника Эро Эрнефельта, разделявший взгляды Толстого. Знакомство Эрнефельта с Толстым началось с 1891 г. У Толстого Эрнефельт был в 1899 и 1910 гг., в переписке состоял с 1895 по 1910 г. Эрнефельт

перевел на финский язык сочинения Л. Н. Толстого: «Воскресение», «Посмертные художественные произведения» и ряд статей.

Ответ на первое письмо Эрнефельта от 2 февраля н. ст. 1895 г., одновременно с которым он послал Толстому свою книгу «Мое пробуждение» (на финском и шведском языках) с переводом на русский язык 15-й главы этой книги: «Почему я не вступил в должность судьи».

¹ В письме своем Эрнефельт предлагал перевести всю свою книгу, если она покажется Толстому интересной, для издания ее в России.

² Машинописный журнал «Архив Льва Николаевича Толстого».

22. Г. А. Русанову.

1895 г. Февраля 1—2. Москва.

Простите, дорогой друг Гаврило Андреевич, что пишу несколько слов. Всё больше дела и всё меньше сил. Утешение в том, что дело всё как будто содержательнее и важнее с годами и с приближением к перемещению на другое дело. — Радуют особенно загорающиеся в разных местах Европы центры священного огня, к[оторый] Христос свел на землю. У меня теперь истинных друзей, единомышленников и соратников несколько в Англии, в Штутгарте некто Грунский, ¹ в Будапеште целый кружок людей, принадлежащих к «религии духа», из к[оторых] я общаюсь с Eugen Schmitt, в Дании Лахман ² написал чудесную книгу о христианстве в жизни, и на днях получил из Финляндии письмо и книги от Арвида Эрневельда, к[оторый] весь горит огнем христианского учения и проповедует в Финляндии и Швеции. Я согрешил рассказом, к[оторый] послал в С[еверный] В[естник]; пишу: согрешил, п[отому] ч[то] совестно тратить на это время. Целую вас и дорогую Антонину Алексеевну. ³

Ваш Лев Толстой.

На конверте: Воронеж. Воскресенская ул., д. Устиновской. Гавриилу Андреевичу Русанову.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы» 1915, кн. 3, стр. 27. Датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Москва, 2 февр. 1895».

Гавриил Андреевич Русанов (1846—1907) — один из друзей Толстого, жил в Воронежской губернии.

¹ Карл Грунский — издатель журнала «Neues Leben» («Новая жизнь») в Штутгарте. См. письмо № 49.

² Карл Лахман — датский писатель. О нем и о присланной им книге см. т. 67.

³ Антонина Алексеевна Русанова (1855—1905), жена Г. А. Русанова.

* 23. Г. Фасту.

1895 г. Февраля 1. Москва.

Очень благодарю вас, любезный г-н Фаст, что известили меня о себе так подробно и написали мне дружеское письмо. Жизнь ваша, если и не складывается так, как вы того желали, складывается все-таки очень хорошо. Только бы что-нибудь не помешало вам, а то влияние, которое вы можете иметь на деревенских детей, обучая их, может быть настоящим служением богу. Мне бог не привел устроить свою жизнь так, как бы я хотел, т. е. живя на земле и кормясь своим трудом, но мне всегда представлялось, что если бы я мог устроить так свою жизнь, то я поселился бы один, или с семьей, но без товарищей, в деревне и жил бы в экономическом отношении совершенно так же, как мои односельцы, вознаграждая свою непривычку работать и слабость большей, чем большинство людей, воздержанностью в жизни и каким-нибудь полезным людям промыслом, вроде того обучения, которым вы занимаетесь. Но, видно, так вам не пришлось, или вы не нашли нужным устроиться. Во всяком случае полагаю, что если только цель вашей жизни заключается, как я и уверен о вас, не в служении себе, а в служении богу, то всё будет хорошо.

Дружески жму вам руку и прошу передать мой привет вашим товарищам и семье.

Любящий вас Л. Толстой.

. 1 февраля.

Печатается по листам 120 и 121 копировальной книги. Год определяется письмом адресата.

Герман Фаст — сектант-баптист, сопровождавший квакеров Беллоуза и Нива во время их поездки по России в 1892—1893 гг. и вместе с ними посетивший Толстого в Москве.

Ответ на письмо Фаста от 13 января 1895 г., в котором он описывал трудности первоначального поселения на земле в условиях общинной жизни.

24. Эугену Генриху Шмиту (Eugen Heinrich Schmitt).

1895 г. Февраля 1. Москва.

Lieber Freund,

Ich habe ihren Brief erhalten und habe mich herzlich gefreut über die Nachrichten, die Sie mir in demselben geben. Ihr Werk, unser Werk, das heisst Gottes Werk, macht bei ihnen Fortschritte. Dasselbe kann ich sagen nicht nur von Russland, aber auch von England (J. Kennworthy, Morrison¹), Danemark (Lachman), Schweden und Finland (Ernefeld). Ich danke Sie herzlich für ihre beiden Broschüren, die mir sehr gefallen haben, vorzüglich «Die Jagd», und besonders der Process, welcher daraus entstanden ist. Vom Catechismus der Religion des Geistes kann ich nicht dasselbe sagen. Obgleich ich in keinem einzelnen Punkte nicht uneinverstanden bin, doch hätte ich im Ganzen mehr Tiefe und, in Folge dessen, mehr Einheit gewünscht. Doch danke ich Sie herzlich nicht nur für die Sendung, aber auch für das Werk. Es wird manchen Leuten helfen eine neue und mehr rationale und erhabene Weltanschauung zu bilden. Beide Broschüren werden ins Russische übersetzt und werden in unserem Journal, der nicht gedruckt, aber geschrieben bei uns erscheint.

Die Zeitschrift habe ich leider bis jetzt nicht erhalten. Sie muss bei der Zensur stecken geblieben. Wenn es ihnen möglich ist, schicken Sie mir die Zeitschrift und alle andere Sachen, die Sie mir schicken wollen, an Herrn Professor Grott² bei der Moskauer Universität.

Übergeben Sie, ich bitte, den Ausdruck meiner Dankbarkeit und meiner Liebe allen unseren Freunden und Glaubensgenossen.

Ich habe einen kleinen Artikel, eigentlich einen Brief, über das Verhältniss zwischen Glaube und Vernunft,³ dass ich, wenn Sie es wünschen, ihnen schicken kann. Sagen Sie nur, ob Sie einen guten Übersetzer vom Russischen vorhanden haben, oder ich ihnen den Artikel im Deutschen zusenden soll.

Ihr Freund Leo Tolstoy.

1895 1/13 Februar.

Любезный друг,

Я получил ваше письмо и был сердечно обрадован сведениями, которые вы мне в нем сообщаете. Ваше дело, наше дело, т. е. божье дело, у вас

делает успехи. То же самое могу сказать не только о России, но и об Англии (Дж. Кенворти, Моррисон ¹), Дании (Ляхман), Швеции и Финляндии (Ернефельт). Сердечно благодарю вас за обе ваши брошюры, которые мне очень понравились, главным образом «Охота», и особенно тот процесс, который она вызвала. О «Катехизисе религии духа» не могу того же сказать. Хотя в нем нет ни одного пункта, с которым бы я был несогласен, но я желал бы в целом больше глубины и, в связи с этим, больше единства. Но все-таки сердечно благодарю вас не только за присылку, но и за самое сочинение. Оно многим поможет создать себе новое и притом более правильное и возвышенное мировоззрение. Обе брошюры будут переведены на русский язык и [появятся] в нашем журнале, который выходит у нас не в печатном, а в рукописном виде.

Журнала я, к сожалению, до сих пор не получил. Он, должно быть, застрял в цензуре. Если возможно, присылайте мне журнал и всё остальное, что вы захотите мне послать, на имя профессора Московского университета Грота. ²

Передайте, пожалуйста, выражение моей благодарности и моей любви всем нашим друзьям и единомышленникам по вере.

У меня есть небольшая статья, собственно, письмо, об отношении между верой и разумом, ³ которое, если вы пожелаете, я могу вам послать. Скажите только, есть ли у вас хороший переводчик с русского, или же послать вам статью на немецком языке?

Ваш друг Лев Толстой.

1895. 1/13 февраля.

Печатается по листам 115 и 116 копировальной книги. Впервые опубликовано в книге «Die Rettung wird kommen... 30 unveröffentliche Briefe von Leo Tolstoi an Eugen Heinrich Schmitt. Zusammengestellt von Ernst Keuschel», Hamburg, 1926, стр. 28—29 («Спасение придет... 30 неопубликованных писем Льва Толстого к Э. Г. Шмиту, собранных Эрнстом Кейхелем»).

Эуген Генрих Шмит (1851—1916) — австрийский писатель, анархист, во многом разделявший взгляды Толстого, издатель журнала «Религия духа». См. т. 52, стр. 363.

Ответ на письмо Шмита от 27 декабря н. ст. 1894 г., в котором он, посылая свои две брошюры «Катехизис религии духа» и «Охота», сообщает о судебном процессе, возбужденном в Берлине против его издателя Хейдемана по поводу этой второй статьи, в которой власти усмотрела «оскорбление величества».

¹ О Моррисоне Давидсоне см. письмо к нему № 158.

² Николай Яковлевич Грот (1852—1899), профессор философии Московского университета, идеалист, редактор журнала «Вопросы философии и психологии». См. т. 64, стр. 31.

³ Письмо к А. Г. Розен (см. т. 67), напечатанное отдельным изданием М. К. Элпидиным в Женеве в 1895 г. под заглавием «Письмо Л. Н. Толстого о разуме и религии».

25. В. Г. Черткову от 2 февраля.

* 26. В. П. Потемкину.

1895 г. Февраля 2—3? Москва.

Рад буду видеть вас, когда хотите, от 6 и до 8 часов вечера.
Л. Толстой.

Печатается по листу 129 копировальной книги. Датируется на основании письма Потемкина от 1 февраля, на которое Толстой отвечает.

Владимир Петрович Потемкин (1877—1946). В 1895 г. был студентом историко-филологического факультета Московского университета. Принимал деятельное участие в революционном движении. В 1932—1934 гг. — посол Советского правительства в Италии, в 1934—1937 гг. посол во Франции, в 1940—1946 гг. — народный комиссар просвещения РСФСР. 1 февраля 1895 г. В. П. Потемкин обратился к Толстому с письмом, в котором просил разрешения лично зайти к нему, чтобы подробнее рассказать о случае из медицинской практики его отца, врача в Твери.

27. Л. Я. Гуревич.

1895 г. Февраля 9. Москва.

Любовь Яковлевна,

Причины мои личные, до вас не касающиеся, делают невозможным печатание моего рассказа. Вполне понимаю то тяжелое положение, в кот[орое] вас ставит мой недобросовестный поступок, и прошу вас простить меня за него.

Верьте, что если я поступаю так, то только потому, что не могу поступить иначе.

Лев Толстой.

9 февраля 1895 г.

На обороте: Петербург, Редакция Северного Вестника.
Любовь Яковлевне Гуревич.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 122. В дате года «1894» цифра «4» жирно исправлена другой рукой на «5 г.» и вслед за тем рукой С. А. Толстой написано: «Не послано и написано по случ[аю] Хозяина и Работника».

Причиной, вызвавшей написание этого письма, был протест С. А. Толстой против печатания рассказа «Хозяин и работник» в журнале «Северный вестник», издававшемся Л. Я. Гуревич; об этом подробно рассказано в «Дневниках С. А. Толстой» (2, М. 1929, стр. 104—109). См. также ниже, письмо № 31.

28. Д. П. Маковицкому.

1895 г. Февраля 10. Москва.

Получил вчера ваше письмо, дорогой Душан Петрович, и очень был тронут и поражен сообщаемым вами известием о поступке нашего общего друга Шкарвана.¹ Когда я узнаю про такого рода поступки, то испытываю всегда очень сильное смешанное чувство страха, торжества, сострадания и радости. Во всех такого рода делах непременно одно из двух: или это есть проявление всемогущего бога в человеке — и тогда это торжество и радость и несомненная победа, хотя бы и сторел тот человек, в кот[ором] проявился бог, или дело человеческого личного побуждения — славолобия, раздражения, страсти — и тогда это проявление только служит источником страдания для того, кто проявляет его, и не только не служит, но только вредит делу божьему. Признак же того, что это дело божье, а не человеческое, есть то, что, совершая его, человек делает не то, что ему хочется, а то, чего он *не может не делать*. Надеюсь и верю, что наш дорогой Шкарван поступил так, как он поступил, п[отому], ч[то] не мог поступить иначе, и тогда это дело божие творится через него и, что бы с ним ни делали, он не будет страдать, а будет радоваться вместе с нами. —

Пишите, пожалуйста, о нем всё, что знаете. Не можем ли мы чем служить ему? Передайте ему мою любовь.

Обе брошюры получил. Брошюра обо мне² не хороша. Автор приписывает ложное значение художеству, ставит его выше всего и потому совершенно не понимает того, в чем состоит религия вообще и христианство в частности.

Также поразила меня брошюра о Назаренах.³ Видно, среди вашего духовенства та же ужасная недобросовестность и выставление человеческих государственных интересов впереди божеских. Поразителен страх духовенства перед истиной, часть кот[орой] проявилась в учении Назаренов, и сознание своего бессилия. Гнать нельзя — совестно, надо быть либеральным, а толкование учения только обличает правду Назаренов и ложь церковей. Что же делать? Надо влиять. Они это и делают, стараясь хоть на время, на свою жизнь, отстоять свое поло-

жение. Благодарю вас за письмо и присылку. Пожалуйста, пишите.

Любящий вас

Лев Толстой.

10 февраля 1894⁴ г.

Учение же Назаренов я понял еще яснее, чем прежде, и продолжаю считать это явление очень важным и считать то, что общение с ними интеллигентов будет иметь огромное значение.

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в рукописном отделении Национального музея в Праге. Впервые опубликовано в ПТС, II, № 424, стр. 159—160.

Душан Петрович Маковицкий (1866—1921) — словак, последователь учения Толстого и его близкий друг, с 1904 по 1910 г. личный врач Толстого.

Ответ на письмо Маковицкого от 16 февраля н. ст. 1895 г., в котором он сообщал об отказе Шкарвана от продолжения военной службы.

¹ Об Альберте Шкарване см. письмо № 225.

² Одновременно с письмом Маковицкий прислал Толстому статью словацкого писателя Светозара Гурбан-Ваянского «Лев Толстой как художник и мудрец» (отдельный оттиск из «Славянского обозрения» 1892, кн. II и IV).

³ Имеется в виду статья венгерского протестантского пастора Себереньи (L. S. Szeberenyi) «Die Secte der Nazarenen in Ungarn» («Секта назаренов в Венгрии»). Назарены — христианская секта, последователи которой признавали обязательным для себя только учение Христа, как оно изложено в Нагорной проповеди, отвергали государство, суд и отказывались от присяги и военной службы. О них см. книгу В. Ольховского [В. Д. Бонч-Бруевича] «Назарены в Венгрия и Сербии», изд. «Посредник», М. 1905.

⁴ Описка, вместо: 1895.

29. М. В. Алахину.

1895 г. Февраля 14. Москва.

Сейчас прочел, дорогой друг Мит[рофан] Вас[ильевич], ваше письмо к Вер[е] Вел[ичкиной].¹ Ваша записка о присяге прекрасна, я бы прибавил только в конце: *но клясться или обещаться ему в особенных, исключительных чувствах считаю не только ненужным, но и противоположным учению Христа.* Письмо ваше получил и, вероятно, уже ответил.² Подкрепи

вас бог. Знаете ли вы про докт[ора] Шкарвана в Австрии, кот[орый], будучи военным врачом, отказался продолжать свою службу и посажен в сумасшедший дом.

Пока прощайте.

Любящий вас Л. Толстой.

На обороте: Кавказ. Нальчик. Митрофану Васильевичу Алехину.

Впервые опубликовано в «Известиях общества Толстовского музея» 1911, 1, стр. 15. Датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Москва, 18—14/II — 95».

Митрофан Васильевич Алехин (1857—1935) — художник-пейзажист, был последователем Толстого. В 1895 г. жил возле г. Нальчика, занимаясь человодством и огородничеством. См. о нем в т. 64, стр. 339.

¹ Вера Михайловна Величкина (1868—1918) — врач-общественник, член коммунистической партии, была членом коллегии Наркомздрава РСФСР, с 1900 г. жена В. Д. Бонч-Бруевича. См. т. 72, стр. 208—209.

² Последнее известное письмо Толстого к М. В. Алехину было от 11 декабря 1894 г. (см. в т. 67).

30. А. Л. Флексеру (Вольнскому).

1895 г. Февраля 14. Я. П.

Посылаю вам, Аким Львович, исправленную корректуру,¹ извините, что так много перемарал. Пожалуйста, пришлите мне еще раз и, лучше всего, в сверстанном виде. Мне нужно теперь исправить только вкравшиеся неточности и стилистические ошибки. Но и это очень нужно, и потому очень прошу поскорее прислать.

С совершенным уважением

Лев Толстой.

14 февр[аля] 1895.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 166.

Акиму Львовичу Флексеру (1863—1926) — реакционный журналист, литературный критик идеалистического направления, писал под псевдонимом «А. Вольнский», член редакции журнала «Северный вестник».

¹ Рассказа «Хозяин и работник».

1895 г. Февраля 14. Москва.

14 ф. 1895.

Дорогой Николай Николаевич!

Очень, очень вам благодарен за труд ваш чтения двукратного корректур¹ и больше не смею утруждать вас. Нынче я послал корректуры, исправленные, прямо в редакцию. Вашу книгу² получил и очень благодарю, не из одной учтивости. Предисловие я прочел — буду хранить вашу книгу не потому, что долг платежом красен, а п[отому] ч[то] приятно сказать то хорошее, что думал о вашем писани; — прочел и статью о Клод Бернаре,³ пробежал о Феембахе и начал обстоятельно сначала и прочел до половины о Гегеле. Читаю не по дружбе к вам, а п[отому] ч[то] всё мне чрезвычайно интересно, и, как начну, то тянет продолжать. В предисловии мне очень понравилось определение материализма и эмпиризма — ново и вместе с тем просто и ясно.⁴ Тоже понравилось начало о Гегеле, не знаю, что будет дальше. О Клоде Бернаре я знал более или менее главную мысль, но то, что вы говорите на стр[анице] 143, показалось мне не совсем ясно.⁵

Вообще же мне кажется, что эта книга одна из лучших и интереснейших ваших книг. До свидания, дружески обнимаю вас.

Любящий вас Л. Т.

То, что пишу на этом листе, оторвите и сожгите. А именно, вот что: рассказ мой наделал мне много горя. Соф[ье] Андр[еевне] было очень неприятно, что я отдал даром в Сев[ерный] Вестн[ик], и к этому присоединился почти безумный припадок (не имеющий никакого подобия основания) ревности к Гуревич. Совпало это с женскими делами, и мы все пережили ужасные дни.⁶ Она была близка к самоубийству, и только теперь 2-й день она опять овладела собой и опомнилась. Вследствие этого она напечатала объявление, что рассказ выйдет в ее издании⁷ и вследствие этого писала вам,⁸ спрашивая о размере гонорара за лист. Она хотела потребовать с Гур[евич] гонорар и отдать его в литерат[урный] фонд.

Пишу вам, как старому другу, чтобы объяснить свое положение, и с просьбой замолвить где-нибудь словечко объяснения тому, что рассказ печатается одновременно в ее издании и

Посреднике. Я считаю, что это справедливо и таким образом уничтожает исключительность бесплатного пользования рассказом Сев[ерным] вестником. Если будете писать мне об этом, то пишите так, чтобы не видно было, что я писал вам об этом.

Ответ на письмо Страхова от 3 февраля.

¹ Страхов держал две корректуры рассказа «Хозяин и работник».

² «Философские очерки» Страхова, вышедшие в 1895 г. в Петербурге.

³ Клод Бернар (Claude Bernard, 1813—1879), французский физиолог.

⁴ Определение материализма и эмпиризма на стр. VIII—IX «Философских очерков».

⁵ В ответном письме от 21 февраля Страхов соглашался, что это место («о несуществовании материи, как субстрата, как субстанции») неясно, но оправдывается тем, что «оно яснее, чем у Бернара».

⁶ Об инциденте по поводу рассказа «Хозяин и работник» см. в «Дневниках С. А. Толстой», 2, М. 1929, запись от 21 февраля, стр. 107—109 и в Дневнике Л. Н. Толстого — записи от 7 и 15 февраля 1895 г., т. 53, стр. 4 и 7.

⁷ То есть в т. 14 «Сочинений», подготовлявшемся С. А. Толстой в это время.

⁸ С. А. Толстая писала Страхову 12 февраля 1895 г.: «Многоуважаемый Николай Николаевич! Будьте так добры, исполните мою неделикатную просьбу, поскорее, если здоровы. Спросите ред. «Вестника Европы», сколько заплатили бы они за печатный лист сочинения беллетристического Льва Николаевича? Он на днях говорил, что есть какая-то неловкость в том, что он награждает даром одну редакцию в ущерб другим, и хотел бы взять деньги из Северного вестника, чтобы передать, например, в литературный фонд, или женские курсы, или еще куда».

* 32. Е. Н. Воробьеву.

1895 г. Февраля 14—16? Москва.

Вы совершенно правы, что описание правдивое жизни человека и всех его грехов очень полезно, и потому я не скажу вам, что описание вашей жизни и всех тех соблазнов, через кот[орые] вы прошли, — мне кажется, что вы были особенно несчастливы в этом отношении, — не было бы полезно и поучительно людям, но думаю, что для того, чтобы это описание принесло свою пользу, нужно, чтобы оно было написано хорошо, т. е. ярко, подробно, последовательно и все связано одной идеей. А такое описание не дается сразу, а большим и упорным трудом. Пока прощайте. Желаю вам всего хорошего.

Л. Толстой.

Печатается по листу 140 копировальной книги. Согласно дате письма адресата, на которое Толстой отвечает, и места письма в копировальной книге перед письмом к Колбасину с датой 16 февраля, датируем его предположительно 14—16 февраля 1895 г.

Ответ на письмо Воробьева от 7 февраля, в котором он высказывал намерение приступить к писанию своей исповеди.

33. М. А. Шмидт.

1895 г. Февраля 14—16? Москва.

Дорогая Марья Александровна,

Простите, что не скоро ответил вам. По делу Зябровой¹ я решительно не знаю, кто из них прав по закону. По совести мне кажется, что той следовало поделить и 500 р. Но как это выходит по закону, не знаю. Пусть она сходит к Давыдову² от моего имени, он ей скажет. Хотел бы радоваться, что вы оправились, да боюсь, как бы вы опять не заболели. Когда мне грустно, вспоминаю о вас и о вашей хорошей жизни и радуюсь. Девочки обе простужены, но не нездоровы ни духом, ни плотью. Мне хорошо. Целую вас.

Л. Толстой.

Печатается по листу 141 копировальной книги. Впервые опубликовано в книге Е. Е. Горбуновой-Посадовой: «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт», изд. Толстовского музея, М. 1929, стр. 66, с датой «В декабре 1894 г.». Датируется предположительно 14—16 февраля 1895 г. на тех же основаниях, как и письмо Воробьеву.

Мария Александровна Шмидт (1843—1911) — последовательница Толстого и его личный друг. См. т. 64, стр. 55.

Ответ на письмо Шмидт от 3 февраля 1895 г.

¹ Дело о дележе наследства между яснополянскими крестьянами Пелагеей Матвеевой и Анной Никифоровной Зябровой с Пелагеей Зябровой.

² Николай Васильевич Давыдов, председатель Тульского окружного суда.

* 34. Д. Я. Колбасину.

1895 г. Февраля 16. Москва.

Очень рад был получить от вас известие, дорогой Дмитрий Яковлевич, и рад бы был всей душой сделать вам приятное, но во-1-х, известие о баснословной цене, кот[орую] мне

предлагали, — неверно, а во-2-х, и главное, то, что, раз отказавшись от гонорара и всяких денежных дел и отношений, я никак не могу изменить своему решению. Надеюсь, что вы не посетуете на меня и удержите ко мне то ваше хорошее расположение, кот[орым] я всегда дорожил и дорожу.

Ваш старый приятель

Лев Толстой.

16 фев[раля] 1895.

Печатается по листу 142 копировальной книги.

Дмитрий Яковлевич Колбасин — брат писателя Елисея Яковлевича Колбасина, был близок к кругу журнала «Современник», знакомый Толстого с 1850-х гг. См. т. 47, прим. 678.

Ответ на письмо Колбасина от 5 февраля 1895 г. Оказавшись после смерти брата в трудном материальном положении, Колбасин обратился к Толстому со следующей просьбой: «Прочтя в газетах о предложениях вам американского журналиста, решаюсь убедительно просить вас, Лев Николаевич, сделать в мою пользу исключение: продать американцу листа два сочинений ваших и гонорар за оные пожертвовать мне, что даст мне возможность выкупить именные и под конец сложить старые кости на родном погосте, благословляя имя ваше».

35. М. А. Миловидову.

1895 г. Февраля 16. Москва.

Очень сожалею, что не могу исполнить вашего желания — выслать вам мои книги: их у меня нет, и достать их трудно. Самое удобное средство добыть их — выписать при случае из-за границы: из Берлина библиографического бюро¹ или из Женевы от Элпидина.² Ответа на вопрос вашего знакомого о том, на что полезное отдать деньги? не могу дать другого ответа, как тот, который дал Христос богатому юноше, именно: отдать деньги нищим, т. е. кому попало, тем, кто просит, только с тою целью, избавиться от них. На вопрос этот мне не раз приходилось отвечать, и я всеми силами души старался найти ответ и не нашел другого. Вчера еще целый вечер я провел с богатой женщиной, обратившейся ко мне с тем же вопросом, и мы ничего не нашли, кроме издания в Европе международного издания³ на 4-х языках, которое проводило⁴ бы идеи всемирного братства народов и сословий, т. е. уничтожения государственной

обособленности и капиталистического и землевладельческого строя жизни. Попытаться можно, но едва ли и на такое предприятие нужны деньги. —

На второй ваш вопрос, о воспитании детей, могу ответить очень определенно. Общественное воспитание, как оно ведется у нас, прямо направлено и очень искусно организовано для нравственного извращения детей. И потому я считаю, что следует принести все возможные жертвы для того только, чтобы не подвергать детей этому извращению. Но при теперешнем устройстве школ даже и жертв не приходится приносить больших, так как преподавание в училищах ведется так плохо, что дома образованные родители могут сообщить в более короткое время более знаний. Всё это я говорю в том случае, если оба родителя согласны.

Желаю вам всего хорошего.

Лев Толстой.

16 февраля 1895 г.

Впервые опубликовано в газете «Русское слово» 1911, № 235 от 13 октября.

Михаил Александрович Миловидов (р. 1860) — бывший домашний учитель в семье приятеля Л. Н. Толстого И. И. Раевского. Познакомившись с идеями Толстого, он хотел следовать им и посвятить себя трудовой жизни крестьянина, о чем советовался с Толстым в своем письме от 2 августа 1886 г.

Ответ на письмо Миловидова от 5 февраля 1895 г., в котором он просил Толстого прислать ему «Царство божие внутри вас» и другие свои книги, а затем обращался с двумя вопросами: от имени своего знакомого купца Н. И. Токарева о полезном употреблении денег и от себя — о воспитании детей.

¹ «Библиографическое бюро» — см. письмо № 71.

² Михаил Константинович Эллидин (1835—1908) — политический эмигрант, живший в Женеве. В 1861 г. был уволен из Казанского университета за участие в революционном движении. В 1865 г. бежал из Казанской тюрьмы, после вынесения судебного приговора по делу о «казанском заговоре». В Женеве основал русскую типографию и книгоиздательство. Эллидиным было напечатано на русском языке большинство запрещенных в России произведений Толстого.

³ О проекте международного издательства см. письмо № 59.

⁴ В рукописи: «который проводил бы»

36. В. Г. Черткову от 17 февраля.

37. Н. Т. Изюмченко.

1895 г. Февраля 19. Москва.

Дорогой друг Николай.

Я прочел ваше последнее письмо к Е[вгению] И[вановичу],¹ в котором вы пишете, как дороги заключенным всякие вести, приходящие с воли, и я живо почувствовал это, и мне стало совестно, что я давно уже не написал вам. А писать мне вам хочется не только потому, что вам приятны могут быть мои письма, но и п[отому] ч[то] хочется сказать вам, как я вас помню и люблю и какое, думая о вас, испытываю смешанное чувство — жалости, страха, и радости, и торжества. Люди думают, что, засадив вас за решетку и стены,² они отделили вас от других людей, а напротив, они этим самым только теснее соединили вас с самыми близкими вам людьми. Еще поразило меня в вашем письме то, что между вами, сидящими вместе заключенными, страдающими от одной и той же власти, нет единения, а напротив, разногласие: одни хотят вас обращать в католицизм, другие в революционерство (как я понял). А казалось бы, как легко и естественно было бы всем быть согласными.

Все не могут не признавать того, что все произошло и находится в зависимости от одного и того же начала, которое Христос называет отцом, и что смысл нашей жизни в том, чтобы исполнять его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дело, для которого она дана нам. Дело же это, мы тоже все несомненно знаем, состоит в том, чтобы с каждым днем и часом этой жизни становиться самому бодрее, т. е. самоотверженнее, любовнее, и участвовать в том, чтобы сделать этот мир лучше хоть на крупинку, чем он был, когда мы вступили в жизнь. Самим сделаться лучше и мир сделать лучшим; в том, что в этом задача жизни человека, в этом, я думаю, все согласны. Всё же другое, если в этом согласиться, можно уступить или, по крайней мере, просить позволения не высказывать никакого мнения — ни о троице, ни о революции, ни о папе, ни о Марксе и т. п. Я, мол, от вас не требую никакой веры ни во что, кроме как в то, что нам надо стараться делаться лучше и мир делать лучше, и вы тоже не требуйте от меня веры в разные ваши кумиры.

Из письма вашего узнал тоже, что вы едите мясо. Очень советую вам для вашего здоровья в тюрьме, без движенья, не есть мясного. Я знал одного Декабриста, кот[орый] во время заключения отказался от мяса и вышел 70 лет поразительно свежим и здоровым.³ Главное же, советую, если это не трудно в вашем положении, сделать это, п[отому] ч[то] нравственно это должно. Прощайте пока.

Любящий вас Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии. Оригинал письма, повидимому, погиб при обыске в тюрьме, как об этом можно заключить из письма Н. Т. Изюмченко к Е. И. Попову от 1 сентября 1895 г. Отрывок опубликован в «Бюллетене О-ва изучения края при Музее тобольского севера» (1928, № 3-4), в статье М. К. Копотилова «Л. Н. Толстой и духовборь», и, полностью — в «Летописях», 2, стр. 184—185.

Николай Трофимович Изюмченко (1867—1927) — крестьянин села Обуховки Курской губ., отбывавший наказание за отказ от военной службы. См. т. 87, стр. 257.

¹ Письмо Изюмченко к Е. И. Попову не сохранилось.

² В это время Изюмченко, привезенный в конце 1894 г. из Воронежского дисциплинарного батальона, был заключен в Пугачевскую башню Бутырской пересыльной тюрьмы и вместе с партией политических заключенных предназначался к отправки этапом в Сибирь.

³ Утверждение Толстого может относиться только к декабристу Гавриилу Степановичу Батенкову (1793—1863). Будучи приговорен к двадцати годам каторги, он, вместо отбывания наказания в Сибири, был заключен в Петропавловскую крепость, в одиночную камеру Алексеевского равелина, где в полном одиночестве просидел двадцать лет. По его желанию, ему давали вегетарианскую пищу. Хотя употребленный Толстым оборот: «Я знал одного Декабриста» и говорит как будто о личном знакомстве, однако никаких других данных, подтверждающих факт личного общения его с Батенковым, до сих пор установить не удалось.

38. А. Л. Флексеру (Вольнскому).

1895 г. Февраля 18—21. Москва.

Уважаемый Аким Львович, посылаю вам корректуры. Мне больше смотреть их не нужно, но желательно, чтобы внесенные поправки не были перевернуты. Извините за беспокойство. Надеюсь, что я не задержал вас. Влад[имир] Григ[орьевич] Чертков (Гавань 79, Боль[шой] пр[оспект]) просил меня доставить ему пораньше экземпляр этого рассказа для перевода на

английский язык.¹ Если вам не в труд, пошлите ему. Очень обяжете меня. Желаю вам всего лучшего.

Лев Толстой.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 166. Датируется на основании записи в Дневнике от 21 февраля: «Эти 5 дней... поправлял Хозяина и работника», так как посланные 14 февраля (см. письмо № 30) корректуры могли вернуться в исправленном виде не раньше 18 февраля.

¹ Английский перевод «Хозяина и работника» был сделан С. Рапопортом совместно с Кенворти и вышел в Лондоне, в изд-ве Уолтера Скотта, в 1895 г. под заглавием «Master and man. A Story».

39. В. Г. Черткову от 24 февраля.

40. А. Л. Флексеру (Волынскому).

1895 г. Февраля 25. Москва.

Всё это совершенно верно, уважаемый Аким Львович, и я надеюсь, что вы поймете и одобрите меня. Писал вам не я сам, а Пав[ел] Ив[анович], п[отому] ч[то] телеграмму Люб[ови] Як[овлевны] я получил в очень тяжелую для меня минуту: похороны моего меньшого сына.¹

Теперь же вечером зашел к П[авлу] И[вановичу] и вот приписываю. Так, пожалуйста, не осуждайте меня.

Ваш Л. Толстой.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 167. Приписка к письму П. И. Бирюкова от 26 февраля 1895 г., в котором тот, по просьбе Толстого, подробно мотивировал причину отказа Толстого временно задержать появление рассказа «Хозяин и работник» в изданиях С. А. Толстой и «Посредника». Письмо Бирюкова напечатано в «Летописях», 2, стр. 166—167.

¹ 23 февраля скончался младший сын Толстого Иван (р. 1888). Похороны его состоялись 26 февраля.

* 41. Л. Я. Гуревич.

1895 г. Февраля 28. Москва.

Très chagriné impossible faire autrement.

Tolstoy.

Очень огорчен невозможно сделать иначе.

Толстой.

Телеграмма. Печатается с подлинного бланка. Датируется датой подачи телеграммы в Москве.

Л. Я. Гуревич, находившаяся за границей в Монте-Карло, прочитала там напечатанное в газете «Новое время» и перепечатанное другими газетами следующее сообщение: «Повесть Толстого «Хозяин и работник», которая выйдет в мартовской книжке «Северного вестника» и за которую автор денег не берет, немедленно же явится в двух отдельных изданиях в Москве, и оба очень дешевые. Таким образом, «Хозяин и работник» за несколько копеек может быть приобретен всеми желающими прочесть новое произведение Толстого, которое явится в один день с «Северным вестником» в книжных магазинах». Обеспокоенная тем, что это может отразиться на количестве подписчиков «Северного вестника», Гуревич телеграммой просила Толстого задержать, хотя бы на один месяц, одновременный выход его рассказа в других изданиях.

* 42. Ю. Вундзаму (Julius Wundsam).

1895 г. Конец февраля?

Уважаемый Господин,

Очень рад, чем могу, служить вашему предприятию. В настоящую минуту у меня нет ничего, что бы годилось в ваши Альманах. Но я очень рад буду, если среди поглощающих мое время занятий я успею написать в сжатой форме то, что думаю о вопросе, занимающем вас. С совершенным уважением Ваш [окорнейший] сл[уга]

Л. Т.

Датируется предположительно концом февраля на основании почтового штемпеля на конверте письма Вундзама: «Москва, 26 февраля, 1895». Так как сохранился только русский текст, то остается открытым, было ли письмо действительно послано Вундзаму.

Юлиус Вундзам — швейцарский писатель-пацифист, обратился к Толстому с письмом от 3 марта н. ст. 1895 г., в котором просил его прислать какую-нибудь статью и портрет для готовящегося им «Альманаха мира». На конверте письма Вундзама рукой Толстого написано: «Надо послать предисловие к Др[ожжину] и портрет». Книга Вундзама вышла в Берне в 1896 г. под заглавием: «Das Buch des Friedens. Eingeleitet von Bertha von Suttner und Karl Henckell» («Книга мира. С вступительными статьями Берты фон Зуттнер и Карла Хенкеля»). Ни портрета Дрожжина, ни какой-либо статьи Толстого в ней не содержится.

1895 г. Марта 4. Москва.

Получил ваше письмо, дорогой друг Количка, и видел после этого вашего брата. ¹ Ещё прежде, чем я видел его, я, по письму его к вам, к[оторое] вы присылаете, заключил, что вы несправедливы к нему, раздражены за что-то на него. При свидании с ним это впечатление мое подтвердилось. Простите меня, пожалуйста, если это неприятно вам, но, право, вам не за что сердиться на него. А главное, всегда, со всяким человеком, не только с ним, можно устроить все эти материальные дела так, чтобы они не нарушали любви. Вспомните старика, ² вспомните, главное, себя, копните у себя в душе поглубже, и вы не можете не признать, что всё это ужасный вздор, из-за кот[орого] не стоит лишаться доброго расположения к людям. О картинах я вам не писал, п[отому] ч[то] ждал Пет[ра] Ник[олаевича], и дело б[ыло] не решено. Теперь решено, и я очень рад был встретить в П[етре] Н[иколаевиче] полную готовность отдать их Третьякову ³ на сохранение безвозмездно. — У нас тяжелое испытание: умер Ванчикка. Скарлатиной в два дня. И ребенок был особенно милый и последний, и жене очень тяжело. Но она хорошо несет, и, как всегда, смерть, особенно такого чистого, любящего существа, сближает и дает много духовно хорошего.

Что вы? Не прячьтесь от меня, милый друг. Я слишком люблю и привык любить вас, чтобы оставить вас в покое. Напишите, что вы, что вы думаете, чувствуете? П[етр] Н[иколаевич] сказал, что вы болеете, что с вами делаются дурноты. Опишите. Наши вам шлют свою любовь. Обнимаю вас.

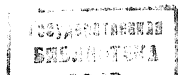
Любящий вас Л. Толстой.

4 марта 1895.

Опубликовано (отрывок) в книге В. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого», кн. 2, М. 1928, стр. 137.

Николай Николаевич Ге (1857—1939) — старший сын художника Н. Н. Ге.

Ответ на письмо Ге от 14 февраля 1895 г., в котором он писал Толстому о недоразумениях с братом П. Н. Ге по имущественным делам. В конце письма он спрашивает, что предполагается делать с картинами его отца, оставшимися после его внезапной смерти (в июле 1894 г.) и о судьбе которых заботился Толстой, причем часть картин временно была перевезена в Ясную Поляну.

¹ Петр Николаевич Ге (1859—1922), второй сын художника, архитектор. В 1895 г. служил в земстве в г. Нежине.

² Николая Николаевича Ге-отца.

³ Павлу Михайловичу Третьякову (1832—1898), основателю Третьяковской картинной галереи, переданной им в 1892 г. в дар городу Москве. См. о нем в т. 64, стр. 169.

* 44. М. М. Ледерле.

1895 г. Марта 1—5? Москва.

Я получил ваше письмо и рукопись г-на Нарышкина и прочел ее. Всё, что хотел высказать автор, выражено так смутно и неясно, что в таком виде рукопись эта не может ни на кого произвести никакого действия. По этому сочинению судя, скорее можно предположить, что г. Нарышкин не имеет никакой способности к литературе, и я бы советовал ему ею не заниматься.

С истинным уважением

ваш Л. Толстой.

Что делать с рукописью?

Печатается по листу 119 копировальной книги. На основании ответного письма адресата от 7 марта 1895 г. письмо датируем предположительно 1—5 марта.

Михаил Михайлович Ледерле (1857—1907) — издатель и владелец книжного магазина в Петербурге.

45. Г. А. Русанову.

1895 г. Марта 5. Москва.

Пишу вам только несколько слов, дорогой Гаврило Андреевич, только чтобы сказать, что получил ваше письмо, и поблагодарить вас за него. Смерть нашего меньшого сына, особенно нежного, любовного ребенка, очень значительное событие в нашей жизни. Как всегда, смерть, особенно такого не прикрытого заблуждениями — грехами прекрасного существа, как ребенок, приближает к богу. И то же я чувствую и благодарен за это. То же чувствует и жена, но ей тяжело забыть телесную прелесть, прикрывавшую это божеское проявление. И она,

бедная, тяжело борется, но я надеюсь, что духовная природа выйдет победительницей. Я рад, что могу сочувствовать ей в этом и облегчать хоть немного ее положение. Помочь же ей может только бог, т. е. та внутренняя сила, к[оторая] живет в ней. И эта сила просится наружу. И я надеюсь и молю бога, чтобы она восторжествовала. Дорогая Антоина Алексеевна, вероятно, понимает ее положение. Поцелуйте ее от меня так же, как и ваших детей. Вы ничего не пишете о своем здоровье, стало быть не хуже. И то хорошо. Прощайте пока. Любящий вас

Лев Толстой.

5 марта 1895.

На конверте: Воронеж. Воскресенская ул. д. Устиновской. Гавриилу Андреевичу Русанову.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы» 1915, 3, стр. 27—28.

Ответ на письмо Русанова от 27 февраля 1895 г., в котором он выражал Толстому сочувствие по поводу смерти его младшего сына Ивана.

46. Н. Н. Страхову.

1895 г. Марта 8. Москва.

Благодарю вас за себя и за бедную жену, дорогой Николай Николаевич. Ей особенно дорого сочувствие тех друзей, которые, как вы, не только любите нас, но и любили Ваничку. Для меня эта смерть была таким же, еще более значительным событием, чем смерть моего брата.¹

Такие смерти (такие, в смысле особенно большой любви к умершему и особенной чистоты и высоты духовной умершего) точно раскрывают тайну жизни, так что это откровение возмещает с излишком за потерю. Таково было мое чувство.

С[офья] А[ндреевна] поразила меня. Под влиянием этой скорби в ней обнаружилось удивительное по красоте ядро души ее. Теперь понемногу это начинает застилаться. И я не знаю, радуюсь ли я тому, что она понемногу успокаивается, или жалею, что теряется тот удивительный любовный подъем духа. Хотя и года всё больше и больше сближают нас, смерть эта еще более сблизила нас с нею и со всею семьею.

Я очень устал и потому нынче больше не пишу. Дружески обнимаю вас.

Любящий вас Л. Толстой.

8 марта 1895.

Впервые опубликовано в сборнике ТТ, 2, стр. 59.

¹ Николая Николаевича Толстого (1823—1860), старшего брата Толстого, наиболее им любимого, скончавшегося от чахотки в Гиере на его руках.

47. В. Г. Черткову от 8 марта.

* 48. Карлу Марфельсу (Karl Marfels).

1895 г. Марта 9. Москва.

Geehrter Herr,

Ich habe ihre Broschüre erhalten und mit grösstem Interesse gelesen. Ich werde die Broschüre übersetzen lassen und, wenn es von der Censur auch verboten wird, werde ich dieselbe so viel, wie möglich in handschriftlicher Form verbreiten. Danke herzlich.

Mit Hochachtung

Leo Tolstoy.

1895 9/21 März.

Милостивый государь,

Я получил вашу брошюру и прочел ее с величайшим интересом. Я дам эту брошюру для перевода, и если даже она будет запрещена цензурой, то я буду насколько возможно распространять ее в списках. Сердечно благодарю.

С уважением Лев Толстой.

1895 9/21 марта.

Печатается по листу 148 копировальной книги.

Карл Марфельс (р. 1854) — немецкий буржуазный экономист, последователь Генри Джорджа, автор ряда сочинений, главным образом по аграрному вопросу.

При письме от 1 марта н. ст. 1895 г. Марфельс посылал Толстому свою брошюру: «Die wahre Ursache der schlechten Zeiten. 5 Abhandlungen» («Истинная причина плохих времен. 5 статей»), Берлин, 1894. Перевод этой брошюры на русский язык неизвестен.

* 49. Карлу Грунскому (Karl Grunsky).

1895 г. Марта 12. Москва.

Многоуважаемый доктор Грунский,

Письмо Николаю II ¹ написано не мною. Письмо очень хорошее. Оно очень верно было передано в немецких газетах. Я не знаю автора письма. Автор же его не я уже потому, что я всегда подписываю то, что пишу. Я получил все 4 № вашего издания ² и очень благодарю вас за них. Мне кажется, что вы печатаете много лишнего, не имеющего серьезного и соответственного цели журнала значения; таковы статьи о Бетховене и др. Простите, что откровенно высказываю свое мнение. Некоторые же статьи очень хороши. Желаю вам успеха.

Лев Толстой.

12/24 марта 1895.

Печатается по листу 190 копировальной книги.

Карл Грунский (р. 1871) — немецкий журналист и музыковед, отчасти разделявший взгляды Толстого.

Ответ на письмо Грунского от 8 марта н. ст. 1895 г., в котором он просил Толстого прислать ему гектографированный оттиск его «Письма к Николаю II» для напечатания в своем журнале. Текст написан по-русски.

¹ Речь идет об «Открытом письме к Николаю II», изданном на гектографе первоначально в Петербурге и распространенном в то время в Москве, Харькове и других городах. Оно было после перепечатано за границей в Лондоне в сборнике «Первый год Николая II», изд. общества «Народное право», 1896, а также в № 16 «Летучих листков», «Фонда вольной русской прессы». См. Вл. Бурцев, «За сто лет», ч. II, Лондон, изд. «Фонда вольной русской прессы», 1897, стр. 145.

² Журнал Грунского «Neues Leben» («Новая жизнь») выходил в Штутгарте в течение 1895 г. В яснополянской библиотеке сохранились №№ 2, 3, 4 и 7, из которых № 4 посвящен Толстому.

* 50. Д. А. Хилкову.

1895 г. Марта 12. Москва.

Дорогой друг Дмитрий Александрович, мне очень грустно, что давно не получал от вас прямых сведений, т. е. писем. ¹ Мне всё казалось, что письмо за вами. Правда, что считаться глупо, но я и не считался, но надеялся. Нынче прочел ваше письмо Ив[ану] Мих[айловичу] ², и вот захотелось написать

вам. У нас, вы, может быть, слышали, умер в два дня от скарлатины меньшей 7-летний, особенно милый, нежный, любовный мальчик. Смерть, как всякая смерть, особенно милого, чистого ребенка, очень приближает к богу и возвышает и делает любовнее жизнь остающихся. Это случилось и в нашей семье, но у жены, несмотря на то, что очень религиозно приняла эту смерть, она вызывает в ней неудержимую боль, и она очень страдает. И ее страдания более всего заставляют страдать и меня. Но искренно могу сказать, что всё это хорошо и для умершего, и для нее, и для меня. — Это произошло недавно — 2 недели, и до сих пор я почти только то и делаю, что слежу за женой и стараюсь помочь ей. — Как бы много легче ей было, если бы была нужда.

Вы пишете, что гонения продолжаются и принимают самые безобразные формы. Я знаю это и по тому, что делается здесь. Я нынче еще получил письмо коллективное ³ о том, чтобы я, как Тург[енев] о крепостном праве, писал бы о гонениях за веру. Но во-1-х, нельзя это заказывать, а во-2-х, мне всегда кажется, что об этом просить и этого достигать какими-либо внешними мерами нельзя. Надо терпеть и крепнуть и больше ничего. Мне только всегда больно высказывать это, когда я сижу спокойно, виновный более других, с точки зрения властей, а другие страдают. Я смутно надеялся, что Ц[арство] б[ожие], потом письмо мое о ваших детях, ⁴ потом Тулон ⁵ заставят их взяться за меня, но всё напрасно. Видно, бог не считает меня достойным этого. Иногда хочется нарочно вызвать чем-нибудь гонение, но чувствую, что это дурно. Так, недавно, я совсем было хотел написать письмо Ник[олаю] по случаю его речи земствам, но почувствовал, что руководило мною не доброе чувство, а, с одной стороны, раздражение, а с другой, желание вызвать на гонение, — и оставил... Может быть, так и не нужно, а может быть, придет случай и время, когда потребуется. ⁶ Жду указания бога и совести. Были в Петербурге, вы, мож[ет] б[ыть], слышали, квакеры, — два. Один из них, Brooks, приезжал в Москву, и я виделся с ним. Он читал мне записку, кот[орую] они послали царю, уговаривая его прекратить гонения и дать свободу совести. Записка с обычной формальной риторикой. Царь выслушал их и ничего не сказал им — ровно ничего. ⁷ — Ждать сверху какого-либо изменения и улучшения никак нельзя и не могу отделаться от той мысли, что оно и

не нужно. Всё в нас самих, и мы свободны, если только живем истинной жизнью. —

Про Кл[опского] ⁸ не будем писать. Мое впечатление то, что он не агент, а только путанный человек и такой, с кот[орым] желательно иметь как можно меньше дела до тех пор, пока ему не нужна помощь. Решать же этот вопрос не нахожу нужным.

Напишите, пожалуйста, про себя: и про физическую свою и духовную жизнь.

Я последнее время, недели две, ничего не пишу. Хочется кончить катехизис, ⁹ но чем дальше я вникаю в него, тем хочется короче, яснее и общедоступнее и бесспорнее. А это очень трудно, и боюсь, что я взялся за сверхсильное дело. Хочется тоже кончить некот[орые] начатые художествен[ные] работы. Все они мне кажутся нужными. Нынче только перечислил их. И оказывается целых 9. ¹⁰ Очевидно, что я их никогда не кончу. Еще занимает меня последнее время то, чтобы составить программу изданий, как мы называем: международного Посредника. ¹¹ Издавать в Швейцарии, в одном формате, под одним заглавием, книги и брошюры на 4-х языках, русском, немец[ком], франц[узском], англ[ийском], самым дешевым образом, 1) разъясняющие смысл жизни, 2) указывающие на несоответствие форм жизни с ее смыслом и 3) средства установления этого соответствия, не революционным и не государственным путем, а изменением своей жизни каждым отдельным человеком. — Побуждает меня к этому то, главное, что в последнее время, к великой радости моей, не только в России, но с разных сторон в Европе зарождаются группы людей; совершенно согласных с нашими взглядами и между собой, хотя все смотрят на вещи с особенной, своей стороны. Таковы в Англии Kenworthy и Morrison и их кружок, в Будапеште Шмит и союз религии духа, в Штутгарте Грунский, в Финляндии Jämsfelt, в Венгрии кружок врачей — Маковицкий, бывший у нас, и Шкарван, на днях отказавшийся от военной службы и посаженный за то в сумасшедший дом. — Что вы думаете о таком издании? Что вы вообще думаете? Мне недостает общения с вами. Передайте мой привет Ц[ецилии] В[ладимировне]. ¹² Что она? Также очень хочется знать про ее душевн[ое] состояние и образ жизни. Прощайте пока.

Любящий вас очень

Л. Толстой.

Опубликовано частично (два отрывка) в журнале «Голос Толстого и Единение», 1917—1918, № 6, стр. 1.

Дмитрий Александрович Хилков (1858—1914) — бывший офицер Лейб-гвардии гусарского полка, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 90-х гг. разделял взгляды Толстого. См. т. 85, стр. 414—415.

¹ Последнее письмо Хилкова было от 11 августа 1894 г.

² И. М. Трегубову.

³ Письмо это неизвестно.

⁴ Письмо к Александру III, написанное в январе 1894 г., по поводу насильственного отобрания полицией детей у Хилковых.

⁵ «Тулон» — так Толстой называл свою статью «Христианство и патриотизм», написанную им в марте 1894 г. по поводу манифестаций, вызванных посещением Тулона русской эскадрой.

⁶ В 1895 г. Толстой осуществил это свое намерение и написал резко обличительную статью «Бессмысленные мечтания». См. т. 31.

⁷ Об Эдмонде Бруксе Толстой упоминает в письме к Черткову от 17 февраля, имя второго квакера неизвестно.

⁸ Иван Михайлович Клопский или Клобский (1852—1898), бывший семинарист и студент Петербургского университета. Был лично знаком с Толстым и Горьким, который резко отрицательно отзывался о нем в «Моих университетах».

⁹ Катехизис — краткое изложение учения Толстого, вышедшее позднее под названием «Христианское учение».

¹⁰ Ср. записи в Дневнике от 12 марта 1895 г., т. 53, стр. 11.

¹¹ О программе «Международного Посредника» см. в письме к Кенворти и к Э. Г. Шмиту от 27 марта.

¹² Цецилия Владимировна Винер (1860—1922), жена Хилкова. См. т. 67.

* 51. Е. А. Исупову.

1895 г. Марта 14. Москва.

Егор Александрович,

Рассказ ваш я получил и прочел.¹ Некоторые сцены в нем не дурны, как и [а]л[пример] описание бойни, но в общем он не выдержан. Много есть лишнего, неестественного и сентиментального, производящего обратное действие тому, кот[орое] хочет произвести автор. Я бы советовал вам, если вы хотите заниматься писательством, больше перерабатывать ваши произведения. Содержание мне вполне сочувственно, и потому очень жалко, что в таком виде рассказ не произведет желаемого впечатления. Примите, пожалуйста, мое осуждение с тем

же чувством доброжелательства, с кот[орым] я высказываю его!

Лев Толстой.

Рукопись возвращаю.

14 марта 1895.

Печатается по листам 206 и 207 копировальной книги.

Егор Александрович Исупов — помощник старшего нотариуса в Саратове. Ответ на письмо его от 30 января 1895 г., в котором он, посылая Толстому свой рассказ «Черный бык», просил его дать о нем свой отзыв.

¹ В переработанном виде рассказ Исупова «Черный бык» вышел в издании Сытина, М. 1904, без имени автора.

52. А. И. Толстой.

1895 г. Марта 16. Москва.

Благодарю тебя, милая внучка Анночка, за твое хорошее письмо. Ванюшка ушел от нас к богу. Ему там очень хорошо, и потому грех об нем плакать и жалеть. А все-таки жалко, что его нет больше с нами. Бабушка Соня очень горюет, а мы все ее утешаем.

Летом приедем к вам и тогда будем с тобой гулять и разговаривать.

Целую тебя, и папа, и мама, и Мишу, и Андрюшу ¹, и Машу.

Твой друг и дед Лев.

16 марта 1895 г.

Печатается по подлиннику, находящемуся у адресата в Москве. Впервые опубликовано в «Красной нови» 1928, IX, стр. 163. Подлинник напечатан на пишущей машинке заглавными буквами, для удобства чтения шестилетним адресатом, и подписан от руки Толстым.

Анна Ильинишна Толстая (1888—1954) — внучка Толстого, старшая дочь Ильи Львовича Толстого и Софьи Николаевны Философовой. Ее воспоминания о Толстом напечатаны в журнале «Красная новь» 1928, кн. 9, стр. 150—179.

¹ Михаил Ильич (1892—1919) и Андрей Ильич (1894—1920), внуки Л. Н. Толстого.

1895 г. Марта 2—17. Москва.

Получил я ваши рассказы, Алекс[андр] Гордеич, и, к сожалению, не могу поощрить вас к писанию. Первый рассказ совсем нехорош — без связи и не натурален, второй хотя несколько и лучше, но тоже неестественен и не дает никакого понятия о душевном состоянии описываемых лиц. Кроме того, всё это написано, очевидно, очень поспешно и необработанно. Вы спрашиваете у меня совета: писать ли вам? Советую не писать, теперь, по крайней мере. Если у вас и есть некоторая способность схватывать подробности и передавать их, то этого недостаточно. Людей, умеющих это делать, и гораздо лучше — легион. Вот в вашем намерении поселиться на земле, я бы очень желал вам помочь и буду стараться, но теперь ничего не могу сделать.

Про кого вы пишете о моих соседях, ¹ я не знаю. Есть там у меня друг Булыгин, Мих[аил] Вас[ильевич] ² (Ясенки, Моск[овско]-Кур[ской] ж. д.), но я не знаю, согласится ли он, главное его жена, принять вас. Очень трудно поселиться с кем-нибудь: надо быть прежде дружным и сойтись, а потом уже поселиться, а не обратно. Для того же, чтобы поселиться одному, надо очень много денег. Да и то большей частью не удастся. Будем думать и искать. Постараюсь сделать, что могу, ³ и прошу вас продолжать обращаться ко мне. Дай вам бог всего хорошего.

Любящий вас Л. Толстой.

Рукопись вашу возвращаю.

Печатается по листам 138 и 149 копировальной книги. Дата определяется почтовым штемпелем получения: «Москва, 1 марта 1895 г.» и датой ответного письма: «23 марта, Сочи».

На конверте письма пометка Толстого: «Отв.» и на правом верхнем углу конверта его рукой написано: «послать от неизвес[тного] Роману Юшко 20 р. Письмо мне вернуть для ответа».

Александр Гордеевич Макеев — сын крестьянина села Россоши Воронежской губ.; самоучкой подготовился к экзамену на сельского учителя. В начале 1893 г. работал у Толстого на голоде и в ноябре того же года попустил на место учителя в село Архангельское Тульской губ. За отказ от присяги был уволен из школы и находился под надзором как политически неблагонадежный; в 1894 г. переселился на Кавказ, где жил в земледельческих общинах.

Ответ на письмо Маковского от 23 февраля 1895 г. из Сочи, при котором он прислал два своих рассказа: «Кто виноват» и «Из-за денег».

¹ В письме Маковский просил Толстого сообщить ему адреса трех помещиков, которые, по словам одного знакомого ему студента, «прошедшего Тульскую губ.», жили возле Толстого, крестьянствовали и выражали желание, что «хорошо бы вместе с кем-либо жить». Маковский думал просить их принять его с женой.

² Михаил Васильевич Булыгин (1863—1941), один из друзей Толстого, жил в своем небольшом имении Хатунке Крапивинского уезда, в 17 км. от Ясной Поляны. См. т. 50; стр. 301.

³ Маковский просил оказать денежную помощь своему знакомому ветеринарному врачу Роману Васильевичу Юшко, жившему с семьей в станции Геленджик в большой нужде.

54. М. Л. Толстой.

1895 г. Марта 18. Москва.

Милая Маша,

Вчера дядя Сережа ¹ говорил: как вам не совестно так мучить Машу. Только что она стала оправляться, а ее опять послали. ² А я, слушая это, радовался, радовался и на то, как про то же, но с обратной стороны, говорил Чертков. Немножко тебя соблазняют рукава и всё, что связано с ними, но меня всегда очень радует то, что в этих рукавах живут руки, всегда готовые служить людям — всем людям — т. е. богу. Не отучай от этого эти руки и то сердце, которое посылает их. Только в этом жизнь и радость и всех тех, кто окружает тебя, и твоя. Главное, то, что истинное дело, истинная жизнь, так не блестящи, не громки, не торжественны, а соблазны все — как тот полк гусар, кот[орый] сейчас прошел с музыкой мимо окон, — блестящи, громки, притягательны; но не надо попадаться на это — по крайней мере, в своем сознании. На то соблазны и окружены блеском, что они пусты, а то бы никто и не взглянул на них. И на то и лишена истинная жизнь блеска, что она и без него — радостна и содержательна, или, скорее, содержательна и потому тихо притягательна.

У меня всё голова болит и тяжела. Но хорошо. Мама пережила, кажется, период острой боли и вступает в ту новую жизнь, кот[орая] открылась ей и кот[орая] есть ступень кверху, к свету. И я вижу это и радуюсь на это. И хотя как будто перед

людьми совестно, радуюсь и благодарю бога — не страстно, восторженно, а тихо, но искренно, за эту смерть — в смысле плотском, — но оживление, воскресение в смысле духовном, — и мамá, и мое. Нынче утром она плакала тихо, и мы хорошо поговорили с ней. Надеюсь, что ты не перемучишь себя, а главное, что этого не нужно будет. Впрочем, бог знает, что лучше. Будем только мы больше, лучше, шире и, главное, забывая себя и помня только бога, любить друг друга. Прощай, голубушка, целую тебя, Соню, Илью, Анночку. Теперь утро. Я ничего не писал, всё думал и пасьянсы делал. — А послезавтра едем с мамá к Леве.³

Л. Т.

Опубликовано впервые (отрывок) в книге П. И. Бирюкова «Биография Л. Н. Толстого», III, М. 1922, стр. 243, и полностью — в журнале «Современные записки», Париж, 1926, стр. 235—236, с датой: «1895, февраль». На копии этого письма (лист 205 из копировальной книги 1895 г.) стоит пометка синим карандашом, неизвестной рукой: «18 марта». Принимаем эту дату, подтверждаемую содержанием.

¹ Сергей Николаевич Толстой, старший брат Л. Н. Толстого.

² Мария Львовна уехала в имение Гриневку к брату Илье Львовичу, в семье которого в это время болели дети.

³ Лев Львович Толстой, с февраля этого года лечился в санатории д-ра Ограновича близ Звенигорода.

* 55. М. А. Шмидт.

1895 г. Марта 22. Москва.

Посылаем кирпичи, грудной чай и пластырь на грудь в случае простуды. Очень рад, что у вас хорошо. Софья Андреевна всё это посылает и вас целует, так же как и мы все.

Лев Толстой.

Мы живы и теперь все здоровы. Маша у Ильи, завтра приедет. Помогай вам бог служить бедным больным.

Печатается по машинописной копии. Датируется на основании слов письма: «Маша у Ильи, завтра приедет» — Мария Львовна уехала к брату 15 марта и вернулась 23 марта.

Ответ на письмо Шмидт от марта 1895 г.

* 56. Незвестной. Черновое.

1895 г. Марта 23? М.

Chère Madame!

Il est de ces questions, sur lesquelles il est presque impossible d'émettre une opinion quelconque précisément à cause de leur flagrante immoralité. Celle qui v[ou]s occupe est de ce nombre.

Милостивая государыня!

Есть такие вопросы, на которые почти невозможно высказать какое-либо суждение, именно вследствие их явной безнравственности. К их числу принадлежит и тот, который занимает вас.

Датируется на основании того, что публикуемый черновой набросок письма написан на оборотной стороне письма к В. Г. Черткову от 23? марта 1895 г.

57. В. Г. Черткову от 23? марта.

* 58. А. И. Чичаговой.

1895 г. Марта 23. Москва.

Я всё ждал посланного от вас, чтобы ответить вам. Рассказ ваш не плох, как вы пишете, но и не отличается ничем от большого числа таких же рассказов и не дает ничего нового. Способность изображать положения и чувства у вас есть, есть и натуральность, и потому я думаю, что если бы вы прежде всего имели бы что-либо новое высказать и потрудились бы упорно над тем, чтобы высказать это наилучшим образом, вы бы могли писать. Рассчитывать же на заработок посредством литературного труда я никому не советую. Это очень тонкий и опасный для души соблазн. А душа дороже всего.

Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 186. Дата копии.

Ответ на письмо Чичаговой от 22 марта 1895 г., в котором она просила у Толстого разрешения прислать за своим рассказом «Горькие дни Кати». См. письмо № 18.

59. Джону Кенворти (John Kenworthy).

1895 г. Марта 27. Москва.

Дорогой друг,

Получил ваше письмо и книгу и брошюру. Книга превосходно переведена и издана. Я перечел ее. В ней много недостатков, которых я не сделал бы, если бы писал ее теперь, но исправлять ее уже не могу. Главный недостаток в ней — излишние филологические тонкости, которые никого не убеждают: что такое-то слово именно так, а не иначе, надо понимать, а напротив, дают возможность, опровергая частности, подрывать доверие ко всему. А между тем истинность общего смысла так несомненна, что тот, кто не будет развлекаться подробностями, неизбежно согласится с ним.

Брошюра ваша превосходна, особенно конец. Давно пора сказать народу то условие, при котором он достигает блага. Глядя на страдания народа, всегда страшно предъявлять к нему еще тяжелые требования. А это необходимо, и вы сделали это прекрасно.

Теперь скажу вам о том проекте, который в последнее время занимает меня. В последнее время я с нескольких сторон получил предложение денег, с просьбой употребить их на полезное для людей дело. Вместе с тем у меня всё больше и больше накапливается материала: статей, книг, брошюр: русских, немецких, английских (удивительна в этом отношении безжизненность французов) — одного и того же направления и духа, указывающих на невозможность продолжения существующего порядка вещей и на необходимость изменения его, и изменения не старыми, оказавшимися недействительными средствами: насильственным низвержением существующего порядка или попытками постепенного изменения его посредством участия в существующем правительстве, а религиозным усилием отдельных личностей, как это отлично выражено в вашем письме. Я говорю не свою программу, а только выражаю один несомненный признак, общий всем тем статьям и книгам, которые я получаю. То и другое обстоятельство: предложение денег и накопление книг и статей одного и того же характера, и часто очень сильных по мысли и по выражению, побуждает меня вернуться к давно уже занимавшей меня мысли основать в Европе, в свободном государстве, в Швейцарии, например, международный

не журнал, а издание под одним и тем же заглавием, в одной и той же форме, книг и брошюр на четырех языках: французском, английском, немецком и русском, в котором бы печатались самым дешевым образом все сочинения, 1-ое, уясняющие истинный смысл человеческой жизни, 2-ое, указывающие несогласие нашей жизни с этим смыслом, и 3-ье, средства согласования того и другого. Общее заглавие всему ряду изданий можно бы дать «Возрождение», или что-нибудь подобное. Если можете мне прислать еще несколько ваших как первых, так и последних брошюр, пришлите мне.

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Впервые опубликовано в ПТСО, стр. 130—131, с датой: «24 марта 1895 г.»; исправляем ее на основании записи Дневника от 27 марта: «Написал или, скорее, исправил письма Шмиту и Кенворти за это время» (т. 53, стр. 14).

Джон Кенворти (John Kenworthy) — английский пастор, писатель и лектор, в то время восторженный почитатель Толстого, переводчик на английский язык и издатель его сочинений.

Ответ на письмо Кенворти от 24/12 марта 1895 г., в котором он, посылая Толстому первую часть только что вышедшего из печати перевода «Соединения, перевода и исследования четырех евангелий» и брошюру «Slavery: ancient and modern» («Рабство древнее и новое»), Лондон, 1895, сообщает об учреждении им, совместно с несколькими друзьями, небольшого издательства, «The Brotherhood publishing Co» («Братское издательство») для распространения сочинений Толстого и его последователей.

* 60. Эугену Генриху Шмиту (Eugen Heinrich Schmitt).

1895 г. Марта 27. Москва.

Lieber Freund, ich danke Sie herzlich für die Nachrichten vom Prozesse, ¹ sie sind sehr interessant. In der That existiert die Censur allenthalben und kann nicht anders, als überall dazu existieren, wo Gewaltthätigkeit herrscht, weil die Gewaltthäter nicht ignorieren können, dass die Kraft, die ihre Macht brechen kann, in den Gedanken und Ideen liegt; deswegen aber, weil sie das wissen und weil sie die Macht haben für eine gewisse Zeit und an gewissen Orten die Gedankenäusserungen zu hemmen, darum können sie nicht umhin das nicht zu machen, und wäre es nur auch dafür, um ihre Stellung etwas länger fortbestehen zu lassen, eine Stellung, die sie dank eines Missverständnisses und

moralischer Unwissenheit für sich selbst als etwas Gutes und Wichtiges halten.

Ihren Catechismus ² habe ich nicht nur durchgelesen, aber habe auch die russische Uebersetzung desselben corrigiert. Dass ich dessen Uebersetzung bewerkstelligt und um dessen Verbreitung mich bemühen werde, zeigt Ihnen, dass, abgesehen von den Mängeln, die ich in dem Werke zu finden glaube, ich dasselbe für gut und nützlich halte.

Ihre erste Schrift: «Mamon und Belial» ³ habe ich noch nicht in der Uebersetzung bekommen, aber den Catechismus werde ich, wenn sie es wünschen, Ihnen in der russischen Uebersetzung als Manuscript zuschicken.

Meinen Brief über das Verhältniss der Vernunft zur Religion ⁴ habe ich zur Uebersetzung ins Deutsche übergeben und werde dieselbe Ihnen sobald sie fertig wird, zuschicken. (Die Uebersetzung ist fertig. Ich füge sie diesem Briefe zu.)

Sie fragen, ob ich in Verkehr mit den sogenannten Sectanten: Molokanen, ⁵ Stundisten, ⁶ Duchoborzen ⁷ und anderen, stehe. Einige von diesen besuchen mich und schreiben mir. Aber, soviel ich darüber urtheilen kann, entfremden uns von denselben einige von den Sectanten bewahrten kirchlichen Dogmen, nämlich: die der Dreieinigkeit, der Erlösung, des Glaubens an die Göttlichkeit Christi, der Unfehlbarkeit der ganzen Bibel, der Glaubwürdigkeit des alten Testaments und der Episteln, die ebenso bindlich als das Evangelium wären, und die daraus folgende Abgötterei des buchstäblichen Sinnes der Bibel, das Bedürfniss eines äusseren Kultes, der Versammlungen und Psalmodierungen und einer Leitung mittels eines Priesterthums.

Eine Ausnahme davon machen die Neustundisten ⁸ der letzteren Zeit, die Duchoborzen des Caucasus'es, deren es mehr als 20,000 giebt, und überhaupt alle neu sich formierenden religiös-rationalistischen Lehren, deren Anhänger es in verschiedenen und allerentlegensten Orten Russlands sehr viele giebt.

Was ist Ihre Meinung über die Nazarener ⁹ und was wissen Sie von denselben? Ich kenne das Buch Szeberenyi nach der Schrift Schwalm's. ¹⁰ Warum treten Sie nicht in Verkehr mit ihnen? Wenn es die kirchlichen Dogmen sind, die die Nazarenen bekennen, die Sie von ihnen trennen, so glaube ich doch, dass diese Dogmen nur stark bei der alten Generation sind, bei der jungen muss aber eine Vorwärtsbewegung stattfinden, die zur

Erlösung von den tödenden kirchlichen Formeln führt. (Eine derartige Erscheinung beobachte ich beständig bei den Molokanen und Stundisten.) Deswegen glaube ich, dass indem die jüngeren Generationen von dem sie beschrenkenden und tödenden Dogmatismus sich befreien und vor sich keinen anderen Ausweg sehen, als entweder das Versumpfen im alten Glauben oder eine vollständige, absolute Ungläubigkeit — (sie gehen gewöhnlich zur letzteren über, indem sie sich dabei nur der Maske halber zur herrschenden Confession bekehren), — glaube ich, dass in diesem kritischen Moment die Hinweisung diesen jungen besseren Elementen auf eine freie moral-religiöse Lehre, welche von den Leuten nicht Lug und Trug und Unterdrückung der Energie verlangt, aber, im Gegentheil, tapferes Anerkennen der Wahrheit und die Offenbarung kraftvoller Erhaltung menschlicher Würde verlangt, sehr wichtig wäre.

Sie fragen nach Sütäeff. ¹¹ Er ist schon seit 5 Jahren tot. Sütäeff gehörte zu keiner der bekannten Secten, aber er war eine Erscheinung der spontanen Entwicklung freisinniger gegen den Trug der Welt protestierenden christlichen Weltanschauung.

Ihre Beurtheilung meines Verhältnisses zu Sütäeff in der Schrift über russische Sectanten ist vollständig irrig. ¹² Ich war sehr froh in ihm einen Menschen kennen zu lernen, der im Kerne seines Glaubens mit mir einig war und der sich Mühe gab die christliche Lehre im Leben practisch durchzuführen, und ich habe mich bemüht ihm in dieser Hinsicht zu helfen; aber ich konnte in keinem Falle sein Jünger gewesen sein, wie es sich, ich weiss nicht wesshalb, die Franzosen gedeutet und ausgelegt haben. Die Franzosen, die beständig über religiöse Fragen wie Blinde über Farben urtheilen, haben sich vermuthlich diese Vorstellung gemacht, nachdem sie in meinem Buche die Phrase lasen, in welcher ich mich so ausgedrückt habe, dass ich vom illiteraten Sütäeff mehr Belehrung erhalten habe, als von der ganzen Weisheit der Gelehrten.

Wissen Sie etwas von Bondareff, ¹³ von einem anderen russischen Bauer, von welchem ich geschrieben habe, der bis jetzt in Verbannung in Siberien lebt und welchen ich viel höher schätze, als Sütäeff. Sein Werk mit einem Vorworte von mir war ins französische übersetzt. ¹⁴ Ich werde trachten Ihnen dasselbe zukommen zu lassen, oder Ihnen den exacten Titel, das Jahr der Veröffentlichung und den Ort der Ausgabe schicken.

Solcher Leute, die glauben, dass es unmöglich ist, dass die jetzigen existierenden Verhältnisse des Lebens weiter fortbestehen, und die die Möglichkeit einer Besserung dieses Zustandes durch eine vollständige Veränderung der Lebensordnung durch Erfüllung der Lehre Christi im Leben für ausführbar halten, — solcher Leute giebt es jetziger Zeits immer mehr und mehr: sowohl in unserem Bauernthume, als auch in der civilisierten Welt, und auch bei Ihnen, und in Amerika, und in England. Und fröhlich ist es in solch einer Zeit zu leben. Die Flüssigkeit fängt an nicht nur sich zu erwärmen — sie fängt an schon zu kochen. Und im Umsehen wird sie zu einer kochenden Welle anschwellen, sich reinigen und sich in einer neuen, andersartigen, besseren Ordnung setzen.

Die Titel der Werke von J. Kenworthy sind wie folgt: 1) The anatomy of misery; 2) From bondage to brotherhood; 3) The christian revolt. — Die Werke J. Morrison Davidson: 1) The old order and the new; and 2) The Gospel of the poor.

Gestern habe ich Kenworthy's letzte Brochüre: «Slavery: Ancient and Modern», erhalten. Die Brochüre ist ausgezeichnet.

Die Adresse John Kenworthy: Pitlake Bridge West Croydon, London.

Die Adresse Morrison's: Die Redaction der Zeitschrift: «Daily Chronicle».

Lassen Sie mir, bitte, die Adresse Herrn Lachmann's zukommen.

Was wissen Sie von Herrn Doctor Grunski in Stuttgart? Seine Zeitschrift «Neues Leben», nach den zwei ersten Nummern zu urtheilen, hat mich nicht befriedigt.

Kennen Sie Gustav Müller, der sein Buch: «Mehr Licht in unsere Welt», in Leipzig erschienen liess. Ich möchte gern ihm schreiben und für sein Buch danken. Schade nur, dass er dem Spiritismus glaubt. ¹⁵

Es thut mir sehr leid, dass ich Ihre Zeitschrift nicht bekommen habe. Ich habe nur die Nummer, welche Sie mir im Brief geschickt haben: Heft 6. ¹⁶ Ich habe diese Lieferung aufmerksam durchgelesen und werde Ihnen darüber meine Meinung ohne Furcht Sie zu beleidigen oder kränken — sagen, denn es leitet mich hiebei die innige Liebe zu Gott, zur Wahrheit und zu Ihnen. Die Gedanken, die Sie aussprechen, sind nicht nur mir sympathisch, sie sind auch öfters brilliant ausgedrückt. Vortrefflich ist Ihre «Kritik des Darwinismus» und die Schrift: «Der Geist als

kosmische Function». Mir gefällt sehr der Gedanke über das Verhältniss des Geistes zum Gehirn und zur Gottheit, welchen Sie auch im Catechismus ausdrücken; aber dieser Gedanke ist nicht zur vollkommenen Klarheit und Einfachheit durchgeführt, es sind nicht alle daraus hervorquellenden Deductionen gemacht, und er ist nicht mit anderen Vorderungen der Vernunft verbunden.

Es bleibt unaufgeklärt, warum aus einem solchen Verständnisse des Geistes und Gottes die Idee der Liebe herausgefolgert werden kann. Ich würde Ihnen nicht rathen in das metaphysische Gebiet sich einzulassen, aber mehr sollten Sie Ihre Kräfte dahin richten, um die von allen begläubigten Wahrheiten im Leben zur Anwendung kommen zu lassen. Sie machen das vortrefflich und mit grossem Talent und Kraft. Ausserdem würde ich rathen weniger zu schreiben, aber mehr das Geschriebene zu bearbeiten.

Nun werde ich Ihnen von dem Projecte¹⁷ sagen, das mich die letzte Zeit beschäftigt. In letzter Zeit habe ich verschiedenerseits Geldanträge bekommen mit der Bitte die offerierten Summen für etwas den Leuten Nützlichendes zu gebrauchen. Dabei häuft sich bei mir immer mehr Material: Aufsätze, Bücher, Brochüren: russische, deutsche, englische (wunderbar ist dabei die Lebllosigkeit der Franzosen in dieser Hinsicht), die alle ein und derselben Richtung und Sinnes sind, alles Werke, die darauf hinweisen, dass es unmöglich sei, dass die jetzige Ordnung der Sachen auch ferner fortbestünde, dass die Veränderung dieser Ordnung unumgänglich nothwendig ist, und dass die Veränderung nicht durch die alten, unwirksam gewordenen Mitteln, nämlich durch gewaltsamen Umsturz, oder durch Theilnahme an der Regierung und langsame Umbauung und Besserung des Staates vollbracht werden kann, aber nur durch innere religiöse Vervollkommnung einzelner Menschen.

(Ich lege hiermit nicht mein Programm aus, aber deute nur auf das unzweifellose Merkmal aller dieser Schriften und Bücher.)

Diese beide Umstände: der Antrag von Geld und die Anhäufung von Büchern und Schriften eines und desselben Characters, und darunter oftmals sehr kräftig geschriebener Werke, unter denen die Ihrigen nicht die letzte Stelle einnehmen,—das alles bewegt mich die schon längst von mir gehegte Idee zu realisieren, nämlich in Europa, in einem freien Staate, z[um] B[eispiel] in der Schweiz, nicht eine internationale Zeitschrift, sondern eine Ausgabe von Publicationen zu gründen, die aus einformig

gedruckten Büchern und Brochüren bestehen sollte, in welchen Schriften erscheinen sollten, die 1) das religiöse Bewusstsein, den wahren Sinn des Lebens erläuterten, 2) die Unverhältnissmäßigkeit dieses Bewusstseins und der bestehenden Lebensordnung zeigten, und 3) die die Mitteln zeigten das religiöse Bewusstsein mit der bestehenden Ordnung in Einklang zu bringen.

Diese Bücher und Brochüren sollten in vier Sprachen: französischer, englischer, deutscher und russischer herausgegeben sein und wo möglichst billig erscheinen mit einem gemeinsamen Titel und Motto.

Solch eine Ausgabe würde in einem Focus (Brennpunkt) alle gleichgesinnten, jetzt disseminierten und wenig bekannten Leute vereinigen und deswegen ihre Kräfte vermehren. Was denken Sie über all dieses?

Den Brief über das Verhältniss der Vernunft zur Religion bitte ich Sie in Hinsicht des Styles zu ändern und zu verbessern und gebe Ihnen dafür carte blanche. ¹⁸

Ihr Freund Leo Tolstoy.

Ihr Brief und Brochüre Herodes habe ich erhalten und gelesen. Der Schluss hat mir besonders gefallen.

Hiermit schicke ich Ihnen für Ihre Zeitschrift eine wahrhaftige Erzählung über die neue Bewegung zwischen den Duchoborzy am Caucasus und über ihren Häuptling Werigin, welcher nach Siberien geschickt wurde und dessen Bruder und Freund ich diesen Winter in Moskau kennen gelernt habe. Wenn dieser Artikel mit dieser Post nicht ankommt, so schicke ich es mit der künftigen. ¹⁹

Дорогой друг, благодарю за известия о процессе, ¹ они очень интересны. Действительно, цензура везде есть и не может не быть там, где есть насилие, п[отому] ч[то] насильники не могут не знать, что сила, могущая уничтожить их власть, в мысли, а зная это и имея власть задерживать на известное время и в известных местах проявления мысли, они не могут не делать этого, хотя бы для того, чтобы отдалить изменение своего положения, которое они по недоразумению и нравственному невежеству считают для себя благом.

Катехизис ² ваш я не только перечел, но на днях поправил сделанный с него перевод на русский язык. То, что я устроил перевод его и буду распространять его, показывает вам, что,

несмотря на недостатки этого сочинения, я считаю его хорошим и полезным.

Вашей первой статьи «Мамон и Велиал»³ у меня нет еще в переводе, а катехизис, если вы желаете, я вышлю вам по-русски в рукописи.

Свое письмо об отношении разума к религии⁴ я дал перевести на немецкий язык и пришло вам, как скоро оно будет готово.

Вы спрашиваете, имею ли я сношение с так называемыми сектантами — молоканами,⁵ штундистами,⁶ духоборцами⁷ и др. Некоторые из них бывают у меня и изредка пишут. Но сколько я могу судить, их отделяют от нас удержанные ими некоторые церковные догматы, троицы, искупления, вера в божественность Христа, в непогрешимость всей библии, признание ветхого завета и посланий столь же обязательными, как и евангелие, и потому идолопоклонничество перед буквой библии и потребность внешней обрядности, собраний и песнопений и определенное руководство пресвитеров.

Исключение из этого составляют новоштундисты⁸ в последнее время, духоборцы на Кавказе, которых более 20,000 (о них пришло вам, если успею, записку), и вообще все вновь зарождающиеся религиозно-рационалистические учения, которых очень много возникает в различных самых глухих местностях России.

Что вы думаете и знаете о назаренах?⁹ Я знаю из статьи Schwalm'a о книге Szeberenyi.¹⁰ Почему вы не входите в общение с ними? Если вас разделяют с ними признаваемые ими церковные догматы, то я думаю, что эти догматы тверды в старом поколении, в молодом же поколении должно быть движение вперед к освобождению от мертвящих церковных форм. Такое явление я постоянно наблюдаю в молоканстве и штундизме. Освобождаясь от стесняющей их мертвящей догматики, молодые поколения очень часто, не видя перед собой другого выбора, как коснение в старом или совершенное неверие, — переходят ко второму, принимая личину царствующего исповедания. И тут-то драгоценно указание этим лучшим молодым элементам того свободного, нравственно-религиозного учения, которое мы с вами исповедуем и которое требует от людей не лжи и подавления энергии, а, напротив, смелого исповедания истины и проявления нравственной силы, мужества и человеческого достоинства.

Вы спрашиваете о Сютаеве.¹¹ Он умер уже пять лет тому назад. Сютаев не принадлежал ни к какой известной секте, а он был одним из тех явлений самозарождения свободомыслящего, протестующего против лжи мира христианского мировоззрения. Ваше суждение в статье о русских сектантах о моем отношении к нему¹² совершенно ошибочно. Я очень рад был встретить в нем человека, одной стороной своего верования совпадающего со мной и пытавшегося прилагать к жизни христианское учение, и старался помогать ему в этом, но никак не мог быть его учеником, как это почему-то придумали французы, всегда толкующие о разных вопросах, как слепые о красках, прочтя в моей книге фразу, в которой я говорил, что я получил от безграмотного Сютаева больше поучения, чем от всей научной мудрости ученых.

Знаете ли вы про Бондарева,¹³ другого русского мужика, про которого я писал тоже, который до сих пор жив, в ссылке, и от которого я почерпнул еще гораздо больше поучения, чем от Сютаева. Его сочинение с моим предисловием было переведено по-французски.¹⁴ Постараюсь доставить вам его или выписать точное заглавие и год и место издания.

Людей, сознающих невозможность продолжения существующего порядка жизни и видящих возможность исправления его совершенным изменением строя жизни и исполнением в жизни учения Христа, в последнее время является всё больше и больше, и в нашем крестьянстве, и в образованном мире, и у вас, и в Америке, и в Англии. И радостно жить в такое время. Жидкость начинает не только согреваться, но и закипать. И не успеете оглянуться, как она вся сольется в одну кипучую волну и очистится и установится в новом, ином, лучшем виде.

Заглавия сочинений J. Kenworthy следующие: 1) The anatomy of misery; 2) From bondage to brotherhood; 3) The christian revolt. Сочинения I. Morrison Davidson: 1) The old order and the new; 2) The Gospel of the poor.

Адрес John Kenworthy: Pitlake Bridge West Croydon, London.

Адрес Morrison: в редакцию газеты «Daily Chronicle».

Сообщите мне, пожалуйста, адрес Лахмана.

Что вы знаете о D-г Грунскии в Штутгарте? Его журнал «Neues Leben» по первым двум номерам не удовлетворяет меня.

Очень сожалею, что не получил вашего журнала. Я имею только тот номер, который вы прислали мне в письме, именно

Heft 6. ¹⁶ Я прочел внимательно этот выпуск и скажу вам о нем свое мнение, не боясь оскорбить и огорчить вас, потому что руководит мною искренняя любовь к богу, к истине и к вам, его искреннему служителю.

Во-первых, скажу вам, что вы слишком много и слишком поспешно пишете. Мысли, высказываемые вами, не только мне сочувственны, но и часто блестяще выражены. Прекрасна и ваша критика Дарвинизма и статья «Der Geist als kosmische Function». Мне очень нравится мысль об отношении духа к мозгу и божеству, выраженная и в катехизисе; но мысль эта не доведена до полной ясности и простоты, не сделаны из нее выводы, не связана она с другими требованиями разума. Не видно, почему из такого понимания духа и бога вытекает любовь. Я бы не советовал вам теперь вдаваться в метафизическую область, а больше направлять ваши силы на разъяснение приложения всеми признаваемых истин к жизни. Вы делаете это прекрасно, с большим талантом, искренностью и силою. Кроме того, советовал бы писать меньше и больше обрабатывать написанное.

Теперь скажу вам о том проекте, ¹⁷ который в последнее время занимает меня.

В последнее время я с нескольких сторон получил предложение денег с просьбой употребить их на полезное для людей дело. Вместе с этим у меня всё больше и больше накапливается материала для статей, книг, брошюр: русских, немецких, английских (удивительна в этом отношении безжизненность французов) — одного и того же направления и духа, указывающих на невозможность продолжения существующего порядка вещей и на необходимость изменения его, и изменения не старым, оказавшимся недействительным средством насильственного низвержения его, а внутренним, индивидуальным, религиозным совершенствованием. (Я говорю не свою программу, а только выражаю один несомненно общий признак всех тех статей и книг, которые я получаю.)

То и другое обстоятельство: предложение денег и накопление книг и статей одного и того же характера и часто очень сильных, в числе которых занимают не последнее место и ваши, побуждает меня вернуться к давно уже приходившей мне мысли основать в Европе, в свободном государстве, в Швейцарии, например, международный не журнал, а издание под одним и тем же заглавием, в одной и той же форме, книг и брошюр на четырех язы-

ках: французском, английском, немецком и русском, в котором бы печатались самым дешевым образом все сочинения, отвечающие следующей программе:

Существующий строй жизни подлежит разрушению. В этом согласны как те, которые стремятся разрушить, так и те, которые защищают его.

Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражей; уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом и всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и замениться разумным религиозным нравственным сознанием; уничтожиться должен всякого рода деспотизм и замениться свободой; одним словом, уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей.

До сих пор для достижения всех этих целей употреблялись два средства: первое — насильственные революции, свержение людей, поддерживающих нежелательный порядок и замещение их другими, долженствующими устроить другой, желательный порядок жизни; и другое — состоящее в том, чтобы, не разрушая существующего порядка, вступая в ряды правительства, постепенно, понемногу достигать того изменения существующего порядка, которого требует человеческое сознание нашего времени.

Первый способ не достигает своей цели, потому что, во-первых, всякое насильственное разрушение существующего порядка вызывает в большинстве индифферентных людей реакцию, желание удержать во что бы то ни стало, какой бы то ни было ценой, существующий и даже существовавший прежде, когда не было пертурбаций, порядок вещей, и потому вызывает реакцию, только отдаляющую достижение цели.

Во-вторых, потому что люди, вступающие во власть при удержании прежней государственной машины насилия, очень скоро становятся столь же деспотичны, иногда еще и более, чем сверженные. (Реакция большой франц[узской] революции против деспотизма королевской власти, реакция Наполеона и реакция 15-го года, реакция после 30-го, после 48-го, после 81-го у нас и реакция теперь, после анархистских взрывов и убийств во Франции.)²⁰

Второй способ, состоящий в том, чтобы, участвуя в правительстве, улучшая, изменять его, еще менее достигает своей цели, потому что люди, не только вступающие в ряды правительства с целью постепенного улучшения существующего порядка, но даже признающие правительство и пользующиеся его выгодами и уверяющие себя, что они пользуются выгодами правительства только для того, чтобы быть в состоянии видоизменять его и улучшить, — незаметно для себя, очень скоро и неизбежно, потому что вся жизнь их опирается на правительственном насилии, становятся не только исправителями и изменителями насилий правительства, но самыми горячими защитниками его. Всё равно как если бы человек, взявшийся исправлять лодку, сидел бы и плыл в ней.

Люди в продолжение нескольких поколений, уже сознав ложность своего положения, стараются изменить его то тем, то другим средством, но ни то, ни другое не производит действия, и положение становится всё хуже и хуже. Существует же одно средство достижения этой цели, и самое простое и естественное, состоящее в том, чтобы оставить в покое государство и правительство и не думать о нем, а думать только о себе и своей жизни; уяснять себе цель и значение своей жизни и, соответственно уясненного сознания, вести свою жизнь. И удивительное дело, это средство, оставляющее совершенно в стороне вопросы о государстве, правительстве, обществе, одно разрешает (и самым несомненным образом) все вопросы государственные, правительственные и общественные. Средство это, по отношению к вопросам государственным, правительственным и общественным, состоит в том, чтобы вместо того, чтобы насильственно разрушать существующий строй жизни или, желая разрушить или заменить его, на нем строить свою жизнь, — средство это состоит в самом простом приеме, который, казалось бы, первый должен бы был придти в голову людям, — именно в том, чтобы не участвовать в этом насильственном строе жизни, который мы отрицаем и хотим изменить.

Для того же, чтобы не участвовать в этом насильственном и ложном строе жизни, нужно 1) сознавать ясно смысл и назначение своей жизни, 2) ясно понимать, что в нашей жизни соответствует назначению нашей жизни и что противоречит ему, и 3) знать те средства, которыми возможно привести в согласие

свою жизнь с требованиями своего сознания, и потому в предполагаемых изданиях печатались бы:

1) Сочинения, уясняющие религиозное сознание людей; 2) указывающие на несоответствие этого сознания с существующим порядком, и 3) разъясняющие средства изменения существующего порядка и осуществления нового, соответствующего сознанию строя жизни. Назвать эти издания можно бы было: «Возрождение» или что-нибудь подобное.

Такова приблизительно была бы программа этих изданий «Возрождения». Я знаю теперь десятки таких книг и статей; в том числе ваши, которые бы нашли там место. Такое издание соединило бы в один фокус всех единомыслящих людей, теперь рассеянных и незаметных людей. А их много и становится всё больше и больше. И сила их великая, п[отому] ч[то] будущее принадлежит им. Что вы об этом думаете?

Любящий вас

Лев Толстой.

Печатаемое письмо сохранилось в шести последовательных редакциях, из которых мы печатаем последнюю русскую и последнюю немецкую; обе написаны рукою С. А. Толстой, с поправками рукою Толстого. Письмо писалось в несколько приемов. В Дневнике от 26 февраля 1895 г. записано: «Написал письмо Шмиту с программой международного Посредника», а от 27 марта: «Написал или, скорее, исправил письма Шмиту и Кенворти». Датируем последним числом: 27 марта 1895 г. Ответ на письмо Шмита от 29/17 марта, при котором тот послал ему номер своего журнала со статьею «Ирод».

¹ О процессе, возбужденном против издателя статьи Шмита «Охота», см. письмо № 24.

² «Катехизис» — брошюра Шмита «Katechismus der Religion des Geistes» («Катехизис религии духа»), Гамбург, 1895, присланная в письме к Толстому от 27/15 декабря 1894 г.

³ Брошюра Шмита «Mammon und Belial» («Маммон и Белиал»), Гамбург, 1894.

⁴ Относительно «письма об отношении разума к религии» см. письмо № 24, прим. 3.

⁵ Молокане — рационалистическая секта, возникшая во второй половине XVIII в. О них см. В. Д. Бонч-Бруевич «Из мира сектантов», М. 1922, стр. 78—120.

⁶ Штундисты — рационалистическая секта, возникшая на юге России в половине XIX в. О них см. «Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества», под ред. Влад. Бонч-Бруевича, вып. 1 и 3, М. 1908—1910.

⁷ О духоборах см. письмо № 129.

⁸ Новопшундисты — секта, отколовшаяся от шундистов на съезде в 1872 г.

⁹ О назаренах см. письмо № 28, прим. 3.

¹⁰ Речь идет о предисловии немецкого переводчика к статье Себереньи о секте назаренов Г. Швальма, напечатанном в журнале «Jahrbücher für protestantische Theologie» («Ежегодники протестантской теологии»), т. XVI, 1890, стр. 528—549, под заглавием «Секта назаренов в Венгрии».

¹¹ Василий Кириллович Сютяев (1819—1892), крестьянин деревни Шевелино Новоторжского уезда Тверской губ., своеобразный религиозный мыслитель, с которым Толстой познакомился в 1881 г., в период формирования своих религиозных взглядов. См. т. 25, стр. 834—836.

¹² В статье «Die religiöse Bewegung der Gegenwart» («Современное религиозное движение»), помещенной в журнале «Religion des Geistes», 1894, № 2, стр. 60, Шмит пишет о Сютяеве как о непосредственном предшественнике и учителе Толстого, который «заимствовал у него свои основные религиозные положения».

¹³ О Тимофее Михайловиче Бондареве см. письмо к нему № 139.

¹⁴ «Léon Tolstoi et Timothée Bondareff. Le Travail. Traduit du russe par V. Tseytline et A. Pagès» («Лев Толстой и Тимофей Бондарев. Труд. Перевод с русского В. Цейтлина и А. Пажеса»), Париж, 1890.

¹⁵ *Только в немецком тексте:* Знаете ли вы Густава Мюллера, выпустившего в Лейпциге свою книгу «Больше света в наш мир? Я хотел бы ему написать и поблагодарить за его книгу. Жаль только, что он верит в спиритизм».

Густав Мюллер (Gustav Müller), немецкий религиозный писатель. Точное заглавие его книги: «Mehr Licht in unsere Welt! Ein Beitrag zur Klärung schwankender Begriffe und Anschauungen im Anschluss an Graf Tolstoy's «Christliche Gesinnung und Patriotismus» («Больше света в наш мир! К разъяснению колеблющихся понятий и воззрений в связи с сочинением графа Толстого «Христианство и патриотизм»), Лейпциг, 1895.

¹⁶ В шестой, ноябрьской, за 1894 г. тетради журнала Шмита «Религия духа» помещены следующие, частью упоминаемые ниже статьи Шмита: 1) «Письмо Льва Толстого к редактору» от 18/30 августа 1894 г. с заметкой Шмита, стр. 161—164; 2) «О дарвинизме», стр. 164—170; 3) «О духе как космической функции», стр. 170—176; 4) «Русские сектанты», стр. 176—183; 5) «Закон развития духа», гл. IV — «Искусство и философия», стр. 183—192.

¹⁷ Проект международного издательства, которым был очень занят Толстой в эти дни, не был осуществлен.

¹⁸ *Только в немецком тексте:* Письмо об отношении разума к религии, я прошу вас поправить и улучшить в смысле стиля и даю вам в этом отношении carte blanche.

¹⁹ *Только в немецком тексте:* Ваше письмо и брошюру Ирод я получил и прочел. Мне особенно понравился конец.

Одновременно посылаю вам для вашего журнала правдивый рассказ о новом движении среди духоборцев на Кавказе и об их вожде Веригине, который был сослан в Сибирь и с братом и другом которого я этой зимой познакомился в Москве. Если эта статья не придет с этой же почтой, то я пошлю ее со следующей.

Статья Шмита «Herodes, oder gegen wen ist die Umsturzvorlage gerichtet? Ein Denkmal der Reaction des 19 Jahrhunderts» («Ирод, или против кого направлен план переворота? Памятник реакции 19 века»), Лейпциг, 1895.

О Петре Васильевиче Веригине (1862—1924) см. т. 54, прим. 358. Записка о П. В. Веригине — дневник уголовного арестанта А. С. Д., случайно попавшего в одну камеру с Веригиным и записавшего свои беседы с ним. Дневник этот был помещен сначала в № 7 рукописного журнала «Архив Л. Н. Толстого», под заглавием «Из тюрьмы», а затем был напечатан в книге «Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина», под ред., со вступительной статьей и примечаниями В. Д. Бонч-Бруевича, Крайстчёрч, 1901, стр. 163—173.

²⁰ В 90-х гг. XIX в. во Франции и в Италии усилилась террористическая деятельность анархических организаций. В 1892 г. Равашоль бросил бомбу в ресторане Вери в Париже; в 1893 г. Вайан бросил бомбу во время заседания в зале Палаты депутатов; в 1894 г. Анри бросил бомбу в ресторане в Париже, а 25/13 июня того же года итальянский анархист Казерио убил ударом кивжала президента Французской республики Сади Карно.

* 61. А. А. Нагорному.

1895 г. Марта 28. Москва.

28 марта 1895.

Андрей Алексеевич,

Я получил ваше письмо и желаю ответить на ваши вопросы и по мере сил помочь вам. Образование нужно всякому человеку и, тем более, крестьянину, потому что крестьянин, землепашец, самый полезный человек и самый настоящий житель. Он может жить без всяких других сословий, а другие без него не могут жить. И жизнь крестьянская была бы самая хорошая жизнь, если бы крестьяне были образованы. Но надо знать, что разумеет под словом: образование. Образование состоит не в том, чтоб изучить все науки или хоть часть их (пот[ому] что наук столь[ко], что нет никакой возможности одному человеку изучить и десятую долю их), не в том, чтобы прочесть много книг и уметь рассуждать о многих предметах, а в том, чтобы уметь ясно и несомненно отвечать на тот вопрос, который вы

ставите в конце вашего письма, а именно: *в чем состоит главная (лучше, единственная) задача жизни каждого человека на земле?* Знать ответ на этот вопрос и уметь из этого ответа делать все дальнейшие выводы и приложения к своей жизни — в этом только истинное образование. И образование это довольно легко получить. Ответ этот дан нам в евангелии, и если мы только не приняли вперед на веру чего-либо лишнего, такого, что мешает принять евангельский ответ во всей его простоте и ясности, то ответ это[т] легко открывается всякому, как и сказано: скрыто от мудрых и открыто младенцам. Ответ этот, по моему мнению, состоит в следующем: задача человека в том, чтобы исполнить в этой жизни то, для чего он послан в нее богом, от которого он исшел и к которому придет. Хочет же бог от человека того, чтобы он (человек) тратил свою жизнь, свое тело на служение благу мира, благу всех людей и всех существ. Делать же это может человек, отрекаясь от своей животной личности и вызывая в себе любовь к людям и всем существам. В человеке есть духовная, бессмертная, божественная сущность и есть его животная личность. Если человек будет думать, что жизнь его в его теле, будет служить телу, он погубит свою душу и не исполнит свою задачу; если же он будет считать собою свою божественную, духовную сущность и будет жить для нее, жить по-божьи, будет желать того, чего желает бог, т. е. не своего блага, а блага всех существ, то он исполнит свою задачу и получит истинное благо. —

Так я думаю и так я писал это в многих книгах, кот[орые] запрещены и кот[орые] поэтому не могу вам выслать. Некоторые же книги, которые могут вам быть полезны, посылаю вам. Вы пишете, что вы сектант. К какой вы принадлежите секте? Я думал, что разделения вер не должно быть. Если держаться только того, чего все люди держатся и что все признают, то и не будет разделения. — Пишите мне. Я рад буду, если буду вам полезен.

Лев Толстой.

Печатается по листам 218 и 219 копировальной книги.

Андрей Алексеевич Нагорный — крестьянин села Заплавного Царевского уезда Астраханской губ., баптист.

Ответ на его письмо от 11 марта 1895 г.

62. А. А. Толстой.

1895 г. Марта 31. Москва.

Соня третьего дня начала писать это письмо — не кончила и вчера заболела инфлуенцией и нынче всё еще нездорова и попросила меня дописать. А я очень рад этому, милый, дорогой старый друг. — Телесная болезнь Сони, кажется, не опасна и не тяжела; но душевная боль ее очень тяжела, хотя, мне думается, не только не опасна, но благотворна и радостна, как роды, как рождение к духовной жизни. Горе ее огромно. Она от всего, что было для нее тяжелого, неразъясненного, смутно тревожащего ее в жизни, спасалась в этой любви, любви страстной и взаимной к действительно особенно духовно, любовно одаренному мальчику. (Он был один из тех детей, которых бог посылает преждевременно в мир, еще не готовый для них, один из передовых, как ласточки, прилетающие слишком рано и замерзающие.) И вдруг он взят был у нее, и в жизни мирской, несмотря на ее материнство, у нее как будто ничего не осталось. И она невольно приведена к необходимости подняться в другой, духовный мир, в кот[ором] она не жила до сих пор. И удивительно, как ее материнство сохранило ее чистой и способной к восприятию духовных истин. Она поражает меня своей духовной чистотой — смирением особенно. Она еще ищет, но так искренно, всем сердцем, что я уверен, что найдет. Хорошо в ней то, что она покорна воле бога и только просит его научить ее, как ей жить без существа, в которое вложена была вся сила любви. И до сих пор еще не знает как. Мне потеря эта больна, но я далеко не чувствую ее так, как Соня, во-1-х, п[отому] ч[то] у меня была и есть другая жизнь, духовная, во-2-х, п[отому] ч[то] я из-за ее горя не вижу своего лишения и пот[ому] что вижу, что что-то великое совершается в ее душе, и жаль мне ее, и волнует меня ее состояние. Вообще могу сказать, что мне хорошо.

Последние эти дни Соня говела с детьми и Сашей, кот[орая] умилительно серьезно молится, говееет и читает евангелие. Она, бедная, очень больно была поражена этой смертью. Но думаю — хорошо. Нынче она причащалась, а Соня не могла, п[отому] ч[то] заболела. Вчера она исповедовалась у очень умного священника Валентина¹ (друг наставник Машеньки, сестры),

кот[орый] сказал хорошо Соне, что матери, теряющие детей, всегда в первое время обращаются к богу, но потом опять возвращаются к мирским заботам и опять удаляются от бога, и предостерегал ее от этого. И, кажется, с ней не случится этого.

Как я рад, что здоровье ваше поправилось или поправляется. Может быть, еще приведет бог увидаться. Очень желаю этого.

Сколько раз прежде я себя спрашивал, как спрашивают многие: для чего дети умирают? И никогда не находил ответа. В последнее же время, вовсе не думая о детях, а о своей и вообще человеческой жизни, я пришел к убеждению, что единственная задача жизни всякого человека — в том только, чтобы увеличить в себе любовь и, увеличивая в себе любовь, заражать этим других, увеличивая в них любовь. И когда теперь сама жизнь поставила мне вопрос: зачем жил и умер этот мальчик, не дожив и десятой доли обычной человеческой жизни? Ответ общий для всех людей, к которому я пришел, вовсе не думая о детях, не только пришелся к этой смерти, но самым тем, что случилось со всеми нами, подтвердил справедливость этого ответа. Он жил для того, чтобы увеличить в себе любовь, вырасти в любви, так как это нужно было тому, кто его послал, и для того, чтобы заразить нас всех, окружающих его, этой же любовью, для того, чтобы, уходя из жизни к тому, кто есть любовь, оставить эту выросшую в нем любовь в нас, сплотить нас ею. Никогда мы все не были так близки друг к другу, как теперь, и никогда ни в Соне, ни в себе я не чувствовал такой потребности любви и такого отвращения ко всякому разъединению и злу. Никогда я Сою так не любил, как теперь. И от этого мне хорошо.

Прощайте, милый, дорогой друг, простите, что всё пишу о себе и своих. Напишите нам словечко и о себе. Соня, я и все дети целуем вас.

Л. Толстой.

31 марта 1895.

Впервые опубликовано в ПТ, № 177.

Александра Андреевна Толстая (1817—1904) — двоюродная тетка Толстого. См. о ней в т. 47, прим. 624.

¹ Валентин Александрович Амфитеатров (ок. 1830—1908), настоятель Архангельского собора в Кремле.

63. Н. В. Давыдову.

1895 г. Начало марта. Москва.

Дорогой Николай Васильевич. Очень благодарю вас за ваше сочувствие в нашем горе. Горе для жены ужасное; но, слава богу, она несет его хорошо, т. е. религиозно, признавая, что в этом была воля бога и что так должно было быть, в особенности для него. Но все-таки ей очень, очень тяжело, и если что смягчает ее горе, то это участие добрых друзей. Благодарю вас за себя и за нее.

Любящий вас Л. Толстой.

Впервые опубликовано в книге: «Толстой. Памятники творчества и жизни», т. 2, М. 1920, стр. 205. Датируется по содержанию.

Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) — близкий знакомый Толстого; в 1895 г. был председателем Тульского окружного суда. См. т. 63, стр. 141—142.

64. Б. Н. Чичерину.

1895 г. Март. Москва.

Очень благодарю тебя, любезный друг, за твое доброе участие в нашем горе. Жене очень тяжело. Но я с радостью вижу, что она без ропота, религиозно несет его. Как всегда, такая смерть просветляет и сближает с богом, и я вижу, что это совершается в ней. Желая, чтобы то же совершалось и во мне. Дружески жму тебе руку. Жена благодарит тебя и просит передать от себя и меня наш привет твоей жене.

Любящий тебя Л. Толстой.

Впервые опубликовано в книге «Письма Толстого и к Толстому. Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», М. 1928, стр. 30. Датируется по содержанию.

Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) был другом молодости Толстого, юрист и философ-идеалист. См. т. 47, прим. 1472.

* 65. В. И. Горнунгу.

1895 г. Конец марта? Москва.

Книги, о которых вы пишете, можно приобрести за границей и здесь в России у различных и многих лиц, которых указать не могу.

Лев Толстой.

Печатается по рукописной копии с автографа, находившегося у адресата. Датируется предположительно на основании почтового штемпеля получения на конверте письма адресата: «Москва 23/III 1895 г.».

Владимир Иосифович Горнунг (р. 1871) — экономист и кооператор. Лично познакомился с Толстым в конце 1895 г., бывал у него в Москве в Хамовниках и в Ясной Поляне.

Ответ на письмо Горнунга от 22 марта 1895 г., в котором тот просил его указать, как достать религиозные сочинения Толстого, а также просил разрешения приехать летом в Ясную Поляну.

* 66. Н. П. Тулякову.

1895 г. Февраля 13 — апреля 1. Москва.

Пришлите рассказ, я прочту и скажу, годится ли.

Л. Толстой.

Печатается по листу копировальной книги № 128. Датируется на основании упоминания в ответном письме Тулякова от 2 июня 1895 г., что он получил это письмо «постом» — великий пост в 1895 г. длился от 13 февраля до 1 апреля.

Ответ на письмо крестьянина Н. П. Тулякова из Каширы от 25 января с просьбой о разрешении прислать Толстому написанный им рассказ из деревенской жизни.

* 67. С. А. Венгерову.

1895 г. Апрель 1—5. Москва.

Уважаемый Семен Афанасьевич,

Благодарю за присылку вашего словаря¹ и статьи о Друж[инине].² Я прочел эту статью еще прежде, т[ак] к[ак] интересуюсь и вами и Дружининым. Статья хорошая.

Пользуюсь вашим разрешением не отвечать на 2-ой вопрос, и не п[отому], ч[то] не желаю, а п[отому] ч[то] это слишком длинно для письма; при свидании же, если бы оно было, очень рад буду рассказать вам, что знаю об этом.

На первый же вопрос отвечаю утвердительно с величайшим удовольствием. Предисловия в виде статьи я не обещаюсь написать. Я уже написал такую — она есть в загранич[ных] изданиях и в собрании сочинений в несколько урезанном виде.³ И теперь не имею на это времени, но несколько слов в виде

предисловия я очень желал бы написать; и сейчас же попытаюсь это сделать. Боюсь только, что эти несколько слов с моим именем помешают прохождению статьи Бондарева через цензуру. Я бы написал так:

[Дальше следует заметка об учении Бондарева.]

Если вам это пригодится в виде предисловия, то пришлите мне в корректуру поправить.⁴

На конверте: Петербург. Сергиевская 2. Семену Афанасьевичу Венгерову.

Дата определяется, с одной стороны, записью в Дневнике Толстого от 6 апреля 1895 г. (предшествующая запись от 28 марта): «За это время написал... Венгерову с предисловием к Бондареву» (т. 53, стр. 19), а с другой — датой письма Венгерова, помеченной: «27 марта. СПб.».

Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) — историк литературы и библиограф, профессор Петербургского университета и Высших женских курсов. С Толстым впервые вошел в письменное общение в 1882 г., когда стал редактором издававшегося в Петербурге ежемесячного журнала «Устой» и пригласил Толстого участвовать в нем.

Ответ на письмо Венгерова от 27 марта 1895 г., в котором он просил Толстого «написать небольшую статейку о Бондареве» для помещения в 5 томе своего «Критико-биографического словаря».

¹ Посылая Толстому одновременно с письмом четыре вышедших тома своего «Словаря» и статью о Дружинине (напечатанную сначала в «Вестнике Европы» 1895, № 1-2, и перепечатанную впоследствии в 5 томе «Критико-биографического словаря», стр. 376—433), Венгеров сообщал: «Недавно писали, что первый оценил ваше дарование в должной мере Н. Н. Страхов. Это неправда. Как я доказываю в этом этюде, первый критик, применивший к вам подходящие эпитеты, был Дружинин, оценка которого оказалась истинно пророческою». Речь идет о статье Дружинина о Толстом в сентябрьском номере «Библиотеки для чтения» 1856, стр. 7—8.

² Александр Васильевич Дружинин (1824—1864), писатель, критик, проповедник «чистого искусства», был сотрудником «Современника», но из-за идейных расхождений с революционными демократами перешел в журнал «Библиотека для чтения».

³ Предисловие Толстого к сочинению Т. М. Бондарева «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство», впервые напечатанное (с цензурными изменениями) в журнале «Русское дело» 1888, №№ 12 и 13, а полностью в заграничном издании М. К. Элпидина под названием: «Учение М. К. [!] Бондарева. Предисловие и изложение графа Льва Николаевича Толстого», Женева, 1892.

⁴ Заметка Толстого была напечатана Венгеровым в его «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», т. 5, СПб. 1897, стр. 448—453. См. т. 31.

* 68. Л. Ф. Анненковой.

1895 г. Апрель 6? Москва.

Дорогая Леонила Фоминична,

Письмо это вам передаст Колосников,¹ друг Дрожжина, кот[орый] возвращается из ссылки. Очень серьезный человек и хороший. Он сосед ваш, и хорошо вам помогать духовно друг другу.

Как жаль, что давно не видал вас.

Любящий вас Толстой.

Датируется предположительно на основании записи в Дневнике Толстого от 6 апреля 1895 г. о посещении его Колосниковым (т. 53, стр. 18).

Леонила Фоминична Анненкова (1844—1914)—курекая помещица, близкий друг Толстого и его семьи.

¹ Колосников, крестьянин с Обуховки Курской губ., был выслан в Вологодскую губ. за сочувствие взглядам Толстого.

* 69. А. Г. Макееву.

1895 г. Начало апреля? Москва.

Получил ваше письмо и переслал Черткову карточку. Надеюсь, что он исполнит ваше желание. Михаила Аркадьевича¹ я видел здесь мельком. Он живет, сколько я знаю, у Философовых² в Паниках, Данковского уезда. Очень и мне тяжело было написать вам то, что я думаю о вашем писании, — а я думал, что не ошибаюсь, — но лучше вам не возлагать надежд на эту деятельность. Когда есть способность, то еще хуже кормиться этим. Но вы, пожалуйста, не унывайте и поддерживайте вашу жену, внушая ей, что ее уныние ненормально и зависит от ее беременности и, главное, лихорадки. Небо прояснится, и много еще будет светлых дней. Только бы в ненастные дни не наделать ошибок, которые повредят потом, когда и настанут светлые дни. Главное, как сказал древний мудрец, надо стараться знать самого себя.³ Христос сказал: кто хочет быть его последователем, тот оставь жену и детей, а вы, желая быть его последователем, завели жену и детей. Если жениться, то надо и жить по-мирски, или, по крайней мере, настолько по-мирски, насколько к тому принуждает необходимость соблюдать жену и

детей. Я знаю, что так обдуманно и рассчитанно никто не может жить, и что в ваши годы свойственно увлекаться, и что бесполезно рассуждать о том, что бы надо было сделать, когда уже дело сделано, а надо как-нибудь помогать страдающим, тем более, что вы сами знаете свою вину и каетесь в ней.

Научите только, как и чем могу помочь вам?

Любящий вас Л. Толстой.

На Кавказе у меня знакомых есть только на Северном Кавказе, в станице Кавказской, жена доктора Кудрявцева — Марья Федоровна.⁴ Да еще я знаю про прекрасный народ — христиан (сектантов) в Майкопе. В ваших же странах знаю только Еропкина,⁵ но его, кажется, нет в колонии. Не перебраться ли вам на Северный Кавказ, и прочь от лихорадок, и в большой станице можно найти работу — учительство.

Печатается по машинописной копии. Датируется предположительно на основании штемпеля получения на конверте письма адресата: «Москва, 30 марта 1895 г.».

Ответ на письмо Макеева от 23 марта 1895 г., в котором он просит Толстого переслать открытку В. Г. Черткову, написав адрес, а также сообщить ему, где находится М. А. Сопозько, у матери которого, акушерки, он надеялся на лето устроить свою больную жену.

¹ О Михаиле Аркадьевиче Сопозько см. письмо № 100.

² Николай Алексеевич и Софья Алексеевна Философовы, родители жены Ильи Львовича Толстого.

³ «Познай самого себя» — по Плутарху, надпись на древнем Дельфийском храме в Греции.

⁴ О Марии Федоровне Кудрявцевой см. письмо № 74.

⁵ Виктор Васильевич Еропкин (1848—1909), организатор земледельческой колонии «Кривица» на Кавказе на черноморском побережье близ Туапсе.

* 70. С. И. Кобелеву.

1895 г. Апрель 17—19. Москва.

Степан Ильич,

Я получил ваше письмо и ваше рассуждение. Многое в вашем рассуждении неясно выражено, но по тому, что я понял, я думаю, что вы на настоящем пути и ищите истины и спасения не у царствующей ложной церкви, и не у мирских писателей, а в евангелии. Советовал бы вам держаться преимущественно

евангелия, и в евангелии — преимущественно самых слов Христа, а из этих слов, выбирая самые ясные, понятные и такие, которые прямо указывают на жизнь: на то, чего не должно делать и что должно делать нам сейчас в нашей жизни. А не делать так, как делают церковники, опираясь более всего на ветхий завет и на послания, а из евангелий выбирая слова самые непонятные. Евангелие не за тем дано, чтобы о нем рассуждать, а чтобы по нем жить и переделать всю жизнь так, чтобы вместо войн, тюрем, виселиц между людьми была бы одна любовь и радостное служение друг другу. А для того, чтобы так переделать мир, нужно переделать себя и делать себя таким, чтобы не только не участвовать в войнах, тюрьмах, виселицах, но и не нуждаться в их защите, а быть всякую минуту готовым умереть, свидетельствуя истину Христову. Будем просить бога, чтобы он помог нам жить так, и сами будем полагать на это все силы. Если приведет бог увидеться, буду рад, а не приведет, будем издалека братски любить друг друга.

Лев Толстой.

Знаете ли вы Молоканских христиан? Я про них слышал много хорошего, также и про христиан, живущих в Пятигорском округе, называемых шалопутами? ¹

Печатается по листам 220 и 221 копировальной книги.

Опубликовано частично в журнале «Голос Толстого и Единение», 1919, № 6 (12), стр. 4. Дата письма определяется почтовым штемпелем получения на конверте письма адресата: «Москва 16 апреля 1895 г.», и тем, что оно скопировано перед письмом к М. А. Левитскому, помеченным 19 апреля.

Степан Ильич Кобелев — бывший унтер-офицер, жил в станице Ессынтуки на Кавказе, занимаясь пчеловодством.

¹ Шалопуты — рационалистическая секта, возникшая в 1860-х гг. и распространенная, главным образом, на Северном Кавказе.

* 71. Издательству «Библиографическое бюро».

1895 г. Апреля 19. Москва.

В Берлин. В Библиографическое бюро.

Г-н Е. Попов сообщил мне ваше письмо от 27 апреля, ¹ в котором вы пишете, что напечатание статьи Е. Попова в заключении биографии Дрожжина и моего послесловия очень

увеличит книгу и сделает сбыт ей затруднительным, и что поэтому вы полагаете не печатать эту статью в издаваемой книге. Я очень сожалею об этом и просил бы вас изменить ваше решение, так как, по моему мнению, книга очень много выиграет от приложения прекрасной и объясняющей весь смысл книги статьи Попова. — Думаю, напротив, что приложение этой статьи будет сильнее всего другого содействовать распространению книги. Надеюсь на то, что вы, если только это возможно, исполните мою просьбу, остаюсь с совершенным уважением готовый к услугам

Лев Толстой.

Апреля 19 ст. ст. 1895.

Печатается по листам 224 и 225 копировальной книги.

«Библиографическое бюро» — объединение нескольких немецких издательств в Берлине, напечатавшее некоторые переводы сочинений Толстого, а также ряд произведений родственников ему по духу немецких писателей.

¹ В письме к Е. И. Попову от 27/15 апреля руководители «Библиографического бюро» сообщали ему, что принуждены отклонить помещение в книге его большой статьи об отказах от воинской повинности.

Ответ издательства неизвестен. Книга «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866—1894» вышла в Берлине в 1895 г. без статьи Попова, но с его небольшой вступительной заметкой и с предисловием Л. Н. Толстого.

* 72. М. А. Левитскому.

1895 г. Апрель 19. Москва.

Михаил Алексеевич,

Я вполне разделяю мысли, высказанные в вашем письме. Я не только согласен с этим взглядом, именно о том, что наступает время, когда жизнь человеческая должна перестроиться из жизни языческой, насильнической, в жизнь христианскую, в кот[орой] исполнится пророчество, и копыя будут перекованы на серпы, и мечи на орала,¹ и люди перестанут властвовать друг над другом, а будут любить друг друга и свободно, радостно служить друг другу, — что время это наступает и наступило, я не только согласен с этим, но об этом только и писал в продолжение последних 12 лет в сочинениях, не про-

пущенных цензурою. Более подробно я изложил эту мысль в последнем сочинении своем «Царство божие внутри вас есть». И потому я очень рад встретить в вас человека, одинаково мыслящего, и очень рад буду, если вы обнаружите сочинение, высказывающее это.

С совершенным уважением остаюсь сочувствующий вам
Лев Толстой.

Во Владимире живет доктор Лазарев, ² человек самых высоких христианских взглядов. Он, вероятно, был бы рад познакомиться с вашим сочинением.

Апреля 19 1895.

Михаил Алексеевич Левитский (р. 1848) — присяжный поверенный и журналист в г. Владимире; в 1901 г. редактировал «Владимирскую газету», закрытую по распоряжению министра внутренних дел за «вредное направление». С Толстым познакомился в начале 1890-х гг., во время одной из железнодорожных поездок.

Ответ на письмо Левитского от 16 апреля 1895 г., в котором он излагал свои взгляды на исторический процесс и смысл жизни, близкие к взглядам Толстого и развитые им в сочинении, с которым он хотел бы познакомиться Толстого.

¹ «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои на серпы» — «Книга пророка Исайи», гл. 2, ст. 4.

² Иван Федорович Лазарев (р. 1830), врач в г. Владимире, близкий по взглядам к Толстому.

73. С. В. Хряпину.

1895 г. Середина апреля. Москва.

Я получил ваше письмо и всей душой сочувствую вашему стремлению и вашей борьбе. Те средства, кот[орые] вы перечисляете, все хороши и ими всеми надо пользоваться (не помню, упоминаете ли вы о посте — тоже одно из важных внешних средств), но одно главное и могущественнейшее из всех средств, или скорее не средство, а состояние, при кот[ором] упраздняется борьба — это молитва, т. е. общение с богом: признание себя его орудием и перенесение всей энергии жизни на исполнение воли его. Я говорю, что это — состояние, при к[отором] упраздняется борьба, п[отому] ч[то] при полной преданности воле

бога все, что совершается, совершается уже не по своей, а по его воле. Помогай вам бог исполнять его волю для блага истинного своего и других.

Л. Толстой.

На обороте: Муром: Директору льнопрядильной фабрики, Сергею Владимировичу Хряпину.

Печатается по автографу, находившемуся у М. Б. Гольденвейзер в Москве. Впервые опубликовано М. О. Гершензоном в «Новых прописях», т. 1, М. 1923, стр. 84, с датой: «Конец сентября — начало октября 1895 г.». Датируется на основании письма Хряпина, на которое Толстой отвечает: «Москва. 11. IV. 1896». Письмо отправлено не было.

Сергей Владимирович Хряпин — сын директора льнопрядильной фабрики в Муроме Владимирской губ., ученик 7-го класса реального училища. С 1893 г. написал Толстому шесть писем, на которые, судя по отметкам на конвертах рукою Толстого: «Б[ез] О[твета]», ответа не получил. 8 апреля 1895 г. Хряпин написал седьмое по счету письмо, в котором касался, главным образом, вопроса о половой невоздержности и о средствах борьбы с ней. На конверте этого письма Толстой сначала написал: «Отв[етить]» и тут же: «Б[ез] О[твета]». Написав это письмо, он передумал и не послал его по адресу.

* 74. М. Ф. Кудрявцевой.

1895 г. Апреля 23—24. Москва.

Спасибо, дорогая Марья Федоровна, что не забываете меня. Письмо ваше порадовало меня. Оно бодрое, и дело, к[отор]ое вы описываете, — ваши занятия с учениками, — такое хорошее. Помогай вам бог не унывать, а служить ему. Мы живем очень напряженной жизнью. После смерти Вани, к[оторая] всех нас очень приблизила к богу, — жена всё время больна. Только вчера встала и едет с сестрой в Киев на несколько дней. Мы все в Москве и пробудем, не знаем, докуда, и поедем еще, не знаем куда.¹ Прощайте пока, пишете.

Л. Т.

Печатается по листу 226 копировальной книги. Дата определяется словами: «жена... едет с сестрой в Киев». С. А. Толстая уехала в Киев 24 апреля.

Мария Федоровна Кудрявцева — жена врача, сочувствовала взглядам Толстого. В 1895 г. жила в станице Кавказской Кубанской обл.

Ответ на письмо Кудрявцевой от 9 апреля 1895 г., в котором она писала о своей жизни на Кавказе и о занятиях с приходившими к ней детьми.

¹ Вследствие неожиданной смерти в Москве в феврале 1895 г. младшего сына Ивана, болезни Софьи Андреевны и боязни ее вернуться в Ясную Поляну, полную воспоминаний о сыне, Толстые в это время колебались, куда им ехать на лето, и думали о поездке за границу, о чем говорится также в письме к Н. Н. Страхову № 84 от 5 мая и в письмах к другим адресатам.

* 75. Н. Н. Страхову.

1895 г. Апрель 26. Москва.

Дорогой Николай Николаевич,

Узнал на днях от Меньшикова, ¹ кот[орый] узнал это от Веселитской, ² что вы больны, и одиноки, и унылы, и сердцем захотелось помочь, облегчить, успокоить вас. Уныние, вы знаете, что грех, и потому, верно, боретесь с ним, а одиноким не может быть никто, у кого есть общение с богом. Если открыт путь на эту главную станцию, то оттуда уж беспрепятственное и бесконечное общение со всем истинно живым. А у вас должно быть это общение с главной станцией, с богом. Я говорю «должно быть это общение», п[отому] ч[то] вполне не знаю: молитесь ли вы, можете ли молиться? Не в церкви, не говея (такого рода, по моему опыту, несовместна с той молитвой, к[оторая] поддерживает и утверждает), а молитесь ли так, чтобы, отказавшись от всяких рассуждений, от всяких мыслей, слов, просто жалобно отдаться той власти, в к[оторой] находишься, и просить ее или взять от меня мою волю, или вложить в меня свою. Я молюсь так, и не знаю кому, и как может отозваться тот, кому молюсь, на нее, но знаю, что мне это нужно, необходимо и что этот акт молитвы не пустой крик только моей слабости, но важнейшее и лучшее дело, кот[орое] я могу сделать. Желаю вам этого или другого, мне неизвестного, способа общения с богом, но это общение необходимо и излечит вас и телесно и духовно. Напишите, пожалуйста, несколько слов о себе. Мы продолжаем переживать какой-то решительный переворот в нашей жизни. Соня, кроме своего тяжело переживаемого ею горя, еще тяжело заболела инфлуенцей и теперь, чуть-чуть поправившись, уехала в Киев с Таней сестрой, к[оторая] приехала за ней. Маша, к[оторая]

тоже всё чахнет, уехала с ней. Лева всё болен, живет в санатории под Москвой. Я устал и очень слаб. Ничего не могу работать. Никогда не проходило так долго без работы. — Не одиноки вы еще и пот[ому], что вас все очень любят. Вы бы порадовались, если бы услышали те выражения дружбы и сочувствия вашему положению и желания помочь вам, кот[орые] выразили все наши, от детей и Тат[ьяны] Андр[еевны] до меня, когда узнали про вашу болезнь. —

Прощайте, целую вас и надеюсь скоро получить от вас бодрое и доброе письмо.

Л. Толстой.

Дата определяется содержанием и записью в Дневнике от 26 апреля 1895 г.: «надо писать Черткову, Страхову... Напишу хоть письма».

¹ О Михаиле Осиповиче Меньшикове см. письмо № 145.

² О Лидии Ивановне Веселитской см. письмо № 115.

76. С. А. Толстой от 26 апреля.

77. В. Г. Черткову от 26 апреля.

* 78. В. П. Гайдебурову.

1895 г. Апреля 28. Москва.

Вы очень обяжете меня, Василий Павлович, если вы один из экземпляров, посылаемых нам, Недели — как газеты, так и книжек, будете посылать, как и посылались при П[авле] А[лександровиче], ¹ Дмитрию Александр[овичу] Хилкову. Адрес Хилк[ова] теперь Нуха.

Лев Толстой.

Печатается по листу 128 копировальной книги. Дата поставлена карандашом неизвестной рукой.

Василий Павлович Гайдебуров (р. 1866) — редактор либерально-народнической газеты «Неделя» и журнала «Книжки Недели».

¹ Павел Александрович Гайдебуров (1841—1893), отец В. П. Гайдебурова, с 1876 г. издатель и редактор газеты «Неделя». См. т. 65, стр. 185.

1895 г. Апреля 28. Москва.

Каждый день собираюсь писать вам, дорогой Дмитрий Александрович, и до сих пор не собрался. Не знаю, старость ли это, новая ступень ее, наступила, или напряженная жизнь этих последних двух с половиною месяцев — смерть ребенка, болезнь жены — сделали то, что я очень умственно ослабел. Нет прежней энергии, радости мысли, а хочется не думать. Я немного жалею об этом, но утешаюсь тем, что это состояние не мешает, даже скорее содействует духовной жизни, т. е. доброму отношению к людям и существам и смирению.

Очень хотелось бы также, как и вы пишете, работать в поле, да, видно, не надо. Живу в городе, и теперь один с Таней и Сашей и двумя маленькими гимназистами, а жена с Машей уехала к своей приезжавшей за ней сестрой в Киев. Уехала на неделю или две. Жена ужасно потрясена смертью Ваночки и потом перенесла тяжелую болезнь и теперь еще не поправилась. Впрочем, я написал, что мне *очень* хочется работать в поле. Это не совсем так. Мне почти всё равно. Знаю, что по моей слабости мне не удалось провести хоть часть моей жизни так, как я считаю хорошим, и я, хоть и с болью в сердце, но примирился с этим. Вот вас так мне очень жаль, что вы лишены этого. Но, верно, и вам так нужно; и я думаю, что ваша жизнь такая, какая она есть, нужна и полезна — и думаю, особенно полезна для так называемых сектантов, с которыми вы в близких отношениях.

Чертков, вероятно, уже писал вам о неуспехе, до сих пор, по крайней мере, его записки.¹ Очень тяжелое это вам, особенно Цецилии Владимиришне, испытание,² но что же делать, надо стараться употребить его себе на пользу. Отнять детей нельзя. И я искренно думаю, что отнятие это может сильнее привлечь к вам мнимо отнятых детей. От вас зависит привлечь их, и не только их, но и многих других к себе, что вы и делаете. Я на своих детях на опыте видел это: в возрасте от 10, 12 до 17, иногда позже — до 20 и больше лет, они уходят, отнимаются, а потом возвращаются, а вместо тех, которые не возвращаются, приходят другие. Не осудите меня в жестокости, Цецилия Владимиришна, но я не только разумом, но опытом убедился в том, что тот, кто оставит дома, поля, жену, детей, братьев, найдет в 100 раз больше. На моих глазах вижу, что мать готова

убить себя, ожидая смерти любимого 4-х, 5, 6-ти летнего милого ребенка, а пройдет 15 лет, ребенок выходит бессердечным, развратным малым, и мать страдает в 100 раз больше от его жизни, чем от его смерти. Всё это я говорю к тому (мысли эти особенно освежила во мне беседа с одним врачом С., у кот[орого] отняли единстве[нную] дочь 3-х лет, тоже через Комиссию прошений, ³ чтобы отдать нелюбящей и рассеянной жизни матери), я говорю к тому, что нельзя и не должно, во-1-х, любить известных одних детей для себя, для своей радости, и во-2-х, не должно рассчитывать на то, что ты можешь сделать из своих детей, на последствия своего влияния на них. Делать нужно по отношению как своих детей, так и всяких других детей и людей, всё то, что считаешь должным перед своей совестью, т. е. богом, а что выйдет из этого, предоставить богу. Разумеется, нельзя не болеть, и когда лишен детей, и когда из них выходит не то, чего хочешь; но болеть будешь меньше, и останется больше досуга и энергии для жизни, если будешь вперед знать, что дети эти не исключительно мои, что обязанности я имею перед ними только п[отому], ч[то] они со мной живут, и нет у них более близких, а что особенной, исключительной связи у меня с ними нет, и знать, что выйдет из них не то, что я хочу, а что бог хочет, а что мое дело только в том, чтобы исполнить не только перед ними, но перед богом и всеми людьми, в той мере, в какой я это могу, то, чего от меня хочет бог. Простите, что так непрощенно и нескладно пишу, но вы поймете меня. Я думаю и чувствую, что пишу. Знаю, что трудно так думать и чувствовать, что все мы слабы, и потому очень желаю, чтобы дочка ваша поправилась от кори и была бы с вами. Напишите о ней.

Книг и брошюр англ[ийских] я соберу и пришлю вам; ⁴ но теперь их многих нет. Я не помню, есть ли у вас книги Kenworthy. Очень радуют меня теперь, кроме Kenworthy в Англии, два немецкие центра: один в Будапеште, Eugen Heinrich Schmitt, а другой в Штутгарте, Грунский. Оба издают маленькие журналы и совершенно сходятся с нами во взглядах. Знаете ли вы про них?

О междунар[одном] издании еще ничего не решено, но кажется, что это дело делается.

Прощайте пока. Пишите пожалуйста.

Л. Толстой.

28 апреля 1895.

Ответ на письмо Хилкова от 29 марта 1895 г.

¹ «Записка», составленная В. Г. Чертковым, по поводу преследований за религиозные убеждения, была подана Николаю II (см. письма к В. Г. Черткову от 2 и 17 февраля 1895 г. в т. 87), но последствий не имела. Дополненная и в несколько измененной форме, под названием «Напрасная жестокость», записка эта была напечатана в Англии в 1897 г.

² Д. А. Хилков был женат (с 1887 г.) на Цецилии Владимировне Винер без церковного обряда, что вызвало ненависть к ней его матери княгини Юлии Петровны Хилковой. По ее настоянию, в октябре 1893 г., приехавшими ночью жандармами у Хилкова были отняты «по высочайшему повелению» их малолетние дети Борис и Ольга, увезены в Петербург и отданы на воспитание бабушке. См. письмо Толстого к Александру III от января 1894 г. (т. 67) и брошюру В. Г. Черткова «Похищение детей Хилковых», изд. «Свободное слово», Крайстёрч, 1901.

³ Комиссия прошений — особое придворное учреждение, именовавшееся «Канцелярия его императорского величества по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых». Во главе ее стоял в 1895 г. Дмитрий Сергеевич Сипягин.

⁴ В своем письме Хилков просил Толстого прислать ему английских брошюр, книг, газет. «Здесь есть библиотека и газеты есть, да читать в них нечего», — писал он.

* 80. А. П. Морозову.

1895 г. Мая 3—4. Москва.

Милостивый государь Александр Петрович,

Я предоставляю всем право пользоваться моими сочинениями: переводить, переделывать, сокращать и переиздавать, как кому заблагорассудится, и потому не могу ничего иметь против издания или представления Вашей переделки, которой желаю во всех отношениях полного успеха.

С совершенным уважением

ваш покорный слуга Лев Толстой.

4 мая 1895.

· Рукопись возвращаю.

Печатается по листу 238 копировальной книги. Дата поставлена Толстым, но неясно: переделана ли цифра «3» на «4», или наоборот, поэтому письмо помечаем: 3—4 мая.

Александр Петрович Морозов (1850—1898) — драматический писатель. При письме от 2 мая 1895 г. он прислал Толстому свой «драматический этюд», переделанный из рассказа «Хозяин и работник», и просил разрешения для постановок его на сцене.

Морозов отвечал письмом (без даты, с отметкой на нем Толстого: «Отв[етить]»), в котором сообщал: «Представленная мною пьеса с Вашей подписью в Главное управление по делам печати не разрешена к представлению, и, по наведенным справкам, причиною отказа является не неудобство сценария пьесы, а опасение вызвать неудовольствие высших сфер, которым пьеса была известна в первоначальной редакции». В письме этом он вновь просил Толстого «подписать прилагаемую просьбу на имя г. министра внутренних дел... Ваша просьба, граф, не может не обратить внимания, к кому бы она ни была обращена». Было ли отвечено Толстым на эту просьбу и в какой форме, неизвестно.

* 81. Э. А. Виману (E. A. Wiman).

1895 г. Мая 4. Москва.

Monsieur,

J'ai reçu votre livre, ¹ mais comme je ne connais malheureusement pas le Suédois, je ne suis pas en état de le lire et de juger de son contenu.

Pour ce qui est des idées émises dans vos lettres, je crois que les mathématiques ne peuvent ni aider à connaître les choses religieuses, ni encore moins les prouver. Cela provient de ce que les mathématiques ne s'occupent que du rapport des choses dans les formes du temps et de l'espace, tandis que la religion n'est religion qu'en tant qu'elle révèle à l'homme les lois de la vie indépendamment du temps et de l'espace.

Recevez, Monsieur, l'assurance de toute ma considération.

Léon Tolstoy.

4 Mai 1895. Moscou.

Милостивый государь,

Я получил вашу книгу, ¹ но, к сожалению, не зная шведского языка, не в состоянии ее прочесть и судить о ее содержании.

Что же касается мыслей, высказанных в ваших письмах, я думаю, что математика не может ни помочь в познании религиозных вещей, ни тем менее их доказать. Это происходит от того, что математика занимается лишь соотношением вещей в пределах времени и пространства, тогда как религия — лишь постольку действительная религия, поскольку она открывает человеку законы жизни независимо от времени и пространства.

Примите, милостивый государь, выражение моего полного уважения.

Лев Толстой.

4 мая 1895. Москва.

Печатается по листам 229 и 230 копировальной книги.

Виман (1838—1905) — швед, инженер. В двух письмах к Толстому,

от 17/5 и 21/9 апреля 1895 г., он пытался изложить свою теорию новой религии, построенной на началах высшей математики, теории функций и т. п., приводящей, по его мнению, к признанию абсолютного бога и бессмертию души.

¹ Книга эта не сохранилась в яснополянской библиотеке, и заглавие ее не установлено.

82. Эугену Генриху Шмиту (Eugen Heinrich Schmitt).

1895 г. Мая 4. Москва.

Lieber Freund,

Ihren Brief mit dem № der Zeitschrift habe ich erhalten und den Artikel Christus und Budda mit grossen Interesse gelesen. Der Artikel enthält sehr viel wertvolles und neues über die Gründe der beiden Religionen, von welchen so viel geschprochen wird, und den wesentlichen Unterschied zwischen der Religion des Mitleids und der Religion der Liebe haben Sie ganz richtig angezeigt. —

In demselben Heft finde ich einen Artikel über die Worte: gebet Cäsar... u. s. w. ¹ Über die falsche Auslegung dieses Texts habe ich vor einigen Jahren einen kleinen Artikel geschrieben, ² welcher, wie mir scheint, noch nie ins Deutsche übersetzt war. Den Artikel wird man ihnen aus Geneva schicken und, wenn Sie es wünschen, können Sie denselben in ihrer Zeitschrift erscheinen lassen.

Ihr Freund L. Tolstoy.

1895. 4 Mai.

Дорогой друг,

Ваше письмо с № журнала я получил и статью Христос и Будда прочитал с большим интересом. Статья содержит очень много ценного и нового об основах обеих религий, о которых так много говорят, и существенное различие между религией сострадания и религией любви отмечено вами совершенно правильно.

В той же тетради я нахожу статью на слова: воздайте кесарю... и т. д. ¹ О ложном толковании этого текста мною была написана еще несколько лет тому назад небольшая статья, ² которая, как мне кажется, еще не была переведена на немецкий язык. Эту статью вам пришлю из Женевы, и, если хотите, вы можете поместить ее в вашем журнале.

Ваш друг Л. Толстой.

1895. 4 мая.

Печатается по листам 228 и 229 копировальной книги.

Впервые опубликовано в книге Э. Кейхеля «Die Rettung wird kommen», Гамбург, 1926, стр. 32.

Ответ на письмо Шмита от 21 апреля н. с., при котором был приложен № 3 журнала «Religion des Geistes» за 1894 г. с его статьями «Христос и Будда» (стр. 71—84) и «Суд. 1. Воздайте кесарю кесарево» (стр. 68—71).

¹ Во второй статье, построенной на словах Христа в евангелии Матфея, XXII, 21: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу», Шмит толкует эти слова не как признание двух параллельных властей: земной и небесной, а как горькую иронию над грабительской властью кесаря.

² Толстой имеет здесь в виду свою статью «Что можно и чего нельзя делать христианину», приложение к «Николаю Палкину», написанную в 1886 г.

* 83. К. Н. Скугаревской.

1895 г. Мая 5. Москва.

Ксения Николаевна, я прочел присланные вами листки и на вопрос ваш должен дать ответ отрицательный. Больше читайте не современного, а признанного несомненно хорошим старинного, больше думайте, а главное, больше живите сообразно с тем идеалом правды и добра, кот[орый] выяснился и будет выясняться вам, а не торопитесь писать. Желаящий вам истинного блага

Лев Толстой.

5 мая.

Печатается по листу 247 копировальной книги. Год определяется на основании письма адресата.

Ксения Николаевна Скугаревская — окончившая институт в Харькове. В письме от 30 апреля 1895 г. она упоминает о своем посещении Толстого в Москве и о его разрешении послать ему на просмотр несколько страниц из ее дневника с просьбой ответить, «имеют ли эти и подобные им листки какую-нибудь безотносительную ценность».

84. Н. Н. Страхову.

1895 г. Мая 5. Москва.

Благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за ваше сердечное, чистосердечное письмо. Я несколько раз перечел его, вдумываясь в те душевные особенности, кот[орые] вы описываете, и мне кажется, что я знаю всё это по себе. Радуюсь

вашему поправлению. У нас же продолжается та же напряженная жизнь, требующая неустанной твердости и внимания. Жена с Машей вернулись из Киева,¹ где им было хорошо. Маша совсем поправилась, но Соня мало поправилась и физически (лихорадка прошла, но слабость большая), а главное, нравственно: всё то прекрасное, духовное, что открылось тотчас после смерти Вани, и от проявления и развития чего я ждал так много, опять закрылось, и осталось одно отчаяние и эгоистическое горе. Какие необыкновенные переливы форм, красок представляет душа человеческая в теле!

Что мы будем делать? не знаем. В Ясную она боится ехать — боится воспоминаний. Я предлагаю — так как уж непременно хотят ехать куда-нибудь — ехать за границу, в Баварию, на озера около Мюнхена. Не знаю, что выйдет. Я вот уж скоро три месяца ничего не работаю. Этого со мной не бывало уже лет 10. —

Две просьбы к вам, обе такие, что торопиться некуда и что, если вы при случае исполните их — хорошо, а не исполните — тоже хорошо.

1) Есть такой докт[ор] Заменгоф,² к[оторый] изобрел эсперантск[ий] язык и издавал на нем журнал,³ кажется в Дрездене. Журнал имел около 600 подп[исчиков], из кот[орых] большинство б[ыло] в России. Мои друзья, особенно один, Трегубов, большой сторонник Эсперанто, желая поддержать журнал, дал туда одно мое письмо об отношении разума к вере,⁴ очень невинное, и еще одну статью о неплатеже податей в Голландии. Это сделало то, что Эсперанто газету запретили впускать в Россию, и Заменгоф, страстно преданный своему изобретению, разорившийся и прежде на это дело, пострадал отчасти от меня. Нельзя ли выхлопотать ему опять разрешение на выписку газеты в Россию. Я обязуюсь ничего не печатать у него и не принимать никакого участия.

2) Нынче получил очень трогательное письмо, кот[орое] прилагаю.⁵ Не можете ли вы через Кони⁶ (от меня), или кого другого, узнать то, чего желает эта особа. Она мне разрешила воспользоваться письмом для получения нужных сведений. Я это и делаю.

Простите, как вы всегда пишете мне, троекратно целую вас.
Любящий вас Л. Толстой.

5 мая.

Впервые опубликовано в сборнике ТТ, 2, стр. 59—61. Год определяется на основании письма адресата.

Ответ на письмо Н. Н. Страхова от 2 мая 1895 г., служащее ответом на письмо Толстого от 26 апреля.

¹ Софья Андреевна Толстая с дочерью Марией Львовной вернулась из Киева 1 мая.

² Лазарь Людвигович Заменгоф (1859—1917).

³ Первый эсперантский журнал под названием «Esperantisto» выходил в Нюрнберге с 1889 по 1895 г. Издателем его был некий Хр. Шмит, а главным сотрудником — сам Заменгоф, писавший под псевдонимом Doctor Esperanto. На просьбу Толстого Н. Н. Страхов отвечал 6 июня: «Относительно Эсперанто я поручил дело Майкову. Он нашел его возможным и твердо обещал сделать». Поэт Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) был в это время председателем Комитета иностранной цензуры.

⁴ «О разуме и религии» — письмо Толстого к А. Г. Розен от 26 ноября 1894 г. Перевод его на эсперанто был напечатан в журнале «Esperantisto» 1895, № 2, стр. 28—30, под заглавием «Prudento an kredoz?».

⁵ Письмо это неизвестно.

⁶ Анатолий Федорович Кони, тогда сенатор, близкий знакомый Л. Н. Толстого. См. письмо № 142.

* 85. Джен Хойак (Jane Hoyack).

1895 г. Мая 5. Москва.

Madame,

Je n'ai pas vu l'article publié dans la Revue Bleue sous le titre du «Sens véritable des Evangiles»,¹ mais je suppose que cela doit être ou bien la préface, ou bien l'extrait de mon livre «Traduction et concordance des quatre Evangiles avec préface et notes», qui a été publié en Allemagne dans la bibliothèque Réclame² en abrégé et est en train d'être publié à Londres sans abréviations. Pour ce qui est de mon autorisation des traductions de mes écrits, je l'ai donné une fois pour toutes à tous ceux qui veulent se donner la peine de traduire, et je leur en suis toujours reconnaissant.

Je serais heureux, si mes écrits vous aideront à trouver la vérité que vous cherchez. Dans tous les cas, elle n'est pas difficile à trouver pour tous ceux, qui la cherchent sincèrement et qui surtout n'acceptent rien de contraire à la raison.

Léon Tolstoy.

Милостивая государыня,

Я не видал статьи, опубликованной в «Revue bleue» под заглавием «Истинный смысл евангелия»,¹ но предполагаю, что это должно быть или предисловие, или извлечение из моей книги: «Перевод и соединение четырех евангелий с предисловием и примечаниями», которая была издана в Германии в издательстве Реклама² в сокращенном виде и в настоящее время готовится выйти полностью в Лондоне. Что же касается до разрешения переводить мои сочинения, то я его дал раз навсегда всем, кто пожелает дать себе труд переводить, и я за это всегда бываю признателен переводчикам.

Я буду счастлив, если мои сочинения помогут вам найти истину, которую вы ищете. Во всяком случае ее нетрудно найти для всех, кто ее искренно ищет, особенно, если они не принимают ничего противоречащего разуму.

Лев Толстой.

Печатается по копии, неизвестной рукою, из архива Н. Л. Оболенского. Дата копии: 5/17 мая; год устанавливается на основании упоминания в письме, с одной стороны, о переводе предисловия к «Краткому изложению евангелия», напечатанного в апрельской книжке «Revue bleue» за 1895 г., с другой — о готовящемся в Англии полном переводе «Соединения, перевода и исследования четырех евангелий», выходявшем отдельными томами в течение 1895—1896 гг.

Личность Джен Хойак установить не удалось. Письмо, на которое отвечает здесь Толстой, неизвестно.

¹ «Comte Léon Tolstoï. Le sens véritable des Evangiles. Traduit du russe par M. V. Iznoskof» — статья под этим заглавием, напечатанная в журнале «Revue bleue» 1895, № 17 от 27 апреля, стр. 514—520, является переводом предисловия (без его начала) к «Краткому изложению евангелия», напечатанному в Женеве у М. К. Элпидина в 1890 г. Текст «Revue bleue» отвечает стр. 7—21 женеvского издания.

² Kurze Darlegung des Evangeliums. Aus dem Russischen von Lauterbach. Leipzig, Philipp Reclam's Universalbibliothek, 1892.

* 86. Ю. В.

1895 г. Мая 5. Москва.

Нужно ли ехать на курсы и работать на крестьян, или нужно кончить гимназию и работать на семью? Нужно кончить гимназию и работать на семью. Почему? П[отому] ч[то] прежде всего нужно не нарушать любви между близкими, т. е. теми, с которыми мы сейчас живем, а близкие ваши, вероятно, ожидают от вас сейчас помощи, и ваше оставление их вызовет в них

недоброе чувство. Кроме того, жизнь наша, как старого, так и молодого, подлежит возможности ежеминутного прекращения, и поэтому нельзя откладывать исполнения своего дела жизни: служения богу и людям, а надо жить и служить богу и людям сейчас, всякую минуту своей жизни. Служение же богу и людям состоит в улучшении любви в себе и в других, и это дело мы можем делать всегда, во всевозможных условиях. Правда, что желательно расширить круг своего служения и служить не одним семейным, но многим людям и самым нуждающимся, и надо стараться достигать этого расширения и служения наибольшему числу лиц и наиболее нуждающимся, но для этого нельзя нарушать любовь с близкими. В крестьянах вы не вызовете дурного чувства, если не будете работать на них, а в семейных вызовете. Старайтесь, не нарушая любви, соединить то и другое. В этом ваша главная задача.

Лев Толстой.

5 мая.

Печатается по листам 243 и 244 копировальной книги. Год определяется на основании письма адресата.

Адресат, пожелавший скрыться за инициалами «Ю. В.», — 18-летняя девушка, окончившая гимназию в г. Екатеринославе, что видно из ее письма от 20 апреля 1895 г., на которое отвечает Толстой.

*** 87. В. Ю. Шимановскому, С. Т. Губернарчуку и
Д. Е. Гунько.**

1895 г. Мая 12. Москва.

Очень рад был получить ваше письмо и еще более буду рад, если мне удастся исполнить ваше желание. То, что возмущает вас, уже давно до глубины души возмущает меня, но до сих пор не было случая цензурно высказаться. Письмо ваше поощряет меня к этому.¹

Лев Толстой.

12 мая.

На конверте: Почт. станция Степанцы Киевской губ. Каневского уезда. В Степанецкое 2-х классное училище наследн. Адельгейм.

Печатается по рукописной копии с автографа, находившегося у С. Т. Губернарчука. Год определяется на основании письма адресата.

Всеволод Юльевич Шимановский (р. 1862) — бывший артиллерийский офицер, под влиянием статей Толстого о яснополянской школе в 1885 г. сделался сельским учителем. В 1899 г. он ослеп, но, будучи слепым, продолжал, однако, преподавание. С 1911 г. читал лекции в пчеловодной школе в Боярске Киевского уезда; в 1925 г. вышел в отставку, получив персональную пенсию. С Толстым лично знаком не был и вторично написал Толстому только в апреле 1910 г. по поводу желания своего приятеля пожертвовать 15 тысяч рублей по указанию Толстого. См. письма 1910 г., т. 82.

Семен Тимофеевич Губерначук (р. 1866) — школьный учитель; занимался педагогической деятельностью с 1886 г.; с 1924 г. учительствовал в селе Верховке Ружинского района Бердичевского округа. С Толстым лично знаком не был.

Дементий Ефимович Гуныко — школьный учитель, в 1895 г. преподавал в селе Степанцы Каневского уезда, затем в г. Каневе Киевской губ.

Ответ на письмо Шимановского от 22 апреля, написанное им под впечатлением наказания розгами крестьян, которому он был свидетелем, и подписанное его сослуживцами по школе С. Т. Губерначуком и Д. Е. Гуныко. В письме Шимановский просил Толстого выступить в печати против этого позорного явления.

¹ В декабре того же года Толстой написал о телесном наказании свою знаменитую статью: «Стыдно», впервые напечатанную в газете «Биржевые ведомости» 1895, № 353 от 28 декабря.

* 88. Неизвестной (Ольге Петровне).

1895 г. Мая 14. Москва.

14 мая 1895.

Милостивая государыня
Ольга Петровна,

Очень желаю помочь вам и сделаю, что могу. Прислать вам денег на поездку в Москву и Петерб[ург] я не могу, п[отому] ч[то] не имею денег. Если же бы у меня и были деньги, какие бывают иногда от людей, поручающих мне передать их нуждающимся, то и тогда я не думаю, чтобы поездка ваша в столицы могла бы быть полезна для ваших детей и для вас.

Я думаю, во-первых, что вы совершенно неправильно судите о том, что вам не должно обращаться к отцу ваших детей (вы пишете: не хочу и не могу). Связь между мужчиной и женщиной, от кот[орой] родились дети, есть связь неразрывная, независимо от того, освящена ли эта связь внешним образом — церковным браком. И потому я думаю, что кто бы такой ни был

отец ваших детей, женат он или холост, богат или беден, дурен или хорош, оскорбил ли вас или не оскорбил, вы должны обратиться к нему и указать ему [его обязанность], если он пренебрег ею, служить своей жизнью своим детям и их матери. Если бы он ответил на это не только равнодушием, но презрением и оскорблением, вы все-таки обязаны перед богом, перед собой, перед детьми и, главное, перед ним обратиться к нему, напомнить ему, просить его для него же самого исполнить свою обязанность, — просить кротко, любовно, но упорно, как евангельская вдова судью. Это мое обдуманное и искреннее мнение; можете оставить его без внимания или последовать ему. Я же чувствовал себя обязанным высказать его вам. Бумаги ваши я вам возвращаю, сняв копию с метрич[еского] свид[етельства] вашего сына для того, чтобы попытаться где-нибудь поместить его. Я не обещаю поместить, но постараюсь. Желал бы знать определенное ваши намерения о нем: куда вы хотели и надеялись поместить. Желая вам твердости и спокойствия душевного, к[оторые] мы почерпаем в преданности воле бога, и остаюсь с совершенным уважением.

Лев Толстой.

Печатается по листам 248 и 249 копировальной книги.

Адресат остался не раскрытым. Письмо, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

89. М. В. Алехину.

1895 г. Мая 16. Москва.

Дорогой Митрофан Васильевич,

Давно не имею от вас известий, и мне это грустно. Виноват в этом я, ц[отому] ч[то] не отвечал на последнее ваше письмо.¹ Вчера получил от Файнермана письмо,² в к[отором] он пишет о вас, что дело ваше назначено к слушанию в Вильне.³ (Почему в Вильне?) Когда? В чем дело? И я так живо вспомнил о вас, что захотелось вам написать и получить от вас вести. Ф[айнерман] пишет, услышав про то, что мы собирались за границу, что это так и надо, и что надо, когда гонят в одном городе, бежать в другой, и что вы даже думали об этом. Не знаю, как вы думаете, но я считаю, что не надо никуда ни от чего уходить: везде те же люди, тот же я и, главное, тот же бог, от кот[орого]

я могу удалиться и гибнуть и с к[оторым] могу соединиться и быть неуязвимым. Я думаю, что, напротив, надо по отношению гонений поступать по словам: претерпевый до конца спасен будет. И думаю, что претерпевый до конца, как Христос, не только сам спасется, но и спасет многих. Только претерпеть понимая и потому прощая и любя. Помогите вам бог так пережить предстоящее вам испытание.

Слухи о нашей поездке за границу были справедливы. Жена очень и физически больна, и душевно страдает от смерти Вани, сына меньшого, и хотели было уехать, но теперь раздумали, чему я рад.

Я всё еще в Москве. Здесь из друзей наших Горбунов, Трегубов и Дунаев, ⁴ кот[орых] я изредка выдаю, остальные разъехались, как вы, верно, знаете. Что вы и ваши? Пишите мне.

Любящий вас Л. Толстой.

Впервые опубликовано: частично в газете «Речь» 1911, № 219 от 12 августа, и полностью в «Известиях Общества Толстовского музея», СПб. 1911, 1, стр. 12—13. Год определяется содержанием письма.

¹ Это письмо неизвестно.

² О Файнермане и об упоминаемом здесь письме его к Толстому см. письмо № 90.

³ В письме от 20 мая 1895 г. И. Б. Файнерман писал Толстому, что М. В. Алехин привлекался к дознанию по делу о печатании книги Толстого «Царство божие внутри вас» и с него была взята подписка о невыезде. Дело это было прекращено. См. письмо № 151.

⁴ Александр Никифорович Дунаев.

90. И. Б. Файнерману.

1895 г. Мая 16. Москва.

16 мая.

Дорогой Исаак Борисович,

Мы собирались одно время за границу, но совершенно произвольно и независимо от гонений или возможности их. Я — грешный человек — желаю их и делаю усилия, чтобы не вызывать их. Но, видно, я недостойн этого, и так мне и придется умереть, не пожив хотя приблизительно и хотя короткое время так, как я считаю это должны[м], и не придется хоть какими-нибудь страданиями тела свидетельствовать истину.

С волнением буду ждать известий о 'деле Митрофана. Не думаю, чтобы следовало уходить от гонений, скорее думаю, что надо помнить слова и следовать им: претерпевый до конца спасен будет. — Побуждало нас к поездке за границу нездоровье жены и ее страшно напряженное душевное состояние после смерти меньшого сына Ваночки. Я же, больше чем когда-нибудь, теперь, когда она так страдает, чувствую всем существом истину слов, что муж и жена не отдельные существа, а одно. Сначала она боялась воспоминаний в Ясн[ой] Пол[яне], но теперь решилась ехать туда, и поездка за границу уже не предвидится. Ужасно хотелось бы передать ей хоть часть того религиозного сознания, к[оторое] имею, хотя и в слабой степени, но все-таки в такой, чтобы иметь возможность подниматься иногда над горестями жизни, п[отому] ч[то] знаю, что только оно, это сознание бога и своей сыновности ему, дает жизнь; и наде[юсь], что оно придет, разум[еется] не от меня, но от бога, хотя очень трудно дается это сознание женщинам. Как вы живете? Как Ан[на] Льв[овна], дети? Прощайте пока.

Любящий вас

Л. Толстой.

Печатается по листам 250 и 251 копировальной книги. Впервые опубликовано в газете «Елисаветградские новости» 1903, № 15 от 30 ноября, с ошибочной датой: «1902. V. 16». Год определяется на основании письма адресата.

Исаак Борисович Файнерман (1863—1925) — бывший учитель, сочувствовал взглядам Толстого. См. т. 63, стр. 412—413.

Ответ на письмо Файнермана из Полтавы от 12 мая 1895 г.

* 91. Л. Л. Толстому.

1895 г. Мая 19. Москва.

Соскучился по тебе, дорогой Лева, давно не имея известий о тебе и зная, что ты один. ¹ Не знаю, как на тебя, — и в болезненном состоянии, — но я любил и молодым и теперь люблю быть один. Ближе к богу, не развлекают от него. А это очень хорошо всем нам и тебе в особенности, в твоей болезни. Море, мало того, что действует своими испарениями, оно действует и тем, что помогает установлению близости к богу и сознанию своего отношения к нему, к тому, кто послал тебя в мир, — и своего места и дела в мире. А тебе со всех сторон, и по твоей

молодости, и по твоей болезни, это нужно. Тело влияет на душу, душа влияет на тело, но один полюс положительный, другой отрицательный, одно — причина, другое — следствие (хотя и следствие влияет на причину). И положительный полюс, существенное, реальное, это душа. И вот ей-то надо воскреснуть в тебе. И я жду этого. И это будет. И болезнь твоя пройдет, когда это будет. Хотя из этого не следует, чтобы я считал, что ты можешь, если захочешь, сейчас выздороветь. Для того, чтобы душа воспрянула, нужны тоже определенные внутренние процессы и нужно, чтобы они совершились. Одно, что бы я желал для тебя, это то, чтобы ты хоть немного верил, что основа твоей жизни в душе, а не в теле. Я говорю: *хоть немного верил*, п[отому] ч[то], если бы ты вполне верил, то процесс бы уже совершился, и ты победил бы болезнь. У нас всё почти по-старому. Душевное состояние мама лучше в том смысле, что горе менее остро, физически лучше, но нехорошо тем, что она не может подняться на религиозную точку зрения и прямо страдает о том, что дорогое ей существо, бывшее живым, зарыли в землю, и от существа этого ничего не осталось. Андр[ей] уехал к Илье, нагрубив всем. Нехорош он. Надо ждать, как жизнь его выломает, и, разумеется, помогать ему, что я и пытаюсь делать. Я сегодня, 19, еду с Машей дней на 5 к Олсуфьевым. — Девочки очень милы. Миша тоже. Сережу ждем нынче.

Целую тебя.

Л. Т.

Дата письма определяется содержанием и словами письма: «Я сегодня, 19, еду с Машей дней на 5 к Олсуфьевым».

Лев Львович Толстой (1869—1945) — третий сын Л. Н. Толстого. См. т. 83, стр. 185—186.

¹ 5 мая 1895 г. Лев Львович уехал из Москвы лечиться в Финляндию и жил там в Гангё, на берегу моря.

92. С. А. Толстой от 21 мая.

* 93. Н. Н. Страхову.

1895 г. Мая 25. Никольское-Горюшки.

В нынешний раз приглашая вас к нам, дорогой друг Николай Николаевич, с особенным чувством обращаюсь к вам. Согласие ваше, приезд к нам и пребывание у нас лето[м] доставит мне

большую тихую радость и большое успокоение, отказ же, к[оторый] я и в мыслях боюсь допустить, очень больно огорчит меня. Как давно уже я знаю вас, а мне кажется, что только теперь понял самое настоящее, душевное и потому дорогое в вас. Пожалуйста, приезжайте. Это будет доброе дело и для меня и для Сони, и в самом настоящем, а не переносном смысле слова. Если можно вас этим подкупить, то буду стараться заниматься всё лето только худож[ественными] работами, к[оторые] очень привлекают меня. Так, пожалуйста, пожалуйста, до свиданья.

Л. Т.

Приписка к письму С. А. Толстой к Н. Н. Страхову от 25 мая 1895 г.

* 94. Е. И. Попову.

1895 г. Мая 31. Никольское-Горюшки.

Только через Дунаева знаю про вас, дорогой Евгений Иванович. Напишите мне. Что ваша биография? ¹ Я не знаю, вышла ли. Марья Александр[овна] ² умиляется при чтении ее и возвышается духом, и так же, говорит она, действует на тех, кому она давала читать, напр[имер] на свою сестру. ³ А я почему-то боюсь, что она пройдет незамечена — слишком она впереди среднего человека. — Так пишите же.

Любящий вас Л. Толстой.

31 мая 1895.

Печатается по машинописной копии с датой 31 мая 1895 г.

Евгений Иванович Попов (1864—1938) — один из последователей Толстого. См. т. 64, стр. 109.

¹ Биография Е. Н. Дрожжина, под названием: «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина», составленная Е. И. Поповым, в то время печаталась на русском языке в Берлине в издательстве Готтгейнера с предисловием к ней Толстого.

² Мария Александровна Шмидт.

³ Ольга Александровна Данченко, сестра М. А. Шмидт.

95. В. Г. Черткову от 31 мая.

96. А. А. Толстой.

1895 г. Конец мая. Никольское-Горюхики.

Дорогой друг Alexandrine.

Не удалось мне увидеть Sophie¹ до ее смерти, и я очень жалею об этом, хотя уверен, что не только не разлучил[ся] с нею, но соединюсь истинно и навсегда, как и со всеми, кого любил и кто меня любили.

Я ничего не знаю об ее кончине кроме того, что было в газетах.² Если вам не трудно, напишите мне про нее. Всею душой сочувствую вашему горю и знаю, что, как ни близки мы все к нашему пределу, разлука здесь не может быть не болезненна, особенно вам, так горячо любившей ее. Как всегда, умирающие близкие люди как будто нам отдают тот запас любви, кот[орый] они набрали в жизни, и мы чувствуем приливы ее. Я думаю, что вы испытали это, и в сильной мере, п[отому] ч[то] у Sophie было ее много. И много она страдала. — Давно хотелось написать вам, но мы переживали очень напряженное время: смерть Ван[ички], болезнь³ Сони, и очень опасная (теперь физически она здорова), и ее горе, которое она несет очень тяжело, всё это сделало то, что до сих пор не написал. — Если можете, напишите мне два слова. Я не знаю, где вы, и адресую в Петербург. Потеря близких дорогих людей для людей нерелигиозных есть непереносимое страдание и удаление от бога, для людей же религиозных это приближение к богу, и в этом есть что-то торжественное, умиляющее и обнадеживающее. Я уверен, что вы испытываете это. И помогай вам бог всё больше и больше приближаться к нему. Насколько я приближаюсь к нему, настолько сближаюсь — и уже без разлуки, со всеми теми, кого люблю. Простите, что говорю вам эти vérités de M-r de la Pallisse.⁴ Но я думал и чувствовал это, когда писал.

Целую вас.

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в ПТ, № 178, с датой: «Осень 1895 г.». Дата определяется словами ответного письма адресата от 7 июня 1895 г. из Царского Села: «Я не знаю, когда именно вы его писали. Оно съездило во Флоренцию, где я пробыла весь май месяц, и только сейчас дошло до меня».

¹ Софья Андреевна Толстая (1824—1895), сестра Александры Андреевны, двоюродная тетка Толстого.

² Объявления о смерти С. А. Толстой были помещены в газете «Новое время» от 1 и 2 апреля 1895 г.

³ В автографе: болезни

⁴ «Истины господина де ла Палис» — в смысле: избитые истины. Де ла Палис — герой старинной французской народной песенки, имя которого вошло в поговорку.

97. П. И. Бирюкову.

1895 г. Июня 8. Я. П.

Я очень соскучился по вас, милый друг Поша. Не то чтобы я хотел, если бы это от меня зависело, вызвать вас из вашего гнезда ¹ и видеть вас около себя, этого, напротив, я не желал бы для вас, а соскучился тем, что давно нет с вами общения, нет вашей кроткой строгости и смиренной самостоятельности. Вероятно, это письмо встретится с вашим, а если нет, то напишите. Последние сведения о вас были от Ив[ана] Ив[ановича], ² и что вам хорошо. Продолжает ли так быть? Мы, как видите, наконец в Ясной Поляне. Слава богу, никуда не поехали, и опять живем по-старому. Впрочем, жизнь только по внешности по-старому, я чувствую, что многое изменилось и, как всегда, к лучшему. Говорю преимущественно о своем внутреннем мире. Я был болен ³ всё это последнее время и чувствую себя всё более и более близким к смерти, и потому часто чувствую себя более живым. — Как-то все явления мира всё более и более теряют свою реальность, и не в мыслях, не вследствие философствования, а прямо непосредственно изменилась, как будто декорация, и я вижу, что за ней. А за ней истинная реальность, такая же, как и та, которую я чувствую в себе.

У нас в семье новость: Сережа женится на Мане Рачинской. ⁴ Свадьба 9 июля. Я и рад, и страшно мне за них, а чаще всего прямо жаль. — Люди, которые женятся так, мне представляются людьми, кот[орые] падают, не споткнувшись. Я сам женился так. Не женитесь так. Если упал, то что же делать. А если не споткнулся, то зачем же нарочно падать.

Писать я ничего пристально не начинал, но многое обдумываю и записываю, — хотелось бы поработать руками, да до сих пор чувствую себя очень слабым. Передайте мой привет

Павле Ник[олаевне] ⁵ и всем, кто меня знает. Видели ли вы статью в Новостях ⁶ о странниках. Сказано, что эта самая вредная секта и расска[за]но, как они живут в томских лесах. Как хорошо, что мы сошлись с Кузмичем. ⁷

Прощайте пока, целую вас.

Л. Толстой.

8 июня.

Впервые опубликовано в Б, III, стр. 427—428. Год определяется содержанием.

Павел Иванович Бирюков (1860—1931) — близкий друг и биограф Толстого.

¹ Бирюков в это время жил у себя на хуторе в Костромской губ.

² Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864—1940), один из близких друзей Толстого; в 1895 г. был сотрудником и заместителем редактора издательства «Посредник». См. т. 86, стр. 215.

³ О болезни Толстого см. письмо № 102.

⁴ Мария Константиновна Рачинская (1865—1900), дочь директора Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии в Москве, Константина Александровича Рачинского (1838—1909).

⁵ Павла Николаевна Шаралова (1867—1945). В 1891—1892 гг. работала на голоде в Рязанской губ. С 1899 г. жена П. И. Бирюкова.

⁶ В газете «Новости» за первую половину 1895 г. никакой статьи о секте странников найти не удалось.

⁷ Кузмич — странник, старовер из Сибири, посетивший в этом году Ясную Поляну. См. Дневник от 14 апреля 1895 г., т. 53, стр. 23.

98. С. А. Венгеру.

1895 г. Июня 8. Я. П.

Не отвечал вам долго, Семен Афанасьевич, п[отому] ч[то] был болен. Бондарев до последнего времени был жив. Я получил от него письмо менее года тому назад. ¹ Он живет в деревне Минусинского уезда. Попрошу дочь найти и приложить к этому письму его точный адрес. Обратитесь к нему, и он наверно даст вам те сведения о своей жизни, кот[орые] вам нужно.

Помню я из его писем об его жизни следующее: он — бывший крепостной крестьянин какого-то помещика земли Войска Донского. За субботничество сослан в Сибирь, где и жил и живет лет около пятидесяти. Ему теперь должно быть лет 75. Имя ему Тимофей Михайлович. У него сыновья. Он до последнего вре-

мни не переставал работать всю крестьянскую работу в поле и гордится этим. Зимою же учит грамоте ребят. В Сибири продолжает держаться секты субботников, т. е. еврейства. Г-ну Фидлеру² передайте, пожалуйста, мою благодарность за присылку книг и за намерение посвятить мне что-то такое. Я никогда не понимал, что такое значит посвящение и зачем это делается, и потому лучше бы желал, чтобы он мне ничего не посвящал. Желаю вам всего хорошего.

Уважающий вас

Л. Толстой.

8 июня 1895.

Адрес Тимофея Михайловича Бондарева: Сибирь, Минусинского уезда, Бейской волости, дер. Иудино.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 180. Ответ на письмо С. А. Венгерова от 22 мая 1895 г., в котором он благодарил Толстого за присылку заметки об учении Бондарева и просил сообщить ему какие-нибудь сведения о личности Бондарева.

¹ Последнее письмо Бондарева к Толстому было от 21 августа 1894 г.

² Федор Федорович Фидлер (1859—1917), переводчик на немецкий язык русских поэтов. В письме от 22 мая Венгеров писал Толстому о намерении Фидлера посвятить ему свои переводы стихотворений Пушкина.

* 99. В. И. Горнунгу.

1895 г. Июня 8. Я. П.

Владимир Иосифович,

Закрываю из вашего письма, что рассказ ваш имеет отношение ко мне, и потому полагаю, что лучше бы было не посвящать его мне. Кроме того, я и вообще считаю обычай посвящений отжившим и не имеющим в наше время никакого значения.

Что касается того, чтобы прочесть ваш рассказ и сказать о нем свое мнение, то я охотно сделаю это, если вы пришлете его мне.

Лев Толстой.

8 июня 1895.

Печатается по рукописной копии с автографа, находившегося у В. И. Горнунга.

Ответ на письмо Горнунга от 27 мая 1895 г., в котором он сообщал Толстому, что ему удалось для прочтения достать в рукописи «Царство божие внутри вас» и что по этому случаю им написан рассказ «Атеист», который он желал бы посвятить Толстому.

100. Н. А. Сопоцько.

1895 г. Июня 8. Я. П.

Уважаемая Надежда Александровна.

Нынче 8 числа получил это письмо от вашего сына.¹ Ничего не знаю, кроме того, что написано в письме. Конечно, исполню все те желания, кот[орые] он выражает,² и на днях поеду в Тулу и постараюсь повидаться с ним и узнать, в чем он обвиняется. Не еду завтра, п[отому] ч[то] был болен и не совсем еще поправился. Очень сожалею, что должен быть таким неприятным вестником, надеюсь и даже почти уверен, что дело неважное и кончится ничем.³

Уважающий вас Лев Толстой.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 138. Дата определяется письмом М. А. Сопоцько от 5 июня 1895 г., которым вызвано печатаемое письмо.

Надежда Александровна Сопоцько (рожд. Фидлер, 1849—1921), — фельдшерица, позднее учительница.

¹ Михаил Аркадьевич Сопоцько (р. 1869), в то время последователь Толстого, позднее его фанатический противник и изувер-черносотенник. См. т. 52, стр. 344. В письме от 5 июня 1895 г. Сопоцько писал Толстому, что 2 июня он был арестован и находится в тульской тюрьме, о чем просит сообщить его матери.

² Сопоцько просил прислать ему «немного денег, чаю и сахару», а также книг.

³ В конце июля Сопоцько был отправлен в административную ссылку на три года в г. Пудож Олонецкой губ.

101. В. Г. Черткову от 8 июня.

102. Н. Н. Страхову.

1895 г. Июня 13. Я. П.

Вчера получил ваше письмо, дорогой Н[иколай] Н[иколаевич], и очень огорчился и тем, что ничего не знал, что происходит с вами, что вы не сочли нужным известить меня, нас об этом,

т. е. о важном происходящем с вами событии: болезни и операции. Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что вы не одиноки, что мы, я, всей душой сочувствую тому, что происходит с вами: горю, радости (этого мало у вас), опасностям, которым вы подвергаетесь. Огорчен же был, главное, тем, что много пострадали и теперь еще, может быть, страдаете. Выздоровливайте поскорее и приезжайте к нам; с удесятеренным желанием видеть вас вообще, видеть вас у себя и, если возможно, содействовать восстановлению ваших сил ждем вас к первому июля. Тяжелый нынче год, много больных. Я тоже не переставая хвораю разными болезнями: и своей желчной — второй сильнейший припадок был третьего дня — и инфлуэнцией, и мочевым каналом. Вообще разлад, и чувствую, что всё ближе и ближе подвигаюсь к последнему путешествию, что не мешает мне, однако, заниматься всё тем же своим делом в светлые, сильные минуты. Как вы в этом отношении? Меня очень заинтересовали ваши слова о том, что вам многое мне хотелось рассказать. Ваша внутренняя жизнь меня очень интересует и представляется мне значительной, несмотря на внешнее ее однообразие. Нынче приехал к нам на один день Сережа с своей невестой. Они, кажется, очень любят друг друга, но мне всегда страшно за любящих людей, когда они женятся, вроде того как страшно за родильницу, только в этом случае больше несчастных, чем счастливых родов. Я знаю, что вы часто тоскуете от своего одиночества, вероятно теперь более, чем когда-нибудь. Не тоскуйте, а цените свою свободу, которую вы не чувствуете, как здоровый — здоровье. Прощайте пока, до свидания, если бог велит. Обнимаю вас и очень люблю.

Л. Толстой.

13 июня 1895.

Прочтите в Русской Мысли, май, статью о математике,¹ мне очень понравилась, желал бы знать ваше мнение. Статья Вл. Соловьева о нравственности,² напротив, очень не понравилась мне; в нем нет бессознательной внутренней оригинальности.

Впервые опубликовано в сборнике ТТ, 2, стр. 61—62.

¹ Речь идет о статье московского педагога Всеволода Петровича Шереметьевского (1850—1919), под заглавием «Математика, как наука,

и ее школьные суррогаты», напечатанной в «Русской мысли» 1895, № 5, стр. 105—125, за подписью «Вс. Шерский»; в ней доказывается глубокая устарелость, или даже архаичность методов, положенных в основу школьного преподавания, и необходимость ввести в него основные понятия о функции и элементы исчисления бесконечно малых.

² Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900), философ-идеалист и поэт. См. о нем и об отношении к нему Толстого в т. 62. Статья его «Религиозное начало нравственности» была напечатана в «Книжках Недели» 1895, 4, стр. 72—89.

* 103. Л. Л. Толстому.

1895 г. Июня 13. Я. П.

Хотя со стороны имею о тебе известия, милый Лева, — нынче Сережа, кот[орый] приехал вчера на один день к нам с Маней, рассказал, что получил от тебя письмо, — но хочется прямо общаться с тобой и знать всё подробно про твое душевное и телесное состояние. Мы, как ты уж знаешь верно, около недели переехали в Ясную, и я всё время хвораю и теперь еще не поправился, хотя нынче чувствую себя хорошо совсем. Мамá очень трудно переносит свое пребывание в Ясной. Никуда не выходит из дома, но и в доме всё беспрестанно напоминает ей того, в кот[орого] она вложила все радости, весь смысл жизни. На ней поразительно видно, как страшно опасно всю жизнь положить в чем бы то ни было, кроме служения богу. В ней теперь нет жизни. Она бьется и не может еще выбиться в область божескую, т. е. духовной жизни. Вернуть^{ся} же к другим интересам мирской жизни, к другим детям, она хочет, но не может, п[отому] ч[то] жизнь с Ваничкой, и по его возрасту и милым свойствам, была самая высокая, нежная, чистая. А вкусив сладкого, не хочется не только горького, но и менее сладкого. Один выход ей — духовная жизнь, бог и служение ему ради духовных целей на земле. И я с волнением жду, найдет ли она этот путь. Мне кажется, так бы просто ей было понять меня, примкнуть ко мне, но — удивительное дело — она ищет везде, но только не подле себя, как будто не то что не может понять, но не хочет, нарочно понимает превратно. А как бы ей легко было, тем более, что она любит меня. Но горе в том, что она любит меня такого, какого уже нет давно. А того, какой есть, она не признает, он ей кажется чужд, страшен, опасен. Мало того, она имеет гансине¹ против него, в чем, разумеется,

я виноват. — Но я не отчаиваюсь и всеми силами души желаю этого, и надеюсь, и делаю, что умею; и желаю этого уж совсем не для себя, а для нее, п[отому] ч[то] знаю, что это одно могло бы дать ей жизнь истинную. *

Вчера получили письмо от Веселитской, ² кот[орая] пишет, что она посетила Н. Н. Страхова в госпитале, в Петерб[урге], что ему вырезали рак под языком, и письмо от него самого, к[оторое] описывает операцию, пишет, что поправляется, и обещается к 1-му июля приехать к нам. Это известие очень меня и мамá огорчило. Прощай пока, целую тебя.

Л. Т.

* Нет, чтобы быть вполне правдивым, должен сказать, что желаю и для себя, но не для себя одного, а столько же для нее, и больше для нее, чем для себя, желаю для бога.

Впервые опубликовано (частично) в книге В. А. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого», М. 1928, кн. 2, стр. 140—141. Датируется на основании записи Дневника от 13 июня 1895 г., т. 53, стр. 38: «Вчера приехал Серге[еж]а с Маней» и слов письма: «нынче Сережа, который приехал вчера... с Маней, рассказал...»

¹ Злопамятство.

² Лидии Михайловны Веселитской, см. письмо № 115.

* 104. Джорджу Девису Херрону (George Davis Herron).

1895 г. Июня 13. Я. П.

Dear Mr. Herron,

I had in my hands one of your books, but I had not time to read it, so that I knew before you wrote to me your name and your work, and greatly sympathised with it, that is with your work.

I thank you heartily for the books that you sent to me. I received them to day and will begin with the Christian state and hope that I will be induced to read them all. I have finished the first. I will write to you my genuine opinion of it. ¹

Yours truly

Leo Tolstoy.

Дорогой г. Херрон,

У меня в руках была одна из ваших книг, и потому, хотя еще не имел времени ее прочесть, я до вашего письма ко мне уже знал ваше имя и ваше дело и чрезвычайно сочувствую этому, то есть вашему делу.

Сердечно благодарю вас за книги, которые вы прислали мне. Я получил их нынче, собираюсь начать с «Христианского государства» и надеюсь, что это побудит меня прочесть их все. Первую из них уже кончил. Напишу вам мое искреннее мнение о ней.¹

Уважающий вас

Лев Толстой.

Печатается по копии, рукой М. Л. Толстой, из архива Н. Л. Оболенского. Дата копии.

Джордж Херрон (1862—1925) — американский пастор и христианский социалист, профессор колледжа в г. Айове, автор многочисленных сочинений на социально-религиозные темы.

Ответ на письмо Херрона от 3 июня н. ст., в котором он просил Толстого сообщить ему свое мнение о присланной им брошюре «Христианское государство».

¹ См. письмо № 110, а также отзыв Толстого о книге Херрона в Дневнике от 18 июня (т. 53, стр. 40).

105. С. П. Яремичу.

1895 г. Июня 13. Москва.

Очень благодарен за присылку портрета. Он напоминает одно из выражений лица нашего друга. И это приятно вспоминать, приятно мне тоже знать, что, прислав мне этот портрет, вы желали сделать мне приятное. Я вас тоже знаю, и с самой хорошей стороны, по рассказам Ник[олая] Ник[олаевича]. По франц[узской] поговорке: друзья наших друзей — наши друзья.

Еще раз благодарю вас.

Л. Толстой.

13 июня 1895.

Впервые опубликовано в сборнике ПТСО, стр. 131.

Степан Петрович Яремич (1869—1939) — художник и искусствовед, ученик художника Н. Н. Ге. Автор многочисленных трудов по истории русского искусства и составитель книги «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», «Academia», М. — Л. 1930.

Ответ на письмо Яремича от 8 июня 1895 г., при котором он прислал фотографию художника Н. Н. Ге.

106. М. А. Сопоцько.

1895 г. Июня 19. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич.

Таня писала вам, что мы затеряли адрес вашей матушки и потому не могли написать ей. Вы, вероятно, теперь уже сделали это сами. Разумеется, мы очень рады будем приютить ее в Ясн[ой] Пол[яне] до тех пор, пока ей это нужно будет для свиданий с вами.¹ — С самого того времени, как я получил ваше письмо, я всё хвораю, так что по дождливой и холодной погоде не решаюсь ехать в Тулу и потому еще до сих пор не был у вас. При первой возможности приеду и постараюсь получить разрешение на свидание с вами.² Хотелось бы многое услышать и много сказать вам. Пожалуйста, известите, не нужно ли чего вам. Для нас радость по мере сил служить вам. Вчера в наши края приехал Чертков с женою и очень был огорчен тем, что с вами случилось.

Прощайте пока.

Любящий вас Л. Толстой.

19 июня 1895.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 139.

О М. А. Сопоцько см. письмо № 100, прим. 1. Ответ на письмо Сопоцько из тульской пересыльной тюрьмы от 14 июня 1895 г., в котором он сообщил о предстоящей ему высылке.

¹ В письме от 14 июня Сопоцько писал: «Сообщите моей матери, с которой мне до отправки моей надо повидаться, позовите ее в Ясную, чтобы было ей, где побыть до этапа».

² О состоявшемся вскоре свидании Толстого с Сопоцько в тюрьме известно из письма Сопоцько от 4 июля.

* 107. С. Н. Толстому.

1895 г. Июня 22—23. Я. П.

Пожалуйста, прости меня за то, что так долго не отвечал на твое — хоть совестно говорить, а скажу — доброе, тронувшее меня письмо. Хоть мы и спорим, а все-таки никто нас так не понимает и не любит, как мы понимаем и любим друг друга. Я не болею, ничего особенно не болит — ни живот, ни

пузырь, но и то и другое чувствую и не могу сказать, что здоров, и всё слаб. Это ничего, больше помнишь о путешествии дальше Пирогова и привыкаешь с меньшим страхом и большей надеждой, что и там будет хорошо, смотреть на это путешествие. А в Пирогово, жив буду, приеду.

Л. Т.

На обороте: Станция Лазарево Крапив. уезда Тульск. губ. Село Пирогово. Графу Сергею Николаевичу Толстому.

Дата определяется почтовым штемпелем: «Почтовый вагон, 23 июня 1895 г.».

Сергей Николаевич Толстой (1826—1904) — второй брат Льва Николаевича. См. т. 83, стр. 30—31.

Ответ на письмо С. Н. Толстого от 17 июня 1895 г., в котором он выражал беспокойство по поводу дошедших до него слухов о нездоровье Льва Николаевича.

108. А. А. Александрову.

1895 г. Июня 28. Я. П.

Милостивый государь
Анатолий Александрович,

Мой знакомый г-н Евдокимов¹ желает поместить в вашем журнале² свое сочинение. Я рукописи не читал, но знаю г-на Евдокимова за человека с самым хорошим направлением.

Если найдете рукопись удобною для напечатания и стоящею вознаграждения, то поощрите³ г-на Евдокимова к литературной работе, к которой он чувствует призвание и на которую хочет посвятить свои силы.

Готовый к услугам

Лев Толстой.

Печатается по тексту, опубликованному в «Красной ниве» 1924, № 2, стр. 43, с автографа, с датой Толстого: «28 июня 95 г.».

Анатолий Александрович Александров (1861—1930) — приват-доцент Московского университета по кафедре русской литературы. С 1892 г. состоял редактором-издателем журнала «Русское обозрение». См. т. 66, стр. 289.

¹ Алексей Андреевич Евдокимов, сочувствовал взглядам Толстого.

² Ежемесячный литературный журнал «Русское обозрение» выходил в Москве в 1890—1898 гг.

³ «К сожалению моему, ни напечатать в «Русском обозрении» рукописи г-на Евдокимова, ни вообще устроить его сотрудничества в этом журнале не пришлось». Примечание А. А. Александрова к опубликованному письму в «Красной ниве».

* 109. В. Н. Дунину-Барковскому.

1895 г. Июля 2—3. Я. П.

1

Валерьян Николаевич,

¹ Я прочел вашу драму. ² Суждение мое о ней то, что она написана человеком очень молодым, мало знающим жизнь.

2

Валерьян Николаевич.

Я прочел вашу драму и, к сожалению, должен сказать вам неприятное, а именно, что драма написана дурно: характеры не выдержаны, положения неестественны и

Два перечеркнутых начала письма, которое было, однако, закончено и отослано адресату, что видно из письма Дунина-Барковского от 26 марта 1896 г., см. т. 69. Датируется на основании письма адресата от 15 июня из Тифлиса (штемпель получения «Тула 22 июня 1895»), на которое Толстой отвечает, и записи в Дневнике от 4 июля (т. 53, стр. 45).

Валерьян Николаевич Дунин-Барковский — агроном, в 1895 г. поручик Тифлисского полка.

¹ Зачеркнуто: Я получил ваше письмо и рукопись.

² Драма «Новая жизнь», первое произведение Дунина-Барковского, присланное им Толстому при письме от 15 июня 1896 г. с просьбой об отзыве.

* 110. Джорджу Девису Херрону (George Davis Herron).

1895 г. Июля 2—3. Я. П.

George D. Herron.

Dear Sir,

You read very attentively your book: «The Christian state» and will try to give you a candid opinion of it. ¹

Я совершенно разделяю ваш взгляд на значение христианства, как политического и экономичес[еского] учения. Многие места вашей книги, в кот[орой] вы указываете на грехи нашей жизни, на антихристианское положение нашего общества, по-

разительно верны. Особенно поразило меня ваше смелое осуждение американского народа, не исполнившего своего (vocation) призвания. Вообще вся книга эта проникнута самым глубоким, истинно христианским духом. Но я нахожу в ней один важный недостаток, ослабляющий ее значение. Надеюсь, что вы примете мое мнение, справедливо ли оно, или нет, с тем же самым религиозным сознанием, с к[оторым] я обращаюсь к вам, а именно с те[м], [что] наши отношения по этому предмету суть отношения не наши — между нами: Толст[ым] и Heron'ом, — а отношения наши к богу. Вся книга и проповедь ваша, по моему мнению, ослабляется тем, что пытаетесь влить вино новое в мехи старые.

Мехи старые, кот[орые] вы хотите наполнить новым вином, это государство и церковь. Государство есть форма языческая, и государство с самоотречением (sacrifice) есть отрицание государства. Еще более церковь — та, кот[орую] мы знаем, как католич[еская], так и протест[антская], — как только она в лице своих членов перестала быть самоотвержен[ной] христианской, а стала тем стремящимся к своим целям учреждением, так церковь уже перестала быть формой, годной для принятия в себя христ[ианского] содержания. — То, что вы хотите удерживать неустойчивое, отжившее, — госуд[арство] и церковь — лишает ваше сочинение во многих местах ясности и силы и вводит читателя в область чего-то неясного и неопределенного. Поэтому

Письмо сохранилось только в виде чернового отрывка. Датируется на основании письма Херрона от 3 июня н. ст., на которое отвечает Толстой, и записи в Дневнике Толстого от 4 июля (см. т. 53, стр. 45).

¹ [Джорджу Д. Херрону.

Милостивый государь,

Я очень внимательно прочел вашу книгу «Христианское государство» и попытаюсь высказать вам мое искреннее мнение о нем.]

* 111. С. А. Роза (S. A. Rosa).

1895 г. Июля 2—3. Я. П.

Dear Sir, I received your booklets and thank you for sending them. I approve especially of the pamphlet the Federation. ¹

Ваша страна ² находится в самых выгодных условиях для того, чтобы установить свободный от грехов старого мира

истинно христ[ианский] и братский ³ порядок жизни. Мне кажется, что коренной вопрос есть вопрос земельной собственности, порождающий *wage slavery*. ⁴ Что сделано и делается в Австралии для разрешения этого вопроса? По моему мнению, Н[enry] G[eorge] ⁵ вполне решает этот вопрос. Я не отвечаю на ваши вопросы, п[отому] ч[то] ответы на них находятся в друг[их] моих сочинениях, кот[орые], может быть, попадут вам в руки.

Jours truly L. T.

Печатается по черновику-автографу. Датируется предположительно на основании письма адресата от 18 июня 1895 г., на которое Толстой отвечает, и записи в Дневнике Толстого 4 июля 1895 г. (т. 53, стр. 45).

С. А. Роза — из г. Сиднея в Австралии. В письме от 13/1 мая (с опиской в годовой дате: 1893 вместо 1895) он пишет, что посылает одновременно две свои брошюры: «Federation» («Федерация») и «The coming terror» («Будущий террор»), Сидней, 1894, трактующие об объединении австралийских колоний в единую федерацию с мощным централизованным управлением, а также задает ряд вопросов относительно платежа податей и непротiwления злу насилieм. Ответ адресата неизвестен; поэтому вопрос о том, было ли письмо Толстого отправлено, остается открытым.

¹ Милостивый государь, я получил ваши брошюры и благодарю вас за посылку их. Мне особенно нравится брошюра «Федерация».

² *Зачеркнуто*: впереди всех

³ *Зач.*: скла[д]

⁴ Рабство наемного труда.

⁵ Генри Джордж (1839—1897), американский буржуазный экономист и общественный деятель. Толстой сочувствовал его системе единого налога на землю.

* 112. В. И. Горнунгу.

1895 г. Июль 2. Я. П.

Владимир Иосифович,

Какой бы я ни дал отзыв о вашем сочинении, колебания ваши не прекратятся. Вопрос о том, посвящать ли свое время писанию, или нет, решается не внешним указанием, а внутренним. И потому, желая вам всего хорошего, советую вам не присылать мне вашей статьи. Пошлите в какую-нибудь редакцию и поверьте, что если статья хороша, ее возьмут. А если даже не возьмут, несмотря на ее достоинства, никакой беды не будет. Вообще советую вам не предаваться своей охоте писания. От

того, что вы воздержитесь от писания, а отдадите свою энергию на жизнь, никакой беды не будет, а от развитого желания писать и часто сопутствующего этому желанию тщеславия часто бывают дурные последствия. Желающий вам истинного добра.

Л. Толстой.

2 июля 1895.

Печатается по рукописной копии с автографа, находившегося у В. И. Горнунга.

Ответ на письмо Горнунга от 20 июня 1895 г., в котором он просил разрешения прислать на отзыв Толстого рукопись какого-то своего литературного произведения.

* 113. П. Т. Саханскому.

1895 г. Июля 2—3. Я. П.

Не советую вам приезжать ко мне, пот[ому] что должности никакой я не только незнакомому мне человеку, но и знакомым людям приискать не могу; точно так же не могу дать вам совета о том, как устроить вашу жизнь. Пишу это не пот[ому], чтобы не желал быть вам полезным, но пот[ому] что действительно, по много раз повторявшемуся опыту, знаю, что не могу сделать ни того, ни другого, а вместе не желал бы заставить вас тратить и деньги и время и вызывать в вас несбыточные надежды. Желающ[ий] вам истинного добра.

На обороте: Местечко Хотимск. Могилевской губ. Климовического уез. Петру Трифильевичу Саханскому дер. Долодня.

Датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Ясенки Тульск. г. 3/VII. 1895» и записи в Дневнике от 4 июля (т. 53, стр. 45). Ответ на письмо от 16 июня 1895 г. Петра Трефильевича Саханского из местечка Хотимск Могилевской губ.

114. [Эугену Генриху Шмитту (Eugen Heinrich Schmitt)].

1895 г. Июля 3. Я. П.

Lieber Freund,

Sie müssen mich verzeihen, dass ich so lange Ihnen nicht geantwortet habe. Der Tod meines Kindes und die darauf folgende Krankheit meiner Frau und meine eigene, von welcher ich nur eben retabliert bin, waren davon die Ursache. Ihre Sendungen

und Briefe ¹ habe ich alle erhalten, und, wie ich mich erinnere, habe ich auf ihre Brochüre Herodes ² geantwortet. Wie es aber sein mag, antworte ich jetzt Ihren Brief vom 20 Juni. Die Lage der Socialdemokraten Ihnen entgegen ist für mich nichts neues. Es ist nur ein Beweis, dass ihre Thätigkeit wichtig ist und deswegen den Socialdemokraten gefährlich scheint. Es thut mir nur leid, dass Sie dabei von Verleumdung zu leiden haben. Sie müssen nicht verzagen und das Herausgeben Ihrer Zeitschrift aufhören. Jede Numer, die ich bekomme, lese ich durch mit grössten Interesse und Vergnügen. Ihren Artikel über Anarchie ³ werde ich auch übersetzen lassen. Er hat mir besonders gefallen. ⁴ Ich hatte vor einigen Wochen einen Aufsatz angefangen über die einfachsten und zugänglichsten Mitteln der Erlösung von der Knechtschaft, in welcher wir leben, ⁵ und dieser Aufsatz wäre eben, was Sie für Ihre Zeitschrift wünschen, aber jetzt habe ich andere Arbeiten am Werkstisch. ⁶ Wenn ich aber mit diesen fertig bin, werde ich mit dem grössten Vergnügen diesen Artikel für Ihre Zeitschrift senden.

Mit der internationaler Edition habe ich noch nichts angefangen, aber die Idee nicht verlassen.

Ihr Freund Leo Tolstoy.

3/15 Juli 1895.

Дорогой друг,

Простите, что так долго вам не отвечал. Смерть ребенка и последовавшая за этим болезнь жены и моя собственная, от которой я только что оправился, были тому причиной. Ваши послышки и письма ¹ я все получил и, насколько помню, на вашу брошюру «Ирод» ² уже ответил. Как бы там ни было, отвечаю вам сейчас на ваше письмо от 20 июня. Отношение к вам социал-демократов не представляет для меня ничего нового. Это только доказательство того, что ваша деятельность важна и потому кажется социал-демократам опасной. Мне только жаль, что вам приходится при этом терпеть клеветы. Вы не должны падать духом и прекращать издание вашего журнала. Каждый номер, который я получаю, я прочитываю с величайшим интересом и удовольствием. Вашу статью об анархизме ³ я также дам перевести. Она особенно мне понравилась. ⁴ Несколько недель тому назад я начал статью о самых простых и доступных способах освобождения от рабства, ⁵ в котором мы живем, и эта статья как раз подошла бы для вашего журнала, но сейчас я занят другими работами. ⁶ Как только с ними справлюсь, я с величайшим удовольствием пошлю эту статью для вашего журнала.

Для международного издания я еще ничего не сделал, но мысль о нем не оставил.

Ваш друг Лев Толстой.

Печатается по тексту, опубликованному в книге Э. Кейхеля «Die Rettung wird kommen», Hamburg, 1926, стр. 33, с датой «3/15 июля 1895 г.».

¹ В архиве Толстого сохранились письма Шмита от 13/1 и 14/2 мая и 20/8 июня, сопровождавшиеся, как это видно из текста письма, посылками номеров его журнала «Религия духа».

² О брошюре Шмита «Herodes» («Ирод») см. письмо № 60, прим. 19.

³ Статья Шмита «Anarchie» была напечатана в «Религии духа» 1895, № 3, стр. 69—80; в ней он излагал свой идеал такого будущего строя, при котором будет устранен всякий эгоизм, а вместе с ним и всякое принуждение — государство и закон.

⁴ Эта фраза, пропущенная в немецком издании, восполнена на основании машинописной копии, сохранившейся в архиве Н. Л. Оболенского в ГМТ.

⁵ Под этим следует, быть может, разуместь статью «Бессмысленные мечтания» (см. т. 31), поводом к которой послужила известная речь Николая II представителям земств 17 января 1895 г., чрезвычайно возмущившая Толстого, упомянутая в Дневнике 7 мая 1895 г. (т. 53, стр. 30).

⁶ Работой над романом «Воскресение» и над «Катехизисом». О том и о другом неоднократно упоминается в записях Дневника летом 1895 г. (т. 53).

115. Л. И. Веселитской.

1895 г. Июля 10. Я. П.

Николай Николаевич ¹ пишет вам, и мне захотелось написать вам хоть несколько слов, чтобы поблагодарить вас за ваши хорошие письма и мне, и девочкам и, в особенности, жене. Н[иколай] Н[иколаевич] пишет вам про меня, так я же вам напишу про него. Я особенно рад ему, и мне чрезвычайно хорошо с ним. Радуюсь тоже тому, что здоровье его гораздо лучше, чем я думал. Он пишет вам про мою работу. ² Мне бы не хотелось, чтобы про нее знали редакторы, а то не будет покоя и будет какой-нибудь грех. Вы, верно, знаете стихотворение, кажется, Фрейлиграта, о том, что смерть напоминает нам о том, как мы пропускаем случай любить. ³ Ваши сожаления о том, что вы уехали от вашего отчима, и еще многое другое напомнили мне это. Как хорошо бы было, если бы мы всегда помнили это. Кажется, вся наша жизнь с своими бедствиями, болезнями достаточно напоминает нам это, а мы все забываем. Хотим, чтоб на каждого человека было наложено особое клеймо: этот

человек непременно умрет. Желая, чтобы вам никогда не нужно было напоминать этого, это самое лучшее, что могу пожелать.

Искренно любящий вас Л. Толстой.

Печатается по автографу, представляющему собою приписку к письму Н. Н. Страхова к Л. И. Веселитской от 10 июля 1895 г. Автограф вплетен в альбом Л. И. Веселитской, хранящийся в Пушкинском доме Академии наук СССР. Впервые опубликовано в журнале «Исторический вестник» 1913, апрель, стр. 53.

Лидия Ивановна Веселитская-Божидарович (1857—1935) — писательница (литературный псевдоним «В. Микулич»). Была в дружеских отношениях с семьей Толстых и часто гостила у них в Москве и в Ясной Поляне. См. т. 66, стр. 275.

¹ Н. Н. Страхов приехал в Ясную Поляну, после операции рака, 4 июля и пробыл до 8 августа.

² Имеется в виду будущий роман «Воскресение», в то время называвшийся «Коновской повестью».

³ Имеется в виду стихотворение немецкого поэта Фердинанда Фрейлиграта (1814—1876), озаглавленное «Oh, lieb so lang du lieben kannst» («Люби, пока можешь любить»). Перевод его, сделанный А. Н. Плещеевым, напечатан в сборнике «Немецкие поэты в биографиях и образцах», под ред. Н. В. Гербеля, СПб. 1877, стр. 585—586.

* 116. Джону Кенворти (John Kenworthy).

1895 г. Июля 10. Я. П.

Я получил ваши переводы ¹ и не успел еще просмотреть. Как только сделаю это сам, или кто-нибудь из моих друзей, так сообщу вам о достоинстве переводов. Я, разумеется, очень рад вашему плану хорошего и, главное, дешевого издания моих писаний на английском языке. Мой друг Чертков имел эту самую мысль, и вам хорошо бы было войти в сношения с ним, тем более, что нет человека, который бы так внимательно, серьезно и так одинаково со мною смотрел бы на значение моих писаний. Он тоже хотел написать вам об этом деле. Детство я бы не печатал в этой серии, равно как и другие писания — все писанные до 1881 года. Я охотно напишу вам a letter of authorisation, ² но не знаю, в какой форме выразить ее, и потому пришлите мне образец такого письма, которое, подписав, я верну вам. Я получил ваш перевод «Master and Man» ³ и благодарю за него.

Продолжается ли издание следующих томов *The Four Gospels*? Очень жалко бы было, если бы оно остановилось на первом томе. Неполнота более всего помешала бы пониманию сочинения. Я не удивляюсь тому, что книга эта так плохо продается.⁴ Это не может быть иначе. Книгу эту нельзя понимать, перетолковывая ее по-своему; нельзя соглашаться кое с чем, отбрасывая другое, а надо принять всю, — не в ее подробностях, а в ее общем смысле, — или всю отбросить. Рискуя подпасть обычному парадоксу о том, что сам автор всегда ложно оценивает свои писания, я все-таки скажу, что это (*Work*) сочинение важнее в 1000 раз всего того, что я написал, и я знаю, что не ошибаюсь, потому что это сочинение стоило мне наибольшего радостного труда, было поворотным пунктом всей моей жизни и легло в основание всего того, что я писал после того. Я бы сказал, что ваше суждение о нем верно, если бы оно не было слишком лестно. — План мой международного издания до сих пор еще не начинает осуществляться. Знаете ли вы книгу *Lachman, Weder Dogma, noch Glaubensbekenntnis, sondern Religion*,⁵ и два журнала немецких, издающихся один в Штутгарте, *Neues Leben*, *D-r Grunsky*, и другой — *Religion des Geistes*, *Eugen Schmitt* в Будапеште?

Печатается по машинописной копии. Дата определяется словами ответного письма Кенворти от 7 августа н. ст. 1895 г.: «Я замедлил ответом на ваше письмо от 10/22 августа».

Ответ на два письма Кенворти от 3 мая и 27 июня н. ст., в которых он сообщает о плане и ходе своих издательских дел и об организации им переводов сочинений Толстого на английский язык.

¹ В письме от 27 июня Кенворти писал: «С той же почтой посылаю английские переводы трех ваших книг: 1) «Отрочества», 2) «В чем моя вера» и 3) «Ходите в свете, пока есть свет».

² Разрешение на издание. См. письма №№ 149 и 150.

³ Английский перевод «Хозяина и работника»: «*Master and man*». Rendered from the Russian into English by S. Rapoport and John Kenworthy, Нью-Йорк, 1895.

⁴ В письме от 3 мая н. ст. Кенворти писал по поводу выхода первого тома «Соединения, перевода и исследования четырех евангелий», которое встретило мало внимания со стороны критиков.

⁵ Лахман, «Не догмат и не вероисповедание, а религия».

* 118. В. П. Гайдебурову.

1895 г. Июля 13. Я. П.

Дорогой Василий Павлович,

Посылаю вам маленький рассказ начинающего автора.¹ Есть и внешний талант рассказа и содержание. Если найдете удобным напечатать, сообщите ему. Он рассчитывает на гонорар. Прилагаю его письмо ко мне.

От души желаю вам всего хорошего.

Любящий вас Л. Толстой.

13 июля.

Печатается по листу 75 копировальной книги.

¹ Рассказ Алексея Кельша. См. письмо к нему № 119.

* 119. Алексею Кельшу.

1895 г. Июля 13. Я. П.

Повесть ваша не дурна, и я посылаю ее с этою же почтой в «Неделю». Если она будет напечатана и вам пришлют корректуры, то прибавьте там, что девушка эта очень молода, и смягчите там как-нибудь вопрос о том, знал ли он женщин? Вы можете сделать это и по своей рукописи и послать. А то это выходит грубо.

Не нравится мне то, что вы смотрите на писанье, как на средство приобрести денег. Это совсем неправильно. Писанье должно быть независимо от денег для того, чтобы оно из хорошего дела не перешло в самое гадкое. Советовал бы вам тоже не торопиться писать. И писать как можно более обдумывая, обрабатывая, и как можно меньше.

Лев Толстой.

Печатается по листу 75 копировальной книги. Дата определяется: 1) словами письма: «Я посылаю ее [повесть] с этою же почтой в «Неделю», 2) словами письма к В. П. Гайдебурову от 13 июля: «Посылаю вам маленький рассказ начинающего автора и 3) ответным письмом Кельша от 17 июля 1895 г.

Алексей Кельш — молодой, начинающий автор из г. Коломны. Название упоминаемой в письме повести неизвестно. В «Книжках Недели» напечатана она, повидимому, не была.

1895 г. Июля 13. Я. П.

Вы спрашиваете: в чем спасение людей? В следовании учению Христа или учению православной церкви? Следовать нельзя ни тому, ни другому, а следовать можно только своему разуму.

Если я буду следовать учению Христа, то только потому, что разум мой решил, что учение Христа истинно; если я буду следовать учению так называемой православной церкви, то буду следовать ему только потому, что разум мой решил, что истину можно познать только через учение православной церкви. Чему бы я ни следовал и что бы ни признавал за истину, причиной моего решения будет всегда только мой разум, и потому следовать можно не тому и другому учению, а только своему разуму. Для того же, чтобы разум наш не обманывал нас, а открывал бы всю ту истину, которая нам доступна, надо делать две вещи: во-1-х, знать, что разум есть высшая наша божественная сила, и потому не столько развивать его, сколько беречь его — не искривлять, не ослаблять его принимаемыми неразумными верованиями, а, во-2-х, очищать свое сердце от пороков, страстей, себялюбия, с тем чтобы наши страсти не соблазнили наш разум. Так я думаю вообще о том, что нужно для нашего спасения. Если же вы меня спрашиваете, чему я для своего спасения, по своему разуму, нашел нужным следовать: учению Христа или учению так называемой православной церкви, то отвечу так:

Для спасения себя и всех людей считаю нужным следовать учению Христа, как оно выражено в евангелиях и, в особенности, в нагорной проповеди, потому что разум мой говорит мне, что, исполняя это учение, все люди вместо страданий, которые испытывают теперь, все будут блаженны. Учение же так называемой церкви я считаю совершенно ложным, препятствующим спасению людей и во всех своих догматах противным разуму.

Очень рад буду, если ответ мой поможет вам уяснить себе истину и утвердиться в ней.

Лев Толстой.

13 июля 95.

Обо всем том, что я вкратце пишу в этом письме, я пространно писал в многих книгах, запрещенных в России.

Печатается по листам 79 и 77 копировальной книги.

Ответ на письмо от 29 июня 1895 г. Василия Филипповича Максимова из г. Казани.

* 121. П. Т. Саханскому.

1895 г. Июля 13. Я. П.

Я утром всегда занят. Если мне можно будет, то я приеду в Ясенки вечером.

Если же нет, то приезжайте лучше в деревню Ясную Поляну к какому-нибудь крестьянину, и там я могу увидаться с вами.

Л. Толстой.

Письмо Толстого написано на четвертой странице письма Саханского, помеченного им: «13 июля 95 г.», и, судя по содержанию, было предназначено для передачи ему в тот же день с тем же посланным.

* 122. Ю. Эйнарвич.

1895 г. Июля 13. Я. П.

Я получил в свое время ваше письмо, но не отвечал на него, п[отому] ч[то] не знал, что ответить, как и теперь не знаю. Вы пишете, что есть крестьянин, кот[орый] проявляет большие способности и вместе с тем хороший человек, и желаете, чтобы я помог найти ему деятельность по душе. Но, во-1-х, я не знаю, какого рода необыкновенные способности проявляет этот молодой человек, во-2-х, полагаю, что самая чистая и нравственная деятельность есть деятельность крестьянская, земледельческого труда.

У меня есть знакомый крестьянин с большими способностями и очень нравственный человек, которому я посоветовал оставить московскую жизнь и поселиться у себя в деревне, что он и сделал, женившись, и до сих пор, сколько я знаю, не раскаивается в этом.¹

Я не разделяю очень распространенного мнения о том, что окружающая среда может иметь вредное или благотворное влияние на душу. Я думаю, что мы сами составляем свою окружающую нас атмосферу — среду и что нет такого места, где бы хороший человек не нашел общества хороших людей, и такого — где бы дурной человек не нашел бы общества дурных.

Всё это я пишу вам не для того, чтобы сказать, что я не хочу помочь вашему знакомому в уяснении себе истины и в утверждении себя в ней, но, не зная его, не зная его духовных потребностей, не могу этого сделать. Одно могу посоветовать ему — уяснить для себя свои религиозные верования и вытекающий из них смысл жизни. Это главное дело, и если у человека есть ясное понимание того, зачем он живет на свете, то никакая среда, никакое занятие не может повредить человеку. Для уяснения же себе смысла жизни надо читать всё то, что было писано об этом предмете людьми, искавшими и определявшими этот смысл жизни. — Приезда же этого молодого человека ² для свидания со мною я бы скорее не желал, так как всё, что я имел сказать людям, я сказал в моих писаниях, а личное свидание, если оно не случайно, а устроено нарочно, с тратою времени и денег, бывает только стеснительно для обеих сторон и бесполезно. Если же я письменно могу чем-нибудь служить вам и вашему знакомому, то я к вашим услугам.

С совершенным уважением

Лев Толстой.

13 июля 1895.

Печатается по листам 78 и 76 копировальной книги.

Юлия Самуиловна Эйнарвич — из г. Жемлославы Виленской губ. С Толстым знакома не была. Ответ на третье по счету письмо Эйнарвич от 22 июня 1895 г. Первые два были от 1 и 17 мая. Во всех трех она просит Толстого помочь знакомому крестьянину переменить образ жизни.

¹ Вероятно, Толстой имел в виду писателя из крестьян С. Т. Семенова. См. т. 54, прим. 1018.

² *Переделано из:* Личного же свидания с этим молодым человеком.

* 123. А. А. Бруни.

1895 г. Июля 14—26? Я. П.

Милостивая государыня
Анна Александровна,

Повесть ваша неестественна и потому не возбуждает ни интереса, ни сочувствия. Очень сожалею, что должен дать неблагоприятный отзыв.

Готовый к услугам Л. Толстой.

Рукопись возвращаю.

Печатается по листу 80 копировальной книги. Дата определяется тем, что письмо скопировано на одном листе с письмом к К. С. О., датированным 14—26 июля 1895 г.

Ответ на письмо Анны Александровны Бруни из имения Алексеевка, близ ст. Малая Вишера б. Николаевской, ныне Октябрьской, ж. д. от 30 июня 1895 г., в котором она просила Толстого прочесть приложенную рукопись и прислать свой отзыв о ней.

* 124. К. С. О.

1895 г. Июль 14—26? Я. П.

Стихи ваши совсем не хороши, и я полагаю, что в вас нет никакой способности к сочинительству; поэтому советовал бы вам им не заниматься.

Лев Толстой.

Печатается по листу 80 копировальной книги. Дата определяется, с одной стороны, почтовым штемпелем получения: «Москва 13/VII 1895 г.» на конверте письма адресата, а с другой — местом в копировальной книге перед письмом к М. Ф. Кудрявцевой, датируемым предположительно 26 июля.

Ответ на письмо от 13 июля 1895 г., подписанное инициалами К. С. О.

* 125. С. А. Венгерову.

1895 г. Июль 26. Я. П.

Возвращаю корректуру. — От Бондарева я на днях получил письмо.¹ Интересно бы поместить его автобиографию. Желаю вам всего хорошего.

Л. Толстой.

Дата определяется, с одной стороны, почтовым штемпелем получения на конверте письма адресата: «Тула, 7 июля 1895», а с другой — местом в копировальной книге — на одном листе с письмами к М. Ф. Кудрявцевой и к А. С. Зонову от 26? июля.

Ответ на письмо Венгерова от 3 июля 1895 г., при котором он прислал в двух экземплярах корректуру заметки Толстого о Бондареве. См. письмо № 67.

¹ Вероятно, Толстой имеет в виду письмо Бондарева к М. Л. и Т. Л. Толстым от 15 июля, на которое ответил ему письмом от 19—26 августа. См. письмо № 139.

* 126. А. С. Зонову.

1895 г. Июля 26? Я. П.

Я всегда очень рад вас видеть и всегда рад, если могу чем быть полезным. Боюсь только, что не буду в состоянии удовлетворить вашим желаниям.

Л. Т.

Печатается по листу 81 копировальной книги. Дата определяется тем, что письмо скопировано на одном листе с письмом к М. Ф. Кудрявцевой, предположительно датированным 26 июля 1895 г.

Алексей Сергеевич Зонов (1870—1919) — служащий Московско-Кавказской ж. д., сочувствовавший взглядам Толстого.

Ответ на письмо Зонова от 20 июля 1895 г., в котором он просил разрешения приехать на два или три дня в Ясную Поляну.

* 127. М. Ф. Кудрявцевой.

1895 г. Июля 26. Я. П.

Нынче получил ваше письмо и был очень рад узнать о вас и узнать всё хорошее. Маша не только не обижена вашим письмом, но очень благодарна вам за него. Мар[ья] Ал[ександровна]¹ была нынче у нас и благодарит за память. Мы живем по-старому и помним вас.

Л. Толстой.

Печатается по листу 81 копировальной книги. Дата определяется словами: «Нынче получил ваше письмо» и почтовым штемпелем отправления письма адресата из станицы Кавказской: «23. VII. 5».

Ответ на письмо Кудрявцевой от 18 июля 1895 г.

¹ Мария Александровна Шмидт.

* 128. Александру Макдональду (Alexander Macdonald).

1895 г. Июля 26. Я. П.

Dear Sir.

You write that you wish me encouragement in my work. There is no more joyful encouragement for me, than the receiving of such letters as yours.

As for your questions, I will very gladly try to answer them as well as I can.

1) I have got nothing against the usual assembling of people confessing the Christian doctrine on Sundays in halls that they call churches. But I think, that these assemblies ought not to be devoted, as they usually are, to public and uniform public prayers, firstly, because the repetition on Sunday in the same words is perfectly useless, as it very soon becomes a mechanical procedure; secondly and chiefly, because in the Gospels this error is plainly pointed out and it is there definitely said (Math. VI), that one should not pray in public places, but in solitude, which is corroborated both by the reason and the experience of every man, who has ever sincerely prayed to God, as the assembly of people only distracts, makes one's thoughts wander and diverts them. I think that Sunday rest and dedication of this day to spiritual exercise may take place in the most various forms. One may suggest, that men of the same spirit, meeting together on Sunday, should bring to their meeting such religious books or articles which they find in ancient and modern literature and read and discuss them together; one may suggest, that meeting together on Sunday men of the same spirit should arrange dinners for the poor and themselves serve those dinners; one may suggest, that meeting together men of the same spirit should confess their sins to each other and discuss them. In short one can think of a hundred different forms of worship, which should all have for their aim a mutual spiritual help and should not be mechanical, but sensible.

2) Do I believe in the resurrection and that there is a hereafter? I believe in true, i. e. indestructible life which Christ has disclosed to us and for the which death does not exist. But this life should in no-wise be understood as a resurrection to *future* life, as a *hereafter*. One cannot be too cautious in the use of terms for the definition of the true, indestructible, eternal life. If we were to say, that it will be a personal life, that we shall pass into other bodies or beings, as the Buddhists understand it in their metempsychosis, we should be making a gratuitous assertion. If, on the other hand, we were to assert, that death destroys all that which composes our «ego», it would be a yet more gratuitous assertion altogether contrary to reason, for in our «ego», as in all which exists, there is a certain element, which is true and abiding. And if I accept as my «ego» this abiding element, it is evident, that that, which I consider as my «ego», will not be

destroyed. The essence of Christ's teaching consists precisely in the acceptance of this abiding and indestructible element as our «ego». The chief fallacy of our judgement about the state in which we will be after death proceeds from our not being able to renounce the conception of a separate personality and the ensuing therefrom conceptions of space and time. It is the proper to every individuality, that it cannot conceive itself otherwise, than in space and time. Whereas death destroys the personality and therefore destroys also the conditional conceptions of space and time, proper only to personality. And therefore when we ask: *where shall we be after death?* we wrongly put the question, for we are asking: in what space and time shall we be when there will be for us no space and time? The word «where» expresses a demand for fixing space; the word «shall» a demand for fixing time. And therefore Christ's definition of life, expressed in the words: «I am the resurrection and life», and «before Abraham was I am», not only is wiser and more elevated, but also much more accurately defines the true and therefore eternal life of man, than the teaching of the churches about the soul of man rising after death and going to purgatory, to heaven or to hell. According [to] Christ's teaching, true life is and therefore cannot be infringed by death. Death destroys for us only space and time and therefore those bars, which in this life limited our personality. What will this state without space and time be we cannot imagine, but according to John, Christ says: «in my Father's house are many mansions». And these «mansions», i. e. states other, than our own, without space and time, we cannot in this life represent to ourselves; but nevertheless [we] may be quite sure that they exist. From another point of view life cannot cease with the destruction of personality for the reason, that if in the universe there is an eternal element, which I know without myself as order and mutuality, within myself — as reason and love, this eternal element, if I take it as my «ego», cannot be destroyed by death.

3) You write: «You seem to condemn business or commerce and, in that case, if a man is so engaged, would you have him give up his business and live upon the land», which, you say, would be very pleasant, but often difficult and even impossible, especially for those who have a family. How to steer clear of the present network which surrounds us? That is the question. To steer clear of all the temptations of the world is impossible,

because every one of us has got former ties and has learnt the truth after having had time to become entangled in the seductions of the world; and these temptations hinder each of us from doing that good which we regard as our duty; but the circumstance, that we cannot altogether liberate ourselves from the temptations of the world and cannot completely fulfil the good which we regard as our duty, does not prove, that man cannot fulfil the law of Christ and do God's work. The law of Christ lies in one object — in fulfilling the will of the Father who sent us into the world. His will is, that men and beings should not be in mutual enmity, but should be united in love, «that they may be one even as we are one»... The only obstacle to this unity are the temptations of the world, and therefore for the attainment of this aim there is only one means: the destruction of those temptations, which separate men and all beings and leading them to enmity in the place of joy, which is proper to them, and love which is good for them. What then can we do for the destruction of those temptations? First of all — acknowledge, that deceit is deceit, — elucidate it so that all the falsity of deceit should become evident to ourselves and to everyone. And it is necessary to do so not only independently of the fact of one's participating in it, but on the contrary with all the more energy, the more one participates in it. If I am caught in the net of deceit of state service, landownership, military service, or, as you say, commerce, — the first and chief thing, which I should do is not to conceal from myself the unlawfulness and sinfulness of my position; but on the contrary use all the power of my intellect in order to see it. And if such a man will bring the consciousness of the unlawfulness and sinfulness of his position to full lucidity, he will no more be able to continue the activity, which his conscience condemns. And if he be not able to continue it, he will either find means of leaving it («where there is a will, there is a way»), or, if he does not find the means, he will suffer and search for it and feel himself guilty. And this is the most advantageous state of mind for a christian.

In miracles I do not believe, because I believe in reason. One cannot believe in both, you must believe the one or the other. And I prefer to believe in reason: firstly, because reason is undoubtedly given to us by God, whereas we receive miracles by hearsay, from people, who very often are not deserving of our

credit, and secondly, because reason is common to all men, whilst every group of men have their own special miracles; and thirdly, because reason is convincing, whereas miracles are not. Upon this subject I have written in the detail in the introduction and notes to my translation of the Gospel, which is now published by Walter Scott. —

Are you acquainted with the activity of John Kenworthy? He is one of the most near to me in his views and has written excellent articles about questions, which probably will interest you. (I enclose his address and a list of some of his books).

I greatly wish, that my answers may satisfy you; and yet more do I wish, that you should yourself find the answers to these questions in the one and only source, from which we draw all our answers to the questions of life, namely from our heart.

Wishing you true welfare I am with love yours truly

Вы пишете, что желаете мне encouragement in my work ¹. Нет никакого более радостного для меня encouragement, как получение таких писем, как ваше. Что касается до ваших вопросов, то я с большой радостью постараюсь, как умею, ответить на них.

1) Я ничего не имею против обычного воскресного worship, ² но полагаю, что оно должно быть разумно, а не бессмысленно, как оно бывает большей частью, состоя преимущественно в чтении одних и тех же книг и повторении одних и тех же слов. ³ Воскресный отдых и посвящение этого дня для духовной деятельности может проявиться в самых различных формах. Можно себе представить, что люди одного духа, собираясь по воскресеньям, приносят в собрания те религиозные книги, статьи, которые они находят из старых и новых сочинений, и читают их; можно себе представить, что, сходясь по воскресеньям, люди одного духа устраивают обеды для бедных и служат на них; можно себе представить, что, собираясь, люди одного духа каются друг другу в своих грехах и обсуживают их. Я могу себе представить сотни форм worship'a, только бы они имели целью взаимную духовную помощь и были бы не механичны, а разумны.

2) Do I believe in the resurrection and that there is a hereafter. «I am resurrection and the life. Before Abraham was I am», ⁴ сказано в евангелии Иоанна словами Христа, и я думаю также,

что для человека, исповедующего христианское учение, нет смерти, а есть жизнь истинная, и потому вечная, хотя жизнь эту никак не следует понимать, как воскресение — жизнь будущего — hereafter.

Нельзя быть достаточно осторожным в употреблении слов и понятий для определения истинной и вечной жизни. Если мы скажем, что жизнь эта будет личная, что мы перейдем в другие тела или существа, как понимают это буддисты, мы будем утверждать то, на что не имеем права (it will be a gratuitous assertion⁵). Если же мы будем утверждать, что смерть уничтожает всё то, что составляет наше «я», это будет еще более произвольно и прямо противоречивое разуму, потому что в нашем «я», как и во всем существующем, есть нечто истинное и непреходящее; если же я признаю своим «я» это непреходящее, то очевидно, что я не уничтожусь.

Сущность учения Христа в том и состоит, чтобы признавать своим «я» это нечто не уничтожающееся и непреходящее.

Главная ошибка наших суждений о том состоянии, в котором мы будем находиться после смерти, происходит от того, что мы не можем отрешиться от понятий отдельной личности и связанных с этой отдельностью понятий пространства и времени.

Свойство отдельной личности в том, что она не может себя понимать иначе, как в пространстве и времени; смерть же уничтожает личность и потому условные, свойственные только личности, понятия пространства и времени; и потому, когда мы спрашиваем: *где* или *буду* после смерти, мы спрашиваем, в каком пространстве и времени мы будем, когда для нас не будет ни пространства, ни времени. Так как слово *где* означает требование определения пространства, слово *буду* — требование определения времени. И потому определение Христа о том, что есть жизнь, выраженное в словах: я есмь воскресение и жизнь, и: прежде, чем был Авраам, я есмь, не только мудрее и возвышеннее, но и гораздо точнее определяет истинную и потому вечную жизнь, чем учение церквей о том, что душа человека воскреснет после смерти и пойдет в рай или ад.

По учению Христа истинная жизнь есть и потому не нарушается смертью. Смерть же только разрушает те преграды, которые в этой жизни отделяют нас от всего мира, и уничтожает для нас пространство и время. Какое будет это состояние без пространства и времени, мы не можем себе представить, но,

по Иоанну, Христос говорит: у отца вашего обителей много есть. И обителей этих, т. е. другого, чем наше, состояния, мы представить себе не можем, но не можем и отрицать их. То же, что жизнь не прекратится с уничтожением личности, в этом не может быть никакого сомнения, потому что в мире есть что-то вечное, а если есть в мире что-либо вечное, то я часть мира, и это вечное есть во мне. Если же вечное есть во мне и я соединяю свое сознание с тем, чтоечно, то смерть не может уничтожить меня.

3) В-третьих, вы пишете: *you seem to condemn commerce and business, and in that case, if a man is so engaged, would you have him give up his business and live upon the land*, ⁶ что вы говорите, было бы очень приятно, но часто трудно и даже невозможно, особенно людям семейным. *How to steer clear off the present network which surround us.* ⁷ В этом и только в этом не только вся задача, но всё дело жизни ученика Христа. Всё дело жизни ученика Христа в том, чтобы исполнить волю отца, который послал нас в жизнь. Воля же его в том, чтобы люди и все существа не враждовали между собой, а жили соединены любовью, чтобы вы все были едины, как я един с отцом... Для достижения же этого единства есть только одно средство: уничтожение тех соблазнов (обманов), которые разделяют нас; что же мы можем делать для уничтожения этих соблазнов? Прежде всего освобождение себя от них — неучастие в них и обличение их.

Это я говорю по отношению к тому, что вы говорите: *you seem to condemn commerce or business*. Я думаю, что для ученика Христа не может быть сомнения в том, что торговля есть дело нехристианское (*Unto this last. J. Ruskin* ⁸) и что надо не участвовать в нем. И потому не надо скрывать этого от себя, а, напротив, надо, как можно яснее, стараться убедиться в этом.

Для того, чтобы освободиться от соблазнов и быть в состоянии обличать их, прежде всего нужно признание обмана обманом, такое разъяснение его, чтобы вся неправда обмана была очевидна каждому. И это надо делать не только независимо от того, участвуешь ли ты в обмане, или нет, но, напротив, с тем большим старанием, чем больше ты в нем запутан. Пусть военный не скрывает от себя греха, соблазна своего положения, землевладелец, купец, судья — своего, а, напротив, все силы ума употреблять на то, чтобы ясно видеть его, и тогда он не

в состоянии будет продолжать дело, которое осуждает его совесть, а не будет в состоянии продолжать его или найдет средство выйти из него (where is a will is a way ⁹); а не найдет средства, будет страдать, искать его и каяться в своем грехе. А это самое выгодное положение для христианина.

В чудеса я не верю, потому что верю в разум. Нельзя верить в то и другое. Верить в чудеса значит не верить в разум. А разум наверное нам дан от бога, про чудеса же мы только слышим, но ни один душевно здоровый человек никогда не видал их. Кроме того, разум убедителен и общ всем людям, чудеса же ни в чем не убеждают и у каждой группы людей свои особенные. Об этом предмете я подробно писал в предисловии и примечаниях к моему переводу евангелия, которое теперь выходит в Англии у Walter Scott'a.

Известна ли вам деятельность G. Kenworthy? Это один из самых близких по убеждениям мне людей, написавший прекрасные статьи о вопросах, которые, вероятно, интересуют и вас. (Его адрес и книги.) Очень желал бы, чтобы мой ответ удовлетворил вас, и еще более желал бы, чтобы вы ответы на эти вопросы нашли из того же единственного источника, из которого мы черпаем их — из учения Христа и своего сердца, всеми силами своими обращенного [к] богу.

Желаю вам истинного блага. With love. Yours truly.¹⁰

Письмо дошло до нас в двух черновых редакциях: 1) в машинописной русской и 2) в английском переводе с нее, рукою М. Л. Толстой, с многочисленными поправками, сокращениями и вставками, рукою Л. Н. Толстого, частью на английском, частью на русском языке. Важнейшие из этих вставок мы приводим в примечаниях. Дата определяется словами ответного письма Макдональда от 2 сентября н. ст. 1895 г.

Ответ на письмо А. Макдональда от 24/12 июня 1895 г., в котором он, сообщая о прочтении им ряда книг Толстого: «Царство божие внутри вас», «В чем моя вера?», «Где любовь, там и бог» и др., просит его ответить на несколько вопросов.

¹ Ободрение в моей работе.

² Богослужения.

³ В английском переводе эта фраза перечеркнута синим карандашом и заменена следующей вставкой, на русском языке, переведенной впоследствии на английский, рукою Л. Н. Толстого: «Но я думаю, что эти собрания не должны быть посвящены, как это делается обыкновенно, общим одним и тем же молитвам, во-1-х, п[отому] ч[то] повторение каждое воскре-

сение одних и тех же слов совершенно бесполезно, так как очень скоро становится механическим делом, а во-2-х, и главное, п[отому] ч[то] в евангелии прямо указано это заблуждение и определенно сказано (Мф. VI), что молиться не надо в публичных местах, в собраниях, а одному, что и подтверждается и рассуждением и опытом всякого человека, когда либо искренно молившегося богу, так как собрание людей только рассеивает и развлекает мысль.

⁴ Верю ли я в воскресение и в то, что есть будущая жизнь? «Я воскресение и жизнь». Прежде чем был Авраам, я есмь».

⁵ Это будет произвольным утверждением.

⁶ Вы как будто осуждаете торговлю и коммерческую жизнь, и в случае, если человек занимается ими, желали ли бы вы, чтобы он бросил свое занятие и поселился на земле?

⁷ Как выбраться из окружающей нас сети. — Следующая фраза зачеркнута в английском переводе и поверх строк написано рукой Л. Н. Толстого: «That is the question. Steer clear off all the seductions of the world is impossible, because every one of us [В этом вопрос. Выбраться из соблазнов мира невозможно, потому что каждый из нас] имеет прошедшие связи и познал истину уже тогда, когда успел запутаться в соблазнах мира, и соблазны эти мешают каждому из нас делать то доброе, к[оторое] мы считаем должным. Но то, что мы не можем вполне исполнить то добро, к[оторое] считаем должным, не доказывает того, что человек не может исполнять закон Христа и делать дело божие. Закон Христа в том, чтобы делать волю отца».

⁸ См. письмо Д. П. Маковицкому № 175, прим. 5.

⁹ Кто хочет, тот найдет и средства.

¹⁰ С любовью. Искренно ваш.

129. Д. А. Хилкову.

1895 г. Июля 29. Я. П.

Дорогой Дмитрий Александрович,

Получил ваше письмо с описанием насилий над духоборцами и не знаю, что мне делать. Не знаю, что мне делать, п[отому] ч[то] исполнить того, что вы хотите, не могу. Послать статьи в русские газеты нельзя. Ни одна не напечатает ваш рассказ в том виде, в к[аком], вы его мне прислали. (В Бирж[евых] ведом[остях] в № 201, 21 июля, напечатано известие, ¹ довольно подробное, о начале раздора между духоб[орцами] и о том, как выслали Вериг[ина] и как рядовые отказались от службы, и о том, что теперь их выселяют до 400 семей в нагорные места

Душetskого, Тионетск[ого] и Сигнахск[ого] уездов. ²⁾ Послать ваш рассказ в иностранные газеты считаю тоже излишним, главное, п[отому] ч[то] рассказ этот написан очень дурно, и дурно не п[отому], ч[то] в нем нет литератур[ных] достоинств, напротив, в нем нет простоты, точности, определенности и правдивости, и тон всего рассказа нехороший — какой-то иронический, шутливый, такой тон, кот[орым] нельзя говорить о таких ужасных делах. Не нужно писать о *христомовив[ых] воинах белого царя*, а нужно объяснить, как убили 4-х человек, кто были эти люди, их возраст, имя, как они умерли, отчего, когда убили 4-х чел[овек], казачий командир убедил[ся] в бесплодности атаки. Всё это и многое другое об изнасиловании так нехорошо, неясно, преувеличенно, что вызывает полное недоверие ко всему. В таком виде статья или вовсе не будет напечатана, или если и будет напечатана в какой-нибудь маленькой газете, то не вызовет никакого впечатления. — Я совершенно согласен с вами, что надо бы об этом напечатать в иностранных изданиях, в русских и думать нечего, если и напечатают, то с такими урезками, что пройдет незамечено, — но для того, чтобы статья имела влияние на тех, на кого она должна иметь влияние, нужно, чтобы она была написана строго правдиво, обстоятельно, точно. И потому, если можно собрать такие сведения, то соберите и пришлите. — Ваш же рассказ, рискуя сделать вам неприятное, я пока оставляю у себя. Если вы велите посылать, как есть, я пошлю. Одно, что я сделаю теперь, это то, ч[то] по вашему плану напишу в Англию нашему другу Kenworthy ³ и другому ⁴ еще о том, что на духовоборов происходит жестокое гонение, и что если они хотят узнать подробности этого, то прислали бы корреспонд[ента], направив его к вам с тем, чтобы вы уже направили его, куда надо. Завтра посоветуюсь об этом с Черт[ковым] и напишу. Нынче вернулась от вашей матери дочь моя Таня. Она видела ваших детей ⁵ и сказала им то, что вы насильем лишены возможности быть с ними и любите их и жалеете. Она пускай сама напишет вам. Пока прощайте. Не сердитесь на меня, а любите меня, как я вас.

Л. Т.

Впервые опубликовано в Б, III, стр. 429—431. На автографе сверху текста на первой странице рукой С. А. Толстой поставлена дата: «29 июля 95», подтверждаемая содержанием.

В письме от 14 июля 1895 г. Хилков писал Толстому со слов очевидца о тех насилиях, которым подвергались духоборы, жившие на Кавказе, отказавшиеся от военной службы и сжегшие военное оружие в ночь с 28 на 29 июня 1895 г.

¹ В петербургской газете «Биржевые ведомости» 1895, № 201 от 24 июля, была напечатана заметка о разборе 14 июля в Кавказском военно-окружном суде дела 11 духоборов, отказавшихся от продолжения военной службы.

² Душетский, Тионетский и Сигнахский уезды Тифлисской губ., зараженные малярией, были мало благоприятны для поселения духоборов. Их погибло там после переселения до 2000 человек.

³ См. письмо к Кенворти № 169.

⁴ Вероятно, Толстой имел здесь в виду Э. Г. Шмита. См. письмо № 176.

⁵ Татьяна Львовна Толстая незадолго перед этим вернулась из Петербурга, побывав там у Ю. П. Хилковой, матери Д. А. Хилкова, у которой в то время «воспитывались» его дети — Борис и Ольга, насильно отнятые ею у отца и матери.

* 130. А. Н. Каневскому.

1895 г. Конец июля, не позже 30-го. Я. П.

Дорогой Анатолий Ник[олаевич],

Очень рад был получить от вас письмо. Всегда рад общению с вами и еще более был [бы] рад, если бы мог быть вам полезным. Боюсь только, что ваше представление о жизни очень далеко от возможности осуществления. Все мы стремимся к одному и тому же роцу жизни, но все мы задерживаемся в осуществлении его нашими страстями, слабостями, а главное, нашими семейными связями. Это не значит, чтобы мы должны были перестать стремиться к такой жизни, но значит то, что мы должны знать те трудности, кот[орые] предстоят нам, и должны, несмотря на эти трудности, не переставая стремиться к тому же. Собраться в отдельную общину признающих себя отличными от мира людей, я считаю не только невозможным (недостаточно еще привыкли к самоотвержению люди, чтобы ужиться в таком тесном едине[нии], как это и показал опыт), но считаю и нехорошим: общиной христианина должен быть весь мир. Христианин должен жить так, как будто все люди —

какие бы они ни были — были такие же, как он, готовы не на обиду и своекорыстие, а на самопожертвование и любовь. И тогда только, хоть и не при его жизни, но когда-нибудь, осуществится братская жизнь на земле, а устройство малых общин избранных — церквей, не улучшает, а часто ухудшает жизнь людей, делает ее более жестокой и равнодушной к другим.

Что ваша семья, т. е. родители? Где они? Я тогда ничего не мог смыслить для вашего отца¹ и очень жалею об этом. Кто ваша жена? ² и чем вы живете теперь? Приходить ко мне я вам не советую, если же будете писать, то я с радостью буду отвечать на то, что могу. — Я живу попрежнему — меньше работаю руками, больше пишу³; всё еще кажется, что нужно нечто высказать. — Так пишите мне.

Любящий вас Л. Толстой.

Если вы что не читали из моих последних писаний, то напишите, и я постараюсь достать вам. Знакомые, живущие на земле, у меня есть, и одного работника товарища принять они всегда согласятся, но чету с детьми не решатся принять, не будучи знакомы с вашей женой. Так что в этом не могу вам помочь.

Печатается по листам 82—85 копировальной книги. Дата определяется почтовым штемпелем получения письма адресата: «Тула, 19/VII 1895», и местом письма в копировальной книге перед письмом к Демидову, помеченным: «30 июля 1895 г.».

Анатолий Николаевич Каневский (р. 1866) — сын рязанского нотариуса, сочувствовавший взглядам Толстого, участник толстовских общин.

Ответ на письмо Каневского из г. Коломны от 17 июля 1895 г., в котором он просил Толстого указать, где бы он мог достать еще не читанные им его сочинения, и говорил, что хорошо было бы собраться всем ученикам Толстого вместе для общинной жизни.

¹ Николай Ильич Каневский (1834—1899), служил сначала нотариусом в Рязани, затем перешел на должность заведующего заводской конторой в Гусевском заводе Рязанской губ. Надорвав там свое здоровье, он лишился места и с тех пор, нуждаясь материально, неоднократно письменно обращался к Толстому с просьбой как-нибудь устроить ему или его жене подходящее место.

² Лидия Константиновна Каневская, рожд. Соколова (1866—1923), бывшая ученица консерватории.

³ Толстой работал в это время над «Каневской повестью» — будущим романом «Воскресение».

* 131. М. Д. Демидову.

1895 г. Июля 30. Я. П.

Ваше Превосходительство.

Простите меня, пожалуйста, за то, что обращаюсь к Вам без упоминания имени, отчества и фамилии. ¹ Я живу в деревне и не имею под руками адрес-календаря, по которому мог бы об этом справиться. Дело же, о котором я позволяю себе утрудить вас, очень важно и не терпит отлагательства. В Вашу губернию [выслан] мой хороший знакомый и во всех отношениях прекрасный, умный, даровитый и нравственный молодой человек, Мих[аил] Арк[адьевич] Сопочко, бывший студент Моск[овского] университет[ета]. Мнение, которое я высказываю о нем, подтвердят люди, знающие его, хотя и совершенно других взглядов, чем я. Таковы: Ник[олай] Алекс[еевич] Философов ², бывший директор школы Живо[писи] и Ваяния в Москве, Рафаил Алекс[еевич] Писарев ³, известный земский деятель Тульской губернии, и др[угие], знавшие Сопочко.

Просьба моя к Вашему Превосходительству состоит в том, чтобы облегчить ему, сколько возможно, время его ссылки, которой он подвергся совершенно невинно, назначив его в лучшее место, чем Пудож, ⁴ в Петрозаводск, если это возможно. — Исполнение моей просьбы, которое я сочту за особенное мне одолжение, будет вместе с тем и добрым делом, так как спасет молодого человека от тех последствий одинокой жизни, которым подвергаются большею частью ссыльные и из которых главное есть потеря доброжелательства к людям, а напротив, озлобление.

Прошу простить меня за необычную форму моего письма и принять уверения моего совершенного уважения.

Лев Толстой.

30 июля 1895.

Печатается по листам 88 и 89 копировальной книги. Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 141—142.

Михаил Денисович Демидов (1840—1898) — с 1892 г. олонецкий губернатор.

¹ Письмо Толстого было адресовано: «Олонецкому губернатору». М. А. Сопочко в начале июля этого года административно высылался в г. Пудож Олонецкой губ. и в своем письме к Толстому от 3 июля просил

его «похлопотать перед олонекким губернатором о позволении жить в губернском городе».

² Николай Алексеевич Философов (1839—1895), помещик Данковского уезда Рязанской губ., тесть И. Л. Толстого.

³ Рафаил Алексеевич Писарев (1850—1906), помещик Епифанского уезда Тульской губ., либеральный земский деятель.

⁴ Пудож — в то время глухой уездный городок Олонеккой губ. с числом жителей около 1500 человек.

132. М. А. Сопощко.

1895 г. Июля 30. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич,

Получил ваше тронувшее меня письмо из Петерб[урга]. Жить для приобретения любви других, делать что-нибудь для достижения этой цели — нехорошо, но когда получаешь эту любовь, как всегда — незаслуженно, п[отому] ч[то] ничего не делал для приобретения ее, то нельзя не радоваться и не умиляться, как я радовался и умилялся, получив ваше письмо. Очевь радуюсь за вас, что вы пережили, хотя бы и не вполне, но отчасти, страх смерти. Этот страх никогда не переживается сразу, а всегда во много приемов — ступенями. Хорошо то, что вы начинаете переживать его. Степень страха, кот[орый] мы испытываем перед смертью, есть показатель степени истинности понимания нами жизни. И потому всегда полезно примеривать себя к этому страху, чтобы по нем судить о своем душевном состоянии — росте или умалении. Я не говорю о большом разряде людей, кот[орые] утверждают, что не боятся смерти, иногда и поступают так, как будто не боятся ее, только от того, что они еще не вступали в истинную жизнь и находятся в положении, близком к животному. Чем меньше страха смерти, тем больше свобода, спокойствие, сознание могущества духа и радость жизни. При полном освобождении от этого страха, при полном сознании единства жизни этой с бесконечной, истинной жизнью, должно быть полное, ничем не нарушимое спокойствие, сознание своего всемогущества и блаженства.

Получил я и второе ваше письмо.¹ Разумеется, очень рад служить вам книгами, выписывайте, что вам нужно. Какие пять рублей нужно заплатить? Я не получал письма, в к[ото-ром] вы пишете об этом. Разумеется, всё будет сделано. Только

напишите, что. Да еще что делать с ковровым мешком, присланным от Богоявленских? ² Я распорядился переслать его в Москву через пересыльную тюрьму. Матуш[ку] вашу я лично знаю, она очень симпатична мне. Но теперь я не видал ее. Петрозаводского, т. е. олонец[кого] губернат[ора], я не знаю и не знаю его имени — у меня нет адрес-календаря, но все-таки хочу попытаться написать ему без имени его о вас, прося его, чтобы он перевел вас в более жилое место. ³ Статью вашу «В поисках ясности» ⁴ я еще не читал, не имею ее, но прочту. Черткову передал ваш привет. Он очень рад был знать, что вы его помните и любите и что вы находитесь в том бодром настроении, кот[орое] выразилось в ваших письмах и ответах на допросе. ⁵ Все друзья наши вас помнят и любят. Дай вам бог не пасть духом и не потерять лучшего дара любви к людям — не озлобиться, тогда вы победите все препятствия. Истинно любящий вас

Л. Толстой.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 140.

Датируется предположительно тем же днем, как и упоминаемое в тексте письмо к олонецкому губернатору Демидову, помеченное Толстым «30 июля 1895 г.».

Ответ на два письма Сопочко: от 26 июня из петербургской пересыльной тюрьмы и от 4 июля 1895 г.

¹ В этом письме (от 4 июля) Сопочко просил Толстого разрешить ему в ссылке пользоваться книгами яснополянской библиотеки, организовав высылку ему их на место ссылки наложенным платежом с тем, что он по почте будет возвращать их обратно.

² Николай Ефимович Богоявленский (р. 1867), земский врач, работавший на ст. Чернава Рязанской губ., в 9 км. от имения Раевских Бегичевки. См. т. 49, стр. 194. У него весной 1895 г. до ареста жил Сопочко.

³ См. письмо Толстого к М. Д. Демидову № 131.

⁴ См. письмо к М. А. Сопочко № 163.

⁵ См. там же, прим. 1.

133. Н. В. Давыдову.

1895 г. Конец июля? Я. П.

Дорогой Николай Васильевич,

Податель этого, очень симпатичный, правдивый, молодой человек, ¹ в нужде, просит места. Знаю, что вы с вашей добротой осаждены такими просьбами, но этот юноша мне кажется

особенно жалок и особенно желательно помочь ему. Сделайте, что можете. Очень рад был вашему обещанию Леве приехать к нам. Мы многого не договорили. До свидания.

Ваш Л. Толстой.

Хоть бы на время его как-нибудь пристроить. А я буду с своей стороны искать ему работу или места.

Впервые опубликовано в сборнике «Толстой. Памятники творчества и жизни», 2, М. 1920, стр. 39—40. Ответное письмо адресата помечено им 14 августа 1895 г. Ввиду того, что письмо Толстого, посланное с «подателем», не застало адресата в Туле, откуда было переслано ему в деревню Тамбовской губ., датируем его предположительно концом июля.

¹ Личность этого молодого человека неизвестна. В примечании к опубликованному письму Давыдов отметил: «Этому молодому человеку мне удалось дать занятия в канцелярии прокурора; оказался вполне работоспособным и в течение долгого времени оставался на занятом посту».

* 134. Л. Ф. Анненковой.

1895 г. Августа 1—10. Я. П.

Семенов ¹ едет к вам и, хотя он вам на словах расскажет всё про нас, расскажет, как мы, главное, я (про себя я знаю), вас любим, мне хочется про это же написать вам. Жалею о вас за ваше нездоровье, по своей человеческой слабости, но знаю, что вы не только твердо перенесете болезнь, но что сумеете извлечь из нее для души пользу.

Про себя скажу, что мое приближение к плотской смерти, кот[орое] я всё более и более чувствую, укрепляет меня в этой жизни и иногда прямо радует, не п[отому] ч[то] я уйду от этой жизни, а п[отому] ч[то] чувствую большую твердость в этой жизни.

Братски целую вас. Мой привет Констан[тину] Ник[аноровичу]. Искренно любящий вас

Л. Толстой.

На обороте письма: Леониле Фоминичне Анненковой.

Датируется на основании пометки на письме рукой Анненковой: «Август 1895» и ответного письма Анненковой от середины августа.

¹ Сергей Терентьевич Семенов (1868—1922), писатель из крестьян. См. т. 50, стр. 247.

* 135. Н. В. Михеевой.

1895 г. Августа 10. Я. П.

Милостивая государыня
Надежда Васильевна,

Я действительно одно время находился в батарее вашего отца ¹ и действительно в то время, играя в карты, занимал деньги и бывал должен разным лицам. Но долги мои всегда мучили меня, пока не бывали заплачены, и я решительно не помню, чтобы в числе таких долгов был долг вашему отцу, даже могу сказать, что помню, что, уезжая из Крыма, у меня такого долга не было. Подтверждением этого служит для меня во-1-х, то, что я всегда давал расписки тем, кому был должен, а такой расписки нет; во-2-х, и главное, то, что ваш отец в продолжение почти 40 лет ни разу не заявил мне об этом долге. И потому я полагаю, что тут есть какое-то недоразумение, которым вы были введены в заблуждение, и очень сожалею об этом. С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам.

Лев Толстой.

Печатается по листу 90 копировальной книги.

Надежда Васильевна Михеева в письме от 1 августа 1895 г. писала Толстому: «Покойный отец мой, отставной генерал от артиллерии, Василий Семенович Филимонов, рассказывал мне, что Вы, состоя офицером в его батарее, во время Севастопольской кампании, заняли у него на честное слово 500 руб. и до сего времени этих денег не отдавали. Отец мой умер в 1891 г. в Москве, а мать умерла в этом, и наследницей их являюсь я».

«Зная, что продолжительное время не уничтожает такого рода обязательств», она спрашивает Толстого, признает ли он этот долг и какого рода документ следует ему выслать в удостоверение того, что она действительно является дочерью Филимонова.

¹ Василий Семенович Филимонов (1817—1891), командовал при обороне Севастополя в чине сначала капитана, потом подполковника, той самой 3-й легкой батареей 11-й артиллерийской бригады, к которой был прикомандирован Толстой. В Дневнике Толстого от 23 января 1855 г. сохранился краткий отзыв о нем Толстого (см. т. 47, стр. 35, 274).

* 136. Джону Кенворти (John Kenworthy).

1895 г. Августа 18. Я. П.

Dear friend,

I have got your letter and will answer it, each point separately.

1) I am very sorry that you have spent so much money for the translation of the four Gospels. 100 for a volume is very dear. ¹

2) I have not yet had time to look over the translations of «What I believe» and «While you have the light», but I will do so and, if they are not bad, will send you the authorisations. I think, that the «Kingdom of God» is one of my books, which will sell better, than others, and will be very glad to know, that there is a cheap edition of it. ²

3) I asked my friend Mr. Tchertkoff to send you a list of my writings since 1881, and he promised, that he will do it. His adress is: Russia, Government of Voronesh, station Rossosha. Vladimir Tshertkoff.

4) I would be very glad, if I could forward to you this year a new work, which should be edited by your company before any others. And hope to do so.

Yours truly

Leo Tolstoy.

30 August 1895.

Дорогой друг,

Я получил ваше письмо и буду отвечать на каждый пункт в отдельности.

1) Мне очень жаль, что вы истратили столько денег на перевод «Четырех евангелий», 100 фунтов за том очень дорого.¹

2) Я еще не имел времени, чтобы просмотреть перевод «В чем моя вера» и «Ходите в свете, пока есть свет», но сделаю это и, если эти переводы не плохи, pošлю вам разрешение. Я думаю, что «Царство божие» — одна из моих книг, которая будет лучше продаваться, чем другие, и мне приятно будет узнать, что она существует в дешевом издании. ²

3) Я просил моего друга Черткова послать вам список моих писаний с 1881 года, и он обещал мне это сделать. Его адрес: Россия, Воронежская губерния, почт. станция Россоса, Владимиру Черткову.

4) Был бы очень рад послать вам в нынешнем году новую вещь, которая могла бы быть издана вашим товариществом раньше других. Надеюсь это сделать.

Искренно ваш Лев Толстой.

30 августа 1895.

Печатается по листам 91 и 92 копировальной книги. Дата автографа «30 августа» должна пониматься как 30 августа нового стиля, так как о разрешениях на издание, помеченных «Август 1895» (см. письма к Братскому издательскому товариществу, №№ 149 и 150), говорится как о еще не написанных.

Ответ на письмо Кенворти от 7 августа н. ст., посвященное, главным образом, вопросам организации издания на английском языке сочинений Толстого.

¹ Кенворти писал, что, по договору с переводчиком «Соединения, перевода и исследования четырех евангелий» К. И. Тёрнером, он обязался платить ему 100 фунтов стерлингов (около 1000 рублей) за том, и при слабом сбыте книги эта сумма тяжело ложится на издательство.

² Далее Кенворти писал в том же письме, что им куплены в целях переиздания старые английские переводы «В чем моя вера?» (перевод Константина Попова, Лондон, 1885), «Ходите в свете, пока есть свет» (перевод Э. Диллона, Лондон, 1890) и «Царство божие внутри вас» (перевод Констанс Гарнет, Лондон, 1894); он просил высказаться о достоинстве этих переводов и, если переводы окажутся хороши, прислать разрешение на их переиздание.

* 137. Л. Ф. Анненковой.

1895 г. Августа 19. Я. П.

Часто думаю о вас, дорогая Леонила Фоминична. Сила наша в немощах совершается. Так это справедливо! Я знаю это по себе и знаю по вас. Радуюсь на то, как вы несете свою болезнь, и, признаюсь, немного иногда боюсь, как бы вы не ослабели. Не то, чтобы я сомневался в вас, напротив, мало есть людей, в твердость кот[срых] я так бы верил, но всегда, чем ближе подходит человек к цели, тем больше за него боишься. Я рад был видеть Семенова и узнать от него про вас и рад, что Евг[ений] Ив[анович]¹ побывает у вас. Кто-то мне говорил, что вы одиноки. Я не верю этому. Вы не можете быть одиноки, п[отому] ч[то] люди самых различных взглядов любят вас. Рассказывал мне Сергей Терент[ьевич], что у вас был разговор о Неплюеве² и пользе, кот[орую] приносят его приюты и тому под[обное], и что вы или еще кто-то говорит, что он бы больше принес пользы, если бы не делал уступок для успеха своего дела, а показывал бы пример твердости. Я и с этим несогласен. Вопрос о пользе должен быть совсем оставлен христианином. Никто не может знать, какую и чем и кому он может принести пользу. Польза вся вне нашей власти; но знать, что мы должны делать для исполнения воли отца, это мы знаем и это должны делать. Я пишу это, п[отому] ч[то] часто про это думал и говорил в последнее время и считаю это очень важным.

Живу я попрежнему, как будто похуже, в смысле внешнего труда, и как будто немного получше в смысле доброты или хоть меньше[его] злобя. — Пишу художественное³. И совестно,

и вместе с тем думаю, что, может быть, это будет на пользу людям. Целую вас, дорогой друг. Будьте тверды, как всегда в боге, и всё будет хорошо. Очень любящий вас

Л. Толстой.

19 августа 1895.

Печатается по листам 94 и 95 копировальной книги. Впервые опубликовано (отрывок) в журнале «Русская мысль» 1913, VI, стр. 72.

¹ Евгений Иванович Попов.

² Николай Николаевич Неплюев (1851—1908), помещик Черниговской губернии, занимался организацией сельскохозяйственных школ с интернатами для крестьянских детей.

³ Роман «Воскресение».

* 138. Ф. А. Желтову.

1895 г. Августа 19. Я. П.

Дорогой Федор Алексеевич,

Письмо о духоборах получил. Благодарю за сообщение. В сборник ничего дать не могу, да и вам не советую издавать. Все эти благотворительные балы, спектакли, сборники — нехорошо. Кто хочет помочь, так может помочь.

Как ваше здоровье и телесное и душевное? Дай бог, главное, чтобы второе было хорошо; тогда первое теряет свою важность.

Передайте мой привет вашей матери, жене и всем тем, кто знает и помнит меня.

Любящий вас Л. Толстой.

19 августа 1895.

На конверте: Нижегородской губернии Село Богородское. Федору Алексеевичу Желтову.

Федор Алексеевич Желтов (р. 1859) — сектант-молоканин, знакомый Толстого.

Пересылая Толстому письмо о духоборах, полученное им с Кавказа, Желтов в письме от 6 августа 1895 г. просил Толстого прислать в затеянный им сборник, прибыль с которого должна была поступить на учреждение бесплатной народной библиотеки-читальни в его селе, «какую-либо статейку или рассказец».

139. Т. М. Бондареву.

1895 г. Августа 19—26. Я. П.

Дорогой друг Тимофей Михайлович,

Письмо твое — проще и приличнее нам, старикам, писать друг другу ты, а не вы — к дочерям от 15 июля¹ я получил и до сих пор ничто еще не мешает мне отвечать тебе. Видно, я еще того не заслужил, чтоб пострадать за божье дело, а до сих пор все хлещут по оглоблям, а по лошади не попадают или не хотят.

Небесного посланника² я получил и при случае присоединю, т. е. когда будет печататься, присоединю его к большому сочинению.

Очень сожалею, что французский перевод твоего сочинения,³ посланный дочерью в Минусинск, пропал, и до сих пор мы еще не добыли нового. Постараюсь при случае приобрести и тогда пришлю. За границей везде, где живут *просвещенные* народы, земля отобрана от земледельцев и владеют ею те, кто на ней не работает. Только у диких, *непросвещенных* людей земля считается божьим имуществом, и владеют ею те, кто на ней работает. Вот от этого-то и нужно стараться показать людям, что то, что они считают просвещением, есть не просвещение, а омрачение, и что до сих пор, пока они будут владеть землею и покупать и продавать ее, они хуже всяких диких и идолопоклонников и разбойников. Вот это-то мне хочется перед смертью как можно яснее показать людям. Об этом и пишу теперь.

Книгу мою: Царс[тво] б[ожие] внутри вас желал бы прислать тебе, да боюсь как бы не перехватили и не пропала бы. Напиши адрес, по которому без опаски бы можно было выслать. В том, что ты пишешь о том, что суд будет не внешний, а внутренний, я согласен и так же думаю. Пожалуйста, напиши мне, что имеешь важное сказать. Жить нам остается немного, и что имеешь сказать, надо поскорее и повернее выговаривать, пока еще живы. Желаю тебе самого тесного единения с богом.

Любящий тебя брат

Лев Толстой.

Печатается по листам 99 и 100 копировальной книги. Впервые опубликовано в ТЕ, 1913, отд. IV, 50—51, с датой: «Авг.(?), 1895 г.». Дата опре-

деляется местом в копировальной книге между письмами, помеченными 19 и 26 августа 1895 г.

Тимофей Михайлович Бондарев (1820—1898) — крестьянин-сектант, автор книги «Торжество земледельца, или Трудолюбие и тунеядство». См. т. 63, стр. 277—278.

¹ В копии стоит: 15 июня, но правильнее читать 15 июля (как это и сделано в печатном тексте), принимая во внимание, что в письме к С. А. Венгерову от 26? июля Толстой говорит об этом письме Бондарева как о полученном «на днях». См. письмо № 125.

² Статья Бондарева, присланная им в письме к Толстому, напечатана не была и в АТ не сохранилась.

³ Французский перевод книги Бондарева, вышедший в Париже в 1890 г.

* 140. В. И. Горнунгу.

1895 г. Августа 26. Я. П.

Слова, которые вы выписываете, действительно написаны мною в предисловии к переводу евангелия,¹ и мне кажется, что в той связи, в которой они употреблены, там никого в соблазн привести не могут.

Если вам желательно прочесть некоторые из моих сочинений в подлиннике, то, будучи в Москве, зайдите в редакцию Посредника и попросите там дать вам для прочтения то, что вы не читали. Они, надеюсь, не откажут вам.

Если будем живы, то осенью я буду в Москве, тогда зайдите ко мне, и мы сможем переговорить о том, что интересует вас.

Л. Толстой.

Печатается по рукописной копии с автографа, находившегося у В. И. Горнунга. Датируется на основании почтового штемпеля отправления: «Тула, 27/VIII 1895».

Ответ на письмо Горнунга от 26 июля 1895 г. с вопросом, в каком из своих произведений Толстой якобы написал про Христа: «1800 лет тому назад явился какой-то нищий и говорил что-то странное; его высекли и повесили».

В заключение письма он высказывал надежду приехать когда-нибудь и лично переговорить с Толстым.

¹ В предисловии к «Краткому изложению евангелия», напечатанному М. К. Элпидиным в Женеве в 1890 г.

141. Л. Я. Гуревич.

1895 г. Августа 26. Я. П.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Очень, видно, вас обижают, и очень вы нервны, что приписываете особенное значение глаголу, поставленному в прошедшем времени.¹ Я уверен, что Меньшиков² не приписывал того значения его словам, кот[орое] вы им приписали, да и не мог иметь никаких оснований, п[отому] ч[то] мои отношения и к вам и к вашему журналу, кот[орый] я считаю не только более сочувственным мне, но лучшим из всех наших журналов, ни на йоту не изменились. Нынче прочел очень интересную статью о религиозно-полит[ических] взглядах польского народа.³ Я получил вчера письмо от автора этой статьи. Поклонитесь от меня вашему сотруднику Флексеру. От всей души желаю успеха вам и ваш[ему] делу.

Лев Толстой.

26 августа.

Кони писал мне о том, что хорошо бы было отдать вам повесть.⁴ Я бы очень желал это сделать, но едва ли мне это удастся. Так много разных работ, а не окончив вполне, я не напечатать. Да и если окончу когда, то отдам эту повесть в Посредник. Так что вы на меня не рассчитывайте и, пожалуйста, на меня за это не сердитесь.

Опубликовано впервые в «Летописях», 2, стр. 122—123. Год определяется на основании письма адресата, на которое Толстой отвечает.

¹ В письме от 8 августа 1895 г. Л. Я. Гуревич писала Толстому о нападках на ее журнал «Северный вестник», поддержанных в «Неделе» Меньшиковым в его статье «Дознание» («Книжки Недели» 1895, 7, стр. 196).

² О М. О. Меньшикове см. письмо № 145.

³ Имеется в виду статья М. Урсина (псевдоним М. Э. Эдзеховского) «Религиозно-политические идеалы польского народа», напечатанная в «Северном вестнике» 1895, № 7, со значительными цензурными пропусками. См. письмо № 159.

⁴ «Коневскую повесть» — будущий роман «Воскресение».

142. А. Ф. Кони.

1895 г. Августа 26. Я. П.

Дорогой Анатолий Федорович,

Давно уже пора бы ответить на ваше письмо; простите, что замедлил. Я нынче пишу Л. Я. Гуревич и пишу ей, что повесть, к[оторую] я пишу, я едва ли скоро кончу, а если и кончу, то отдам в Посредник. Очень мне жаль и ее и очень, по-моему, хороший журнал, если он в таком шатком положении.

Очень, очень мне жаль, что давно не видал вас, и что вы не заехали к нам проездом на Кавказ. Утешаю себя мыслью, что доктора всегда врут и что ваше нездоровье не так опасно, как вы думаете. Впрочем, думаю, и от всей души желаю вам этого, если у вас его нет, веры в жизнь вечную и потому бесстрашия перед смертью, уничтожающего главное жало всякой болезни. Пишу я, правда, тот сюжет, кот[орый] вы рассказывали мне, но я так никогда не знаю, что выйдет из того, что я пишу, и куда оно меня заведет, что я теперь сам не знаю, что я пишу теперь. Прощайте. Дай бог вам наибольшей близости к нему, и тогда всё будет хорошо.

Любящий вас Л. Толстой.

26 августа 1895.

Впервые опубликовано: отрывок в «Литературных приложениях «Нивы» 1908, 9, стр. 45, и полностью в ПТС, I, № 240, стр. 301.

Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — юрист, в 1895 г. обер-прокурор уголовного кассационного департамента сената, близкий знакомый Толстого. См. т. 66, стр. 306.

Ответ на письмо Кони от 29 июня 1895 г., в котором он передавал просьбу Л. Я. Гуревич отдать в редактируемый ею «Северный вестник» новую повесть Толстого, о которой до нее дошли слухи.

* 143. Карлу Марфельсу (Karl Marfels).

1895 г. Августа 26. Я. П.

Verehrter Herr,

Ich habe Ihre Aufsätze über meine Schriften bekommen und gelesen, und sage ihnen meinen herzlichsten Dank dafür. Mir scheint dass Sie im wesentlichsten meine Ideen ganz richtig verstanden und ausgelegt haben, aber dass Sie eine Wichtigkeit

meiner Persönlichkeit zuschreiben, mit welcher ich nicht übereinstimmen kann. In jedem Falle danke ich für die Aufsätze und ihr[en] Brief, und werde sehr froh sein, wenn ich Gelegenheit habe in ihrer Zeitschrift zu schreiben. Mit Hochachtung
ihr ergebener Diener

L. Tolstoy.

26 August 1895.

Милостивый государь,

Я получил и прочел ваши статьи¹ по поводу моих произведений и выражаю вам за них сердечную благодарность. Мне кажется, что вы в самом существенном вполне правильно поняли и изложили мои мысли, но что вы приписываете моей личности такое значение, с каким я не могу согласиться. Во всяком случае я благодарю за статьи и письмо и буду очень рад, если мне представится случай написать для вашего журнала. С глубоким уважением

ваш покорный слуга

26 августа 1895.

Л. Толстой.

Печатается по листу 108 копировальной книги.

¹ Ни письмо Марфельса, ни присланные им статьи не сохранились в АТ. Марфельс был издателем «Журнала немецких часовщиков» («Deutsche Uhrmacher-Zeitschrift»).

* 144. Л. Сарракану (L. Sarracane).

1895 г. Августа 26. Я. П.

Monsieur,

J'ai reçu votre livre et je l'ai lu avec intérêt et plaisir. La nouvelle qui m'a plu le plus n'est pas le miracle de soeur Simplicie, mais «la Milliardaire».

Tout le livre est très bien écrit et je remercie beaucoup l'auteur d'avoir pensé à moi en me l'envoyant.

Recevez, Monsieur, l'assurance de toute ma considération.

Léon Tolstoy.

26 Août 1895.

Милостивый государь,

Я получил вашу книгу и прочел ее с интересом и удовольствием. Из рассказов мне всего больше понравилось не «Чудо сестры Симплиции», а «Миллиардерша».

Вся книга очень хорошо написана, и я очень благодарен автору за то, что он обо мне вспомнил и прислал ее.

Примите, милостивый государь, уверение в моем полном уважении.
Лев Толстой.

26 августа 1895.

Печатается по листу 103 копировальной книги. Впервые опубликовано в СТМ, стр. 260—261.

Л. Сарракан — французский романист. В письме от 6 августа н. ст. 1895 г. он писал Толстому: «Беру на себя смелость послать вам том моих рассказов, под заглавием «L'adoration» («Поклонение»). Один из них, «Чудо сестры Симплиции», казалось мне, соприкасается с кругом ваших постоянных интересов — с миром общественной нравственности».

* 145. М. О. Меньшикову.

1895 г. Августа 26—29. Я. П.

Дорогой Михаил Осипович,

Никифоров прислал мне свою статью с вашей надписью. Я ее внимательно прочел и, с разрешения его, кое-что изменил и хотел писать вам, прося поместить ее, когда Ив[ан] Мих[айлович] Трегубов сообщил мне ваше письмо к нему по этому же поводу. И это письмо еще более убедило меня в том, чтобы просить вас напечатать статью Никифорова с тем, чтобы разъяснить те недоразумения, кот[орые] вызваны вашей статьей. Письмо ваше к Трегубову уяснило для меня вполне, в чем главное недоразумение.¹ По моему мнению, оно вот в чем:

Вы пишете, что непротивление злу Никиты, доходящее даже до добродушного служения злу, выше непротивления тех людей, кот[орые], как вы говорите, не противясь злу насилием, враждебно относятся к тем, кот[орых] они считают злыми, раздражаются на них.

Тут есть большая, опасная и очень распространенная ошибка. Есть любовь не только к людям, но ко всем существам, непосредственная, неразумная, доброжелательство, одинаковое к злым и добрым, п[отому] ч[то] оно не различает злых от добрых, ласковость добрых ручных животных, и почти таков Никита, и таковы были когда-то все мы, таковы все дети. И это есть низшая степень любви. И есть другая, высшая степень любви, тоже одинаковая к злым и добрым, но не п[отому] ч[то] она не различает злых и добрых, а п[отому] ч[то] она победила

уже недоброжелательство к злым, стала выше его и дошла до сознательной разумной любви. Это есть высшая степень любви, святость, до которой, как мы знаем по Евангелию, не дошел и Христос в то время, когда он обличал фарисеев, и дошел только тогда, когда с креста жалел тех, кот[орые] не знали, что творили. Это два полюса любви, и от первой до второй бесконечное количество ступеней, и все мы, вышедшие из детства люди, стоим на одной из них. Крупные подразделения этих ступеней такие: 1) безразличное отношение к злым и добрым (Никита), 2) различие злых и добрых и употребление насилия против злых (возмездие, закон Моисея), 3) различие злых и добрых и сознательное непротивление насилием против злых и все-таки недоброжелательство к ним — это та ступень, на которую теперь только начинают подниматься люди, на деле исповедующие закон Христа, и 4) различие злых и добрых, непротивление злым и еще большее, чем к добрым, доброжелательство и любовь к ним (это высшая, божеская святость). Между этими главными ступенями есть много промежуточных. Движение же по этим ступеням, восхождение от низших к высшим, есть движение человеческой жизни, каждого отдельного человека и всего человечества, и единственный смысл как отдельной, так и общей жизни. Говорить же, что тот, кто не достиг высшей ступени, а находится на одной из промежуточных, стоит ниже того, кто стоит на самой низшей и не начинал еще восхождение, только п[отому], ч[то] мы знаем и можем представить себе высшую ступень, — есть большая ошибка. Я понимаю, что Никиты могут прельщать своей стихийной христианственностью, но про них можно только сказать, что они то дерево, из кот[орого] легко делаются хорошие святые, но нельзя говорить, что человек, работающий над единственно свойственной человеку работой, старающийся не противиться злу насилием, несущий всю тяжесть этого, но не в силах еще вырвать из сердца раздражение на злых, стоит ниже того, к[оторый] еще не начал этой работы. Письмо это я пишу вам, как другу и брату, а не для печати, и потому вы очень обрадуете меня искренним, обдуманном перед богом ответом.

Любящий вас Л. Толстой.

Дата письма определяется, с одной стороны, упоминанием о нем в письме к Л. П. Никифорову от 29 августа 1895 г., а с другой — местом

в копировальной книге между письмами к Кони и Никифорову, датированными 26 и 29 августа 1895 г.

Михаил Осипович Меньшиков (1859—1919) — в то время сотрудник либеральной газеты «Неделя» и журнала «Книжки Недели», впоследствии реакционный публицист, активный сотрудник «Нового времени». Автор ряда пасквилей на Толстого. См. т. 56, стр. 509—511 и т. 58, стр. 362—363. В начале августа 1895 г. Меньшиков гостил несколько дней в Ясной Поляне.

¹ По поводу рассказа Толстого «Хозяин и работник» Меньшиков написал статью «Сбились с дороги» («Книжки Недели» 1895, 5, стр. 172—207), в которой возвеличивал как идеал «стихийную мудрость» и кротость Никиты. На статью Меньшикова Л. П. Никифоров написал возражение, которое переслал Толстому. См. письмо № 147.

146. А. И. Архангельскому.

1895 г. Августа 29. Я. П.

Дорогой Александр Иванович,

Я прочел ваше письмо Ив[ану] Ив[ановичу] по случаю Скотлечебника и душевно радовался, читая его, и еще более — последнее присланное вами добавление.¹ Очень радостно чувствовать свое единение и знать, что единение это не есть заимствование, не основывается на доверии, а вытекает из того, что сходишься в том, что истина. Это я говорю преимущественно о последнем добавлении. Вся же исповедь ваша поразила меня, во-1-х, своей искренностью; видно, что она писана не для читателей, как литературные произведения, а для того, чтобы самому себе уяснить свои мысли и свое отношение к предмету, а во-2-х, тем, что из нее видно, что нет того мирского положения, высокого или скромного, которое бы при настоящем серьезном усвоении христианского мировоззрения, не оказалось бы ложным и несовместимым с христианской совестью.

Письмо это ваше непременно надо поместить в архив. — Судя по тому, что вы ничего не пишете о себе, предполагаю, что ваша жизнь идет попрежнему, и очень радуюсь этому, п[отому] ч[то] мне очень нравилось ваше устройство жизни. Если будем живы, увидимся зимою, чему буду очень рад.

Любящий вас

Лев Толстой.

29 авг[уста] 1895.

Впервые опубликовано в книге: А. Архангельский, «Кому служить?», Бургас (Болгария), изд. «Возрождение», 1911, стр. 3.

Александр Иванович Архангельский (1857—1906) — бывший ветеринарный фельдшер, сочувствовавший взглядам Толстого, в 1895 г. жил в г. Бронницы Московской губ., занимаясь часовым ремеслом.

¹ При втором издании «Посредником» книги Архангельского «Сельский скотолечебник» цензура потребовала от издателя обязательного включения в нее правил об исполнении крестьянами всех принудительных полицейско-ветеринарных мероприятий. В ответ на сообщение об этом Горбунова-Посадова Архангельский написал ему большое письмо — страстный протест против требования властей с вопросом: «Кому служить?» Письмо Архангельского, дополненное им вторым письмом, обратило на себя внимание Толстого, было включено в «Архив Л. Н. Толстого», № 5, и послужило основой будущей книги Архангельского «Кому служить?».

147. Л. П. Никифорову.

1895 г. Августа 29. Я. П.

Дорогой Лев Павлович,

Ваше возражение ¹ Меньшикову мне очень понравилось, и я думаю, что его желательно было бы напечатать, о чем я и написал Меньшикову. ² Я воспользовался данным вами мне правом сделать некоторые изменения — очень незначительные, но желал бы сделать еще большие, не в смысле поправки или улучшения, а в смысле смягчения тона. Иногда вы приписываете М[еньшикову] такие мысли, кот[орых] он, вероятно, не имел. Если я сделаю эти изменения, то я пришло вам для просмотра. ³

Если живы будем, увидимся в Москве. ⁴ Хотел бы предложить вам что-нибудь для перевода, но то нецензурно, а то предрепреждают. Теперь есть, я не имею его еще, новый роман Humphry Ward. ⁵ Надо бы достать его.

Заметка ваша очень, очень понравилась мне. Радостно было, читая ее, чувствовать свое общение с вами.

Прощайте пока.

Любящий вас Л. Толстой.

29 авг[уста], 1895.

Впервые опубликовано в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной» 1914, 1, стр. 89.

¹ На статью М. О. Меньшикова «Сбились с дороги» (см. письмо № 145, прим. 1) Никифоров написал возражение под заглавием «Где же дорога?».

которое было напечатано в переделанном виде в «Книжках Недели» 1896, № 3, стр. 242—252. См. письма №№ 156 и 157.

² См. письмо № 145.

³ См. письмо № 157.

⁴ Никифорову, после пятилетней ссылки по разным местам России, в 1895 г. впервые было разрешено полицией проживание в Москве, куда он приехал в начале сентября.

⁵ Мэри Уорд (Mary Augusta Ward, 1851—1920), английская романистка, более известная под двойной фамилией Гемфри-Уорд. В 1895 г. вышел ее роман «The story of Bessie Costrell» («История Бессии Кострелл»). На русский язык он переведен не был.

* 148. Е. И. Попову.

1895 г. Июль — август. Я. П.

Я поговорю с Соф[ьей] Анд[реевной] и надеюсь уговорить ее, чтобы не оказывала препятствий не только вашему приезду к Чертковым, но и посещению нас.¹ Нет никакой надобности ни в каких запретах и исключениях. Так что, я надеюсь, до свидания.

Любящий вас Л. Толстой.

Приписка к письму Черткова, написанному им из д. Деменки, где Чертков проводил лето в 1895 г. с половины июня по сентябрь. Датируем предположительно: июль — август 1895 г.

¹ С. А. Толстая, в связи с бывшим увлечением Т. Л. Толстой Е. И. Поповым, не желала, чтобы он бывал в семье Толстых.

* 149. Братскому издательскому товариществу (To the Brotherhood Publishing Company).

1895 г. Конец августа. Москва.

To the Brotherhood Publishing Company. Croydon, London.

Sirs,

I here by certify that this rendering of my book «Work while ye have the Light»,¹ now published by you, is adequately made, and is issued with my consent and approval.

Yours truly Leo Tolstoy.

Moscow.

Aug. 1895.

Милостивые государи,

Сим удостоверяю, что означенный перевод моей книги «Ходите в свете, пока есть свет»,¹ ныне изданный вами, выполнен правильно и вышел с моего согласия и одобрения.

Искренно ваш Лев Толстой.

Москва
Авг. 1895 г.

Печатается по рукописному подлиннику, написанному рукою Кенворти. Подпись — рукою Толстого. Дата месяца уточняется на основании того, что в письме к Кенворти от 18 августа Толстой говорит только еще о своем намерении послать ему эту авторизацию.

Ответ на просьбу Кенворти в письме от 27/15 июня прислать авторизацию на переиздание купленного им английского перевода этой книги.

¹ «Work while ye have the Light». Translation from the Russian by E. J. Dillon, London, 1890 — английский перевод «Ходите в свете, пока есть свет», сделанный Э. Диллоном.

* 150. Братскому издательскому товариществу (To the Brotherhood Publishing Company).

1895 г. Конец августа. Москва.

Sirs,

I here by certify, that this rendering of my work «What I Believe», now published by you, is adequately made, and is issued with my consent and approval.

Yours truly

Moscow
Aug. 1895.

Leo Tolstoy.

Милостивые государи,

Сим удостоверяю, что означенный перевод моего сочинения «В чем моя вера?»,¹ ныне изданный вами, выполнен правильно и вышел с моего согласия и одобрения.

Искренно ваш Лев Толстой.

Москва
Авг. 1895.

Печатается по рукописному подлиннику, написанному рукою Кенворти, подпись — рукою Толстого.

¹ «What I believe?» Translation from the Russian by Constantin Popoff, London, 1885 — английский перевод книги «В чем моя вера?», сделанный Константином Поповым.

1895 г. Сентября 4. Я. П.

Мне казалось, что я отвечал вам на ваше письмо, ¹ дорогой Митрофан Васильевич. Если же не отвечал — не помню — то простите меня. Думал же о вас часто и о вашем деле. Еще в конце зимы я рассказывал Кузминскому о вашем деле и полученной вами бумаге, и он мне сказал, что такие дела всегда прекращаются. Я не писал тогда этого вам, боясь того, чтобы не вышло обратное, теперь же вижу, что он прав и что люди ушли вперед против законов. — О духоборах мы знаем, и я уж давно написал корреспонд[енцию] в англ[ийские] газеты, но мне посоветовали наши друзья подождать, пока получатся более точные сведения. Сведения же эти привезет нам П. И. Бирюков, кот[орый] поехал на Кавказ и к[оторого] мы ждем каждый день. ² Хорошо бы было, если бы он побывал у вас. Он хотел. В Австрии в Будапеште есть некто Eugen Schmitt, кот[орый] издает журнал под заглавием: *Религия духа*. Это человек и журнал совершенно единомышленные с нами. И человек он очень даровитый и горячий. Он написал теперь, как он называет это, манифест, ³ в кот[ором] выражает — по случаю гонения на христиан нашего времени, отказывающихся от исполнения противных христианству дел, и в особенности суда над Шкарваном, — выражает всю нелепость и жестокость таких гонений. Он прислал мне этот манифест и на днях напечатает его. Мы же с своей стороны напишем, как сумеем, то же самое по случаю духоборов. Вы хотите написать «мин[истру] в[нутренних] д[ел]». И прекрасно. Так не только будет одна искра, но несколько и, если угодно богу, они загорятся. Загорятся ли они теперь, и увидим ли это пламя, увидеть кот[орое] томилась душа Христа, — дело божие, но раздувать эту искру в себе, зная, что этим я зажигаю других, это наше дело и дело всегда радостное. — И даже, как оглянешься назад, видишь, что сетование о том, что не увидишь пламени, несправедливо. Пламя разгорелось и разгорается в сравнении с тем, что было, но оно кажется малым в сравнении с тем, что оно будет и должно быть. В последнее время определились за границей, кроме многих разбросанных везде единоверцев, два определенные и деятельные центра: один в Будапеште — Шмит, и другой в Англии — Кенворти. Оба молодые, деятельные, горячие, дарови-

тые и вполне совпадающие с нами центрами. Радуюсь на ваше житье. Привет всем друзьям, к[оторые] с вами. Пишите чаще.
Любящий вас

Л. Толстой.

4 сентября 1895.

Впервые опубликовано: отрывок в газете «Речь» 1911, № 219 от 12 августа, и полностью — в ТЕ 1911, I, стр. 13—15.

Ответ на письмо Алехина от 30 августа 1895 г., в котором он сообщал, что получил от прокурора судебной палаты извещение о том, что дело его прекращено.

¹ Письмо Алехина, о котором идет речь, неизвестно, так же как и ответ на него Толстого; повидимому, это был его ответ на письмо Толстого от 16 мая, который до него не дошел.

² Бирюков вернулся с Кавказа 8 сентября и сведения, собранные о духоборах, изложил в статье: «Гонение на христиан в России в 1895 году», к которой Толстой присоединил свою статью в качестве предисловия. См. письмо № 160.

³ О «Манифесте» Шмита см. письмо № 165.

* 152. А. М. Кузминскому.

1895 г. Сентября 4. Я. П.

Дорогой Александр Михайлович,

Я получил письмо от двух крестьян штундистов, обвиняемых в богохульстве и порицании веры. Дело будет в Уманском окружном суде. Тов[арищ] прокурора Н. А. Пашинский. Обвиняемые крестьяне Таращанского уезда Иов Евсеев Старченко и Исидор Андреев Полищук. Обвинит[ельный] акт рассмотрен в заседании Киевской судебн[ой] палаты 28 марта 1895 г.

Крестьяне эти бедны и не имеют средств нанять адвоката. Без адвоката же, несмотря на всю очевидную (я сужу по обвинительному акту) несправедливость обвинения, они могут пострадать. Надеюсь, что ты не откажешься помочь им, насколько это находится хоть не в твоей власти, но в твоей возможности.

¹ Мы провели лето лучше, чем я ожидал; надеюсь и желаю, чтобы ваше пристрастие к Киеву не изменилось бы. Дружески жму руку. Привет Тане, Верочке и Маше, ² если она с вами.
Любящий тебя Л. Толстой.

4 сент. 1895.

Печатается по листам 124 и 129 копировальной книги. При копировке текст оказался смазанным и поэтому частью обведен карандашом рукой Т. Л. Толстой.

Александр Михайлович Кузминский (1843—1917) — муж Татьяны Андреевны Берс, сестры С. А. Толстой. В 1895 г. занимал должность председателя Киевской судебной палаты.

Подсудимые были оправданы, как о том извещал Толстого И. М. Трегубов в письме от 31 декабря 1895 г.

¹ Абзац редактора.

² Дочери А. М. Кузминского Вера Александровна Кузминская и Мария Александровна Эрдели.

153. Н. В. Стасовой.

1895 г. Сентября 4. Я. П.

Простите, пожалуйста, Надежда Васильевна, если то, что скажу вам, по случаю вашего общества, будет вам неприятно. Никогда не видал, чтобы из общества с уставом и высоч[айшим] утвержден[ием] и т. п. выходило бы что-нибудь настоящее, и потому думаю, что и из вашего общества ничего не выйдет. То, что по отношению женщин и их труда существует много очень вредных, из древности укоренившихся предрассудков, совершенно справедливо, и еще более справедливо, что надо бороться против них. Но не думаю, чтобы общество в Петерб[урге], кот[орое] будет устраивать читальни и помещения для женщин, было бы средством борьбы. Меня не то возмущает, что женщина получает меньше жалованья, чем мужчина: цены устанавливаются достоинством труда. А что ¹ если правительство дает мужчине больше, чем женщине, то это не от того, что оно женщине дает слишком [мало], а от того, что мужчине дает слишком много; меня возмущает то, что на женщину, кот[орая] носит, кормит, воспитывает маленьких детей, навален еще труд кухни, жариться у печи, мыть посуду, стирать белье, шить одежды, мыть столы, полы, окна. Почему весь этот труд, страшно тяжелый, навален исключительно на женщину? Мужику, фабричному, чиновнику и всякому мужчине бывает делать нечего, но он будет лежать и курить, предоставляя женщине — и женщина покоряется — часто беременной, больной, с детьми, жариться у печи или нести страш[ный] труд стирки белья, или

ночного ухаживанья за больным ребенком. И всё это от суеверия, что есть какой-то бабий труд.

Это страшное зло и от этого неисчислимы болезни несчастных женщин, преждевременная старость, смерть, отупение самих женщин и их детей.

Вот с чем надо бороться и словом, и делом, и примером.

Простите, что ответил, мож[ет] быть, не то, что вы хотели.

Уважающий вас Л. Толстой.

4 сент. 1895.

Печатается по листам 125 и 130 копировальной книги. Плохо оттиснувшиеся при копировке места обведены чернильным карандашом не всегда верно. Впервые опубликовано в книге В. Стасова «Надежда Васильевна Стасова», СПб. 1899, стр. 443—444.

Надежда Васильевна Стасова (1822—1895) — сестра известного искусствоведа В. В. Стасова. С 1867 г. активная участница движения в пользу женского высшего образования в России. О ней см. книгу В. Стасова «Надежда Васильевна Стасова», СПб. 1899.

Ответ на письмо Стасовой от 5 августа 1895 г., в котором, приложив к нему устав Женского взаимно-благотворительного общества, она писала Толстому: «Научите, Лев Николаевич, меня, как говорится, уму разуму. Устав утвержден, меня выбрали председательницей, а я и прошу, научите, чтобы точно вышла бы помощь, а не болтовня».

¹ В подлиннике слово «что» не отпечталось и на его месте — явно неверно — неизвестной рукой карандашом написано: «это».

* 154. Л. Л. Толстому.

1895 г. Сентября 4. Я. П.

Давно не писал тебе, Лева, и хочется поговорить с тобой, хотя особенно писать нечего, и мама, вероятно, с своим мастерством описала тебе все внешние события. На вопросы твои о том, что тебе предпринять: Швеция или о[стров] Вайт,¹ я не имею никакого мнения. Болезнь твоя, по моему мнению, пройдет не от лечения, не от докторов, не от климата даже, а от того, что придет ей время пройти, как проходят все болезни, кот[орые] проходят. Если выбирать, то я бы советовал выбирать то, что проще, меньше хлопот и расходов и меньше вводит в атмосферу лечащихся. Курорты все имеют этот недостаток, что в них все заняты своими недугами, и поневоле приучаешься приписывать здоровью или нездоровью больше значения, чем

оно того заслуживает. Ты ничего не пишешь про свою внутреннюю жизнь. Что ты думаешь, читаешь, пишешь? Ведь, верно, чем-нибудь заполнилось это время, пока мы не видались. Про себя не могу похвастать за это время. Не переставая занимался своею повестью.² И думаю, что не стоило тратить на нее время. Очень она опротивела мне последнее время. Тем более, что, стоя, как я стою, на краю гроба, много приходит более, как думается, серьезных и нужных людям мыслей. А начато и хочется кончить, а время затягивается.

³ Чехов⁴ был у нас, и он понравился мне. Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения.

⁵ Андриюша огорчает нас. Пропадает на деревне и, как мне кажется, влюблен в крестьянскую девушку — не в связи, а влюблен — говорят, что это Акулька Макарычева. Последнее время стало лучше хоть тем, что он не злится и кротко говорит с нами, хотя не рассказывает, что его привлекает на деревне. Хотел бросить курить, обещал не пить. Не выдерживает, но уже и то хорошо, что желает. Мама очень огорчается. Я же надеюсь, что это увлечение, кот[орое] пройдет, совершив полный круг. Чертковы нынче уехали в Тулу, там пробудут три дня. Пребывание их прошло очень хорошо. И нам было приятно, и им хорошо. Ты слышал, верно, про военного врача Шкарвана, кот[орый] в Австрии отказался от военной службы. По этому случаю и по случаю других гонений на христиан, отказывающихся от исполнения государственных обязанностей, Шмит написал письмо ко всем свободномыслящим людям, кот[орое] хочет напечатать. Я же, по случаю гонения на Кавказе на духоборцев, про к[оторых] ты, верно, слышал, написал уже такого же рода корреспонденцию в англ[ийскую] газету,⁶ но не посылал ее, п[отому] ч[то] сведения, кот[орые] мы имеем о гонениях, сомнительны. Поша поехал на Кавказ, чтобы узнать всё, и мы уже с неделю ждем его каждый день. Во время его отсутствия умерла его мать.⁷ Это будет больно его нежному сердцу. Целую тебя, милый Лева, поправляйся поскорее и поскорее соединяйся с нами.

Л. Т.

Впервые опубликовано (отрывок) в журнале «Русская мысль» 1913, VI, стр. 71. Датируется на основании пометки на копии с автографа в ко-

пировальной книге, рукой Т. Л. Толстой: «4 сентября». Год определяется содержанием.

Ответ на письмо Л. Л. Толстого от 20 августа 1895 г. из Гангё (Финляндия), адресованное С. А. Толстой.

¹ Вайт, или Уайт — небольшой остров в Ламанше, известный своими морскими купаньями.

² Имеется в виду «Коновская повесть» — «Воскресение».

³ Абзац редактора.

⁴ О первом личном знакомстве А. П. Чехова с Толстым, состоявшемся 8 августа 1895 г., см. С. Т. Семенов, «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом», СПб. 1912, стр. 71—72, и «Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни», М.—Л. 1925, стр. 62.

⁵ Абзац редактора.

⁶ См. письмо № 151, прим. 2.

⁷ Варвара Васильевна Бирюкова, рожд. Христиани (1831—1895).

155. М. Л. Толстой.

1895 г. Сентября 4. Я. П.

Сажусь писать письма и, прежде чем разбирать всю кучу, хочется тебе написать, милая Маша, хотя писать нечего. У нас Лиза Об[оленская] ¹ с Сашей ², у Саши болят зубы. Чертковы нынче уехали в Тулу. Он еще приедет. Покупка его Фильк[иной] земли не ладится. ³ Боюсь, что Архип ⁴ будет путать с своей враждой к Ив[ану] Мирон[овичу]. ⁵ Я буду помогать ему, но меня это не интересует. Стоит ли матерьяльно устраиваться подле меня, когда моя жизнь на волоске и я всякий день могу отправиться в большое путешествие. Вчера получил от Анненковой письмо с вложением тебе, кот[орое] и посылаю. Она истинно живет, истинною жизнью. Не так, как ты, бедная, кот[орую] борят всякие страсти. Письмо твое, ⁶ очень хорошее, читал с большой радостью, и знаю, что всё так и всё искренно, но знаю тоже, что всё в одну минуту может перевернуться. Радостно то, что ты знаешь, когда перевернулось и когда стоишь кверху ногами. С большою нежностью думаю о тебе. У нас Андр[юша] всё был хорош, хотел бросать курить, обещался не пить, а нынче, после ночи, проведенной неладно, должно быть (он вернулся домой в 2), загорелся ехать в Москву — грубил мама и решил, что остается в Туле в полку. Мама этого боится, а я думаю, что всё равно. Про Мишу ты пишешь «утешительно». Дай-то бог. Только бы было сознание того, что хорошо и что

дурно, и в представлении не делалось бы дурное хорошим только от того, что заехал в дурное. Он в Ясной сказал как-то, что он не согласен со мною в том, что курят для одурения себя и что курить дурно. Такое одно рассуждение хуже, чем сто раз напиться пьяным. Скажи это ему от меня. Поши всё нет. Писание мое не идет и опротивело мне, и это очень хорошо.

Вот и довольно, впереди больше десятка писем. Целую тебя и Мишу. И Алекс[андру] Ант[оновичу] ⁷ привет и Мите Дьякову. ⁸ Мне он мил, п[отому] ч[то], кажется, он очень чувствует, что нехорош.

Л. Т.

Впервые опубликовано в журнале «Современные записки», Париж, 1926, XVII, стр. 238—239. Датируется на том же основании, как и напечатанное выше письмо к Л. Л. Толстому № 154.

¹ Елизавета Валерьяновна Оболенская, племянница Л. Н. Толстого.

² Александра Леонидовна Оболенская (р. 1876), внучатная племянница Толстого, дочь Леонида Дмитриевича и Елизаветы Валерьяновны Оболенских.

³ Чертковы имели намерение приобрести у крестьянина д. Дворики Филиппа небольшой участок земли, примыкавший к Ясной Поляне. Намерение это не осуществилось.

⁴ Архип — старый кучер Толстых.

⁵ Иван Миронович — крестьянин из д. Дворики Тульской губ., дядя Филиппа.

⁶ Письмо это неизвестно.

⁷ Александр Антонович Курсинский (р. ок. 1872). В 1895 г. учитель сына Толстых, Михаила Львовича.

⁸ Дмитрий Дмитриевич Дьяков (1880—1943), сын друга молодости Л. Н. Толстого Дмитрия Алексеевича Дьякова, товарищ по гимназии Михаила Львовича Толстого.

* 156. М. О. Меньшикову.

1895 г. Сентября 8. Я. П.

Дорогой Михаил Осипович,

Из вашего письма я увидел, что разномыслие наше гораздо больше, чем я думал. Очень сожалею об этом, но не отчаиваюсь уничтожить его. Вы пишете, что вмешательство разума не делает людей более любящими и добрыми, что разум не содей-

ствует добру, а что доброта зависит от практики добра и условий, в которые поставлены люди. Тут самый корень нашего разномыслия. Во-1-х, разум и ум — Vernunft и Verstand — суть два совершенно различные свойства, и надо различать между ними. Бисмарки и им подобные имеют много ума, но не имеют разума. Ум есть способность понимать и соображать жизненные, мирские условия, разум же есть божественная сила ¹ души, открывающая ей ее отношение к миру и к богу. Разум не только не одно и то же, что ум, но ² противоположен ему: разум освобождает человека от тех соблазнов (обманов), которые накладывает на человека ум. В этом главная деятельность разума: — уничтожая соблазны, разум освобождает сущность души человеческой — любовь и дает ей возможность проявления. В детском возрасте мало соблазнов, и потому сущность души — любовь — виднее в детях, *но соблазны должны войти в мир* ³ и входят, и возвращение к любви возможно только через уничтожение соблазнов, а уничтожение соблазнов совершается только деятельностью разума. Это основная мысль христианского учения, и я, как умел, старался выразить ее во всех моих писаниях. Это во-1-х. — Во-2-х же то, что если бы доброта — любовь — увеличивалась только, как вы говорите, от наследственных свойств, от среды, от условий, в кот[орых] находится человек, от практики добра — тоже независимой от его воли, — то все наши рассуждения о доброте были бы совершенно бесполезны. Если наследственность моя не добрая, среда не добрая и практика моей жизни была не добрая, то не только мне не нужны никакие рассуждения о том, что есть доброта, но нужны, напротив, такие рассуждения, кот[орые] мою злость представляли бы добротой. Так это и бывает. ⁴ Если нет свободной деятельности разума, уничтожающей в людях соблазны и тем освобождающей в них божественную сущность их жизни, — любовь, если весь человек есть произведение условий, его окружающих, и причин, ему предшествовавших, то нет ни добра, ни зла, ни нравственного, ни безнравственного, и незачем нам и думать, и говорить, и писать письма и статьи, а *надо жить, как набежит*, как говорит пословица. Попал я в дурную наследственность и среду — буду злой; попал в хорошую — буду добрый. ⁵ Я думаю, что это не так. Я думаю, что каждый человек обладает свободной, творческой, божественной силой. (Ибо как отец имеет жизнь в самом себе,

так и сыну дал иметь жизнь в самом себе. Ин. V. 26.) И сила эта есть разум. Чем более увеличивается эта сила, тем более освобождается в нем сущность его жизни — любовь и тем теснее соединяется человек с другими существами и с богом. Цель жизни каждого отдельного человека и всего человечества в этом, достигаемом только разумом — всё большем и большем единении людей между собою, со всем миром и с богом. И потому деятельность разума есть высшая деятельность человека. В признании этой деятельности самой жизнью и состоит христианское учение, которое я исповедую. Вот почему я никак не могу согласиться с вами не только в том, что можно и должно предпочитать непосредственную, неразумную доброту, составляющую физиологическое свойство известных существ, разумной деятельности людей, сознательно стремящихся к следованию указаниям разума, ⁶ но не могу даже их сравнивать.

Доброта голубя не есть добродетель. И голубь не добродетельнее волка, и кроткий славянин не добродетельнее мстительного черкеса. Добродетель и ее степени начинаются только тогда, когда начинается разумная деятельность.

Очень буду огорчен, если мои доводы не уничтожат нашего разномыслия. Я же согласиться с вами никак не могу, п[отому] ч[то] для того, чтобы сделать это, мне нужно отречься от всего того, чем я жил эти последние 15 лет, и чем живу теперь, и с чем собираюсь умереть.

Статью Никифорова посылаю. Я хотел бы смягчить в ней те места, в кот[орых] он, в задоре спора, приписывает вам мысли, кот[орых] вы наверно не имели, но не сумею это сделать, да и некогда. Если бы вы сделали это, это было бы хорошо. Он мне дал *carte blanche* ⁷ изменять статью, а я передаю ее вам. Желательно это п[отому], ч[то] дело не в споре, кто кого переспорил, а в том, чтобы выяснить как можно больше истину.

Дружески жму вам руку.

Любящий вас Л. Толстой.

Статьи ваши о земле читаю и очень хвалю. ⁸

Сейчас перечел письмо Никифорова и вижу, что он просит прислать ему его статью в Москву. Так что я посылаю ее прежде ему. Посылаю и пишу ⁹ о том, что пишу вам.

Впервые опубликовано (небольшой отрывок) в Б, Ш, стр. 436.

Датируется на основании записи в Дневнике Толстого от 8 сентября 1895 г.: «написал письмо Меньшикову».

Ответ на несохранившееся в АТ письмо Меньшикова, бывшее, очевидно, ответом на письмо Толстого к нему от 26—29 августа (№ 145).

¹ Слово: сила переделано из: сущность.

² Зачеркнуто: большею частью.

³ Евангелие Матфея, XVIII, 7.

⁴ Зачеркнуто: Главное то, что если разум не есть в нас творящая сила, то у нас и нет никакого орудия для того, чтобы двигаться от зла к добру.

⁵ Зачеркнуто: И каждый человек может увеличивать в себе эту силу и может пренебречь ею и ослабить ее.

⁶ Зачеркнуто: уничтожению соблазнов и вследствие этого к освобождению любви в себе и других.

⁷ Свободу действий.

⁸ «Письма о земле» Меньшикова печатались в газете «Неделя» 1895 в № № 31—49 (с 30 июля по 3 декабря).

⁹ См. письмо № 157.

157. Л. П. Никифорову.

1895 г. Сентября 8. Я. П.

Дорогой Лев Павлович,

Статья очень понравилась мне. Она указала на корень разномыслия Меньш[икова] с нами. По случаю этой статьи и вышванных ею мыслей мы обменялись несколькими письмами с Меньш[иковым]. В статье — как мне помнится, вы мне позволили — я сделал несколько самых незначительных изменений. Одно изменение очень хотелось бы сделать, но не сумею и некогда — изменение в том, чтобы смягчить всё то резкое и недоброе, что есть там по отношению к Меньш[икову]. Во многих местах вы, очевидно, приписываете ему то, чего он не думал. А ведь неважно то, чтобы уколоть его, а то, чтобы выяснить истину со всех сторон. И вы сделали это прекрасно, и потому исключение или смягчение этих мест только улучшит статью; нам она всем очень понравилась и тем, что тонко и верно определяет то, что люди стараются смешать, и искренностью и горячностью своего тона. Я было написал Меньш[икову], что, по данному вами мне праву изменять и исключать, я передаю его ему с тем, чтобы он сам не изменял ничего, а смягчил бы только

тон нападков личных, но потом раздумал и решил послать статью вам, предлагая вам самим сделать эти изменения или предоставить сделать их Меньшикову].

Впрочем, во всяком случае статью надо напечатать, и М[еньшиков] сделает это.

Живы будем — увидимся зимой. Дружески целую вас.

Любящий вас Л. Толстой.

Москва. Никольская. Книжная торговля Д. В.

Впервые опубликовано в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной» 1914, I, стр. 89.

Дата определяется связью с письмом к Меньшикову от 8 сентября 1895 г.

Письмо Толстого вызвано письмом Никифорова от 4 сентября 1895 г., как видно, еще не получившего письма Толстого к нему от 29 августа и озабоченного судьбою своей статьи.

* 158. Джону Моррисону Давидсону (John Morrison Davidson).

1895 г. Сентября 10. Я. П.

Dear Sir,

I have received your book¹ and have read it with great interest and pleasure. The whole book is penetrated by a true christian spirit which incite to action and not to submission, or adaptation to the existing state of things.

I was happy to read the good tidings in your letter, the more so that we see the same events in Russia and Germany and especially in Austria. I think, that indeed the kingdom of God is at hand. Are you acquainted with a German periodical edition in Budda-Pest under the title «Religion des Geistes», by Eugene Schmitt. I think it should be good, if you were in communication with him. Although your book is dedicated to your grandson, I suppose you are yet a young man and therefore heartily wish you may still work for a long time in the same direction where you are now progressing, and may you experience more and more joy in the conviction, that you are fulfilling the will of him, who sent you here.

Yours truly

Leo Tolstoy.

10 September 1895.

Милостивый государь,

Я получил вашу книгу ¹ и прочел ее с большим интересом и удовольствием. Вся книга проникнута истинно христианским духом, который побуждает к действию, а не к подчинению или приспособлению к существующему положению вещей.

Я был счастлив получить от вас хорошие известия, тем более что те же события наблюдаются также в России и Германии и, в особенности, в Австрии. Я думаю, что царство божие действительно близко. Знакомы ли вы с немецким журналом под названием «Религия духа», издаваемым в Будапеште Эугеном Шмитом? Я думаю, что вам было бы хорошо войти с ним в сношения. Хотя ваша книга посвящена внуку, но я всё же думаю, что вы еще молодой человек, и потому сердечно желаю вам еще долго работать в том же направлении, по которому вы сейчас идете, и испытать всё больше и больше радости и уверенности, что вы исполняете волю того, кто послал вас сюда.

Искренно ваш

10 сентября 1895.

Лев Толстой.

Печатается по листам 111 и 112 копировальной книги.

Джон Моррисон Давидсон (р. 1843) — английский адвокат и журналист, сотрудник газеты «Daily chronicle», автор книги «The Gospel of roog» («Евангелие бедняка»), Лондон, 1893.

Ответ на письмо Давидсона от 21 июня н. ст. 1895 г.

¹ Брошюра «Let there be light!» («Да будет свет!»), Лондон, 1895.

159. М. Э. Здзеховскому.

1895 г. Сентября 10. Я. П.

Мариан Эдмундович,

Письмо ваше я получил и поспешил прочесть статью вашу в Северном Вестнике. Очень благодарен за то, что вы указали мне на нее. Статья прекрасная, и я узнал из нее много для себя нового и радостного. Я знал про Мицкевича ¹ и Товянского. ² Но я приписывал их религиозное настроение исключительным свойствам этих двух одиночных людей. Из вашей же статьи я узнал, ³ что они были только родоначальниками вызванного патриотизмом, глубоко трогательного по своей возвышенности и искренности, истинно христианского движения, продолжающегося до сих пор.

Статья моя «Патриотизм и христианство» вызвала очень много возражений. Возражали мне и философы, и публицисты,

и русские, и французские, и немецкие, и австрийские; возражаете и вы; и все возражения, так же как и ваше, сводятся к тому, что мои осуждения патриотизма справедливы по отношению к дурному патриотизму, но не имеют никакого основания, если относятся к хорошему и полезному патриотизму; о том же, в чем состоит этот хороший и полезный патриотизм и чем он отличается от дурного, — никто до сих пор не потрудился объяснить.

Вы пишете в вашем письме, что, «кроме завоевательного, человеконенавистнического патриотизма могущественных народов, существует еще совершенно противоположный патриотизм народов поработанных, стремящихся единственно к защите родной веры и языка от врагов». ⁴ И этим положением угнетенности определяете хороший патриотизм.

Но угнетенность или могущественность народов не делает различия в сущности того, что называется патриотизмом. Огонь будет всё такой же жгучий и опасный огонь, будет ли он пылать костром или теплиться спичкой.

Под патриотизмом разумеется обыкновенно предпочтительная перед другими народами любовь к своему народу, точно так же как под эгоизмом разумеется предпочтительная любовь перед другими людьми к одной своей личности. И трудно представить себе, каким образом такая предпочтительность одного народа перед другим может считаться добрым и потому желательным свойством. Если вы скажете, что патриотизм извинительнее в угнетаемом, чем в угнетателе, так же как извинительнее проявление эгоизма в человеке, которого душат, чем в человеке, никем не тревожимом, то нельзя будет не согласиться с вами, но изменить своего свойства патриотизм не может от того, что он будет проявляем угнетаемым или угнетателем. И свойство это: предпочтение одного народа перед всеми другими, так же как и эгоизм, никак не может быть доброе. Но мало того, что патриотизм есть свойство недоброе, оно есть и неразумное учение.

Под словом патриотизм подразумевается ведь не только непосредственная, невольная любовь к своему народу и предпочтение его перед другими, ⁵ но еще и учение о том, что такая любовь и предпочтение хороши и полезны. И это-то учение особенно неразумно среди христианских народов. ⁶ Неразумно оно не только потому, что оно противоречит и основному смы-

слу учения Христа, но еще и потому, что христианство, достигая своим путем всего того, к чему стремится патриотизм, делает патриотизм излишним и ненужным и мешающим, как лампа при дневном свете.

Человек, верующий, как Красинский,⁷ в то, что *«церковь божится — не то или другое место, не тот или другой обряд, но вся планета и все, какие только могут существовать отношения личностей и народов между собой»*, — не может уже быть патриотом, потому что он во имя христианства совершит все те дела, которые может требовать от него патриотизм. Патриотизм требует, например, от своего ученика жертвы своей жизнью для блага своих едиородцев,⁸ христианство же требует такой же жертвы для блага всех людей, и потому тем более и естественнее такая жертва для людей своего народа.

Вы пишете о тех страшных насилиях, которые совершаются дикими, глупыми и жестокими русскими властями над верою и языком поляков, и выставляете это как бы поводом для патриотической деятельности.⁹ Но я не вижу этого. Для того, чтобы быть возмущенным этими насилиями и всеми силами противодействовать им, не нужно быть ни поляком, ни патриотом, нужно только быть христианином.

В данном случае, например, я, не будучи поляком, поспорю с каждым поляком в степени отвращения, негодования к тем диким и глупым мерам русских правительственных лиц, которые употребляются против веры и языка поляков; поспорю, и в желании противодействовать этим мерам, и не потому, что я люблю католичество больше, чем другие веры, или польский язык больше, чем другие языки, а потому, что я стараюсь быть христианином. И потому, для того чтобы ничего подобного не было ни в Польше, ни в Эльзасе, ни в Чехии, нужно не распространение патриотизма, а распространение истинного христианства.

Можно сказать, что мы не хотим знать христианства, и тогда возможно восхвалять патриотизм; но как скоро мы признали христианство, или хоть вытекающее из него сознание равенства людей и уважение к человеческому достоинству, то никакому патриотизму уже нет места. Меня удивляет при этом, главное, то, каким образом защитники патриотизма угнетенных народов (каким бы усовершенствованным и утонченным они его ни представляли) не видят того, как вреден патриотизм именно для их целей.

Во имя чего совершались и совершаются все насилия над языком и верою в Польше, Остзейском краю, в Эльзасе, Чехии, над евреями в России — везде, где совершались и совершаются такие насилия? Только во имя того самого патриотизма, который вы защищаете.¹⁰

Спросите у наших диких руссификаторов Польши, Остзейского края, у гонителей евреев, зачем они делают то, что делают? Они скажут вам, что это делается для защиты родной веры и языка, скажут, что если они не будут делать то, что делают, то пострадают родная вера и язык. Русские ополячатся, онемечатся, обевреятся.

Если бы не было учения о том, что патриотизм есть нечто хорошее, никогда не нашлось бы людей столь гнусных, которые в конце XIX века решились бы делать те мерзости, которые они делают теперь.

Теперь же ученые — у нас самый дикий гонитель веры бывший профессор¹¹ — имеют точку опоры в патриотизме. Они знают историю, знают про все бесполезные ужасы гонений языка и веры; но благодаря учению патриотизма у них есть оправдание.¹² Патриотизм дает им точку опоры, христианство же вынимает у них ее из-под ног. И потому народам покоренным, страдающим от угнетения, надо уничтожать патриотизм, разрушать теоретические основы его, осмеивать его, а не восхвалять.

Защищая патриотизм, говорят еще об индивидуальности народностей, о том, что патриотизм имеет целью спасти индивидуальность народа; индивидуальность же народов предполагается необходимым условием прогресса.¹³

Но во-1-х, кто сказал, что индивидуальность есть необходимое условие прогресса? Это ничем не доказано, и мы не имеем права принимать это произвольное положение за аксиому.

Во-2-х, если даже и допустить, что это так, то и тогда средство для народа проявить свою индивидуальность никак не будет состоять в том, чтобы стараться проявить ее, а в том, напротив, чтобы, забыв о своей индивидуальности, всеми своими силами¹⁴ делать то, к чему народ чувствует себя наиболее способным и потому призванным, точно так же, как отдельный человек проявит свою индивидуальность не тогда, когда он будет заботиться о ней, а тогда, когда он, забыв о ней, будет по мере своих сил и способностей делать то, к чему его влечет его природа. *

Один из самых обыкновенных софизмов, употребляемых для защиты безнравственного, состоит в том, чтобы нарочно смешивать то, что есть, с тем, что должно быть, и, начав говорить об одном, подставлять другое. И этот самый софизм употребляется чаще всего и по отношению к патриотизму. Есть то, что всякому поляку ближе и дороже — поляк, немцу — немец, еврею — еврей, русскому — русский. Есть даже и то, что вследствие исторических причин и дурного воспитания люди одного народа испытывают бессознательное отвращение и недоброжелательство к людям другого народа. Всё это есть, но признание того, что это есть, так же как и признание того, что каждый человек любит свою особу больше других людей, никак не может доказывать, что это должно быть. Напротив: всё дело всего человечества и всякого отдельного человека состоит только в том, чтобы подавлять эти предпочтения и недоброжелательства, бороться с ними и сознательно поступать по отношению к другим народам и людям других народов совершенно так же, как поступаешь по отношению к своему народу и своим соотечественникам.¹⁷ Заботиться о патриотизме, как о чувстве, которое желательно воспитать в каждом человеке, совершенно излишне. Бог или природа уже без нас так позаботились об этом чувстве, что оно присуще всякому человеку и народу, так что нам нечего заботиться о воспитании его в себе и других. Заботиться нам надо не о патриотизме, а о том, чтобы,¹⁸ внося в жизнь тот свет, который есть в нас, изменять ее и приближать к тому идеалу, который стоит перед нами. Идеал же, стоящий в наше время перед каждым человеком, просвещенным истинным светом Христа, состоит не в восстановлении Польши, Богемии, Ирландии, Армении и не в сохранении единства и величия России, Англии, Германии, Австрии, а, напротив, в уничтожении этого единства и величия России, Англии, Германии и других, в уничтожении этих насильнических, антихристианских соединений, называемых государствами и стоя-

---

* Это все равно, что забота о¹⁵ том, чтобы люди, работающие для содержания своей общины, работали бы разнообразную работу и в различных местах. Пусть только каждый делает по мере своих сил и способностей самое нужное для общины, и делает из всех своих сил, и они все будут невольно работать различное разными орудиями и в разных местах¹⁶. (*Сноска Толстого.*)

щих на пути всякого истинного прогресса и порождающих страдания угнетенных и покоренных народов, — всё то зло, от которого страдает современное человечество¹⁹. Уничтожение же это возможно только истинным просвещением: признанием того, что мы прежде, чем русские, поляки, немцы — люди, ученики одного учителя, сыны одного отца, братья между собою. И это понимали и понимают лучшие представители польского народа, как вы это прекрасно рассказали в своей статье. И это же с каждым днем понимает всё большее и большее количество людей во всем мире. Так что дни государственного насилия уже сочтены, и освобождение не только покоренных народов, но и задавленных рабочих, уже близко, если мы только сами не будем отдалять времени этого освобождения тем, что будем делом и словом участвовать в насильственных делах правительств. Признание же патриотизма, какого бы то ни было, добрым свойством и возбуждение к нему народа есть одно из главных препятствий для достижения стоящих перед нами идеалов.

Очень благодарю вас еще раз за ваше хорошее письмо, за прекрасную статью и за случай, который вы мне этим подали еще раз проверить, обдумать и высказать мои мысли о патриотизме.

Примите уверение моего уважения

Л. Толстой.

10 сент. 1895.

Письмо сохранилось в четырех последовательных редакциях.

Чистовая копия с последней, четвертой, редакции, написанной рукой С. А. Толстой, с многочисленными поправками рукой Толстого, и была, очевидно, послана Здеховскому и напечатана им в его вышедшей под псевдонимом М. Урсина брошюре «Религиозно-политические идеалы польского общества», Лейпциг, 1896, стр. V — X. По этому печатному тексту, являющемуся первой публикацией, мы и печатаем здесь это письмо, приводя в примечаниях наиболее существенные варианты рукописных редакций.

Мариан Эдмундович Здеховский (р. 1861) — польский ученый, профессор Краковского университета по кафедре славянских литератур. Здеховский написал статью о религиозно-политических идеалах польского общества. Статья была напечатана в июльской книжке «Северного вестника» под псевдонимом М. Урсина из-за цензурных соображений в сокращенном почти наполовину виде. Желая издать ее за границей полностью и считая свое имя недостаточно известным, чтобы рассчитывать на успех

издания, Здзеховский обратился к Толстому с письмом от 12 августа 1895 г., в котором просил его «о помощи в виде краткого предисловия, хотя бы в полемическом тоне» против его взглядов, которые он излагал в том же письме, по поводу прочитанной им статьи Толстого «Христианство и патриотизм». На это письмо Толстой и отвечает.

¹ Адам Мицкевич (1798—1855).

² Андрей Товянский (1799—1878), польский мистик, создатель теории так называемого «мессианизма» — религиозного избрничества польского народа.

³ *Зачеркнуто в первой редакции:* что это было и есть глубоко трогательное религиозное течение, приведшее этих людей к тому самому отрицанию патриотизма или, скорее, поглощению патриотизма христианством, с которым вы выражаете свое несогласие по поводу моей статьи Патриотизм и Христианство.

⁴ *Зачеркнуто в первой редакции:* Мне кажется, что, говоря это, вы противоречите той мысли вашей статьи, что польские мыслители всегда старались, как вы выражаетесь, всегда согласовать национальные идеалы с законом Христа. Если закон Христа становится законом жизни, а не пустым словом, то он неизбежно поглощает и растворяет в себе всякий патриотизм. Насилия, совершаемые над польскими панями и народом, возмущают меня, наверно, не менее, чем кого бы то ни было — поляка патриота, и точно так же возмущают меня насилия над евреями и финляндцами и остзейцами. Одно, что, мне кажется, может и должен испытывать поляк при насилиях, совершаемых над ним, это сознание того, что его патриотизм такой же.

⁵ *Зачеркнуто в третьей редакции:* И если чувство это производит вредные последствия для народов могущественных, то должно производить те же последствия и для народов покоренных. Мне кажется, что если эгоизм — дурное свойство, то оно дурное свойство и у сильных и у слабых.

⁶ *Зачеркнуто в четвертой редакции:* совершенно независимо от того, будут ли народы, которым проповедуют патриотизм, могущественнее или слабее. Учение патриотизма особенно неразумно среди христианских народов.

⁷ Сигизмунд Красинский (1812—1859), польский поэт, автор «Небожественной комедии», «Иридиона» и др., испытывавший на себе, так же как и Мицкевич, сильное влияние идей Товянского.

⁸ *В третьей редакции было написано рукой Толстого:* единоверцев, однако в четвертой при переписке исправлено на: единородцев и в таком виде вошло в печатный текст.

⁹ Здзеховский, живший в это время в России, не решился поместить эту фразу и изменил ее в печатном тексте, где она читается так: «Те страшные насилия, которые совершаются дикими, глупыми и жестокими русскими властями... выставляются ими как бы поводом для патриотической деятельности».

¹⁰ *Зачеркнуто в третьей редакции:* Француз говорит: вы насилуете альзасца, делая из него немца, а немец говорит: вы насильно сделали его

французом, и потому я освобождаю его. То же в нашей Польше и в деле унии.

¹¹ Толстой имеет здесь в виду обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, который в 1860—1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете.

¹² *Зачеркнуто в четвертой редакции*: Так что в основе всяких насильий над покоренными народами лежит патриотизм угнетателей.

¹³ *Зачеркнуто во второй редакции*: Совестно отвечать на это, так очевиден софизм этого рассуждения. Точно как будто христианское, человеческое отношение к людям исключает индивидуальность.

¹⁴ *Зачеркнуто в четвертой редакции*: работать для общего дела человечества. Чем энергичнее будет работать народ для исполнения этого общего дела человечества, тем резче проявится его индивидуальность. Забота о сохранении индивидуальности народностей.

¹⁵ *Зачеркнуто во второй редакции*: сохранение известного своего особенного выражения лица. Выражение свое особенное лица будет, что бы ты ни думал и ни делал. А делай и думай самое хорошее, и выражение лица будет самое хорошее и особенное. Смешная забота об индивидуальности. Предоставим богу это или природе. Они уж позаботятся об индивидуальности.

¹⁶ *Зачеркнуто в четвертой редакции*: Когда Мицкевич писал своих Дзядов, а Красинский своего Иридиона, они не думали о проявлении своей индивидуальности, а проявляли то высшее, что было в них, и проявляли действительно поразительно высокие черты именно польской индивидуальности.

¹⁷ *Зачеркнуто в четвертой редакции*: Потому что в том, чтобы делать из того, что есть, то, что должно быть, состоит единственный смысл и задача человеческой жизни.

Поверж этих зачеркнутых строк надписано и снова зачеркнуто: что же касается до индивидуальности, представляющей будто бы необходимое условие прогресса, то если это так и индивидуальность народа действительно так необходима, то излишне

¹⁸ *Зачеркнуто в четвертой редакции*: претворять жизнь на основании того света, который есть в нас. А свет этот требует от нас не патриотизма, т. е. предпочтения одной народности перед другою, а, напротив, отрешения от него во всех его проявлениях, в виде ли воинствующего, угнетающего и сильного, или мирного, покоренного и слабого, — отрешения от всякого патриотизма и замены его таким отношением ко всем людям, при котором уже нет ни своих, ни чужих, а есть только сыны одного отца, все братья между собою. Людям нашего времени, просвещенным христианским светом истины, так же неразумно признавать патриотизм и пользоваться им для достижения своих целей, как людям, испытавшим тепло летнего солнца, продолжать сидеть с закрытыми окнами и искусственно поддерживая тепло каждому отдельно в своем жилище.

¹⁹ *Зачеркнуто в четвертой редакции*: Для освобождения от угнетения покоренных народов нужно не восстановление государственного устройства этих народов, а, напротив, уничтожение государственного устройства тех народов, которые порабащают их.

160. Редактору английской газеты.

1895 г. Сентября 10. Я. П.

Милостивый государь,

Посылаю вам для напечатания в вашей газете записку о гонениях, которым нынешним летом подверглись кавказские сектанты духоборцы.¹ Средство помочь как гонимым, так в особенности гонителям, не знающим, что творят, есть только одно: гласность, представление дела на суд общественного мнения,² которое, выразив свое неодобрение гонителям и сочувствие гонимым, удержит первых от их часто только по темноте и невежеству совершаемых жестокостей и поддержит бодрость во вторых и даст им утешение в их страданиях.

В России статью не пропустит цензура, потому обращаюсь к вам, прося напечатать ее в вашем издании. Записка эта составлена моим другом, ездившим на место для собрания точных сведений о происшедших событиях, и потому сообщаемым им сведениям можно верить.³

То, что передаваемые в этой записке сведения получены только от одной стороны — гонимых, а не спрошена другая сторона — гонителей, не уменьшает достоверности сообщаемого. Гонимым незачем было скрывать то, что они делали: они провозглашают это на весь мир; гонителям же не может не быть стыдно за те меры, которые они употребляли против гонимых, и потому они всеми средствами будут стараться скрыть свои дела. Если же в рассказах духоборов и могли быть преувеличения, то мы старательно исключили всё то, что нам казалось таковым. Достоверно и несомненно самое существенное, рассказанное в этой записке, а именно то, что духоборы были в разных местах неоднократно жестоко истязуемы, что большое число их засажено в тюрьмы и что более 450 семей совершенно разорены и выгнаны из своих жилищ только за то, что они не хотели поступать противно своим религиозным верованиям. Всё это несомненно достоверно, потому что было напечатано во многих русских газетах и не вызвало никакого опровержения со стороны правительства.

Мысли, вызванные во мне этими событиями, я выразил отдельно, и если вы хотите этого, то могу прислать их вам для напечатания уже после появления настоящей записки.⁴

Л. Толстой.

Письмо сохранилось в двух редакциях: 1) в черновике, написанном рукою Толстого, и 2) в копии с этого черновика, неизвестной рукою, с многочисленными поправками и вставками рукою Толстого. Печатаем по этой копии. Опубликовано впервые в английском переводе, сделанном Кенворти и Рапортом, в газете «Times», № 34715 от 23 октября 1895 г., а по-русски — в издании М. К. Эллидина под заглавием: «Письмо Л. Н. Толстого к редактору английской газеты», в качестве предисловия к статье П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 году», Женева, 1896, стр. 3—5, с датой: «10 сентября 1895 г.».

¹ *Зачеркнуто во второй редакции:* Зная о тех ужасах, которые совершались и совершаются над этими людьми, нельзя оставаться равнодушным.

² *Зачеркнуто во второй редакции:* с тем, чтобы поддержать бодрость в гонимых и вызвать в гонителях сознание своего заблуждения.

³ *Зачеркнуто во второй редакции:* Факты, описываемые им, так возмутительны, что распространяться об их значении излишне. Они говорят сами за себя.

⁴ Этот абзац опущен в печатном английском тексте в газете «Times».

* 161. Вальтеру Хансфорду (Walter J. Hansford).

1895 г. Начало сентября. Я. П.

I received your letter and thank you hartely for the sentiments expressed in it¹. Я очень интересуюсь Австралией и происходящим в ней² движением. Дай бог, чтобы движение это всё более и более приобретало христианское направление, которое одно может привести к истинному братству людей. Австралия находится в самых выгодных условиях для того, чтобы, избежав ошибки Европы и Америки, стать в первые ряды христианского движения и указать человечеству средства мирного решения мучающих его противоречий. Что сделано в Австралии по первому на очереди стоящему вопросу об освобождении людей от земельного рабства и осуществления Single Tax System Henry George?³ Вы очень обяжете меня, сообщив мне об этом

Jours truly L. T.⁴

Печатается по черновому автографу. Дата определяется на основании слов ответного письма Хансфорда от 4 ноября/23 октября 1895 г., в котором он писал, что рад был получить письмо Толстого и спешит ему ответить; считая срок пути из Австралии в Россию в то время в полтора месяца, предположительно датируем данное письмо началом сентября.

Письмо Хансфорда, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

¹ Я получил ваше письмо и сердечно благодарю за выраженные в нем чувства.

² *Зачеркнуто:* самой передовой

³ Система единого налога Генри Джорджа.

⁴ Искренно ваш Л. Т.

162. Д. П. Маковицкому.

1895 г. Сентября 11. Я. П.

Дорогой Душан Петрович. Знаю про вас по письмам вашим к Евг[ению] Ив[ановичу] ¹ и жалею, что не имею известий прямо от вас. Мы все вас любим и рады знать про вас.

Не унывайте о том, что жизнь наша не такая, какою бы вы желали ее видеть. Это участь всех тех, кто стремится к христианскому совершенству. Страшно не то, чтобы не достигнуть того, чего для себя, для своей души хочешь, а страшно то, чтобы, не достигнув этого, перестать хотеть этого.

Что дорогой Шкарван? ² Видите ли вы его, или друзья, мать его? В каком он состоянии духа? Страшно трудно ему, если он не вполне отдался жизни духа. Трудно ему и потому, что он молод и силен, и п[отому], ч[то] он врач, всю свою молодость обращавший внимание на свое тело. Пожалуйста, известите меня о нем, всё, что знаете. То, что газеты писали о нем, мне известно. Сначала больно бывает, когда слышишь клевету на лучших людей, думаешь, что клевета помешает успеху дела божия, что люди скорее бы почувствовали свои заблуждения, если бы они верили в чистоту и безупречность тех людей, к[оторые], как Шкарван, указывают им путь, но, подумавши, утешаешься тем, что это — мое мнение, что для дела божия нужна добрая слава его служителей. Может быть, нужна не добрая, а дурная слава. Христос умер оклеветанным и неизвестным. Я бы желал сказать это Шкарвану; желал бы, чтобы в перенесении страданий его не поддерживала слава людская, чтобы он подломил эти искусственные подмости с тем, чтобы опереться на незыблемую основу сознания жизни в духе, в боге.

Что он делает в тюрьме? Как его содержат? Читает ли? Работает ли? Желал бы я сказать ему тоже, чтобы он в тюрьме устроил себе сколько возможно правильный и здоровый образ жизни с сменой умственного и физического труда: учился бы

умственно языку, кот[орого] не знает, и физически какому-нибудь ремеслу. Не можем ли мы, его друзья, нас хоть немного, но мы хорошо любим его, хотели бы чем-нибудь служить ему. Нельзя ли чем-нибудь? Напишите.

Если можно, пошлите, пожалуйста, Шмиту в Будапешт мое предисловие к Дрожжи[ну], я ему предлагаю перевести и напечатать в его журнале.

Прощайте, целую вас, братски любящий вас

Л. Толстой.

11 сент. 95.

Печатается по фотоконии автографа, хранящегося в отделе рукописей Национального музея в Праге. Впервые опубликовано: с сокращениями в ПТС, II, № 428, стр. 163, и полностью в «Летописях», 2, стр. 177.

В конце письма Толстого — три приписки — П. И. Вирюкова, С. Н. Толстой и Т. Л. Толстой.

¹ Е. И. Попову.

² Альберт Шкарван отбывал в это время четырехмесячное тюремное заключение в г. Кошау в Австро-Венгрии за отказ от продолжения военной службы.

163. М. А. Сопочко.

1895 г. Сентября 11. Я. П.

Получил ваше прекрасное, радостное письмо, дорогой Михаил Аркадьевич. Ваши протоколы¹ я исправно получил, но не знал — вы не писали, — что надо дать денег 5 р. их доставителю. Протоколы эти очень хороши. Я их многим давал и даю читать² и поместил в Архиве.³ Если есть в них недостаток, то вы сами в письме указываете на него — излишний задор. Дочерям я передал ваше желание о книгах и буду напоминать им, чтобы они исполнили. Я писал вашему губернатору,⁴ прося его перевести вас в более жилое место, но, как я ожидал, — я писал без надежды успеха — не получил ответа.

В письме вашем больше всего меня порадовало то, что вы говорите о вашем отношении к богу, что это одно, что вы знаете несомненно. Я всегда это говорю этими же словами. Всё, что я знаю, я знаю, п[отому] ч[то] есть бог и я знаю его. Только на этом можно основаться твердо и в отношении к людям и к себе и к вневременной и вневременной жизни. Я не только не нахожу этого мистичным, но нахожу, что противоположный

взгляд есть мистицизм, а что эта одна самая понятная и всем доступная реальность.

Статью вашу ⁵ я получил уже давно и давно прочел. Статья нехороша, разбросана, непоследовательна, неясна. Хотел бы сказать, что дух статьи хорош, но и этого не могу сказать, п[отому] ч[то] ничего из нее не видно.

Теперь в уединении вам, верно, будет хотеться писать. Если будете писать, представляйте себе читателя — честного, умного, грамотного, некультурного человека, и обращайтесь только к нему и с одною определенной целью.

Пишите мне почаще. Я буду писать вам и постараюсь быть интереснее, чем в этом письме.

Прощайте, целую вас.

Любящий вас Л. Толстой.

11 сент. 95.

Печатается по листам 146 и 147 копировальной книги. Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 142.

Ответ на письмо Сопоцько от 28 августа 1895 г. из Пудожа Олонецкой губ., куда он был административно сослан.

¹ Протоколы показаний Сопоцько, данных им на допросах в Тульском губернском жандармском управлении 6—15 июня 1895 г., пересланные им в копии Толстому.

² Толстой давал их читать гостившему это лето в Ясной Поляне С. И. Танееву, который упоминает о них в своем дневнике. См. «Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни», М.—Л. 1925, стр. 58.

³ «Протоколы» Сопоцько были помещены в № 5 машинописного «Архива Л. Н. Толстого».

⁴ См. письмо № 131.

⁵ Статью «В поисках ясности».

164. С. А. Толстой от 13—14 сентября.

165. Эугену Генриху Шмитту (Eugen Heinrich Schmitt).
1895 г. Середина сентября. Я. П.

Lieber Freund,

Den Entwurf des Manifestes ¹ und den Brief vom 10 Sept[ember] ² habe ich erhalten. Die Idee des Manifests ist gut, aber die Form hat mir nicht so sehr gefallen. Es muss mehr einfach und verständlich für nicht literarisch gebildete Menschen sein.

Auch Ihre Absicht zum Manifeste Unterschriften zu sammeln halte ich nicht für zweckmässig. Unsere einzige, aber mächtigste Waffe ist die Überzeugung durch das Wort, d. h. klar und mächtig ausgedrückte Wahrheit, die Zahl aber der Unterschriften von Leuten, dessen Gesinnungen und Ansichten wir nicht kennen, hat keinen Wert. Schreiben sie ihr Manifest so stark und überzeugend, wie sie können, und veröffentlichen sie es. Das ist das einzige und das beste, was wir thun können. Einen ähnlichen Manifest oder Aufruf hat einer von meinen Freunden³ geschrieben, aber der Aufruf muss als Vorwort zu einem artikel, oder sogar Buche, über die Verfolgung von Christen, der geschrieben wird, erscheinen. Ich werde Ihnen das Buch und den Artikel, sobald es fertig wird, verschafen. Jetzt habe ich noch eine Schrift über die letztere Verfolgung der Duchoboren am Kaukasus von einem meiner Freunde, der dort gewesen ist, um alles umständlich zu erfahren, fertig, und schreibe zu dem Artikel ein Vorwort, den ich ihnen senden werde. Die Schrift möchte ich gern in den verbreitetsten Deutschen Zeitungen erscheinen lassen. Wie soll ich es machen? Für Ihre Zeitschrift, glaube ich, wäre es gut, wenn sie mein Forwort zu einem in Berlin erschienenen Buche: «Жизнь и смерть Дрожжина» (Leben und Todt von E. Drojjin) übersetzen liessen und bei ihnen drucken. Das Buch mit dem Vorworte können sie von Berlin verschreiben oder von einem unseren Freunde und dem Freunde von Schkarvan — Dr. Duschan Makovizky, Silina.

Es thut mir leid, dass ich ihnen deutsch schreiben muss. Unwillkürlich bekommen meine Briefe einen kindischen Character, da ich meine Ideen nicht geläufig ausdrücken kann, deswegen schreibe ich Ihnen jetzt Russisch, hoffend, dass sie ohne grosse Mühe einen Übersetzer finden werden.

Мысль ваша обращения к людям по поводу гонений за неисполнение государственных требований — прекрасная. Вы увидите, что я сделал это отчасти в том предисловии к книге Дрожжина, о котором я пишу вам. Я сделал это по поводу Дрожжина, вы делаете это по поводу Шкарвана. И чем больше будет искренних и горячих голосов за правду, тем лучше. А ваш голос я люблю слушать и думаю, что он действует на людей. Но, простите меня за совет: больше обращайтесь свои писания; представляйте себе читателем честного, умного,

но некультурного рабочего и доводите свои мысли до возможной простоты и ясности. Я советую это вам, потому что знаю, что вы можете это сделать. Господ Эгиди ⁴ и Гутцейта ⁵ я знаю давно, и от него, как от всех людей, сознательно берущих истину не всю, а частицу ее, я не жду ничего, кроме затемнения истины и вреда делу божию, и потому очень ссочувствую вашему намерению указать на их ошибки и помешать смешению их с нами в понятиях людей. Прощайте.

Любящий вас братски

Лев Толстой.

Дорогой друг,

Проект манифеста ¹ и письмо от 10 сент[ября] ² я получил. Идея манифеста хороша, но форма мне не очень понравилась. Он должен быть проще и понятнее для литературно необразованных людей.

Также и ваше намерение собирать подписи под манифестом считаю нецелесообразным. Наше единственное и могущественнейшее оружие, это — слово, т. е. ясно и сильно выраженная истина. Число же подписей лиц, настроение и взгляды которых нам не известны, не имеет никакого значения. Напишите ваш манифест так сильно и убедительно, как вы только можете, и опубликуйте его. Это единственное и лучшее, что мы можем сделать. Подобный же манифест или воззвание написал один из моих друзей, ³ но это воззвание должно появиться в виде предисловия к одной статье, или даже книге, о преследовании христиан, которая сейчас пишется. Как только эта книга и статья будут написаны, я вам их доставлю. Сейчас от одного из моих друзей, съездившего на Кавказ, чтобы обстоятельно ознакомиться с положением дела, мною получена еще одна рукопись о преследовании духовоборов, и я пишу к этой статье предисловие, которое тоже пошлю вам. Эту статью мне очень бы хотелось поместить в самых распространенных немецких газетах. Как это сделать? Для вашего журнала, я думаю, было бы хорошо дать перевести предисловие к одной появившейся в Берлине книге, «Жизнь и смерть Дрожжина», и у вас напечатать. Книгу с предисловием вы можете выписать из Берлина или от нашего друга и друга Шкарвана — д-ра Душана Маковицкого, в Жилине.

Сожалею, что должен писать вам по-немецки: так как я не могу бегло выражать свои мысли, то мои письма невольно приобретают детский характер. И потому я дальше пишу по-русски, надеясь, что вы без особого труда найдете переводчика.

Печатается по листам 148 и 149 копировальной книги. Впервые опубликовано в книге Э. Кейхеля «Die Rettung wird kommen», Гамбург, 1926, стр. 40—41. Дата определяется на основании упоминания в письме «предисловия» к книге Бирюкова о гонении на духовоборов, в то время еще только писавшегося и законченного, как известно, 19 сентября, а также ответного письма Шмита от 11 октября н. ст. 1895 г.

¹ Проект манифеста «Ко всем благородно мыслящим людям», с выражением протеста против преследования Шкарвана за отказ от воинской повинности, был послан Шмитом Толстому при письме от 24/12 августа.

² Письмо это не сохранилось.

³ Речь идет о статье Е. И. Попова: «Открытое письмо к обществу по поводу правительственных гонений на лиц, отказавшихся от воинской повинности». См. письмо № 176.

⁴ Мориц фон Эгиди (Moritz von Egidy, 1847—1898), автор книги «Ernste Gedanken» («Серьезные мысли»), Берлин, 1890.

⁵ Иоганнес Гутцейт (Johannes Guttzeit) — единомышленник Эгиди; его статья «Himmel und Erde, Hübbe und Egidy, oder mein Reich ist von dieser Welt» («Небо и земля, Хюббе и Эгиди, или царство мое от мира сего»), Берлин, 1895, была разобрана Шмитом в его журнале «Религия духа» 1895, № 5, стр. 138—151.

* 166. В. Ф. Андрееву.

1895 г. Сентября 18. Я. П.

Виктор Федорович,

Вы прекрасно сделали, что написали мне, не потому, чтобы я был уверен, что могу помочь вашему племяннику, но потому, что я всей душой желаю этого. Я знаю, как безнадежно тяжело положение молодых людей, как вы пишете, потерявших веру в бога и полагающих, что это положение неверия в бога есть положение нормальное и что виновата в этом бессмысленность нашей жизни, а не их душевное болезненное состояние. Эпидемия эта очень распространена среди молодежи. Очень рад бы был помочь вашему племяннику. Но для того, чтобы попытаться это сделать, надо знать его душевное состояние. Если он напишет мне о том, что мучает его, я постараюсь, если буду в состоянии, ответить на его вопросы или указать на мои сочинения, в кот[орых] он найдет ответы на них.

Лев Толстой.

18 сент. 1895.

Печатается по листам 100 и 105 копировальной книги. Впервые опубликован отрывок в журнале «Голос Толстого и единение» 1917, 3, стр. 5.

Виктор Федорович Андреев из Петербурга, в письме от 31 августа 1895 г., просил Толстого помочь его племяннику — отвратить его от появившихся у него на почве жизненных неудач мыслей о самоубийстве.

* 167. В. А. Берсу.

1895 г. Сентября 18. Я. П.

18 сентября 95 г.

Дорогой Вячеслав.

Письмо это тебе перешлет или передаст мой молодой друг И. Л. Пучковский.¹

Он человек нравственный, трудолюбивый и толковый, образование реального учил[ища]. Ему нужно место для содержания своей матери. Если ты можешь доставить ему таковое, то я уверен, что ты не раскаешься в этом, и я тебе буду очень благодарен. Мы живем по-старому. Соня всё грустит. Поклон твоей жене² от нас. Целую тебя.

Любящий тебя Л. Толстой.

18 сент. 1895.

Печатается по листу 104 копировальной книги.

Вячеслав Андреевич Берс (1861—1907) — инженер путей сообщения, младший брат С. А. Толстой. В 1895 г. занимал должность начальника Канского участка Среднесибирской железной дороги.

¹ См. письмо № 170.

² В. А. Берс был женат на Александре Александровне Крамер.

* 168. А. Т. Зацепину.

1895 г. Сентября 18. Я. П.

Александр Трофимович,

О вашем предложении я говорил и не перестаю говорить тем из моих друзей, кот[орые] могут работать, желают этого, но еще не основались. До сих пор никто не выразил согласия. Предложение такого большого куска земли, и так далеко, и незнание условий местности отпугивает. Я не знал и не думал, что вам нужен заработок. Узнав же это, я обратился к нашему общему другу — Павлу Александровичу Буланже,¹ занимающему какое-то значительное место по счетоводству на Курской дороге. Он хотел писать вам, но я сказал, что напишу вам и что вы напишете ему и скажете, что именно нужно. Он человек, кроме того что прекрасной души, в высшей степени деликатный, и отношения с ним вам, наверное, будут приятны. Так

напишите ему: в Москву, Управление Курской жел. дор. П. А. Буланже. Надеюсь, что дело это устроится, буду очень рад этому. И если устроится, то увидимся в Москве.

Любящий вас Лев Толстой.

18 сент. 1895 г.

Печатается по листам 97 и 101 копировальной книги.

Александр Трофимович Зацепин, сочувствовавший взглядам Толстого. Бросив службу на Кыштымском заводе, он в 1891 г. переехал с семьей в Нижний-Новгород, откуда писал Толстому, что арендовал в Оренбургской степи 3 000 десятин земли и мечтает об устройстве на ней земледельческой колонии, причем просил Толстого помочь ему в подборе людей для нее. Об этом он затем в письмах дважды напоминал Толстому. Из писем этих видно, что Толстой отвечал ему, но ответы эти не дошли до нас.

Ответ на письмо Зацепина от 27 августа 1895 г., в котором он писал: «Нужда заставляет меня в третий раз беспокоить Вас. Если у Вас нет в виду компаньонов мне для занятия земледелием на моей земле, то помогите мне пристроиться пока к какому-нибудь делу в Москве или Туле».

¹ Павел Александрович Буланже (1864—1925), один из друзей Толстого, служил в правлении Московско-Курской ж. д.

* 169. Джону Кенворти (John Kenworthy).

1895 г. Сентября 18. Я. П.

Dear friend,

There has been lately a dreadful persecution in the Caucasus of a so called sect of Duchobory. One of our friends went to the Caucasus especially with the purpose to know the truth about this matter.¹ He has written the description of this persecution and I have written a little preface to this description. I should like very much to publish all this in the most widespread English papers. In which paper will you advise me to send the article? Would you undertake this affair? And if so, can I send you the article in Russian? It would save time. I think you are in relation with Mr. Rapoport² and he could do the translation. His translations are very good. The article will contain about 40,000 letters.

Please answer as soon as possible.

Yours truly

Leo Tolstoy.

30 September 1895.

Дорогой друг,

В последнее время на Кавказе происходило ужасное гонение на так называемую секту духоборов. Один из наших друзей ездил на Кавказ со специальной целью узнать об этом всю правду.¹ Он составил описание этих гонений, а я прибавил к этому описанию маленькое предисловие. Мне очень хотелось бы напечатать всё это в наиболее распространенных английских газетах. В какую газету вы советуете мне послать эту статью? Не взяли ли бы вы за это дело? Это сэкономило бы время. Я думаю, что вы находитесь в сношениях с г-ном Рапопортом,² и он мог бы сделать перевод. Его переводы очень хороши. Статья будет содержать около 40 000 знаков. Пожалуйста, отвечайте как можно скорее.

Искренно ваш

Лев Толстой.

30 сентября 1895.

Ввиду ответного письма Кенворти, датированного 8 октября н. ст., т. е. 26 сентября ст. ст., дату «30 сентября 1895» надо понимать как 18 сентября ст. ст.

¹ О поездке П. И. Бирюкова на Кавказ для сбора сведений о гонениях на духоборов см. письмо № 151.

² С. Рапопорт, переводчик на английский язык рассказа «Хозяин и работник».

* 170. И. Л. Пучковскому.

1895 г. Сентября 18. Я. П.

Дорогой Илья Львович,

Очень рад был получить от вас письмо. Жалею, что вы не устроились, и надеюсь, что Вяч[еслав] Андр[еевич] Берс даст вам место.

Пишу ему не отдельно, а тут же на другом листке. Оторвите и пошлите или отвезите ему. Очень буду рад узнать о вас, что вы пристроились к делу и находитесь в том же самом душевном настроении, в котором вы были, когда мы с вами познакомились. Хорошая, нравственная жизнь приносит свою награду, вроде как пенсию на службе: чем дольше ведешь ее, тем больше награда. Помогите вам бог.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по листам 99 и 104 копировальной книги. Дата определяется письмом к В. А. Берс от 18 сентября 1895 г.

Илья Львович Пучковский, проездом в Сибирь для поступления на службу к томскому купцу, побывал в Ясной Поляне. Не устроившись у этого купца, Пучковский в письме от 31 августа просил Толстого дать ему записку к В. А. Берсу.

* 171. А. Фадееву.

1895 г. Сентября 18. Я. П.

Письмо ваше не только заинтересовало меня, но и привлекло к вам. Я думаю, что вы ищете того, чего должен искать каждый человек и без чего не могут жить люди, несмотря на то, что вся их жизнь среди высших достаточных классов сложилась так, чтобы люди могли жить без этого. Это-то, чего вы ищете, и к чему вас раньше, чем обыкновенно влечет людей, [влекут] ваши исключительные условия, а может быть, и ваша более серьезная, чем у большинства людей, натура, это ясно сознанный смысл своей жизни. Зачем я живу? Не для того же, чтобы мне было весело; не для того, чтобы произвести, пустить на свет и воспитать таких же, как я, не знающих, зачем они живут, людей, и не для того же, чтобы делать археологические, очень сомнительно нужные людям изыскания. Без всего этого можно жить, но только не без ответа на этот вопрос. А между тем в нашем quasi¹ просвещенном мире считается даже некоторым умственным превосходством не только не знать этого, но утверждать, что этого и нельзя знать. Ответ на этот вопрос даст только религия. Если та религия, в кот[орую] вы верили, разрушена вашим критическим отношением к ней, тотчас ищите другую, т. е. другой ответ на вопрос: зачем вы живете? Как без короля, говорят, нельзя быть минуты: *Le roi est mort, vive le roi*,² так тем меньше нельзя быть минуты без этого царя в голове и сердце. Только религия, т. е. ответ на вопрос: зачем я живу? даст такое дело, при кот[ором] можно забыть себя, свою ничтожную, гибнущую и надоевшую себе и столь несносно требовательную личность.

В моих запрещенных в России книгах я писал только об этом. Если вы прочтете их, вы найдете там тот ответ, кот[орый] я нашел для себя. Но если вы не читали моих книг, или читали и не извлекли там этого ответа, я могу вам в трех строчках сказать его: Я живу затем, чтобы исполнить волю того, кто послал меня в жизнь. Воля же его в том, чтобы я довел свою душу до высшей степени совершенства в любви, и этим самым содействовал установлению единения между людьми и всеми существами в мире.

Ваш Лев Толстой.

18 сент. 1895.

Первая и четвертая страница автографа после снятия копии смазались, и послан был, вероятно, другой, переписанный экземпляр. Впервые опубликован отрывок в журнале «Голос Толстого и единение» 1917, 3, стр. 5.

Александр Фадеев (р. 1868) — сотрудник Русского археологического института в Константинополе. Ответ на письмо его от августа 1895 г.

¹ Мнимо

² Король умер, да здравствует король.

* 172. Г. И. Хохлову.

1895 г. Сентября 18. Я. П.

Милостивый государь
Галактион Иванович,

Я слышал уже прежде получения вашего письма о том, что П[етр] Г[алактионович] ушел из больницы.¹ К сожалению, он не появлялся у нас, и я не знаю, где он. Если бы он пришел к нам, сейчас извещу вас. Очень соболезную и ему и вам и сам душою страдаю о нем.

С совершенным уважением

Лев Толстой.

18 сент. 1895.

Печатается по листу 96 копировальной книги.

Галактион Иванович Хохлов — московский купец. Познакомился с Толстым путем переписки в 1889 г.

Ответ на письмо Хохлова от 4 сентября 1895 г., в котором он сообщал, что его душевнобольной сын, знакомый Толстого, Петр Галактионович Хохлов, находившийся в Преображенской психиатрической больнице в Москве, 31 августа скрылся из больницы. Хохлов спрашивал, не направился ли он в Ясную Поляну, и просил, если он явится, известить его письмом.

¹ Петр Галактионович Хохлов (1869—1896), сын Г. И. Хохлова, бывший студент Московского технического училища, последователь Толстого. Заболев психически, был помещен в больницу для душевнобольных.

173. В. Г. Черткову от 21 сентября.

174. М. Л. Толстой.

1895 г. Сентября 23. Я. П.

Здравствуй, милая Маша. Мама хотела писать тебе, но она очень занята фотографией, целый день чуть не рысью бегает,

снямая, проявляя и т. д., и я вызвался. Но нынче у нас свадебный день, она в белом платье и таком же настроении. Мама велит написать тебе прежде всего, что я совсем здоров, что жару у меня нет. Прибавлю, что его бы и не было, если бы не мама, п[отому] ч[то] я бы его не заметил. Нынче утром П[етр] Н[иколаевич] ¹ ездил за Мар[ьей] Ал[ександровной] и привез ее бодрую, довольную и, как всегда, серьезную. Я хорошо занимался вчера, но нынче плохо, за то кое-что мне интересного записал в свой дневник и нынче вечером решил, придумал нечто очень для меня интересное, а именно то, что не могу писать с увлечением для господ — их ничем не пробереешь: у них и философия, и богословие, и эстетика, ко[торы]ми они, как латами, защищены от всякой истины, требующей следования ей. Я это инстинктивно чувствую, когда пишу вещи, как Хоз[яин] и раб[отник] и теперь Воскресение. А если подумаю, что пишу для Афанасьев и даже для Данил и Игнатов ² и их детей, то делается бодрость и хочется писать. Так думал нынче. Надеюсь, что так буду делать. После болезни, как всегда бывает, ясна голова и многое уяснилось. Нынче приехал Колаша ³ с усиками и добрый и приятный. Я с ним ездил на велос[ипеде] через Грумант ⁴ мимо Адлерберга ⁵ в Ясенки и домой.

Андрюша было порадовал меня утром тем, что дорожит добрым моим отношением к нему, но трудно удержать это отношение. Вчера б[ыл] у Бибикова ⁶ на охоте, нынче с Фомичем на охоте — это бы хорошо — но, вернувшись, тотчас же исчез и не обедал и не ужинал. Это тоже экзамен, надо тоже стараться не провалиться. Не пускать себе в сердце зло на него. Колаша привез известие, что молодые наши ⁷ не так хороши и любовны, как были прежде. И мы забоялись. Но Таня правду говорит, что она, ходя за грибами, думала: что браки, если они языческие — то несчастные, а если христианские — то их совсем нет. Это я не против тебя. Выходи, если тебе это хорошо. И тебе будет хорошо, п[отому] ч[то] ты уж на том пути, на кот[ором] несчастье в благо. Ив[ан] Мих[айлович] ⁸ милый уехал, работал, переписывая Пошину статью ⁹ день и ночь. Я послал без разрешения Поши и без его фамилии статью Кенворти.

Прощай, душа моя, целую тебя и Мишу. Как бы хотелось с ним хоть немножко познакомиться.

Л. Т.

Петр Николаевич поражен, как ты похудела. Ешь лучше яйца, молоко, пожалуйста. И, главное, не ходи к Карцеву за яблоками.¹⁰ Яблоки найдутся сами, если они нужны. Посредникам привет. Пишет ли Ив[ан] Ив[анович] биографию Аполлова?¹¹ Все ждут.

Впервые опубликовано: отрывок в книге П. И. Бирюкова «Биография Л. Н. Толстого», III, Госиздат, М. 1922, стр. 240, и полностью в журнале «Современные записки», Париж, 1926, XXVII, стр. 240—242. Перепечатано в журнале «Печать и революция» 1928, кн. 6, стр. 109.

Год определяется содержанием, дата месяца словами — «нынче у нас свадебный день» — годовщина свадьбы Толстого приходилась на 23 сентября.

¹ Петр Николаевич Гастев. См. письмо № 238.

² Афанасий Николаевич Аггеев (1861—1908) — крестьянин деревни Казначеевки. Данила Давыдович Козлов и Игнат Севастьянович Макаров — яснополянские крестьяне, были учениками школы Л. Н. Толстого в 1860-х годах.

³ Николай Леонидович Оболенский — сын племянницы Толстого Е. В. Оболенской, с 2 июня 1897 г. — муж Марии Львовны Толстой.

⁴ Деревня Грумант, в 3 км. от Ясной Поляны.

⁵ Николай Александрович Адлерберг (1844—1904), генерал в отставке, владелец имения вблизи Ясной Поляны.

⁶ Владимир Александрович Бибииков (р. 1877), сын старинного знакомого Толстых, Александра Николаевича Бибиикова (1822—1886), был владельцем имения Телятенки.

⁷ Речь идет о недавно поженившихся Сергее Львовиче и Марии Константиновне Толстых.

⁸ Иван Михайлович Трегубов.

⁹ Статья П. И. Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 году».

¹⁰ Магазин Карцева на Смоленском бульваре.

¹¹ Александр Иванович Аполлов (1864—1893), священник Ставропольской епархии, под влиянием учения Толстого снявший с себя священнический сан. См. т. 86, стр. 239—240.

175. Д. П. Маковицкому.

1895 г. Сентября 29. Я. П.

Получил ваши оба письма, дорогой Душан Петрович, и очень, очень вас благодарю за те сведения, кот[орые] вы мне сообщаете в них. Радуюсь очень тому душевному состоянию, в кот[ором] находится Шкарван, и той надежде, кот[орую] вы даете, что

его скоро освободят. Деньгами я не могу располагать. Но собрать эти деньги я могу, но думаю, что лучше бы было не быть вынужденным просить о них. ¹

Очень благодарю вас за то, что послали Шмиту предисловие. ² Теперь еще к вам просьба. Пав[ел] Ив[анович] ездил на Кавказ к духоборам, чтобы узнать верные подробности о претерпенных ими гонениях, и составил об этом статью. Я написал к этой статье послесловие и маленькое письмо, при кот[ором] посылаю эту статью в газеты. В Англию я уже послал и то и другое. Нынче посылаю это Шмиту, ³ прося его перевести и напечатать в газетах и в своем издании. Я пишу ему, между прочим, что если ему это затруднительно, то чтобы он обратился к вам и что вы, вероятно, не откажетесь помочь ему в этом деле. Желание мое, главное, то, чтобы дело это получило как можно большее распространение.

Целую вас. Любящий вас

Лев Толстой.

Масарику, ⁴ если увидите, скажите ему, что я его очень помню и люблю и что Ruskin'a *Unto this last* ⁵ и многие другие вещи я знаю уже 10 лет и перевел по-русски, и Kidd'a *Social Evolution* ⁶ читал нынче летом с интересом.

Печатается по фотоконии автографа, хранящегося в отделе рукописей Национального музея в Праге. Впервые опубликовано в ПТС, II, № 429, стр. 164, с датой: «1895, октябрь». Дата определяется записью в Дневнике Толстого от 29 сентября 1895 г. (т. 53, стр. 59).

Ответ на два письма Маковицкого: от 28 сентября и 2 октября н. ст. 1895 г., с сведениями о Шкарване, все еще продолжавшем отбывать тюремное заключение, которому истекал срок 3 октября н. ст.

¹ В своем втором письме Маковицкий просил Толстого о денежной помощи Шкарвану, когда он выйдет из тюрьмы.

² Маковицкий сообщил, что он «сегодня же» вышлет Шмиту предисловие Толстого к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина», о чем просил его Толстой в письме от 11 сентября.

³ См. письмо № 176.

⁴ Фома Осипович Масарик (Thomus Masaryk, 1850—1936), в то время профессор философии в Пражском университете, чешский писатель, общественный и политический деятель, с 1920 г. президент Чехословацкой республики. Дважды приезжал к Толстому в Ясную Поляну: в 1887 и в 1910 гг.

⁵ Книга Рёскина «Unto this last» вышла в русском переводе Л. П. Никифорова, под заглавием «Последнему, что и первому. Очерки рабочего вопроса», изд. «Посредник», М. 1910.

⁶ Бенжамен Кидд (Benjamin Kidd, 1858—1916) — английский социолог-эволюционист. См. т. 53, стр. 435.

176. Эугену Генриху Шмитту (Eugen Heinrich Schmitt).

1895 г. Сентября 29. Я. П.

Lieber Freund,

Ich habe ihr Brief mit dem Heft 5 ihrer Zeitschrift erhalten und ihren Artikel über Egidy ¹ gelesen. Wie alle ihre Schriften, hat mir auch diese im Ganzen sehr gut gefallen. Überhaupt gefällt mir in ihren Schriften ihre Aufrichtigkeit (sincérité) und Feurigkeit (ich weiss nicht, ob das sich im Deutschen sagen lässt), aber die Erwähnung, die sie dabei machen von ihrer (S. 144, 145) Weltanschauung, habe ich nicht gutheissen können. Man kann niemals richtig schätzen die Wichtigkeit von seinen eigenen Gedanken. Das muss man anderen überlassen. Ohnedem ihre Weltanschauung ist nicht die ihrige aber die Christliche, die man aus den Evangelien, wenn man nur diese ohne eine vorgefasste Absicht liest, herausziehen muss. Ihr Verdienst besteht nur in dem, dass Sie diese Weltanschauung von neuen Seiten beleuchtet haben. Entschuldigen Sie mich, lieber Freund, dass ich mir erlaube Ihnen diese Bemerkungen zu machen. Das geschieht nur deshalb, dass ich sie liebe und ihre Thätigkeit hoch schätze und von ihr vieles erwarte.

Mein Freund Makovicky hat ihnen hoffentlich das Vorwort, ² das Sie, wenn Sie es wünschen, in ihrer Zeitschrift drucken können, schon geschickt. Jetzt schicke ich ihnen noch eine von einem meiner Freunde geschriebene Correspondenz über die Verfolgung der Duchobory mit einem kleinen von mir verfassten Artikel über diese Begebenheiten. Die Correspondenz ist zu lang um in ihrer Zeitschrift zu erscheinen, aber wenn sie es gut finden, machen Sie davon einen Auszug und drucken sie es mit meinem Artikel als Nachwort.

Die Correspondenz aber mit meinem kurzen Brief oder mit dem Nachwort möchte ich gern in den ausgebreitetsten Deutschen, Östreichischen und Russischen Zeitungen erscheinen sehen. Wenn

ihnen diese Übersetzung und Überschickung dieser Correspondenz zu viel Umstände macht, schicken Sie das alles zu Makovicky, er wird das alles thun. Mit dieser Post schreibe ich auch zu ihm.

Ihr herzlich liebender Freund

Leo Tolstoy.

Beigefügt schicke ich ihnen eine N^o der kleinen Zeitschrift von Kenworthy.³ Daraus werden sie sehen, wie wir in allen unseren Ansichten mit allen Freunden zusammentreffen. Ich rathe ihnen sehr mit Kenworthy und Dav[idson] Morrison in Verkehr zu treten.

Davidson Morrison's Adresse ist: J. Morrison Davidson. Fleet Street 185. London.

Die Correspondenz über die Duchobory habe ich vor einer Woche in die Englische Zeitungen geschickt, auch das Nachwort. Die Correspondenz und das Nachwort können gleichzeitig in beiden Sprachen erscheinen.

Дорогой друг,

Я получил ваше письмо и номер 5 вашего журнала и прочитал вашу статью об Эгиди.¹ Как и все другие ваши писания, эта статья мне в целом очень понравилась. Вообще мне нравится в ваших писаниях ваша искренность (sincérité) и огненность (не знаю, можно ли так сказать по-немецки), но упоминание, которое вы при этом делаете о вашем мировоззрении (стр. 144, 145), я не мог одобрить. Никогда нельзя правильно оценить важность своих собственных мыслей. Это надо предоставить другим. Кроме того, ваше мировоззрение не ваше, а христианское, которое следует из евангелия, если читать его без предвзятого намерения. Ваша заслуга заключается только в том, что вы осветили это мировоззрение с новых сторон. Простите, милый друг, что я позволяю себе сделать вам эти замечания. Делаю это потому, что люблю вас и высоко ценю вашу деятельность и многого от вас ожидаю.

Надеюсь, что мой друг Маковицкий уже послал вам предисловие,² которое, если хотите, можете напечатать в вашем журнале. Теперь посылаю вам еще одну корреспонденцию, написанную одним из моих друзей, о преследовании духоборов, с маленькой моей статьей об этих событиях. Корреспонденция слишком длинна для помещения в вашем журнале, но если она вам понравится, сделайте из нее извлечение и напечатайте с моей статьей в виде послесловия.

Я очень желал бы, чтобы эта корреспонденция с моим коротким письмом или с послесловием появилась в наиболее распространенных немецких, австрийских и русских газетах. Если этот перевод и пересылка этой кор-

респонденции доставит вам слишком много хлопот, пошлите всё это Маковицкому, он всё это сделает. С этой же почтой пишу и ему.

Сердечно любящий Вас друг

Лев Толстой.

В приложении посылаю вам № маленького журнала, издаваемого Кенворти.³ Из него вы увидите, как мы во всех наших взглядах совпадаем со всеми нашими друзьями. Я вам очень советую вступить в общение с Кенворти и с Дав[идсоном] Моррисоном. Адрес Давидсона Моррисона: J. Morrison Davidson. Fleet Street 185. London.

Корреспонденцию о духоборах я неделю тому назад послал в английские газеты, также и послесловие. И корреспонденция и послесловие могут появиться одновременно на обоих языках.

Печатается по тексту, опубликованному в книге Э. Кейхеля «Die Rettung wird kommen», Гамбург 1926, стр. 30—31. Дата определяется содержанием и записью в Дневнике 29 сентября 1895 г.: «Нынче написал письма Маковицкому и Шмиту».

¹ Статья Шмита «Zum Staatschristentum Egidy's» («О государственном христианстве Эгиди») напечатана в его журнале «Religion des Geistes» 1895, № 5, стр. 138—151.

² Предисловие Л. Н. Толстого к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина. 1866—1894». Берлин 1895.

³ Журнал Кенворти — «The new Order» («Новый порядок»).

177. М. Л. Толстой.

1895 г. Конец сентября. Я. П.

Милая Маша, письмо твое очень тронуло меня. Спасибо, что ты веришь в мою любовь и доверяешься мне. Мне очень больно за тебя, без всякого чувства оскорбления, кот[орое] бывало прежде, просто больно за тебя, жалко, что ты страдаешь, страдаешь таким тяжелым страданием — я знаю его, — когда низшее подавило высшее духовное и топчет его, и это духовное оскорблено, изувечено, раздергано, хочет подняться, собраться и не может, — страдаешь и хочется тебе сразу помочь, избавить от мученья, и знаешь, что нельзя, что это так должно быть, что это отплата за грех — не твой один, а многих, — и мой, и очень, в том числе, — и что надо пережить это. Одно могу сказать: это то, что это пройдет, и опять настанут ясные дни, ясное, твердое, радостное состояние,¹ и это состояние после страданий — вследствие страдания, если оно будет хорошо,

перенесено — будет еще тверже, чем прежде. Только бы выдержать время испытания и наказания, не испортив себе будущее. — Еще очень советую тебе две вещи: 1) как можно меньше двигаться, предпринимать: *dans le doute abstiens toi*,² и в этом положении борьбы тоже воздерживайся от всякого начинания, движения, и 2) старайся не нарушить равновесия в таком шатающемся положении чем-нибудь еще другим, иногда кажущимся самым ничтожным поступком: не недоспи, не засидись поздно, не переешь, не недоешь, не рассердись, не обидь кого, не трать праздное время... старайся во всем остальном собраться в кучку. Особенно жалко и больно, п[отому] ч[то] ты так хороша, уравновешена была это последнее время. Еще пусть поддержит тебя то, что у тебя много другого счастья, и лучшего, а именно того, что тебя очень хорошо любит так много людей и что мне в том числе ты особенно всегда была и будешь дорога. Но и это всё ничего. Главное, то лекарство, кот[орое] ты не сумеешь употребить, это то, чтобы знать и помнить, кто ты, и то, что ты не Маша Толст[ая], имеющая такие-то и такие-то чувства, начавшаяся тогда и долженствующая кончиться тогда-то, а ты божественная сила, вечная, орудие бога, кот[орое] должно делать его дело здесь и там и везде, куда он пошлет тебя. Прощай, целую тебя.

Л. Т.

Впервые опубликовано в журнале «Современные записки», Париж, 1926, XXVII, стр. 239—240, с датой: «Осень 1895 г.». Датируется на основании письма адресата от 24 сентября, на которое данное письмо служит ответом.

¹ *Переделано из:* настроение,

² В сомнении воздержись.

178. А. Л. Флексеру (Вольинскому).

1895 г. Конец сентября. Я. П.

Сейчас прочел вашу заметку¹ о Соловьевском Смысле войны² и почувствовал радость сознания того, что есть единомышленный орган. Кроме вас, никто не скажет этого и нигде, кроме как в вашем журнале, а сказать это было необходимо. И мне это было очень радостно и захотелось высказать вам это. И заметка написана прекрасно. Хотелось бы сказать, что она слиш-

ком зла, но в глубине души, к сожалению, одобряю и злость. Уж очень скверно то, что написал Соловьев. Дружески жму вашу руку.

Лев Толстой.

Печатается по листу 150 копировальной книги. Впервые опубликовано, по несовершенной копии, в ПТС, II, № 427, стр. 162, с датой: «1895, сент. 5 (?)», и по автографу в «Летописях», 2, стр. 167. Дата определяется ответным письмом адресата от 3 октября 1895 г.

¹ Статья А. Волюнского «Смысл войны. Из нравственной философии Влад. С. Соловьева», напечатанная в журнале «Северный вестник» 1895, 9, стр. 62—63.

² В статье своей «Смысл войны. Из нравственной философии», напечатанной в «Ежемесячных литературных приложениях к «Ниве» 1895, 7, стлб. 430—462, написанной в оправдание войны, Соловьев доходил до того, что утверждал, будто «организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути осуществления мира».

* 179. А. М. Бодянскому.

1895 г. Октября 2. Я. П.

Дорогой Александр Михайлович,

Получил вместе ваши два письма и еще из Москвы в то же время копию с вашего письма Пав[лу] Ив[ановичу] о том же предмете. Начну с начала. То, что вы говорите о художественной работе, совершенно справедливо. Ложь противна, но и выдумка не внушает серьезного отношения. И совершенно справедливо, что из худож[ественного] произведения берут только то, что по шерсти, и что не по шерсти — откидывают. Мне всегда совестно заниматься таким писанием, но иногда хочется, и думаешь, что не вредно, а кроме того, все окружающие поощряют к этому. Спасибо, что вы мне написали об этом. Надо поддерживать друг друга на добром пути. Со стороны всегда виднее. Что же касается до вашего суждения о духоборах, о том, что девушки их выходят за грузин и принимают православие, и о хлопотах для переселения их за границу, я совсем несогласен с вами. Несогласен и в том, что желательно бы было нашим друзьям переселиться за границу в условия, более легкие для жизни, и соединившись вместе. Я нахожусь в очень неудобном положении — я, пользующийся всеми внешними удобствами жизни и ничем не

стесняемый, обращаясь к вам и говоря про людей, несущих годами тяжесть изгнания и всякого рода притеснений, — но не могу не говорить то, что всей душой чувствую и исповедую, и что связано с моим жизнепониманием или верою. Христос сказал: меня гнали и вас будут гнать. Но если бы он и не сказал этого, мы, старающиеся быть его учениками и внести в языческий мир христианские начала жизни, не можем не видеть, что гонения и потому страдания суть необходимое условие исполнения или хоть приближения к исполнению его закона. Степень страдания внешнего в мирском смысле показывает степень нашего следования Христу, как трение показывает степень напряжения всякой работы. Всё это мы знаем, и вы знаете лучше меня, но мы склонны в минуты усталости забывать это и принимать ту тяжесть условий жизни, кот[орую] несем — в самых разнообразных видах — за исключительно несчастные условия лично мои, Ал[ександра] Мих[айловича], или Льва Ник[олаевича], или моих друзей, и тогда ищем внешних средств облегчения этих страданий. Тогда как эти страдания суть только то благое иго, кот[орое], хочет ли, не хочет он того, берет на себя всякий, кто идет за Христом. Желать уничтожить эти страдания — всё равно, что желать облегчить напряжение тяги пашущего плуга. Облегчить можно тем, чтобы вынуть совсем плуг из борозды или хоть тем, чтобы взять мельче пласт. Так же и нам в наших страданиях, принимающих самые разнообразные формы, особенно у людей семейных. Вы сами пишете, что семья не есть условие, свойственное христианину, и потому всякий семейный христианин должен страдать. Вы говорите: сойтись несколькими семьям вместе, чтобы воспитывать детей. Чьих детей? Почему ваши дети больше ваши, чем мои дети, чем дети вашего соседа? Вы говорите: вредно задаваться такими задачами, кот[орых] не в силах выдержать. Я с этим совершенно согласен. Но из этого никак не следует то, что я могу, благодаря среде, друзьям, устроить себе такую жизнь, которая будет легка и будет похожа на христианскую, как это бывает во всех общинах, начиная с монастырей. Во-первых, такой жизни устроить нельзя, если она не будет вся пропитана лицемерием, а во-2-х, эта жизнь не будет христианская, а только подобие ее. Для желающего идти по пути Христа женатому человеку, по-моему, есть только два христианских выхода: один, кот[орый] и вы указываете, уйти от семьи, если у него, как вы говорите, есть несомненное при-

звание и если — как я скажу — он может это сделать, не нарушив главного завета учителя — любви. Это один выход. Другой выход тот, чтобы признать свое положение бесконечно далеким от христианской жизни и, не унывая, в этом положении стремиться неустанно к христианской жизни и к освобождению себя и тех, с кем он связан, от этого нехристианского положения. И жизнь такая будет непременно полна страданий. И страдания эти надо нести, зная, что через эти страдания делается дело божие. И потому я думаю, что представление, кот[орое] имеют многие, и кот[орое] я имел когда-то, о том, что могут теперь, сейчас, сложиться условия, при кот[орых] христиане, да еще семейные, будут жить вместе, воспитывая в своей вере своих детей и помогая друг другу материально и духовно, есть одно из самых неосуществимых мечтаний, заключающее в себе, кроме того, внутреннее противоречие. Христианин всякий неизбежно должен нести свой крест, т. е. посредством борьбы с миром внести в него божью истину, — тем более тяжелый, чем более он христианин. Женатый же христианин должен нести еще более тяжелый крест, потому что он сложнее запутан и связан с миром. Единственное облегчение в этом труде для женатого христианина, кроме оставления семьи, не устройство более удобных условий жизни, а сознание того, что несомыые им страдания служат признаком исполнения им того, на что он послан в мир. И, как вы знаете, утешение это не фиктивное, а настоящее. Нельзя быть сразу на двух сторонах. Если духоборческие девушки выходят в православие и замуж за грузин, если бы даже и некоторые или даже все духоборы, ослабев в гонениях, отреклись бы от своей веры, то это доказывало бы то, что у них нет этой единственной опоры и радости — сознания исполнения дела божия, и потому им не на чем держаться и надо непременно сдаваться. Те же, кот[орые] знают, что они живут не для себя, а для исполнения дела божия, тем нельзя сдаваться, п[отому] ч[то], отказавшись от бога, им будет нечем жить. И этим-то и драгоценны гонения, что они подламывают всякие искусственные подпорки — внешне хорошей общинной жизни и вызывают наружу ту настоящую веру, кот[орой] живет человек. Это полезно и для самих людей, выводя их из самообмана, в к[отором] они часто находятся, и хорошо для дела божия. Войско в 100 чел[овек], непоколебимых и готовых умереть за свое дело, в тысячу раз сильнее миллионного войска трусов и не верующих в то дело, за

кот[орое] они сражаются. Роды всякие всегда сопровождаются страданиями, но как Хр[истос] сказал: когда женщина родит, она забывает страдания и радуется, так же и роды царства божия. Нужно быть гонениям и страданиям. Повторяю, мне, сидящему спокойно и неудостоившемуся участвовать в страданиях, жутко говорить это, но чувство, испытываемое мною при известиях о том, что делается среди не одних духоборов, но многих людей, теперь страдающих за истину, главное чувство, испытываемое мною, это радость за то, что дано мне видеть, если не участвовать, как творится дело божье. То, что я радуюсь, слыша про гонения и христианскую твердость гонимых, не мешает мне желать всеми силами помочь гонимым. Помощь, кот[орая] одна в моей власти, это — вызывание сочувствия к делу божьему в наибольшем количестве людей и в выражении сочувствия и любви к тем, кот[орые] его делают. Это я и попытался, как умел, сделать, написав статью об этом и послав ее в английские и немецкие газеты. Выразить же прямо свое сочувствие и любовь духоборам я бы очень желал, но не знаю, как это сделать. —

Простите, дорогой Александр Михайлович, если на что не так отвечал, как надо было. Пожалуйста, пишите. Не оставляйте меня своей любовью и верьте моему братскому чувству к вам.

Л. Толстой.

2 октября 95.

Печатается по листам 45—50 копировальной книги. Впервые опубликовано (отрывок) в журнале «Русская мысль» 1913, VI, стр. 71.

Александр Михайлович Бодянский (1842—1916) — бывший помещик Харьковской губ., сочувствовавший взглядам Толстого. В 1892 г. за распространение антицерковных взглядов был сослан в Закавказье, в район селений духоборов и молокан.

Ответ на два письма Бодянского: от 15 и 16 сентября, в которых он впервые высказывает мысль о необходимости начать хлопоты о переселении духоборов куда-нибудь за границу, где бы им была предоставлена возможность жить согласно их убеждениям.

180. С. А. Толстой от 3 октября.

* 181. М.^р О. Меньшикову.

1895 г. Октября 2—5. Я. П.

Дорогой Михаил Осипович, вы говорите, что не знаете, что такое разум. Разум есть то свойство нашей души, вследствие

кот[орого] мы получаем те знания, кот[орые] нам нужны для исполнения своего назначения в жизни. Разум есть основа всяких знаний, и первое действие его состоит в том, что человек сознает себя живущим. Пока человек не сознает себя живущим, он не может иметь никаких знаний. С сознания себя живущим начинаются все возможные знания. Второе действие разума состоит в том, чтобы найти смысл, цель, закон этой сознаваемой человеком жизни. Только затем и сознает человек себя живущим, что[бы] узнать, зачем он живет. Третье действие разума — в том, чтобы в тех пространственных и временных условиях, в кот[орых] сознает себя человек живущим, определить, соответственно найденному им смыслу, цели, закону своей жизни, свою деятельность. В этой своей деятельности разум совпадает с деятельностью ума, отличаясь от нее только тем, что ум безразлично направляет свою способность рассуждения на всё, что попало, тогда как разум всегда рассматривает и определяет отношения явлений только в виду достижения установленной разумом цели жизни. Разум есть орудие, данное человеку для исполнения своего назначения или закона жизни, и так как закон жизни один для всех людей, то и разум один для всех, хотя и проявляется в различной степени в различных людях. Всё движение жизни — что называют прогрессом — есть всё большее объединение людей в уясняемом разумом определении цели, назначении жизни и средств исполнения этого назначения. Разум есть сила, кот[орая] дана человеку для указания направления жизни. Жизнь есть непрерывное движение или скорее напряжение; направление же этому движению или переход этого напряжения в движение дает разум, открывая пути движения. (Всё это я говорю не гадательно, по наблюдениям над внешним миром, а [потому] ч[то] это постоянно, всякую минуту, происходит во мне и в каждом из нас. Я непрерывно чувствую потребность жить, а как жить, что делать, показывает мне разум.) Разум указывает путь движения и, так как разум один, то он неизбежно объединяет всех людей во всё более и более ясном определении цели жизни и средств ее достижения. В наше время цель жизни, указанная разумом, состоит в единении людей и существ; средства же для достижения этой цели, указанные разумом, состоят в уничтожении суеверий, заблуждений и соблазнов, препятствующих проявлению в людях основного свойства их жизни — любви. — Вот что такое разум, как я более или менее

ясно старался выражать это во всех моих писаниях последних 10 лет. Но вам это не ясно, и вы говорите мне про какой-то «мой» разум, точно я его выдумал, и желаете, чтобы я написал вам, как я «чувствую» разум. Причина такого вашего непонимания, мне кажется, заключается в том, что вы, с огромным числом людей нашего времени, полагаете, что та способность человеческого ума наблюдать, различать и определять пространственные и временные явления внешнего, материального мира, кот[орая] составляет только один частный случай всей познавательной способности человека, есть вся совокупность познавательной способности человека. Ошибка эта незаметна до тех пор, пока люди такого взгляда направляют свои мысли на явления внешнего мира, познаваемые пятью чувствами. До тех пор, пока люди такого взгляда на познавательную способность человека заняты практическими или научными вопросами: изобретением телефона, лечением чахотки и т. п. или исследованием химического состава звезд и происхождения видов и т. п., эта точка зрения, состоящая в том, что истинное знание получается только в области пространственных и временных отношений, не только не производит вредных последствий, но, напротив, дает самые блестящие результаты. Но как только люди с таким взглядом на познавательную способность человека приступают к решению вопросов самых важных, даже единственно важных в жизни человеческой — вопросов о том, что нравственно хорошо или дурно, должно и не должно, так неизбежно являются, я бы сказал, самые комические недоразумения, если бы последствия такой ошибки не были бы так губительны. Выходит то, что человеку всё больше и больше открывается познание предметов ни на что не нужных ему; ему становятся всё более и более ясными причины пятен на солнце и т. п. и всё больше и больше закрывается познание того, без чего ему жить нельзя, а именно познание того, что хорошо, что дурно, что должно и не должно. Вы говорите, н[а]п[ример], что ощущаете в себе 1) ум, показывающий вам более или менее ясно механ[ические] отношения между вещами и явлениями; 2) эстетич[еское] сознание любви к проявлениям действительности (?); 3) нравствен[ное] сознание — любви к живым существам (?) и 4) зачатки религиозного сознания — любви к миру (?), и что все эти три сознания вы ощущаете, как безотчетные волевые состояния. И что вам кажется, что эти безотчетные

сознания принадлежат роду и накапливаются в ряду поколений и тратятся.

Оказывается, что то, что вам совершенно не нужно (точно как будто на смех), познание механич[еских] отношений между явлениями и вещами, вам понятно; то же, что важно для жизни (по вашему определению), любовь к проявл[ениям] действ[ительности], любовь к жив[ым] суц[ествам] и любовь к миру, т. е. всё то, что заставляет вас действовать так или иначе, всё это совершенно непонятно для вас же самих, и тем непонятнее, чем важнее. Не могла судьба или бог так надсмеяться над нами, чтобы заставить нас жить, сознавать свою жизнь и вместе с тем скрыть от нас то, что нам нужно знать для того, чтобы жить, и открыть нам то, что нам совсем не нужно. Не вернее ли предположить, что тут наша ошибка, состоящая в том, что то орудие ума, данное нам для разрешения задач, поставленных разумом, мы приняли за всю совокупность наших познавательных способностей и хотим умом, действующим только в области пространственных и временных условий, решать вопросы духовные, внепространственные и вневременные, о том, что должно и не должно, вопросы решаемые очень легко разумом, если мы только верим в него, а не ставим на его место одно из его проявлений. Простите.

Любящий вас Л. Толстой.

На конверте: Петербург. Редакция Неделя. Михаилу Осиповичу Меньшикову.

Вариант.

Дорогой Михаил Осипович,

Очень бы хотелось коротко выяснить причину нашего разногласия, в особенности, п[отому] ч[то] та же причина моего разногласия с большим числом людей. Попытаюсь сделать это.

Человек рождается к жизни тогда, когда сознает себя живущим. Пока он этого не сознает, как ребенок, как, вероятно, Каспар Гаузер, ¹ как животное и растение, он не знает про себя, что живет, и потому не живет. И это я знаю не по каким-либо наблюдениям, опытам, сведениям, сообщенным мне другими, но знаю по себе несомненно: когда я не сознавал себя, я не знал, что живу, и не жил; когда перестаю сознавать себя (сон), я не живу. Вот это сознание себя живущим и есть разум. Он дает

жизнь. Эта самая мысль лежит в основе всей новой, не только научной философии — со времени Декарта: «*cogito, ergo sum*»,² но и в основе мышления новых людей, и лежит главн[о]е и яснее всего выраженная в евангелиях. Разум, открывая человеку то, что он живет, дает этим самым ему жизнь. Но сознание своей жизни есть только первое действие разума, за кот[орым] неизбежно следует другое: именно, вопрос о том, зачем я живу.³ Если мне дано сознавать свою жизнь, то, очевидно, для того, чтобы понять ее. И вот тут человек начинает употреблять свою способность рассуждения, к[отора]я есть действие разума, если она употреблена на разрешение вопроса жизни, и к[оторая] есть действие ума⁴, если она направлена на разрешение каких бы то ни было других вопросов, кроме вопроса о том, зачем я живу. (Ответы бывают самые первобытные, наивные, сводящиеся к тому, что живу для своего удовольствия, для произведения детей, для приобретения для них денег и т. п., но ответы всегда есть: без них не может жить человек.) Разумное разрешение — следующее действие разума — состоит в том, чтобы найти пути для достижения той цели, кот[орую] он поставил себе. Как скоро же найдены эти пути, то человек так и поступает и не может поступать иначе. Так вот в чем состоит разум и в чем его действие. Это высшая божественная сила, к[оторая] дана человеку, и, как я вам писал, она сама не двигает, но дает направление движению. Сама жизнь есть движение (воля Шопенгауера), направление этого движения дается разумом. В той степени развития, на кот[орой] мы находимся, движение это, направленное разумом, выражается любовью. Вот то простое жизнепонимание, кот[орое] я более или менее ясно высказывал во всех своих писаниях. Вы говорите, что вы не понимаете этого, а между прочим, мне кажется, понять это нетрудно, и потому я думаю, что если вы не понимаете этого, то только п[отому], ч[то] у вас есть другое установившееся не жизнепонимание, а миропонимание, кот[орое] стоит вам на дороге и мешает вам понимать. Вы отчасти и высказываете это миропонимание в вашем письме. Хотелось бы его выписать, но, надеюсь, что вы его помните. Простите меня, но это ваше миропонимание не имеет никаких оснований. Сущность его в том, что знания, почерпнутые вами из внешнего мира, наблюдения над явлениями жизни людей, животных и всего материального, познаваемого нашими чувствами мира, суть действительные, несомненные

знания, на кот[орых] зиждутся все остальные и, главное, наши знания о своих внутренних движениях. У вас есть 1) ум, 2) эстетич[еское], 3) нравств[енное] и 4) религиозное сознание, кот[орые] вам кажутся чем-то непонятным, как вы называете, стихийным, тогда как только всё это, только не так перепутанно, как это у вас, вы несомненно и твердо знаете, как сознание-разум-разумение. Разница в том, что вы считаете, что действительно, реально, доступно знанию прежде всего материальное, пространственное и временное, а что всё духовное, непространственное и невременное есть только произведение этого понятного материального мира, тогда как в действительности это как раз наоборот. Для целей практических, для устройства телефона, даже для исследования вопроса о происхождении видов, эта ваша точка зрения не только правильна, но и необходима, но для исследования самых основных вопросов жизни эта точка зрения не только неправильна, но совершенно извращает те предметы, кот[орых] она касается. Всё пространственное и временное, которое кажется столь понятным, мы в сущности не можем действительно знать. Те надетые на нас очки пространственного и временного, мимо кот[срых] мы не можем смотреть на явления материального мира, делают для нас невозможным какое-нибудь действительно, точное понимание сущности материальных явлений. Знаем мы точно и вполне только духовный мир своей жизни, того, что мы сознаем разумом. Здесь только знание полное и точное. И потому жизнь — и миропонимание будет правильное только тогда, когда исходной точкой знания будет духовный мир, а знания из области материального мира будут только выводами, добавлениями, последствиями знания мира духовного. Миропонимание же, кот[орое] будет ставить в основу знания из мира внешнего, материального, основанного на данных наших чувств, и из этих знаний будет выводить явления духовного мира, как нечто неизвестное, будет всегда сложным, неясным и путанным, как оно и есть. Вы говорите, почему у Бисмарка есть ум, а не разум? И про себя говорите: может быть, и я лишен этого свойства.

Разум есть сознание своей жизни и познания ее смысла и назначения и отыскивания пут[ей], по кот[орым] человек может исполнить это назначение. Ум есть способность видеть отношение явлений между собою и может видеть цели не разум-

ные. Разум для достижения своих целей всегда пользуется умом, но ум может быть употребляем для целей совершенно не разумных.

Впервые опубликовано (небольшой отрывок) в Б, III, стр. 436—437. Письмо написано в несколько приемов. Публикуется в двух вариантах. В записи Дневника от 6 октября 1895 г. отмечено: «Написал длинные письма: Бодянскому и Меньшикову» (т. 53, стр. 59). Письмо Бодянскому датировано Толстым: «2 окт. 95». Почтовый же штемпель на конверте посланного письма Меньшикову: «Почтовый вагон 6 окт. 1895». На основании этого помечаем письмо 2—5 октября.

Ответ на письмо Меньшикова от 24 сентября 1895 г.

¹ Каспар Гаузер — см. т. 53, стр. 516.

² Я мыслю, следовательно я существую.

³ *Зачеркнуто*: И свойство разума таково, что он не может успокоиться до тех пор, пока не получит ответа.

⁴ *В рукописи по описке стоит*: разума

* 182. А. М. Бодянскому.

1895 г. Октября 5. Я. П.

Дорогой Александр Михайлович,

Я получил ваши два первые письма и ответил на них. Надеюсь, что вы получили. Известите. Вчера же я получил в одном пакете ваши письма ко мне и письмо к Маше. С мыслями, выраженными в первом письме, о том, что в жизни людей не увеличивается свобода и не уменьшается насилие, — я совершенно несогласен и, признаюсь вам, удивляюсь, для чего вы поддерживаете такой не только не нужный, но вредный и безнравственный софизм. Я не могу с этим согласиться, п[отому] ч[то] постоянное движение вперед и нравственное совершенствование всех существ и людей, всё большее и большее объединение всех людей разумом, проявляющим любовь, как вы сами это говорите в другом месте, есть основной закон жизни, без веры, в к[оторый] не мож[ет] б[ыть] никакого смысла в существовании.

То же, что вы говорите в другом письме о заблуждении людей, признающих материю чем-то реально существующим, совершенно, по моему мнению, справедливо, и я недавно только об этом самом предмете писал письмо Меньшикову. Тоже согласен совершенно и с вашим изложением того, что есть разум. Всё это хорошо. Но если вы спрашиваете меня: продолжать ли это?

я скажу — нет. Во-1-х, п[отому] ч[то] для того, чтобы писать эти философские рассуждения надо еще больше углубиться в это, изучить всё то, что было уже сказано по этому предмету, выработать еще более точный способ выражения; во-2-х, п[отому] ч[то] таких рассуждений в этой области уже и так слишком много. Вы сами верно говорите, как сильны духоборы именно тем, что они не развращены научно искусств[енным] воспитанием.

В-3-х, главное, п[отому] ч[то] силы наши нам лучше всего употреблять на писание самых простых, доступных простым людям вещей о том, как жить и почему так жить. Вы уже, помните, писали в этом роде. И я думаю, что это самое наше дело и на него, на служение простым людям, надо нам полагать все свои силы. —

Простите, что пишу мало и плохо. Во-1-х, тороплюсь, много дела, во-2-х, вы меня напугали,¹ и боюсь, что письмо не дойдет до вас.

Любящий вас

Л. Толстой.

5 окт. 95.

Печатается по листам 62, 65 и 66 копировальной книги.

Ответ на два письма Бодянского (оба без даты, с почтовым штемпелем на конверте: «Харьков 21. IX. 1895 г.»), представляющие собою философские рассуждения — одно на девяти, другое на тринадцати страницах. В первом письме Бодянский говорит о свободе и формах насилия, во втором — о материализме.

¹ В конце своего письма Бодянский писал: «Хотелось бы получить от Вас слово по этому поводу, но не знаю, как это сделать. Дело в том, что я нахожусь в отношении получения корреспонденции во власти полного произвола здешнего жандармского начальства: захочется им иметь Ваш автограф — и ничего не поделаешь».

* 183. М. О. Меньшикову.

1895 г. Октября 5. Я. П.

Дорогой Михаил Осипович,

Прилагаю письмо Трегубова. Вставки и изменения его я одобряю, кроме пунктов 3 и 4, кот[орые] не важны.¹

Очень бы хорошо было, если бы можно было напечатать эту статью хотя в сокращенном виде.

Недели три тому назад я получил письмо от Гайдебурова ² и не отвечал ему, п[отому] ч[то] адрес его был неопределенный. Если он теперь в Петерб[урге], пожалуйста, поклонитесь ему от меня и скажите, что предложение его очень мне сочувственно, но я едва ли буду печатать эту повесть в России, да и где-нибудь, п[отому] ч[то] она далеко не кончена и стала мне противна. Попросите его извинить меня, что не отвечал ему, и поблагодарите за присланную вырезку. ³

Слезу за той ложью посредством легких искажений, умолчаний и намеков, кот[орая] распускается против вас по случаю вашей статьи о Вязем[ском], и всей душой сочувствую вам. ⁴ Мое первое впечатление, когда я читал Дознание, было то, что оно справедливо, распутывает паутину лжи, но жалко что для этого приходится говорить дурное о мертвом. Но Пушкин не прав, и одна истина дороже тьмы возвышающих нас будто бы обманов. ⁵

Любящий вас Л. Толстой.

Приписка на письме И. М. Трегубова к Меньшикову:

Сделайте мне, пожалуйста, большое одолжение.

В Петербурге есть некто г-н Маршал, ⁶ англичанин. Ему Бирюков поручил перевести статью о духоборах, а между тем я послал эту же статью для перевода в Англию. Надо остановить Маршала в его переводе. Найти Маршала можно через Ив[ана] Ив[ановича] Горбунова, к[оторый] теперь в Петербурге и, верно, теперь видится с вами. Очень обяжете.

Ваш Л. Толстой.

Дата определяется написанным одновременно письмом к И. М. Трегубову от 5 октября 1895 г.

¹ Речь идет о напечатании в «Неделе» статьи П. И. Бирюкова о религиозном движении среди кавказских духоборов и о гонении на них со стороны русского правительства. В письме своем к Меньшикову от 27 сентября 1895 г. Трегубов предлагал сделать в статье Бирюкова несколько поправок, из них третья касалась детали о посещении П. В. Веригина в ссылке его братьями, а четвертая — того, что казаков, производивших «экзекуцию» над духоборами, пришлось заменить другими, так как они «заскучали».

² Прослышав о новой повести Толстого, П. В. Гайдебуров в письме от 3—15 сентября умолял Толстого дать эту повесть для напечатания в редактируемой им «Неделе».

³ Речь идет о вырезанной из газеты «Gil Blas», № 5745 от 11 августа 1895 г., статье некоего Goutéaire'a «La religion de l'avenir d'après Zola» («Религия будущего по Золя»).

⁴ Статья Меньшикова «Дознание» («Книжки Недели» 1895, 7, стр. 191—232) разоблачала легенду о некоем князе В. В. Вяземском (1811—1892), помещике Серпуховского уезда Московской губ., как о великом подвижнике, который якобы роздал все свое имение крестьянам, жил отшельником на берегу реки Нары, питаясь добровольными приношениями крестьян, и умер в глубокой старости, никем незамеченный и не оцененный. Статья Меньшикова вызвала в печати много нападков на него и привела его в свою очередь к необходимости, в подтверждение своего «дознания», написать еще две статьи под названием «Литературное следствие» («Неделя» 1895, №№ 37 и 38), в которых, путем опубликования показаний очевидцев и раскрытия фактов из жизни «серпуховского подвижника», удалось до конца разоблачить созданную легенду.

⁵ По поводу слов в стихотворении Пушкина «Герой»:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

⁶ Джон Маршал, петербургский корреспондент английских газет; 29 июля 1895 г. он приезжал навестить Толстого в Ясной Поляне. См. письмо к нему № 203.

184. Е. И. Попову.

1895 г. Октября 5. Я. П.

Дорогой Евгений Иванович!

Сажусь отвечать письма и начинаю с вашего по пунктам. 1) Места, оспариваемые В[ладимиром] Г[ригорьевичем], пожалуй лучше выкинуть, ввиду удержания беспристрастности, непредвзятости автора. Впрочем, то или другое решение так не важно, что не стоит спорить об этом. Не забыть сказать: в «Temps»¹ появился отчет Wiseva² о книге Дрожжина в 2-х №, у меня обе вырезки — посылаю их. Вторая — очень глупая или хитрая, или и то и другое вместе. 2) Hauff'a³ сводить с Шмитом не надо. Я написал Шмиту,⁴ чтобы он напечатал, если хочет, мое предисловие, и попросил Маковец[кого]⁵ прислать его ему. Груньский и Шмит всю книгу не напечатают, а Hauff, я думаю, что найдет издателя. 3) Письмо ваше к Обществу⁶ очень мне понравилась. Непременно впишите случаи гонения (у вас забыт, кажется, Бодянский) и пришлите. Пошлите Кенворти и Шмиту и во Францию. 4) Вегетарианскую книгу⁷ хорошо делаете, что пишете. Только бы как можно короче, яснее, доступнее Афанасью⁸ и ему подобн[ым]. Очень меня тяготит писание для господ и хочется хоть половину (а то и всё) оставшееся время и силы отдавать на писание книг Афанасьям.

5) Петра Хлебника⁹ добавляйте, исправляйте, я переделывать теперь не буду. 6) В том, что вы пишете о дилеммах важно то, чтобы себя не оправдывать и в себе не отчаиваться, т. е. не сбавлять к себе требования. 7) Письмо Страхову сейчас пошлю. Целую вас.

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии с датой: «5 октября 1895 г.», подтверждаемой записью в Дневнике Толстого от 6 октября 1895 г.: «Были письма от Поп[ова]... Вчера всем ответил» (т. 53, стр. 59). Впервые опубликовано в ПТС, I, № 191, стр. 235—236.

Ответ на письма Попова от 18 и 23 сентября 1895 г., в которых он просил у Толстого совета по поводу некоторых изменений в тексте подготовленной им для печати на немецком языке своей книги «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина».

¹ «Temps» — распространенная французская газета консервативного направления.

² Теодор де Визева (Theodor de Wyzewa, 1862—1917), французский писатель, переводчик на французский язык нескольких художественных произведений Толстого, а также книги «Что такое искусство?».

³ Гауф, переводчик на немецкий язык многочисленных произведений Толстого.

⁴ См. письма №№ 165 и 176.

⁵ См. письмо № 162.

⁶ Попов написал «Открытое письмо к обществу по поводу правительственных гонений на лиц, отказавшихся от воинской повинности» и прислал его на рассмотрение Толстому. Эта статья Попова напечатана М. К. Эллидиным в Женеве в 1896 г.

⁷ Книга Е. И. Попова «Вегетарианская кухня. Составлена по иностранным и русским источникам», была издана «Посредником» в 1894 г.; 2-е издание вышло в 1895 г.

⁸ См. письмо № 174, прим. 2.

⁹ «Петр-хлебник» — драматические картины, написанные в 1894 г., см. т. 29.

185. Н. Н. Страхову.

1895 г. Октября 5. Я. П.

Дорогой Николай Николаевич,

Как жаль, что вы не устроили так, чтобы вам можно было заехать к нам. Радуюсь очень тому, что, как Маша пишет,¹ вы еще поправились. Посылаю вам письмо Попова,² к[оторый] просит меня переслать его вам. Если вы вспомните то, что ду-

мали, и напишете ему, то сделаете доброе дело. Нас теперь очень занимали гонения на духоборов. Вы, верно, слышали про это от Маши. Всё это очень радостно, как радостны страдания родов, приближающихся к концу. —

Знаю, что вы не верите этому. Я же верю и знаю несомненно, что это так. И от этого мне хорошо жить и умирать. Писание мое ужасно усложнилось и надоело мне, — ничтожно, пошло, главное, противно писать ³ для этой никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от кот[орой] никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет. ⁴

Был нездоров и потому прочел последн[ую] кн[игу] Вопр[ос] Филос[офии]. Как всё учено, умно и как всё пусто. ⁵

Прощайте, целую вас.

Любящий вас Л. Толстой.

А уж о журналах и говорить нечего, — там всё пусто и еще нахально и лживо.

Нынче приехал американец посетит[ель] и говорит, что Америка совершенно та же Россия, но только там нет мужика. Он этим хотел прельстить меня. А я подумал: я бы давно уже умер бы от тоски и отчаяния, если бы его — мужика — не было.

Впервые опубликовано: отрывок в журнале «Русская мысль» 1913, № 6, стр. 71, полностью в ТТ, 2, стр. 63. Дата определяется связью с письмом к Е. И. Попову от 5 октября 1895 г.

¹ Страхов выехал из Крыма 21 сентября и проездом в Петербург известил М. Л. Толстую в Москве, о чем она писала Толстому в письме от 24 сентября.

² Письмо Е. И. Попова, в котором он выражал желание, чтобы Н. Н. Страхов высказался о его книге «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» с литературной стороны. Страхов писал Толстому 9 октября 1895 г.: «Попову отвечаю... Книга о Дрожжине может быть бесконечно трогательна, если ее написать как следует. Я даю ему советы, как поставить точки над і. Больше ведь ничего не нужно». Эти указания Страхова Попов использовал при втором издании своей книги.

³ Следует слово: простите — густо зачеркнутое в автографе.

⁴ Речь идет о работе над второй редакцией «Воскресения». См. т. 33, стр. 348.

⁵ Запись относится к сентябрьской книжке журнала «Вопросы философии и психологии».

* 186. Т. Л. Толстой.

1895 г. Октября 5. Я. П.

Скучно без вас, милые дочери. Нет-нет и ждешь, что придет какая-нибудь и начнет говорить глупости, а все-таки мне будет приятно и успокоительно. Живем получше, повеселее, порадостнее, без напряжен[ия] дантистов и Карц[евских] яблок¹ всех сортов. Машино письмо было последнее хорошее и грустное. У нас очень осенне, и мне приятно, хотя ничего нынче не работа[л], только писал письма и с большим удовольствием читал еванг[елие] по-итальян[ски]. Всякое слово замечаешь и узнаешь новый язык. Еще приятно, что никого нет чужих. Андр[ей] всё так же мучителен. Пропадав[ия] или гармония и худое, больное лицо и вялые глаза. — Неужели так же смотреть придется на погибель Миши. Это ужасно, хоть бы умереть скорее. Всё равно надо скоро. Играл с мама в 4 руки. Целую вас.

Приписка к письму В. А. Кузминской к Т. Л. Толстой.

Датируется на основании упоминания о чтении евангелия по-итальянски (см. Дневник от 9 октября 1895 г., т. 53, стр. 60).

¹ См. письмо № 174, прим. 10.

* 187. И. М. Трегубову.

1895 г. Октября 5. Я. П.

Дорогой Иван Михайлович,

Из поправок ваших важны 1, 2 и 5, и так я написал Меньшикову¹ и так же нынче напишу Кенв[орти] и Шмиту.² Остальные я не вношу, не п[отому] ч[то] считаю их неверными, но п[отому] ч[то] они не особенно важны, а хлопот много. — По пунктам: 1) Поищу манифеста и пришлю.³ 2) Книжки вашей⁴ нет в библиотеке — искали. 3) Ваши доводы об эсперанто всегда убеждают меня. Но не настолько, чтобы я сам горячо взялся за это дело; содействовать же ему я всегда готов. Напишите такое письмо-обращение к Кенв[орти], Шмиту и еще можно послать к Шремффу,⁵ издающему журнал Wahrheit, с к[оторым] я переписывался, и я им пошлю. 4) Меня всегда трогает ваша правдивость и строгость к себе, и я только благо-

дарен вам за то, что вы сказали мне. Только бы мы во-время вырывали те семена злобы, к[оторые] не переставая сеет в наши сердца нечистый.

Прощайте, целую вас и люблю. Все наши вам кланяются и жалеют, что вас нет.

Л. Т.

Посылаю В[ладимиру] Г[ригорьевичу] письмо Bellows, к[оторое] мне б[ыло] очень неприятно. ⁶ Я ответил ему.

Дата поставлена на автографе рукой Трегубова и подтверждается почтовым штемпелем отправления: «Почтовый вагон. 6 октября 1895 г.». Об. И. М. Трегубове (1858—1931) см. т. 66, стр. 124.

¹ Речь идет о поправках в статье Бирюкова «Гонение на христиан в России в 1895 г.». См. письмо к Меньшикову № 183. Поправки 1, 2 и 5 касались деталей о происхождении духоборов и о ссылке их руководителя, П. В. Веригина, в Архангельскую губ.

² Оба эти письма неизвестны.

³ О манифесте Э. Г. Шмита см. в письме к нему № 165.

⁴ В письме от 27 сентября Трегубов просил Толстого прислать ему его «записную и адресную книжку», которую, как он думал, он оставил в Ясной Поляне при отъезде 21 сентября.

⁵ *Зачеркнуто:* и Эгиди.

Кристоф Штремпф (р. 1860), бывший лютеранский пастор, издатель журнала «Wahrheit («Истина»), выходившего с 1893 г.

⁶ См. письмо № 189.

* 188. Джозефу Эдвардсу (Joseph Edwards).

1895 г. Октября 5. Я. П.

Dear Sir,

I have received your letter and the Labour Annual. Thank you for sending it. I have looked it over and have found in it many things, that are new to me. I think, that such a book is very useful, because it makes known to each other people working the same work and not knowing their comrades.

I think, that the title of your publication is too narrow. The contents are broader. It contains not only records of the labour movement, but of the whole social reformation movement, which is going on now with so great intensity in the whole world.

The solution of the labour question will not solve the social question, but the social question includes the labour question.

And the social question can be solved only by the annulment of every kind of restraint used by one man or reunion of men over any other man or men. And this can only be done by change of public opinion. The social question will be solved only when it will be regarded by the great majority of men as base, shameful, abject and revilling a man to a beast to use violence against every other man, as to be a thief or murderer. And this opinion is more and more going to be general, and to establish this public opinion is what I have worked for with all my strength and will work for to my last day.

I will beg my daughter to put my photo in this letter if she has one.

Wishing you succes in your and our common work, I remain
yours truly

Leo Tolstoy.

17 Oct. 1895.

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо и «Рабочий ежегодник». Благодарю за его присылку. Я просмотрел его и нашел в нем много вещей, для меня новых. Думаю, что такая книга очень полезна, ибо знакомит между собою людей, занятых той же самой работой, но не знающих своих товарищей по работе.

Я думаю, что заглавие вашего издания слишком узко. Содержание его шире. Оно содержит не только сведения о рабочем движении, но обо всем движении общественного переустройства, которое так усиленно развивается сейчас во всем мире.

Разрешение рабочего вопроса не разрешает социального вопроса, но социальный вопрос включает рабочий вопрос. Социальный вопрос может быть разрешен только с уничтожением всякого вида насилия, применяемого одним человеком или соединением людей над другим человеком или людьми. Это может быть достигнуто только с изменением общественного мнения. Социальный вопрос будет разрешен только тогда, когда огромное большинство людей проникнется сознанием, что применение насилия над всяким человеком, будь то вор или убийца, есть нечто низкое, позорное и приравнявающее человека к животному. Такой взгляд получает всё больше и больше распространения, и именно ради этого, ради установления такого общественного мнения, я и работал со всем напряжением сил и буду работать до последнего дня своей жизни.

Я попрошу мою дочь вложить в это письмо мою фотографию, если она у нее имеется. С пожеланием успеха в вашей и общей нашей работе остаюсь
искренно ваш

Лев Толстой.

17 окт. 1895.

Печатается по машинописной копии из архива Н. Л. Оболенского. Дату «17 октября», следует понимать как 5 октября ст. ст. на основании записи в Дневнике Толстого от 7 октября: «написал письма Edwards'у» (т. 53, стр. 60), а также на основании подписи на посланной Эдвардсу фотографии: «October the 17/5 1895». Сохранилась также копия первой, более короткой, редакции этого письма.

Джозеф Эдвардс — основатель и редактор «Рабочего ежегодника». Ответ на письме Эдвардса от 27/15 сентября 1895 г., в котором, посылая Толстому выпуск своего «Рабочего ежегодника» на 1895 г., он просил его написать ему несколько слов для следующего тома «Ежегодника», а также прислать свою фотографию с подписью, для помещения ее в этом томе. Действительно, в выпуске «Рабочего ежегодника» на 1896 г. была помещена небольшая заметка о Толстом (стр. 225—230) и его портрет с подписью: *Wishing you success in your work and in our common work I remain yours truly Leo Tolstoy. October the 17/5 1895* («Желаю вам успеха в вашем деле и в нашем общем деле, остаюсь преданный вам Лев Толстой. 17/5 октября 1895»).

189. Джону Беллоузу (John Bellows).

1895 г. Октября 5—6. Я. П.

Dear Friend,

I received your letter¹ and the draft for ninety-two roubles, and will send it to Tchertkoff, who will forward it to its destination. I am sorry that Tchertkoff adressed himself through you to the Society of Friends, and will avow it to you, that it is very disagreeable to me, that I have something to do with this matter.² If I thought, that it is good for a Christian to have money at his disposal and that good could be done by money, I would have kept my fortune and would help people by my money. But as I think, that a Christian ought not to have any property and that it is impossible to do any good through money, I can never ask for money, nor for me, nor for anybody else. If people find right, as you do, to give their money to other men and will do it through me, as they did in the time of the famine, I will do as they wish, but I would rather not have anything to do with money matters, which are always full of sin. And this is an example of it. You are not rich, but nevertheless you gave a good sum of money with the best wishes, and this gift of yours has awakened in me very bad feelings: it seemed to me, that you must reproach me of inconsistency or in want of delicacy, if not

asking, letting others ask money for my friends from strangers, when the members of my family are rich.

Excuse me for saying all this, but I prefer to be sincere with you, because I like and esteem you very much, and have retained from our intercourse the most kind remembrances.

You have heard, I think, of the persecution of the Duchobori, that is going on in the Caucasus. I have sent a correspondence about it to my friend Mr. John Kenworthy (London) and it will, I hope, appear very soon in the English papers.

With best love, your friend

Leo Tolstoy.

Дорогой друг,

Я получил ваше письмо¹ и чек на 92 рубля и пошлю его Черткову, который перешлет его по назначению. Сожалею, что Чертков обратился через вас к Обществу Друзей и признаюсь вам откровенно, что мне очень неприятно быть причастным к этому делу.² Если бы я считал, что христианину хорошо иметь в своем распоряжении деньги и что можно делать добро деньгами, я сохранил бы свое состояние и помогал бы людям деньгами. Но так как я считаю, что христианин не должен иметь никакой собственности и что деньгами невозможно делать никакого добра, то потому не могу никогда просить денег ни для себя, ни для кого-либо другого. Если люди считают, как вы, правильным давать свои деньги другим и делают это через меня, как это делалось во время голода, я буду исполнять их желания, но я предпочел бы не иметь никакого отношения к денежным делам, которые всегда полны греха. И случай этот пример тому: вы не богаты и все же дали порядочную сумму денег с лучшим чувством, а это ваше пожертвование пробудило во мне очень дурные чувства: мне показалось, что вы должны упрекать меня в непоследовательности или недостатке деликатности, если я, хотя и не обращаюсь сам, но через других прошу денег у иностранцев для своих друзей, в то время как члены моей семьи богаты.

Простите меня, что я высказал вам всё это, но я предпочитаю быть искренним с вами, ибо очень люблю и уважаю вас и сохранил о наших беседах с вами самые хорошие воспоминания.

Вы, наверное, слышали о преследовании духоборов, происходящем сейчас на Кавказе. Я послал корреспонденцию об этом моему другу Джону Кенворти (Лондон), и она, надеюсь, скоро появится в английских газетах.

Горячо любящий вас ваш друг

Лев Толстой.

Печатается по тексту, опубликованному в книге: «John Bellows. Letters and memoirs», Лондон, 1905, стр. 263, с датой почтового штемпеля получения: «22 октября н. ст. 1895 г.». Датируем соответственно 5—6 октября 1895.

Джон Беллоуз (John Bellows, 1831—1902) — англичанин, член Общества друзей (квакеров), дважды приезжавший в Россию и бывший у Толстого в Москве. См. т. 87, стр. 334.

¹ Письмо это неизвестно.

² К делу сбора денег.

190. В. Г. Черткову от 7 октября.

191. Эугену Генриху Шмитту (Eugen Heinrich Schmitt).

1895 г. Октября 8. Я. П.

Lieber¹ Freund,

Mein Freund Popoff, der Verfasser der Biographie von Drojin, bittet mich, dass [ich] mein Vorwort zu seinem Buche, welches ich in meinem letzten Briefe ihnen durch Makovicky senden liess, niergends erscheinen lasse,¹ deswegen wiederhole ich, was ich in meinem Telegramm ² ihnen meldete: diesen Artikel nicht zu übersetzen und nicht erscheinen lassen in ihrer Zeitschrift. Den Aufsatz über die Duchoboren müssen sie jetzt schon erhalten haben. Je mehr diese Correspondenz, so wie mein Nachwort dazu, verbreitet werden, desto besser. Ihr[en] letzten Brief habe ich bekommen. Ich kenne keinen Sinjon Trejnow,³ und so ein Name existirt gar nicht. Es muss eine falsche «spelling» sein.

Ihr Freund L. Tolstoy.

8/20 Octob. 95.

Дорогой друг,

Мой друг Попов, автор биографии Дрожжина, просит меня, чтобы мое предисловие к его книге, которое я послал вам в своем последнем письме через Маковицкого, нигде не появлялось в печати,¹ и потому повторяю вам то, что уже сообщал вам в телеграмме: ² эту статью не переводить и не печатать в вашем журнале. Статью о духоборах вы сейчас, вероятно, уже получили. Чем больше распространения получит эта корреспонденция, так же как и мое послесловие к ней, тем лучше. Ваше последнее письмо я получил. Я не знаю никакого Синьона Трейнова,³ и такого имени совсем не существует. Вероятно, тут ошибка в правописании.

Ваш друг Толстой.

8/20 октяб. 95.

Печатается по тексту, опубликованному в книге Эрнста Кейхеля «Die Rettung wird kommen», Гамбург, 1926, стр. 34.

¹ Е. И. Попов просил Толстого задержать печатание у Шмита предисловия к книге о Дрожжине, опасаясь, что это может повредить распространению ее отдельным изданием.

² Телеграмма эта неизвестна.

³ О нем спрашивал Шмит в своем письме от 11 октября н. ст.

192. В. Г. Черткову от 12 октября.

* 193. Т. Л. Толстой.

1895 г. Октября 14. Я. П.

Получили вчера только вместе твои два письма ¹ и очень огорчились, — если бы можно было еще огорчиться о чем-нибудь, касающемся Андр[ея]. Он вчера только бессмысленно, безумно нагрубил за обедом и ушел и пришел довольный собой. Я только жду того, когда уничтожатся всякие связи родственные между ним и мамá и нами всеми. Единственный шанс спасения для него, это — остаться одному, свободному. И это я говорю не из эгоизма, а зная, [что] сознание связи — теперь уже воображаемой — с нами толкает его в пропасть. Вином пахнет от него каждый день, и все вечера он где-то. Маша сейчас, 3 часа дня, уехала с ним в Житовку ² к Чекулихиной матери, а мы с мама и Сашей идем на Козловку. Ветер, но тепло. Я ничего не делаю, кроме чтения итальянского. Читаю Царство божие ³ и очень интересно и полезно. Мама завтра едет к тебе с ночным. Мне вы, дочери, и такие, какие есть, очень хороши, и я за вас благодарю всегда бога. Целую тебя, милая. Не робей по ночам, и не худей, и не ударь в грязь вегетарианством. Но и не предавайся легкомыслию.

Мишу целую. Помогай ему просыпаться и не гибнуть.
Л. Т.

Дата определяется содержанием и словами в тексте: «Мама завтра едет к тебе с ночным»; согласно записи в дневнике С. А. Толстой от 15 октября 1895 г.: «Я поехала вечером в Москву».

¹ Эти письма неизвестны.

² Деревня Житово (или Житовка) Тульской губ. Крапивенского уезда, в 13 км. от Ясной Поляны.

³ Толстой читал «Царство божие внутри вас» в переводе на итальянский язык Софии Бер: «Il regno di dio è in voi», Рим, 1893.

194. С. А. Толстой от 16 октября.

195. А. Л. Толстому.

1895 г. Октября 16? Я. П.

Андрюша,

Хотя я обещал тебе больше не обращаться к тебе, но дожидаться, пока ты не обратишься ко мне за советом (я и продолжаю ждать этого), я все-таки пишу тебе, во-1-х, пот[ому] что меня слишком мучает твое положение, я не переставая думаю о нем; во-2-х, пот[ому] что есть недоразумение в твоём понимании сказанных мною тебе слов, и надо исправить его, чтобы не вводить тебя и других в заблуждение, и в-3-х, пот[ому] что я надеюсь, что письмо тебе будет легче прочесть и хорошенько понять, чем слова. Очень прошу тебя, прочти внимательно и подумай хорошенько о том, что я пишу.

Недоразумение, о кот[ором] я говорю, состоит в том, что ты мои слова о том, что по моему мнению совершенно всё равно: жениться на принцессе или крестьянке (я даже считаю лучше на крестьянке, чем на принцессе), ты принял за мое согласие на то, чтобы ты женился на Ак[улине] Макаровой¹ в том состоянии, в кот[ором] ты находишься теперь. Я не только не могу быть согласен на это, но считал бы свое согласие или даже равнодушие к такому поступку с твоей стороны величайшим грехом перед тобой, перед той девушкой и, главное, перед богом. Я тогда же тебе сказал, что жениться — всегда можно, и даже должно, если молодой человек чувствует, что он без жены не может жить чисто или так влюблен, что теряет спокойствие и способность что-либо делать, но что женитьба и знакомство с Бибиковым,² Бергерами,³ и питье водки с ними и крестьянами, и игра на гармонии не имеют ничего общего с женитьбой. Напротив, такое настроение и препровождение времени и, главное, непрерывающее при этом одурманивание себя вином показывают, что человек никак не может жениться, будучи в таком состоянии. Для того, чтобы сделать покупки, собратся на охоту, написать письмо, человек должен быть в трезвом, ясном состоянии; для того же, чтобы жениться, сделать самое важное дело в жизни, кот[орое] делается только один

раз, нужно тем более полную ясность головы и устранение всего того, что может отуманить суждение и развлечь внимание. Ты же, напротив, с тех пор как хочешь жениться, не переставая усиленно одуряешь себя всеми средствами, табаком, вином, гармонией, всякого рода суетой, при кот[орой] ты ни на минуты не можешь оставаться спокойн[ым] один со своими мыслями. Так что это твоё состояние показывает то, что ты не только не обдумал всё значение того поступка, кот[орый] ты хочешь совершить, но, напротив, хочешь не думать о нём, хочешь заставить себя забыть об его значении, и то, что тут дело не в женитьбе, а в неестественном возбуждении, в кот[ором] ты находишься и которое тебе всеми силами надо стараться прекратить, пот[ому] что такое искусственное возбуждение никак не прекратится женитьбой, а будет только возрастать и возрастать и доведет тебя до погибели. И потому я не только не могу быть согласен на твою женитьбу теперь, но, напротив, счел бы это самым решительным шагом к погибели, после которого возврат к хорошей жизни едва ли был бы возможен. Женитьба твоя теперь, по всем вероятностям, сделала бы то, что ты через неделю, а может и раньше, очнулся бы не только с нелюбимой, но с ненавидимой, возбуждающей отвращение женой на шее (так всегда это бывает при одном чувственном сближении) и в руках жадных и грубых родных жены, кот[орые] не выпустят из рук тебя с тем состоянием, кот[орое] у тебя будет. При взятой тобой привычке вином заглушать неприятности, с помощью тех же родственников, с кот[орыми] ты и теперь пьешь, пьянство совсем овладеет тобой, и страшно подумать о том несчастном положении, в кот[ором] ты, наверное, будешь через два, три, много — через 5 лет, т. е. в те года, когда тебе только бы следовало начинать жить семейной жизнью, если уж тебе так необходимо жениться.

И потому повторяю тебе то, что я сказал, когда сказал, что всё равно: жениться на принцессе или на крестьянке, именно то, что прежде чем тебе думать о какой-либо женитьбе, тебе надо успокоиться, прийти в нормальное состояние, в такое, в котором ты бы мог общаться с людьми тебе близкими, мог бы спокойно думать, мог бы не оскорблять самых близких тебе людей, главное, мог бы работать, делать какое-нибудь дело и прожить так не неделю, месяц, а по крайней мере год или два. Для этого же главное, что тебе нужно, это — перестать пить

вино, а для того, чтобы не пить его — перестать общаться с теми, кот[орые] его пьют. Богом дана человеку бессмертная душа и для руководства этой души — разум. И вот человек придумал средство заглушать этот разум, чтобы душа оставалась без руководства. Это делает вино. И от этого это ужасный не только грех, но обман, пот[ому] что душа без руководства всегда заведет человека в такое положение, что он страшно страдает. — И ты уже начинаешь страдать, и я уверен, что ты страдаешь, и очень, тем, что ты мучаешь свою мать (я знаю, у тебя доброе сердце и ты любишь ее), страдаешь и сознанием своего падения, кот[орое] ты хочешь скрыть от себя. Не старайся скрывать, а сознайся сам себе, покайся перед богом и с его помощью начни новую жизнь, в которой поставь себе главной целью себя самого, свое исправление, свое нравственное усовершенствование. Для достижения же этой цели советую тебе четыре вещи: 1) главное, воздержание от всего огуманивающего разум, в особенности от всякого алкоголя; 2) общение с людьми выше себя по образованию, уму, даже обществен[ному] положению, по состоянию даже, а никак не с низшими себя; 3) перемена внешняя условий жизни — уехать куда-нибудь от тех условий, в кот[орых] жил дурно, а никак не оставаться в них, и 4) воздерживаться от увеселений и развлечений и не бояться скуки на первое время. Это для того, чтобы найти дело, взяться за него и полюбить его. Дьявол забирает нас хитростью, и нам надо хитростью бороться против него. И вот эти 4 правила — такие хитрости, они уничтожают его козни. Впрочем, если и захочешь жить хорошо, то найдешь сам, что тебе нужно. Where is a will is a way.⁴ Только бы ты понял, кто ты такой. Только бы ты понял, что ты сын божий, кот[орого], любя, бог послал в мир для того, чтобы ты делал там ему угодное дело, и для этого дал тебе и разум и любовь, которые наверно дадут тебе счастье, если ты только будешь развивать, а не заглушать их.

Любящий тебя Л. Толстой.

Впервые опубликовано в книге «Лев Николаевич Толстой», юбилейный сборник, «Груды Толстовского музея», М. — Л. 1928, стр. 65.

Дата определяется предположительно на основании слов в письме к Л. Л. Толстому от 19 октября 1895 г.: «Андрюше я написал письмо об его жизни и нынче целый день писал Мише», и в письме к М. Л. Толстому от 16—19 октября: «Я сейчас написал и ему» — сыну Андрею.

Андрей Львович Толстой (1877—1916) — четвертый сын Л. Н. Толстого. См. т. 83, стр. 246.

¹ Акулина Макарова, крестьянская девушка из деревни Ясная Поляна.

² Владимир Александрович Бибииков. См. письмо № 174, прим. 6.

³ Вероятно, Иван Александрович Бергер или его брат, который впоследствии был управляющим имением Андрея Львовича Толстого Таптыково в Тульской губ.

⁴ Кто захочет, тот найдет и путь.

* 196. Е. И. Попову.

1895 г. Октября 16—17. Я. П.

Я всё сделал, как вы желали. ¹ И согласен на всё, что предлагаете. Получил нынче папку В[ладимира] Г[ригорьевича]. Нынче получил хорошее письмо от Шк[арвана].

Л. Т.

Печатается по листу 106 копировальной книги.

Дата определяется указанием в тексте письма: «Нынче получил хорошее письмо от Шкарвана» — почтовый штемпель на конверте письма Шкарвана: «Тула 16/X 1895 г.».

Ответ на телеграмму и письмо Е. И. Попова от 8 октября, в которых он предлагал Толстому не давать своего согласия на отдельное печатание его предисловия к книге «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина», чтобы этим не повредить распространению самой книги.

¹ См. письмо № 191, прим. 1.

197. И. И. Худякову.

1895 г. Октября 16—17. Я. П.

Иван Иванович,

Благодарю вас за ваше письмо, в котором вы извещаете меня о положении наших гонимых братьев. Я радуюсь всякому известию о них; живу с ними душою и жалею только о том, что не могу быть с ними и телом. Дай бог им послужить ему своею твердостью и кротостью в гонениях. Я послал в иностранные газеты составленную Павлом Ивановичем записку о всем случившемся с братьями, с своим письмом, и мне отвечали, что

будет напечатано в самых распространенных газетах; но до сих пор еще не появлялось. Описание того, как переносят христиане гонения и как исповедуют истину, может открыть глаза многим, и потому я думаю, что опубликование всего, что было, будет на пользу. Имеете ли вы сношение с теми, которые сидят, и нельзя ли чем облегчить их положение? Сейчас получил из Австрии письмо от военного врача, который отказался от военной службы и за это сидит в тюрьме — и из тюрьмы исповедует истину с бóльшей силой, чем исповедуют ее люди на воле. Передайте мою любовь всем братьям.

Лев Толстой.

Печатается по листам 111 и 112 копировальной книги. Впервые опубликовано по рукописной копии, в «Летописях», 12, стр. 65. Дата определяется упоминанием в письме о получении «сейчас» письма из Австрии от «военного врача» — Альберта Шкарвана; письмо со штемпелем: «Тула 16/X 1895 г.».

Иван Иванович Худяков (р. ок. 1874) — сектант-духобор. В 1895 г. отбывал военную службу в нестроевой команде в Тифлисе. В 1898 г. Худяков был сослан на поселение в Якутскую область вместе с другими духоборами (в числе семидесяти). В 1905—1906 гг. был амнистирован и уехал в Канаду «к своим братьям».

Ответ на письмо Худякова от 1 октября 1895 г., в котором он сообщал Толстому сведения о положении преследуемых царским правительством духоборов.

* 198. М. Л. Толстому.

1895 г. Октября 16—19. Я. П.

Пишу тебе, Миша, а не на словах говорю, то, что хочу передать тебе, п[отому] ч[то] между нами, мною и тобой, в нашем личном общении установилась как бы какая-то непроницаемая преграда — стена, через кот[орую] нам нет никакой возможности общения. И оттого, что эта стена существует, мы всё дальше и дальше расходимся между собой, так что мы стали так далеки, что нам уж трудно понимать друг друга. Вот, чтобы сломать эту стену и передать тебе то очень важное, что я имею передать тебе и без чего тебе будет становиться всё труднее и труднее жить, я и пишу тебе это письмо. Пожалуйста, внимательно прочти его и подумай об его содержании.¹ Стоит того это сделать уж только п[отому], ч[то] я с трудом удерживаемыми слезами и

умилением в сердце пишу его, стараясь высказать все то, что я мучительно перечувствовал и передумал многими бессонными ночами это последнее время. То, что я пишу здесь, относится и к Андриюше и ко всем молодым людям, находящимся в твоём положении, хотя пиша имею перед собой одного тебя и с тою естественною любовью, к[оторую] я чувствую к тебе, обращаюсь к тебе одному. Не обращаюсь же я к Андриюше, п[отому] ч[то] он уж слишком далеко ушел по тому губительному пути, по кот[орому] идешь и ты, и я менее надеюсь на то, чтобы он вполне понял меня и мои слова так же, как я их понимаю, и вник в их значение. Мы с вами похожи на двух людей, кот[орые] идут в разные стороны, встретились и разошлись, и чем дальше идут, тем больше расходятся, так что приходит время, когда они уже не могут или с трудом могут слышать друг друга. Ты еще, я надеюсь, на таком расстоянии от меня, что можешь еще услышать мой голос, но Андриюша уже так далек, что меньше вероятия, чтобы он меня услышал. Но чем он дальше, тем ему нужнее услышать, и потому кричу, сколько сил есть, кричу и ему, и не отчаиваюсь, чтобы он услышал меня и вернулся или хоть бы остановился. Я сейчас написал и ему, но написал относящееся более к тому тяжелому положению, в к[отором] он находится. Тебе же пишу, надеясь предупредить это положение.

Все молодые люди твоего возраста,² живущие в тех условиях, в к[оторых] ты живешь, все находятся в очень опасном положении. Опасность эта состоит в том, что в том возрасте, когда складываются привычки, к[отор]ые останутся навсегда, как склад[ки] на бумаге, вы живете ³ без всякой, без всякой нравственной, религиозной узды, не видя ничего, кроме тех неприятностей учения, к которому вас принуждают и от кот[орого] вы стараетесь так или иначе избавиться, и тех всех самых разнообразных удовлетворений похоти, кот[орые] вас привлекают со всех сторон и кот[орые] вы имеете возможность удовлетворять. Такое положение вам кажется совершенно естественным и не может казаться иным, и вы никак не виноваты, что оно кажется вам таковым, потому что в нем выросли, и в таком же положении находятся ваши товарищи, — но положение это совершенно исключительно и ужасно опасно. Ужасно опасно оно п[отому], ч[то] если поставить всю цель жизни, как она у вас, у молодых людей, когда похоти эти внове и особенно

сильны, то непременно, по очень известному и несомненному закону, — выйдет то, что для того, чтобы получать то удовольствие, кот[орое] привык получать от удовлетворения похоти: сладкой еды, катанья, игры, нарядов, музыки, надо будет всё прибавлять и прибавлять предметы похоти, п[отому] ч[то] похоть, раз уже удовлетворенная, в другой и третий раз не составляет уже того наслаждения, и надо удовлетворять новые — более сильные. (Существует даже закон, по к[оторому] известно, что наслаждение увеличивается в арифметич[еской] прогрессии, тогда как средства для произведения этого наслаждения должны быть увеличены в квадратах.)

Так это всегда и идет: сначала ягоды, пряники, простые игрушки, потом конфеты, водицы, велосипеды, лошади, потом колбаса, сыр, вино, женщины. И так [как] из всех похотей самая сильная половая, выражающаяся в влюблении, ласках, онанизме и совокуплении, то всегда очень скоро доходит до этого, всегда одного и того же. И тут, когда эти наслаждения уже нельзя заменить чем-нибудь новым, более сильным, то начинается искусственное увеличение этого самого наслаждения посредством одурманивания себя — вином, табаком, чувственной музыкой.

Это путь такой обычный, что по нем, за редкими исключениями, идут все молодые люди, и богатые и бедные, и если во время останавливаются, то отправляются к настоящей жизни более или менее искалеченные, или погибают совершенно, как погибли на моих глазах сотни молодых людей и как погибает на моих глазах Андрюша. Это — опасность, предстоявшая и предстоящая теперь всем молодым людям, и богатым и бедным, но ясно, что эта опасность больше для людей богатых, к к[оторым] вы принадлежите, п[отому] ч[то] они скорее могут удовлетворять свои похоти и потому скорее наскучить первыми и дойти скорее до конца: женщин и одурманивания вином и чувственной музыкой; но опасность эта особенно велика именно в наше время, когда старые правила жизни, старые идеалы жизни разрушены для большинства вашего брата, а новые правила и новые идеалы не только не признаются обществ[енным] мнением, но, напротив, выставляются чем-то странным, смешным и даже вредным.

Я, как очень увлекающийся человек, прошел в моей юности через этот постепенный ход удовлетворения похоти, но у меня,

как и у всех молодых людей нашего времени, были очень определенные правила и идеалы. Правила были очень глупые, аристократические, но они сдерживали меня. Для меня, н[а]п[ри-мер], мысль о том, чтобы делать то, что вы делаете, — пить с мужиками и кучерами водку или перед людьми выказать свое пристрастие к крестьянской девушке, было так же невозможно, как украсть или убить. Идеалы же жизни были такие, при кот[орых] я должен был продолжать жизнь, кот[орую] вели отец и дед, т. е. составить себе видное и уважаемое общ[ественное] положение, и для этого должен был быть утонченно образован, как они, и так же мнимо благороден. Идеалы эти теперь кажутся мне дикими, вероятно и тебе тоже, но идеалы были во мне так тверды, что удерживали меня от многого и отвлекали от всего того, что мешало достижению их. Есть еще семьи наши дворянские, в к[оторых] еще живы такие идеалы и держат в узде молодых людей. Я думаю, и ты знаешь таких. Идеалы эти несвоевременные и должны разрушиться, и потому молодым людям, воспитанным под их влиянием, придется во многом разочароваться в жизни и пострадать, но воспитываться им лучше. Они не погибнут в цвету, как можете погибнуть вы, не имеющие никаких идеалов.

Ваше положение — и таких, как вы, очень много — очень страшно именно п[отому], ч[то] вы не признаете никаких ни правил, ни идеалов, и потому, как на рельсах, катитесь под крутую горку похотей и неизбежно вкатываетесь в вечно одно и то же болото, из кот[орого] почти нет выхода, — женщины и вино.

Спасение от вашего положения есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти себе идеалы, т. е. то, чем хочешь быть, и жить так, чтобы достигнуть того, чем хочешь быть.

Ваше положение тем ужасно, что если вы честные люди, не лжете зачем-нибудь перед самими собой, то вы знаете, что прежние верования, те, кот[орым] вас учат в гимназиях под названием закона божия, — есть бессмыслица, в к[оторую] никто не верит, знаете тоже, что те аристократ[ические] идеалы, по кот[орым] надо быть исключит[ельным] человеком, лучше, образованнее, утонченнее других для того, чтобы управлять толпой, знаете, что эти идеалы устарели и разбиты, ⁴ видите, что все вокруг вас живут без всяких правил и идеалов, кроме

того, чтобы жить как можно веселее. Если вы и слышите или видите, что есть какие-то люди, кот[орые] что-то исповедуют странное, ходят скверно одетые, едят дурно, не пьют, не курят, то по всему, что вы видите, слышите и читаете даже про них, вы убеждаетесь, что это какие-то чудачки, от кот[орых], вы вперед решаете, что ничего нужного вам не узнать. И потому не интересуетесь ими. Так это для всех молод[ых] людей нашего времени, для тебя же и Андриюши и всех наших уже несомненно решено, что вы везде можете искать решение вопросов, возникающих в вас, но только не среди темных.⁵ Они чудачки, и всё. Во мне же вы видите писателя, к[оторый] прекрасно написал бал, и скачки, и охоту, но кот[орый] что-то странное и неинтересное говорит и пишет теперь и никак уж не укажет того, что нужно нам, простым молодым людям, делать. Вы, близкие мне, особенно тупы и жестоки в этом отношении. Вы — как люди, стоящие слишком близко к предмету и потому не видящие его, тогда как им только стоит протянуть руки, чтобы взять его.

Вот это-то мне особенно больно, и вот это-то самое разъединение между нами — мною и всей молодежью — разъединение, искусственно устроенное врагами добра, и хотелось бы мне разрушить этим письмом. Толстовцы, темные, Поша, Чертков, чудачки, вегетарианство, оборвашки, религии, горшки носят: и готово и всё решено. Решено, что всё это фантазии, непрактичные, неприложимые вообще к жизни, годные для чудачков, но никак уже не для нас, для простых молодых людей, не желающих ничем отличаться и желающих жить, как все. Вот этот-то взгляд на то, что я исповедую, на то, на что я посвятил все свои силы и посвящая до конца своих дней, особенно мучительно мне.

Ведь исповедую и проповедую я то, что проповедую, не п[отому] ч[то] это мне нравится, а п[отому] ч[то] я знаю, что это одно может спасти людей, и именно вас, начинающих жить молод[ых] людей, от тех несчастий, в кот[орые] вы наверняка лезете, и дать вам то истинное благо, кот[оторого] вы сами желаете; только от того, что то, что я исповедую и проповедую, одно только практично и просто и легко среди тех фантастических, сложных и трудных, невозможных целей, к[оторые] вы ставите себе.

Ведь то, что не я один исповедую и проповедую, а то, что исповедывали и проповедывали Хр[истос] и все лучшие люди

мира, состоит в том, чтобы указать вам бедствия вашей жизни, в кот[орые] вы, не видя их, лезете, как бабочки на огонь, и ваше предназначенное вам благо, кот[орое] вы, не зная, где оно, безжалостно губите и топчете ногами. Вы живете, не имея определенного направления жизни, кроме того, в к[оторое] влекут вас — нынче сюда, завтра туда — ваши похоти, а так нельзя жить. И вот то учение Христа, к[оторое] я исповедую, дает вам направление, указывает путь жизни, тот путь, по к[оторому] людям легко и радостно идти, и всякое отклонение от которого наказывается страданиями. Дает же это учение это направление тем, что указывает смысл и цель жизни. А без этого жить нельзя, п[отому] ч[то] это одно сдерживает жизнь похо[ти].

Ведь то, что мы называем идеалами, есть не что иное, как указание цели и смысла жизни. Пускай будет у человека идеал самый низкий — хоть приобретение богатства, и это будет сдерживать похотливую жизнь. Так же будет сдерживать похоть идеал честолюбия, славолубия. Но все эти идеалы могут быть разрушены, и потому нужен такой идеал, кот[орый] бы не мог быть разрушен, и такой идеал дает нам смысл жизни, открываемый христианством.

Смысл этот в том, что жизнь наша не имеет цели в самой себе, цели, кот[орая] могла бы удовлетвор[ить] нас; цель ее вне нас и недоступна нам, и потому смысл жизни нашей в том, чтобы исполнить то, для чего она предназначена.

Для того же, чтобы узнать, для чего она предназначена, нам дан разум, свойство, соединяющее нас всех, свойство, дающее возможность воспринимать всё то, что открыто разумом тысячи лет тому назад давно не существующим [людям], и передавать то, что разум откроет нам, людям, кот[орые] будут жить тысячи и миллионы лет после нас. Следование тому, что открыто разумом и составляет смысл жизни. И следование это составляет высшее благо, доступное человеку.

И такое следование тому, что открыто разумом, не только не неопределенно и необязательно, как это может показаться для тех, кот[орые] никогда не думали о значении разума, а, напротив, очень определенно и тотчас налагает на нас очень ясные и простые обязанности. Требования разума не суть требования твоего личного разума, обдумывающего явления мира, а суть требования всего человеческого разума, выраженные для нас в словах, правилах, учении, кот[орое] нам передается.

Это не значит то, что мы должны принимать всё то, что нам передается от древних, но то, что мы должны проверять своим разумом все, что передается нам, и то, что совпадает с нашим разумом, принимать и, приняв эти требования разума, руководствоваться ими в жизни.

Так, н[а]п[ри]мер, мне передают, как нечто древнее и разумное, то, что бог состоит из троицы, и Христос — бог, и что надо причащаться и т. п. Разум мой не принимает этого, и я не ставлю эти требования в руководство своей жизни, но мне передают еще правила о том, что не надо делать другому того, что я не хочу, чтобы мне делали, или то, что все люди братья, что, т[ак] к[ак] человек [не] может дать жизни, то он не должен отнимать ее, или что человек должен постоянно стремиться к совершенствованию и, если согрешил, то не отчаиваться, а опять снача[ла] исправляться и стараться не согрешить опять, или что для блага людей нужно, чтобы они любили друг друга и прощали бы друг другу, или что нужно жалеть страдающих и помогать им, или что для блага всех людей нужно, чтобы каждый мужчина любил, как жену, одну женщину, и женщина одного мужчину, или что для блага и всех людей вместе и каждого отдельно нужно, чтобы каждый работал, а не поглощал труды других людей, или что для того, чтобы всем было хорошо, надо, чтобы каждый человек поступал так, что если бы всякий поступал так же, как и он, то счастье всех людей не уменьшалось бы, а увеличивалось, и т. п.; и такие требования древнего разума, будь они произведение китайской, индийской, древней или новой, немецкой или французской мудрости, я принимаю и ставлю их в руководство своей жизни, так как эти требования согласны с моим разумом. Такая проверка своим разумом требований древнего разума и принятие тех, кот[орые] согласны с моим разумом, и составляет то, что значит следовать требованиям разума.

С тех пор, как стоит мир, люди всё более и более накопляли эти указания разума, и теперь у нас есть эти очень определенные указания, следован[ие] кот[орым] избавляет нас от страданий и дает вам истинное благо. И вот эти-то указания разума христианского учения и есть то, что я исповедую и проповедую, и эти указания очень определенные и обязательны.

Сущность христ[ианского] учения состоит в том, что оно открывает человеку его истинное благо, состоящее в исполнении

его назначения, и указывает всё то, что под видом радостей и удовольствий может нарушить это благо. Эти мнимые радости и удовольствия христ[ианское] учение называет ловушками — соблазнами и подробно определяет их, предостерегает от них, дает средства спасения от них и взамен их обещает, кроме истинного блага, предназначенного человеку, такие еще большие радости и удовольствия [взамен тех], кот[орые], уловляя его в соблазны, губят его.

Главный и основной соблазн, против кот[орого] предостерегает учение Христа, состоит в том, чтобы верить, что счастье состоит в удовлетворении похоти своей личности. Личность, животная личность, всегда будет искать удовлетворения своих похотей, но соблазн состоит в том, чтобы верить, что это удовлетворение доставит благо. И потому огромная разница в том, чтобы, чувствуя стремление к похоти, верить, что удовлетворение ее доставляет благо, и потому усиливать похоть; или, напротив, знать, что это удовлетворение удаляет от истинного блага, и потому ослаблять стремление.

Соблазн этот, если только человек даст ход своему разуму, ясно виден ему, т[ак] ч[то], кроме того, что удовлетворение всякой похоти совершается в ущерб другим людям и потому с борьбой, всякое удовлетворение похоти влечет за собой потребность новой похоти, труднее удовлетворяемой, и так до конца, и потому для того, чтобы разум не открывал тщеты этого соблазна, к этому соблазну присоединяется другой, самый ужасный, состоящий в том, чтобы ослаблять свой разум, одурманивать его: табак, вино, музыка.

На этих двух главных соблазнах держатся все мелкие соблазны, кот[орые] улавливают людей и, лишая их истинного блага, мучают их.

Человеку дана радость пищи — вкуса, развивающегося от труда и воздержания. Корка черного хлеба съедается с большим наслаждением, если голоден, чем ананасы и трюфели, и человек устраивает себе жизнь так, что почти никогда не голоден, и пряной, жирной, искусствен[ной] пищей портит себе вкус и часто совсем лишается всякого удовольствия от еды и только страдает от пищеварения в больном желудке.

Человеку дано удовольствие упражнения своих мускулов в работе и радости отдыха, и он заставляет делать всё за себя других, лишается этих радостей и теряет способность и умение работать.

Человеку дано счастье общения с людьми, дружбы, братства, и он вместо того, чтобы пользоваться им, выделяет себя из всех своей гордостью и ограничивает свое сближение с людьми маленьким кружком большей частью худших, таких же, как он, людей. Человеку дано огромное счастье семейной любви, и он растрчивает это счастье или онанизмом или распутством.

Человеку дана высшая радость сознания себя разумным существом и он, отступая от деятельности, приписываемой ему разумом, заглушает этот разум табаком, вином, суетой и опускается на степень неразумного животного.

Таково то учение, кот[орое] я исповедую и проповедую и кот[орое] тебе и многим кажется чем-то фантастическим, туманным, странным и неприменимым. Учение это всё состоит только в том, чтобы не делать глупостей и напрасно, без всякой пользы себе и другим, не губить в себе ту божественную силу, кот[орая] вложена в тебя, и не лишать себя того счастья, кот[орое] предназначено всем нам. Учение всё состоит в том, чтобы верить своему разуму, блюсти его во всей чистоте и развивать его и, поступая так, получить благо истинное, вечное истинной жизни и, сверх того, гораздо в большей степени те самые радости, кот[орые] теперь привлекают тебя.

Ты хочешь радостей вкуса и придумываешь, что еще вкуснее и вкуснее поесть, и вкус твой всё притупляется и ты лишаешься очень скоро самых лучших из этих удовольствий.

Ты хочешь удовольствия спокойствия, отдыха и перестаешь трудиться — и физически и умственно, и теряешь способность и умение работать и от того и не знаешь истинной радости отдыха после труда.

Ты хочешь отличиться от других, возвыситься чем-нибудь, чтобы привлечь к себе внимание других, и ты, вместо внимания, вызываешь к себе зависть и лишаешься братской любви, в кот[орую] ты мог бы вступить с ними.

Ты хочешь радостей половой любви и губишь в себе возможность этой любви тогда, когда наступает ее время.

Ты хочешь скрыть от себя несогласие твоего разума с твоей жизнью для того, чтобы не нарушилось твое наслаждение благами жизни, но, заглушая разум, ты разрушаешь его и разрушаешь этим все свои человеческие радости.

Человек есть соединение двух начал: животного, телесного и разумного, духовного. Движение жизни совершается в животном

существо, оно движет жизнь и свою и продолжает эту жизнь в дальнейших поколениях; разумное, духовное существо направляет это движение. Если нет разума в существовании, то жизнь идет в нас по предназначенному ему направлению, как в животном, в растении; но как скоро в животном появился разум, разум этот должен руководить жизнью, проявляя, образуя какую-то другую жизнь, высшую, духовную. Если же разум направляется не на направление животной жизни, как это делают люди, впадающие в соблазны, так нарушаются правильные движения животной жизни.

Само собой разумеется, что заблуждения некот[орых] людей не могут нарушить течения жизни и что даже эти заблуждения нужны и приносят свои плоды в общей экономии жизни; но заблуждения эти погибельны для тех людей, к[оторые] отдаются им. Такие люди, как непрорастающие семена, кот[орые] приносят деревья.

Для разумного существа, связанного с животной жизнью, есть только два пути: путь следования разуму, подчинения ему своей животной природы, путь радостный, дающий сознание жизни вечной и радости этой жизни, и путь подчинения разуму животной природе, употребление его на достижение животных целей, путь гибельный, лишаящий человека сознания вечной жизни и даже тех радостей, к[оторые] свойственны животному.

Всё это я написал тебе затем, чтобы ты остановился и подумал, и перестал бы думать, что если ты не видишь никакого смысла в жизни, кроме удовлетвор[ения] похоти, то это не от того, что это так, а от того, что ты в заблуждении, и что подле тебя, рядом с тобой, есть указание на то заблуждение, в к[отором] ты живешь и в к[оторое] уходишь, и что тебе стоит только опомниться, чтобы увидеть это.

Писал пот[ому], главное, что мне ужасно, ужасно больно видеть, как ты и многие с тобой вместе гибнут, так страшно гибнут задаром, тогда как спасение так близко и так легко.

Л. Т.

1895. 19 окт. Я. П.

Опубликовано впервые (три небольших отрывка) в Б, III, стр. 437—438, и в книге В. А. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого», 2, М. 1928, стр. 176—177.

Письмо начато 16 октября (см. письмо к С. А. Толстой от этого числа, т. 84, стр. 241) и окончено 19 октября.

Михаил Львович Толстой (1879—1944) — младший сын Л. Н. Толстого. Учился сначала в частной гимназии Поливанова в Москве, откуда, по окончании шести классов, перешел в Катковский лицей. В 1901 г. женился на Александре Владимировне Глебовой (р. 1880).

¹ *Зачеркнуто*: и перечти его.

² *Зачеркнуто*: особенно воспитанные в той безумной роскоши, в к[оторой] ты воспитан, и особенно в наше время, и особенно в тех исключит[ельных] условиях, в к[оторых] ты находишься.

³ *Зачеркнуто*: без всякого какого бы то ни было нравственного руководства, т. е., что им[и] ничего не считается ничего для себя священным и обязательным живут и предаваясь в этой жизни всем тем похотям, к[оторые] окружают ее.

⁴ *Зачеркнуто*: что все люди равны именно

⁵ «Темными» в семье Толстых назывались лица не их круга, последователи Толстого, посещавшие Льва Николаевича.

Письмо это Толстой не послал сыну, записав в Дневнике от 24 октября 1895 г.: «Написал Мише письмо — длинное и слишком рассуждающее» (т. 53, стр. 62). Вместо него Толстой написал и отослал другое письмо от 27—30 октября (см. письмо № 211).

* 199. Л. Л. Толстому.

1895 г. Октября 19. Я. П.

Вчера получил твое письмо, милый Лева, и вот пишу. Радуюсь, что тебе лучше. Теперь, надеюсь, ты уже встал и больше не будет нужды ложиться. Огранович,¹ мне думается, верно определил твою болезнь, и советы все его тебе были на пользу. Маша рассказывает, что она видела в Москве Ваню Раевского² и что он, приеха[в] от Огран[овича], чувствует себя совсем хорошо. Я теперь в Ясной с Машей, Сашей и Верой Кузминск[ой]. Мама поехала с Таней и Мишей в Петерб[ург] слушать первое представление оперы Танеева.³ Я очень рад, что она поехала и развлечется. Горе ее изменило ее очень. Мы с ней всё более и более дружны и близки, и это для меня непрерывающаяся радость. Андрюша в Москве, поехал чтобы готовиться к экзамену. Оказывается, что его аттестат 4-го класса недостаточен для вольноопределяющегося]. Сережа с Маней уехали за границу. Мы о них имеем сведения из Киева от Кузм[инских]. Серсжа потерял бумажник с паспортом, и они должны были брать новый и пропустили время отхода парохода из Одессы. Андрюше я

написал письмо об его жизни и нынче целый день писал письмо Мише, в кот[орых] хочу заставить их оглянуться на жизнь и на ее требования. Они очень занимают меня. Делаю, что могу. Утешение, или, скорее, сверх ожидаемого радость моя — это обе милые дочери. Жаль мне, что они не выходят замуж, особенно Машу, кот[орой] натура требует этого, но вижу, что они проживут, и хорошо, или, по крайней мере, теперь живут и без брака. Я много писал свою повесть, но последнее время она опротивела мне. Fiction ⁴ — неприятно. Всё выдумка, неправда. А столько, столько наболело в душе невысказанной правды. Я это последнее время, недели две, не совсем здоров и от этого отстал от начатой работы, а хочется начать другое. Время уж осталось мало, и надо успевать сделать самое важное.

Очень интересовало меня последнее время движение среди духовоборов на Кавказе. Поша ездил туда и написал об этом записку, кот[орую] я с своей статьей об этом послал в англ[ийские] газеты. Надо бы послать это Стадлингу. Много у меня близких по духу становится людей за границей, и, хотя не следует этому радоваться, я радуюсь. Мама приезжает, если она сделает по предположенному, вернется сюда завтра 20, пробудет здесь дня три и опять в Москву, а я проживу еще здесь с девочками. Прощай пока, целую тебя. Когда же увидим[ся]?

Л. Т.

Дата определяется упоминанием о поездке С. А. Толстой в Петербург и предполагаемом возвращении ее «завтра 20».

Ответ на письмо Л. Л. Толстого от 8 октября 1895 г.

¹ Михаил Петрович Огранович, врач-невропатолог, владелец санатория для нервнобольных в селе Аляухово Звенигородского уезда Московской губ., где с 21 февраля по май 1895 г. лечился Л. Л. Толстой.

² Иван Иванович Раевский (1871—1931), сын друга Л. Н. Толстого, Ивана Ивановича Раевского старшего (1833—1891), земский деятель. В его имении Бегичевка Данковского уезда Рязанской губ. Толстой жил, работая на голоде 1891—1892 гг.

³ Сергей Иванович Танеев (1856—1915), композитор, профессор Московской консерватории. Первое представление его оперы «Орестея» состоялось в Мариинском театре в Петербурге 17 октября 1895 г.

⁴ Вымысел.

* 200. П. М. Ахременко.

1895 г. Октября 7—20. Я. П.

Павел Михайлович,

Я очень рад буду помочь вам, т. е. постараться найти вам место на железной дороге, но я не вижу причины, почему вам не продолжать быть учителем. Почему взгляды детей так тревожат вас? Я думаю, что для того, чтобы взгляды эти перестали так действовать на вас, вам надо сблизиться, если не со всеми, то с некоторыми из детей, сблизиться вне уроков, войти в их интересы, постараться быть им полезным и приятным в жизни.

Попробуйте это. Я думаю, что такое сближение должно прекратить испытываемое вами чувство. Желаю вам душевного спокойствия, которое приобретается преимущественно посредством любви. Полюбите детей, и вы будете радостны и спокойны.

Лев Толстой.

Печатается по листам 109 и 110 копировальной книги. Дата определяется, с одной стороны, почтовым штемпелем письма адресата: «Тула 6-X 1895 г.», с другой — местом письма в копировальной книге перед письмом к Е. Е. Лазареву от 21 октября.

Павел Михайлович Ахременко (р. 1874) — учитель городского училища в г. Везенберге Эстлянской губ.

Ответ на письмо Ахременко от 2 октября 1895 г., в котором он писал Толстому о сознании своей непригодности к должности учителя и просил найти ему другую работу.

* 201. М. Ф. Кудрявцевой.

1895 г. Октября 20. Я. П.

Получил ваше письмо, дорогая М[арья] Ф[едоровна], и хочется, если не успею написать, хоть поблагодарить вас за него. Радуюсь тому, что вы сошлись с друзьями в Нальчике. Я живу по-старому. Наши вас приветствуют.

Любящий вас Л. Т.

Печатается по листу 106 копировальной книги. Дата определяется по ответному письму адресата от 25 октября 1895 г., написание которого совпало с получением письма Толстого: «Только собралась писать вам... как вдруг получаю... весточку от вас».

Ответ на письмо Кудрявцевой из станицы Кавказской от 27 сентября 1895 г., в котором она пишет о посещении ею земледельческой колонии в Нальчике.

* 202. Е. Е. Лазареву.

1895 г. Октября 21. Я. П.

Дорогой Егор Егорович,

Я очень рад возобновлению общения с вами. Я знал про вас и радовался тому, что вы на свободе и в Англии. На вопросы ваши отвечаю следующее:

Статья *New York World*¹ состоит из выписок из книги, изданной в Берлине по-русски: Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина, составленная Е. Поповым. К книге этой присоединено мое предисловие. Выписки эти сделаны очень дурно, с прибавлениями составителя, так что ни в каком случае статья [об] этом не может быть приписываема мне и подписание ее моим именем есть обман. Я очень рад, что сведения эти распространяются, но мне неприятно, что написанное не мною подписывается моим именем, и если вы найдете это нужным, пожалуйста заявите об этом в англ[ийских] газ[етах], опираясь на это письмо. Что касается до известий из *Central News*² — то это всё выдумка, и ничего подобного не случилось. Как вы живете? Хорошо ли вам? Не могу ли чем быть вам полезным. У меня осталось самое хорошее воспоминание о вас. Мы часто с сыном³ вспоминаем о вас.

Любящий вас Л. Толстой.

21 октября ст. ст. 95.

Печатается по листам 113 и 114 копировальной книги.

Егор Егорович Лазарев (р. 1855) — крестьянин Самарской губ., знакомый Толстого с 1883 г. В 1874 г. был арестован за революционную пропаганду. В 1890 г. из Восточной Сибири бежал за границу. См. т. 83, стр. 386.

Ответ на письмо Лазарева из Лондона от 24 октября н. ст. 1895 г., в котором, напомнив Толстому о своем знакомстве с ним в 1883 г. в Самарской губ., он спрашивал, действительно ли принадлежит Толстому подписанная его именем статья в «*New York World*» и верны ли перепечатанные во всех английских газетах сведения о взрыве артиллерийских казарм в Туле.

¹ Статья в газете «*New York World*» от 25/13 сентября 1895 г. озаглавлена: «Граф Толстой сообщает об ужасных русских жестокостях. Заключение подвергается пыткам, истязаниям, голоду, одиночному заключению, многие избиваемы до смерти — все ради дисциплины».

² «*Central news*» — центральное агентство в Лондоне, куда стекались новости со всего мира и сообщались в газеты Англии и Америки.

Сообщение носило заголовок: «Русские казармы взорваны, потеря многих жизней. Нигилисты арестованы».

³ Сергеем Львовичем Толстым, который вместе с отцом ездил в 1883 г. на кумыс в Самарскую губ. и там познакомился с Лазаревым.

* 203. Джону Маршаллу (John Marshall).

1895 г. Октября 21. Я. П.

Чертков просит известить вас о том, что предпринять с вашим переводом ст[атьи] Бирюкова. Бирюков пишет мне, что вы ваш перевод послали в Америку. Если это так, то это очень хорошо, т[ак] к[ак] статья уже вышла в Times.¹ Неприятно и вредно для дела могло бы быть только появление статьи в прежней редакции, раньше статьи в Times. Теперь же это затруднение устранено. Если тут произошло недоразумение, произведшее вам неприятность, то могу только повторить слова Черткова о том, что прошу вас извинить меня, если чем-либо был тому причиной.

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам
Лев Толстой.

21 окт. 95.

Печатается по листам 115 и 116 копировальной книги.

Джон Маршалл — корреспондент английских газет в Петербурге, предлагавший Толстому свои услуги для перевода его сочинений на английский язык.

Письмо вызвано тем, что П. И. Бирюков предложил Маршаллу перевести на английский язык его статью «Гонение на христиан в России в 1895 году», в то время как Толстым этот перевод был уже поручен Кенворти. См. письмо к В. Г. Черткову от 7 октября (т. 87, № 403).

¹ Статья Бирюкова с послесловием Толстого была напечатана в английской газете «Times» от 11—23 октября 1895 г.

204. Е. И. Попову.

1895 г. Октября 24—25. Я. П.

Ваша статья¹ мне так понравилась, что я попросил К. Бооль,² к[оторая] б[ыла] у нас, перевести ее по-немецки, что она и сделала. Статья у меня, и если бы вы вписали туда

описание гонений, я бы послал ее Шмиту или Грунск[ому]. Маков[ицкий] прислал мне книжечку жизнь и см[ерть] Др[ожжина] по-немецки в переводе Гауфа.³ Вы, верно, получили тоже. Страхов⁴ пишет мне, что написал вам. Примите к сведению его советы. А главное, сами поостроже относитесь к своей работе и исправьте 2-е издание.⁵ Великое дело: слово, выражение мысли. Выкинуть надо многое из сырого материала. Он ведь писал для себя.⁶ Если бы он думал, что всё, что он пишет, напечатается, он бы обдумал всё. Как написать Веригину⁷ в Обдорск? Мне хотелось бы. Прощайте пока. Люблю вас.

Л. Толстой.

Печатается по листу 121 копировальной книги. Впервые опубликовано в ПТС, II, № 431, стр. 164, с датой: «1895 г., ноябрь?». Датируется предположительно на основании пометки на рукописной копии рукой Е. И. Попова: «Почт. штемпель, 25 октября».

¹ Статья Е. И. Попова — «Открытое письмо к обществу по поводу правительственных гонений на лиц, отказавшихся от воинской повинности». См. письмо № 184, прим. 6.

² См. письмо к К. К. Бооль № 222.

³ См. письмо к Е. И. Попову № 184, прим. 3.

⁴ См. письмо к Н. Н. Страхову № 185, прим. 2.

⁵ Второе издание книги Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» было напечатано под ред. В. Черткова в «Свободном слове» 1898, № 17, в Англии.

⁶ К книге «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» в первом издании был приложен оставшийся от Дрожжина дневник его и записки — об этих писаниях и идет здесь речь.

⁷ Глава духоборов Петр Васильевич Веригин в то время жил в с. Обдорске Тобольской губ.

205. Д. П. Маковицкому.

1895 г. Октября 24—25. Я. П.

Дорогой Душан Петрович,

Получил ваше письмо и книгу,¹ за которую очень благодарю. Очень был рад доброй вести о Шкарване. Я получил от него письмо, кот[орое] доставило мне одну из лучших радостей жизни.² Ничто так очевидно и несомненно не убеждает в том, что есть бог, и что дух, живущий во мне, есть частица его, что я есмь сын божий, по выражению Христа, как то, что этот дух, точно такой же во всех своих свойствах и стремлениях,

проявляется в другом человеке, по материальным условиям совершенно чуждом мне. Письмо Шкарвана произвело на меня это впечатление. Я хочу нынче же написать ему. Если же не успею, то передайте ему мою любовь.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по фотокопии автографа, хранящегося в отделе рукописей Национального музея в Праге. Впервые опубликовано, с незначительными пропусками, в ПТС, II, № 430, стр. 164, с датой «1895 г., октября 25». Датируется предположительно на основании пометки на копии с этого письма из архива П. И. Бирюкова: «Печать: почтовый вагон 25 окт. 1895 г.».

¹ Письмо Маковицкого неизвестно. Им была послана книга Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» в переводе А. А. Гауфа на немецкий язык.

² В письме от 11 октября Шкарван сообщал о своем выходе из тюрьмы 3 октября.

206. С. А. Толстой от 25 октября.

* 207. Т. Л. Толстой.

1895 г. Октября 25. Я. П.

Не понимаю, как это могло случиться, что я в письме ¹ ни слова не упомянул о тебе, когда я беспрестанно тебя вспоминаю, всякую минуту жду, что ты войдешь, и во сне вижу тебя. Навалившийся камень поведения мальчишек стал полегче. Андрей говорил со мной, обещал всё хорошее и говорил по-человечески и добро. Миша тоже лучше, чем я ожидал. Может быть, это влюбление и имеет свои хорошие стороны, несмотря на свою странность. С мама мы особенно хорошо дружны, и это моя большая радость. Писать не пишется, и я стараюсь не жалеть об этом. Воскресение опротивело. Если увидишь Гуревич, скажи ей (я получил ее письмо), ² что, во-первых, у меня ничего нет, и это далеко не кончено, а во-вторых, я обещал, если кончу, в «Посредник». То, что Иксуль ³ сокращает или хочет сократить Ц[арство] б[ожие], то это мне очень приятно. Это, я думаю, нужно. Сегодня чудный осенний день, и я утром поехал верхом на Миронихе в Тулу. Было очень хорошо. Поедем в Пирогово, ⁴ коли живы будем. Целую тебя. Привет Эрдели.

Л. Т.

Датируется по связи с письмом к С. А. Толстой от 25 октября 1895 г.

Ответ на письмо Т. Л. Толстой от 22 октября из Петербурга.

¹ К С. А. Толстой от 16 октября.

² От 19 октября 1895 г. См. письмо № 220.

³ Варвара Ивановна Иксуль фон Гильдебрандт (р. 1852), вдова К. И. Иксуль фон Гильдебрандта, русского посла в Италии. См. т. 69. Намёрение сделать сокращение «Царства божия внутри вас» не было приведено в исполнение.

⁴ 18 ноября Толстой уехал в Москву, не съездив в Пирогово.

208. В. Г. Черткову от 25 октября.

209. М. А. Сопоцько.

1895 г. Октября 28. Я. П.

Дорогой Михаил Аркадьевич,

Много вы мне надавали поручений: некоторые исполнены, некоторые еще нет. Пав[ла] Ив[ановича] нет в Москве, и потому не мог передать ему письмо для отсылки по почте. Он в Костроме. Кони ваши протоколы не переслал.¹ Их начали было переписывать, но потом остановились за другими делами. То, что я говорю, что много ваших поручений, не значит, что я не желаю исполнять их. Напротив, не стесняйтесь, я знаю, как в том одиночестве, в[отором] вы, много думается и потому хочется многое сделать и сообщить другим, только не сердитесь, если не все и скоро исполняем — мешают другие дела и суета жизни.

На вопросы или, скорее, допросы ваши о сочин[ительстве] ничего не буду отвечать, п[отому] ч[то] всё это праздные вопросы. Одно могу сказать и советовать вам, это то, чтобы всеми силами стараться не быть сочинителем или быть им только тогда, когда уж не быть им не можешь. Как в речи сказанное слово серебряное, а несказ[анное] золот[ое], так и в писании — я бы сказал: написанное слово оловянное, а не написанное золотое. А вы именно хотите быть писателем, выработать, как вы говорите, писательскую способность. Избави вас от этого бог. Попробуйте вот что: сказать себе, что то, что вы пишете, вы никому не покажете и предоставите опубликовать только

после вашей смерти, и пишете. Если и при этом условии будете писать, это будет настоящее. Настоящее тогда, когда я пишу преимущественно для того, чтобы самому себе уяснить свою мысль, верно ли я думаю; вроде того, как изобретатель машины делает модель, чтобы узнать, не наврал ли он. В слове это так же видно, как на модели, если кто пишет для себя, для ² уяснения самому себе своей мысли. В этом-то и ужасная разница двух родов писания: они стоят рядом и как будто очень мало отличаются одно от другого (так это во всех важных вещах — есть сама вещь, от бога сделанная, и ее подобие, сделанное дьяволом, чтобы обманывать людей), два рода писания, как будто похожие, а между ними бездна, прямая противоположность: один род законный, божеский, это — писание, писанное человеком для того, чтобы самому себе уяснить свои мысли — и тут внутренний строгий судья недоволен до тех пор, пока мысли не доведены до возможной ясности, и судья этот старательно откидывает всё, что может затемнить, запутать мысль, даже слова, выражения, обороты. Другой род дьявольский, часто совершенно по внешности похожий на первый, это — писание, писанное для того, чтобы перед самим собою и перед другими затемнить, запутать истину, и тут чем больше искусства, ловкости, украшений, учености, иностранных слов, цитат, пословиц, тем лучше. Первым способом пишет человек только тогда, когда в нем родилась мысль и как будто складывается в известную форму, но требует своего уяснения, и это бывает редко; и такое писание тяжело, мучительно часто, не дает покоя и отдыха; вторым же способом можно писать всегда, когда сядешь к столу и возьмешь в руки перо, особенно когда жизнь устроена так, что кроме этого делать нечего, и печи истоплены, и обед и платья приготовлены рабами, а я твердо уверил себя в том, что мое дьявольское, развращающее людей писание очень полезно. Это то писание, кот[орое] наполняет наши, да и все, газеты и журналы, всех возможных направлений, и кот[орое] я ненавижу всеми силами души, п[отому] ч[то] это самое сильное орудие дьявола. Избави нас бог от этого. И потому всеми силами старайтесь не быть сочинителем и разучитесь тому, чему вы уже научились в этом роде. —

Вот о писательстве; начал же писать вам, чтобы ответить вам на два очень важные пункта в вашем предшествующем письме, именно, о вашем суждении о вегетарьянстве и присяге.

То, что вы от того, что не были известным образом настроены и были захвачены врасплох и присягнули, вы сделали нехорошо, или, скорее, сделали бы лучше, если бы воздержались от лживого и унижительного и, как пример, вредно действующего на людей, менее вас развитых, поступка; но то, что вы эту свою временную слабость и ошибку оправдываете совершенно ложными рассуждениями о том, что вам легче бы было отказаться, чем присягнуть и др. — это не то что нехорошо, а очень дурно. То же самое и о вегетарьянстве. То, что вы в тех тяжелых условиях, в к[оторых] находитесь, будете есть мясо, нет ничего дурного (могло бы быть лучше, если бы вы не ели, особенно после того, как вы написали статью³), но то, что вы оправдываете себя в этом опять очень слабыми рассуждениями, это очень дурно и очень опасно. Простите меня, милый Мих[аил] Арк[адьевич], если огорчил или оскорбил вас резкостью моего суждения, но в последнем письме вы так верно и убедительно пишете, что вам в теперешнем вашем положении одиночества и внутренней усиленной работы очень важно участие и общение мыслей. Я люблю вас истинно, кроме той общей любви, кот[орую] стараюсь иметь ко всем людям, и потому мне больно было читать эти ваши рассуждения, направленные к тому только, чтобы оправдать себя, выставить себя непогрешимым, безошибочным, и только этим желанием могущие быть объяснимы. Путь этот — оправдывания себя, придумыванья рассуждений, по к[оторым] выходило бы, что всё, что я делал, всё так и должно было делать, страшно опасный путь (я объяснял этим то, что в евангелии называется хулой на святого духа), во 1-х, п[отому] ч[то] он, странно сказать, нарушает любовь, вызывает недобрые чувства к самым лучшим людям (вы это испытали и выразили в недоброжелательстве, с к[оторым] вы отзываетесь о тех, к[оторые] [не]⁴ присягали и твердо держатся непожирания живых существ), и во-2-х, п[отому] ч[то] он извращает самую святую святых нашей души, наш разум, то единственное орудие, к[оторое] мы имеем для познания воли бога или закона своей жизни, что одно и то же.

Простите и пишите.

Любящий вас Л. Толстой.

28 окт. 95.

Печатается по листам 124, 125, 126 и 127 копировальной книги. Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 143—145.

Ответ на два письма Сопоцько: от 18 сентября и 10 октября 1895 г. Первое содержало рассуждения о присяге и вегетарианстве; во втором же он просил узнать о его деле в Московской судебной палате.

¹ В письме от 10 октября Сопоцько просил переписать протоколы показаний, данных им на допросе в Туле (см. письмо № 163, прим. 1), и послать их А. Ф. Кони, который мог бы оказать влияние на исход его дела.

² *Зачеркнуто*: бога

³ См. письмо к Сопоцько от 25 декабря 1893 г. в т. 66, стр. 454—455.

⁴ Слово «не» вписано карандашом рукою М. Л. Толстой по смыслу; в подлиннике его нет.

210. С. А. Толстой от 28 октября.

* 211. М. Л. Толстому.

1895 г. Октября 27—30. Я. П.

Миша,

Большое письмо, которое я написал ¹ тебе, слишком серьезно, длинно и обще, т. е. сейчас может показаться тебе неинтересно, и потому не посылаю его тебе, а хочется высказать тебе самое важное и, как я думаю, нужное тебе и нужное именно теперь.

Твое положение плохо, потому что ты живешь без всяких религиозных, нравственных основ; в православно-аристократические или буржуазные правила общественного приличия ты не веришь — и очень хорошо делаешь, п[отому] ч[то] эти правила в наше время долго не выдерживают, а других у тебя никаких нет. И что хуже всего, это то, что другие естественные, свойственные людям в наше время религиозно-нравственные основы, которыми живут все лучшие люди мира, скрыты от тебя тем, что они совсем подле тебя в упор, так что ты не видишь их, как не видать предмета, который слишком близок к глазам. Тебе представляется, что всё то, что я исповедую и проповедую, есть что-то, хотя и не дурное, но неопределенное, неясное и неприложимое. Ты, я думаю, ни разу не заглянул ни в одну из моих книг, кроме романов, а между тем я исповедую и проповедую то, что исповедую и проповедую, только потому, что считаю это самым точным, ясным и приложимым и нужным руководством для поведения именно таким молодым людям, как ты.

Так ты и живешь без всякого руководящего начала, кроме инстинкта добра, под влиянием своих похотей, раздутых роскошной и праздной жизнью до ужасных размеров. А жить так нельзя, потому что инстинкт добра всегда заглушается похотями, и такая жизнь неизбежно приводит к страшным страданиям и к гибели самого дорогого, что есть в человеке, его души, разума. Приводит к гибели такая жизнь потому, что, если счастье жизни положено в удовлетворении похотей, то по мере удовлетворения их удовольствие всё уменьшается и уменьшается, и нужно вызывать всё новые и более сильные похоти, чтобы получать то же удовольствие. И в этом увеличении похотей всегда неизбежно доходят до двух самых сильных: женщины и вино. И тут верная гибель. Ты, вероятно, подумаешь и скажешь, что ты не предаешься женской похоти, но что ты влюблен. Не знаю, что лучше: грех с женщиной или влюбление, про которое ты думаешь. Оба хуже. Для того, чтобы влюбление было чисто и высоко, надо, чтобы оба влюбленные были на высокой, одинаковой степени духовного развития; кроме того, влюбление имеет благотворное влияние тогда, когда для достижения взаимности от предмета любви нужны большие усилия, подвиги со стороны влюбленного, а не тогда, как это в твоём случае, когда для достижения взаимности ничего не нужно, кроме гармонии и пряников, и для уравнивания себя с предметом любви нужно не поднятие себя до него, а принижение себя, такое влюбление есть не что иное, как скрытая похоть, усиленная прелестью первобытности жизни ² народа.

Последствия твоего теперешнего отношения к крестьянской девушке могут быть только такие: самое худшее: то, что ты раньше полной возмужалости, т. е. до 21— до 25 лет, женишься без венчания в церкви и, поживя так несколько времени и огрубев и умом и совестью, с помощью всегда готового к услугам, особенно в том быту, — вина, разойдешься с ней и, сознавая то, что этим совершил преступление, будешь искать забвения этого преступления в таких же отношениях с другими и опять в вине. Это самое вероятное и худшее последствие — такое, при котором совершится гибель души и тела.

Менее худшее это то, что до 25 лет, вообще до полной возмужалости, ты женишься по-настоящему, с венчанием, на крестьянской девушке и, вследствие своей невозмужалости и нетвердости, не только не возвысишь ее до более нравственного

уровня, но, напротив, сам падешь на ту степень грубости и безнравственности, в которой она жила и будет продолжать жить. Сознавая свое это падение, ты будешь пить или развратничать для того, чтобы забыться, или совсем бросишь ее. Это второй выход. Третий выход, менее худой, это то, что ты проведешь лучшие, самые важные для образования характера и привычек и самые энергические года, в которые делаются главные успехи в нравственном развитии и закладываются основы всей жизни, проведешь эти года в расслабляющем, одуряющем, лишаящем всякого движения вперед влюблении (которое в сущности есть только прикрытая воображением похоть) и потом очнешься, поняв, что безвозвратно потерял лучшие года жизни, ослабил лучшие силы, приобретая пагубные привычки одурманения себя, и затратил безвозвратно возможность будущего семейного счастья. Это самый лучший выход. Но и этот ужасен, и мне страшно предвидеть его для тебя. То же, о чем ты, вероятно, смутно мечтаешь, не отдавая себе ясного отчета о том, как это сделается, именно то, что ты женишься на предмете своей любви и будешь жить хорошей жизнью, так же мало вероятно, как то, чтобы выиграть на один билет из миллиона. Для того, чтобы это случилось, нужно, во-1-х, чтобы ты женился никак уже не раньше 21 года, следовательно не ранее 5 лет, а то и 8, 10 лет, взяв среднее, скажем 7 лет; во-2-х, то, чтобы ты в эти 7 лет не то что выучился бы играть на гармонике и плясать, а приучил бы себя ко всякому воздержанию, труду и, вместе с тем, не только не спустился бы в умственном и нравственном развитии, но поднялся и утвердился в нем для того, чтобы поднимать в этом же отношении и твою жену; в-3-х, то, чтобы ты и она в чистоте прожили эти семь лет, не переставая работать над собой.

Как ни трудно это и как ни далеко это от твоего теперешнего направления жизни, это возможно, и если ты хочешь пытаться осуществить это, то я только буду радоваться и всеми силами содействовать тебе. Но только надо начинать с того, чтобы делать всё совершенно обратное тому, что ты делаешь: во всем воздерживаться, постоянно работать над собой, заставляя себя трудиться либо для других, либо для своего совершенствования, а не для своего удовольствия, как это ты делаешь теперь.

Потребность жениться законна только в человеке вполне возмужалом, и тогда встреча с женщиной может вызвать влюбление, т. е. исключительную любовь к этой женщине, и тогда

это чувство естественно, хотя и тогда надо не подстегивать это чувство, как вы делаете, но бороться с ним. В твои же года это прямо только баловство, вызванное роскошной, и праздной, и беспринципной жизнью, и подражательн[остью]. И потому главное, что тебе нужно теперь, это то, чтобы опомниться, оглянуться на себя, на жизнь других людей и задать себе вопрос: зачем ты живешь? ³ И чего ты от себя хочешь?

Сказать себе то, что подсказывает животное, что ты хочешь себе как можно больше удовольствий, наслаждений, — и что в этом цель и смысл твоей жизни, никак нельзя человеку еще не совершенно одуревшему, не сделавшемуся совершенной свиньей, нельзя потому, что в нашем богатом быту (это наша выгода) мы сейчас же доходим до конца этих наслаждений и видим, к чему они приводят нас — сладкая еда, катанья, велосипеды, театры и т. п., всё надоедает и остается одно: женская любовь, в какой бы то ни было форме, и вино. А то и другое губит под корень душу человека. Ты скажешь: зачем же вложено в человека это сильнейшее всего другого стремление к женской любви, если человек не должен стремиться к нему? Вложено оно в нас, как ты знаешь, для продолжения рода, а никак не для наслаждения. Наслаждение же сопровождает это чувство только тогда, когда оно не ставится целью жизни. Наслаждение является, как награда, только тому человеку, который не ищет его, не ставит в нем цель жизни. Когда же человек ставит в этом цель жизни, то случается всегда совершенно обратное, он губит жизнь: разврат, болезни, онанизм или то одуряющее влюбление, которому ты предаешься, и неизбежное последствие: искалечение души и тела и неспособность ни к какому наслаждению. Вино же, табак и другие одуряющие приемы, как гармоникки, сопутствуют непременно такому настроению, потому что, затемняя разум, скрывают от человека ложность его цели. Цель эта ложная, во-1-х, потому что достижение ее губит нашу жизнь и душу и тело, и, во-2-х, потому что цель эта коротка и может быть достигнута. Ну, женишься на предмете своей любви — а потом что? Тем более, что предмет любви стареется и наступает неизбежное разочарование.

Так что на вопрос, зачем ты живешь, и чего ты от себя хочешь, никак нельзя ответить: для наслаждения; а надо неизбежно поставить себе другую цель жизни, такую, которая, во-1-х, не губила бы данную тебе жизнь и душу и тело и, во-2-х, всегда

могла бы быть достигаема и никогда не могла бы быть вполне достигнута, так чтобы к ней всегда, откуда живешь, можно было стремиться, постоянно приближаясь к ней. А такая есть цель только одна, такая, к которой невольно влечет каждого человека и которая свойственна не только тебе в 16 лет, но и мне в 67, и одинаково удовлетворяет меня, как и может удовлетворять тебя, и достижение которой ничем не может быть воспрепятствовано. Не хочется говорить, а хотелось бы, чтобы ты сам назвал эту цель, — ты, верно, догадываешься, что единственное и важное, радостное дело, в котором никогда никто не может помешать нам и которое никогда не может быть всё доделано так, чтобы нечего было больше делать, — есть только одно: свое духовное — нравственное совершенствование. Как человека с завязанными глазами направляют на путь тем, что толкают его со всех тех сторон, в которые ему не нужно идти, и оставляют одну ту, по которой ему надо идти, так и нас все наши похоти, кончающиеся разочарованием и бедствиями, толкают со всех сторон и оставляют нам открытой только одну дорогу нравственного совершенствования, и нравственного, а не физического, и не умственного, опять потому же, что могут быть условия, при которых я не могу быть сильным, ловким — я калека, — могут быть условия, при которых я не могу умственно развиваться — я живу в глуши, я не быстр умом, — но нравственное совершенство[вание] всякому всегда и везде возможно, и радость, доставляемая этим движением вперед, огромна, как это ты узнаешь, если только испытаешь это. И мало того, что само стремление и движение вперед доставляет духовную радость жизни, при такой жизни большей частью бывает то, что и все мирские радости именно тогда, когда их не ищешь, не ставишь себе целью, бывает то, что и мирские и лучшие радости сами собой приходят такому человеку.

Так вот что я советую тебе сделать: прежде всего опомниться, оглянуться на себя, — это значит, серьезно усумниться в себе, увидав ложность своей жизни, признать ту единственную цель жизни, которая свойственна человеку, и попробовать жить для этой цели. Испытай сам и тогда узнаешь, правда ли это. И если начнешь делать так, то не поддавайся одному, самому обычному соблазну, чаще всего отпугивающему начинающих. Соблазн этот состоит в том, что, взявшись за внутреннюю работу совершенствования над собой, человек нашего круга

находит себя в таких безумных, далеких от нравственного совершенства условиях жизни, с такими дурными, ложными привычками, что так много предстоит дела, что отпадают руки, и хочется всё бросить и ничего не делать. Нравственная жизнь должна быть такая, чтобы человек не пользовался трудами других людей, чтобы не заставлял бедных работать для своих прихотей, должен сам работать на других, а мы живем, поглощая труды тысяч людей и ничего не давая им. Как тут быть? Надо всё изменить, говорит соблазн, и когда придет время, я так и сделаю, а теперь пока надо жить, как все. Вот тут-то самый обман. Это всё равно, что человек не стал бы пахать, потому что поле, которое ему надо вспахать, слишком велико. Напротив, тем усерднее надо пахать. И стоит только человеку начать работу, чтобы увидеть, что чем больше будет подвигаться работа, тем будет радостнее. Так же и в деле нашей жизни. Если цель моя мое совершенствование, то как же перестать работать сейчас оттого, что слишком много дела? Делай, что первое попало под руку: уменьшай требования работы на себя и увеличивай работу на других: принеси, вычисти сам, что можешь принести и вычистить, пройди пешком вместо того, чтобы проехать, послужи другому вместо того, чтобы себе. И работа эта, что дальше будет идти, то будет радостнее. Надо делать сейчас, что можешь, не пренебрегая малым. А откладывать, значит обманывать себя. Это одно, что я советую тебе, если ты попробуешь жить не для наслаждения животного, а для нравственного совершенствования. Другое же и очень важное, что я советую, это то, чтобы помнить, что разум есть то орудие, которое дано нам для познания добра, и потому для того, чтобы мы могли совершенствоваться и видеть тот идеал добра, к которому мы должны стремиться, мы должны всеми силами стараться беречь свой разум, не нарушать его роста, увеличивать его содержание восприятием в свой разум всего того, что сделано разумом людей, живших прежде нас, т. е. общаться с людьми наиболее разумными, и живыми и умершими, через их мысли, выраженные в их сочинениях. Если же мы не имеем еще склонности к этому, то, по крайней мере, не делать того ужасного дела, которое делается теперь всеми вами и всё больше и больше, — именно: не одурманивать, не убивать свой разум горячительной, несвойственной человеку пищей и одуряющими напитками и вдыханием.

Разум есть высшая духовная сила человека, есть частица бога в нас, и потому всякое покушение на заглушение его есть самый ужасный грех, который не проходит даром.

Еще совет, и очень важный, тот, что если ты начнешь такую жизнь, попробуешь жить для нравственного совершенствования и потом почему-либо ослабешь, отвлечешься, вернешься опять к тем дурным привычкам, которые уже взяты, — то никак не унывай и не махай на себя рукой, а знай, что такие падения и возвращения назад свойственны всякому движению и что не падает только тот, кто ни к чему не стремится, а живет только животной жизнью. Тысячу раз падай и тысячу раз поднимайся, и если ты не будешь унывать, и ты будешь непрестанно подвигаться и, как я уже говорил, кроме величайшей духовной радости жизни, и все мирские радости жизни, которых ты желал прежде, приложатся тебе и будут во сто раз больше, как это обещал Христос.

Прощай. Помогай тебе бог, тот, который в тебе и во мне и вне нас. Письмо это относится и к Андриюше и к Мите.⁴ Великая бы была мне радость, если бы оно помогло кому-нибудь из вас избавиться от затопляющих вас соблазнов и хоть увидеть настоящую дорогу, чтобы выбраться на нее.

Л. Толстой.

Небольшой отрывок впервые опубликован в книге В. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого», 2, М. 1928, стр. 176.

Подлинник переписан с черновика-автографа рукой М. Л. Толстой, исправлен и дополнен Толстым и им подписан. Дата «30 октября 1895 г.» на подлиннике поставлена рукой М. Л. Толстой. В Дневнике Толстого от 28 октября 1895 г. записано: «Писал письмо Мише вчера» (т. 53, стр. 67), а в письме к С. А. Толстой от 28 октября: «Мише письмо напишу [*можно прочесть*: написал], пошлю завтра» (т. 84, стр. 243). Таким образом, письмо, видимо, писалось в два приема: 27 и 28 октября, переписывалось и исправлялось 29 и 30 октября.

¹ См. письмо № 198.

² *Зачеркнуто*: чем-то вроде охоты, так как прелесть охоты, состоящая в том, что человек возвращается к первобытному состоянию — детству человечества, когда ему надо было борьбой с животным поддерживать свою жизнь; *затем слово*: чем-то — *переделано в*: чувством и *продолжено*: которое мы испытываем на охоте; *все это зачеркнуто и над словом*: чувством *надписано*: народа.

³ Далее при переписке с черновика-автографа, по указанию Толстого, выпущен значительный по размерам кусок письма.

⁴ Дмитрий Дмитриевич Дьяков.

* 212. В. П. Гайдебурову.

1895 г. Октября 30. Я. П.

Посылаю вам две статьи, одну: «Культь науки и нравственная свобода» Изгоева,¹ написанную на вопрос о значении или, скорее, взаимном отношении науки и нравственности. Какое будет ваше решение об этой статье, пожалуйста сообщите автору. Вы этим очень обяжете меня. Другая статья: рассказ большого о порядках знаменитой, особенно прославляемой психиатрической больницы в Бурашеве в Тверской губернии во времена смсненного или вышедшего в отставку доктора. В узко либеральных органах эту статью не напечатают, в ретроградные я не хочу ее отдавать и делать ее орудием нечестной борьбы. Но дело очень важно, и правда о нем очень важна. Человек, который пишет, П. Н. Гастев,² человек высокой нравственности, вполне здоровый и безукоризненно правдивый. Я не знаю другого органа, кроме вашего и С[еверного] В[естника], в котором бы могла появиться такая статья, и потому обращаюсь к вам. Статья произвела на меня страшное впечатление. — Дружески жму вам руку.
30 октября 95.

Печатается по машинописной копии. Дата копии.

¹ Автор статьи — Михаил Аркадьевич Сопозько, подписавший ее литературным псевдонимом «Изгоев». Статья эта напечатана не была.

² О П. Н. Гастеве см. прим. к письму № 238. Статья его под заглавием «Рассказ большого о порядках в психиатрической больнице в Бурашеве в Тверской губ.» в «Неделе» не была напечатана. В письме своем от конца октября 1895 г., посланном вместе с этой статьей, Гастев писал Толстому: «Здесь в Тверской губ. говорится много о бурашевских реброломаниях... Вина будто бы лежит в новых порядках, заводимых управой и новыми докторами. Все это было и раньше. Оно не прекращалось, а только начинает прекращаться... Посылаю эти наброски вам с тем, чтобы вы где-нибудь их поместили в печать. Я написал все, как было. Ничего не придумал, не изложил всех тех побоев, каким подвергался, не описал того, что около меня происходило — битье больных, очень часто при полной с их стороны пассивности — я сказал только то, что в Бурашеве били».

* 213. В. М. Владиславлеву.

1895 г. Ноября 2. Я. П.

2 ноября 95.

Я с радостью подпишу всякий адрес, кот[орый] вы напишете Ник[олою] Фед[оровичу].¹ И как бы высоко вы в этом адресе

чи оценили и личность и труды Николая Федоровича, вы не выразите того глубокого уважения, которое я питаю к его личности, и признания мною того добра, которое он делал и делает людям своей самоотверженной деятельностью. Благодарю вас за то, что вы обратились ко мне.

Пришлите мне адрес по почте. Я подпишу и тотчас же возвращу.²

Лев Толстой.

2 ноября 95.

Владимир Михайлович Владиславлев (р. 1868) — по окончании Московского университета служил по финансовому ведомству в разных городах России. С Толстым лично знаком не был. В 1910 г., с делегацией от Нижнего-Новгорода, приезжал в Ясную Поляну на похороны Толстого.

Ответ на письмо Владиславлева от 29 октября 1895 г., в котором он предлагал Толстому подписаться под адресом, подносимым Н. Ф. Федорову его почитателями, с тем чтобы убедить его не покидать своего поста в Румянцевской библиотеке, где он оказывал всем неоценимые услуги своими знаниями и библиографическими советами.

¹ Николай Федорович Федоров (1824—1903) — библиотекарь Румянцевского музея, пользовавшийся чрезвычайной популярностью в кругах читателей. О нем и об отношении к нему Толстого см. т. 63, стр. 83.

² С ответным письмом от 8 ноября Владиславлев прислал Толстому для подписи адрес Федорову. Адрес Толстым был подписан, однако поднесен он не был, так как Федоров, чтобы избежать подношения адреса, согласился продолжать работать в библиотеке.

214—217. С. А. Толстой от 2, 3, 4 и 7 ноября.

218. А. И. Александрову.

1895 г. Ноября 2—9. Я. П.

Милостивый государь
Александр Иванович,

Очень сожалею, что теперь не могу ничем служить вашему полезному предприятию. Если бы случилось так, чтобы я мог успеть написать что-нибудь для вашего первого номера, то тотчас же пришло вам.

Лев Толстой.

Печатается по листу 131 копировальной книги. Датируется на основании места в копировальной книге между письмами, датированными Толстым 2 и 9 ноября 1895 г., и записи в Дневнике от 9 ноября: «писал письма... Написал Баженову и еще три».

Александр Иванович Александров (р. 1861) — профессор Казанского университета по кафедре славянской филологии, впоследствии епископ Анастасий, ректор Петербургской духовной академии. Ответ на письмо Александра от 10 октября 1895 г., в котором он просил Толстого принять участие в учреждаемом Казанским обществом трезвости небольшом ежемесячном журнальчике «Деятель».

219. И. Р. Баженову.

1895 г. Ноября 8—9. Я. П.

Милостивый государь, Иван Романович.

Я прочел вашу рукопись и нахожу, что основания ваших сомнений совершенно верны, но что средство, предлагаемое вами для разрешения их, не может достигнуть цели.

Все церкви, в том числе и русско-греческая, называемая православной, давно знают, что их догматы и писание, признаваемое ими священным, не только не священны, но исполнены бессмыслиц и противоречий, не выдерживающих критики, и потому единственная возможность для церквей сохранить свое положение, — а люди, составляющие церкви, их служители, дорожат им, — состоит в том, чтобы избегать всякого обсуждения догматов и писания, а основываться только на предании. Это они и делают и потому никогда не допустят настоящего собора.

Христианское человечество уже давно пережило ту церковную веру, которую столько веков выдавали за христианскую, так что теперь всякое серьезное рассмотрение основ этой веры неизбежно приведет к распадению ее, как гнилое дерево, которое стоит подобно живому, но стоит тронуть его, и оно распадется прахом.

Если бы и собрали собор, то он был бы таким же мошеническим и насильническим, какими были прежние так называемые вселенские соборы.

Настоящий же вселенский собор давно уже существует и, не переставая, работает и обнародовал выработанные им положения: собор этот состоит из всех тех людей, которые, во имя

бога истины, исследуют писание, называемое священным, выделяя из него всё разумное и доброе, выкидывают, доказывая их нелепость и вред, установленные десятками людей, называвших себя пастырями и учителями (тем самым, чем Христос запретил называться), мнимохристианские догматы и выясняют смысл христианского учения. И собор этот соединяет всё большее и большее количество людей, иногда даже и не знающих про существование друг друга.

Для успокоения человека, который, как вы, не только усомнился в истине преподаваемого ему учения, но и понял, что оно не христианское, а еврейское (по-моему, оно даже не еврейское, а чисто языческое), есть только два пути: или, заглушая в себе голос совести, опереться только на предание, убедить себя, что истина в том, чему верило и верит большинство людей, стараться поддаваться гипнотическому действию церковного одурения и не проверять утверждаемых церквами положений разумом; или, признав то, что разум дан нам не для того, чтобы вводить нас в обман, а для того, чтобы указывать нам истину, отдаться его руководству, не во имя праздного любопытства или тщеславия, а во имя спасения своей души и исполнения воли того бога, который дал мне разум. И тогда, не робея уже, не ожидая решения вопросов своей жизни, могущей через час кончиться, от собора, который соберется через год и определит для меня мое отношение к богу, а самому, с помощью всех тех людей, которые жили прежде меня и так же, как я, искали истины, с помощью этих людей, из которых первый и самый важный для нас Христос, оставивший свое учение в евангелии, — установить свое отношение к богу и жить по нем.

Я поступил так и с тех пор, как поступил так, чувствую такую, всё увеличивающуюся по мере того, как я приближаюсь к смерти, уверенность, что не могу не советовать каждому, усомнившемуся в том обмане, в котором воспитываемся мы и наш несчастный народ, избрать этот второй путь, не могущий привести ни к чему дурному, а только к полной уверенности, радости и к истинному единению людей между собой.

Говорят, писание и предание церковное — от бога; это еще, может быть, неправда, но то, что разум, вложенный в меня — от бога, в этом уже не может быть никакого сомнения. Если я приму даже и предание и писание, то приму его только потому, что разум мой признает это предание и писание достоверным.

Стало быть, авторитет разума сильнее всего, и потому, поверив разуму (опять повторяю, во имя не личных целей, а искания истины и спасения души), я не могу ошибиться. Бог дал мне свыше орудие познания себя; я употребил это орудие с одним желанием познать и исполнить его волю, я сделал всё, что мог, и потому не могу быть виноват, и спокоен.

Лев Толстой.

Печатается по копии рукой О. К. Толстой. Впервые опубликовано в журнале «Свободное слово» 1904, № 10, стлб. 21—23. Датируется на основании записи в Дневнике Толстого от 9 ноября 1895 г.: «Написал Баженову» (т. 53, стр. 70).

Иван Романович Баженов (р. 1835) — судья Временного морского суда Владивостокского порта. При письме от 24 августа 1895 г. Баженов прислал Толстому свою статью о необходимости созыва вселенского собора и просил его высказаться по этому вопросу.

220. Л. Я. Гуревич.

1895 г. Ноября 8—9. Я. П.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Простите, что так долго не отвечал вам. Я писал Тане¹ в Пет[ербург], прося ее передать вам на словах мой ответ. Ничего у меня теперь нет — повесть, о кот[орой] говорят, что она кончена, была не кончена, и я ее вовсе бросил, а другого пока нет. Очень желаю быть вам полезным, п[отому] ч[то] журнал ваш мне всё больше и больше нравится.

Последний № прекрасно составлен, за исключением невозможной неряшливой бессмыслицы Соллогуба² и Вагнера³ столь же неряшливой статьи. Семенова⁴ рассказ — прекрасен. —

Держитесь, всей душой сочувствую вам и рад буду, если удастся не на словах только выразить свое сочувствие. А вы все-таки душу свою не кладите всю в журнал и помните, что душа дороже тысяч журналов.

Лев Толстой.

Опубликовано впервые в «Летописях», 2, стр. 123—124.

Основания датировки те же, что в письме к А. И. Александрову (см. письмо № 218).

Ответ на письмо Гуревич от 19 октября 1895 г., в котором она писала: «Сегодня в Новом времени [в № 4055 от 19 октября] напечатано, что Вы

окончили Вашу повесть, и хоть Вы сказали мне по поводу письма Кони (см. письмо № 149), что отдадите ее в «Посредник»... сделайте так, чтобы мы могли напечатать Вашу вещь хоть одновременно с другими».

¹ См. письмо к Т. Л. Толстой № 207.

² Федор Сологуб — псевдоним поэта-декадента и романиста Федора Кузьмича Тетерникова (1863—1927). В № 11 «Северного вестника» за 1895 г. были напечатаны гл. XI—XIII его романа «Тяжелые сны».

³ Николай Петрович Вагнер (1829—1907) — профессор зоологии Петербургского университета, сторонник спиритизма, выступавший также и как беллетрист под псевдонимом «Кот Мурлыка». В № 11 «Северного вестника» был напечатан его рассказ «Сон художника папилона».

⁴ Сергей Терентьевич Семенов. В № 11 «Северного вестника» был напечатан его рассказ «В день итогов».

* 221. А. Доливо-Добровольскому.

1895 г. Ноября 8—9. Я. П.

Ответы на вопросы, которые интересуют вас, вы найдете, я полагаю, в моих ненапечатанных в России сочинениях: *В чем моя вера, перевод евангелий, Царство божие*. Очень рад был бы, если бы эти сочинения помогли вам в разъяснении занимающих вас вопросов. Где достать эти сочинения? не могу указать вам.

Л. Т.

Печатается по листу 131 копировальной книги.

Дата определяется тем, что письмо скопировано на том же листе копировальной книги, что и письмо к А. И. Александрову от 8—9 ноября 1895 г.

А. Доливо-Добровольский — студент Московского университета, обратился к Толстому с письмом от 7 ноября 1895 г., в котором просил Толстого указать те из его произведений, которые необходимо нужны для понимания его взгляда на жизнь, и в каком порядке их нужно прочесть. Кроме того, он спрашивал, признает ли Толстой правильным применение в студенческих кругах товарищеского суда. Этот вопрос Толстой оставил без ответа.

* 222. К. К. Бооль.

1895 г. Ноября 9. Я. П.

Дорогая Клара Карловна,

Я получил ваше письмо, книгу и перевод. Очень благодарен вам. Я не прочел весь перевод, а только заглянул в него. Думаю, что он сделан очень хорошо. Сейчас взял его гостящий у нас

Алек[сандр] Никиф[орович] ¹, чтобы внимательно просмотреть его. Я очень рад был увидеть вас и очень рад был особенно тому, что внутренняя работа над собой, не переставая, совершается в вас. Что главное дело нашей жизни состоит в стремлении к совершенству, «будьте совершенны как отец», — совершенству в смысле увеличения любви, несомненно подтверждается уже тем, что во всем другом мы можем встретить препятствия, в этом же — увеличении любви, всегда доставляющем нам радость, ничто и никогда не может помешать нам. Хорошо бы было, если бы физическое ваше состояние было бы так же удовлетворительно, как и нравственное, если же этого и не будет, то все-таки вам будет хорошо, если вы, не переставая, будете идти вперед в нравственном.

Любящий вас Л. Толстой.

9 нояб. 95.

Печатается по листам 132 и 133 копировальной книги.

Клара Карловна Бооль — сочувствовавшая взглядам Толстого. Занималась педагогическим трудом.

Ответ на письмо Бооль от 15 сентября 1895 г. из г. Кременчуга, посланное ею вместе со своим переводом на немецкий язык статьи Е. И. Попова: «Открытое письмо к обществу по поводу правительственных гонений на людей, отказавшихся от воинской повинности», о чем просил ее Толстой, когда она была у него в этом году осенью в Ясной Поляне.

¹ А. Н. Дунаев.

223. С. А. Толстой от 12 ноября 1895 г.

224. Е. И. Попову.

1895 г. Ноябрь 14. Я. П.

Давно уже получил ваши письма, дорогой Евг[ений] Ив[анович], и всё не отвечал, п[отому] ч[то] вот уж недели две ослабел чрезвычайно и физически и умственно; ничего не делаю и не хочется делать. Может быть, это какое-нибудь скрыт[ое] нездоровье, а может быть, старость, и я стараюсь прилаживаться к этому новому для меня состоянию. Статью можно послать и к Гижидкому, хотя его *Ethische Kultur* очень чуждый нам по духу журнал, но для этого надо вам закончить: вписать о го-

нениях. Булыгина дело ¹ вы можете описать с моих слов: от него потребовали вести лошадей, он не повел, его присудили в тюрьму на две недели. Другое дело: от него требовали указания своего местожительства, он его не дал, зна[я], что это указание включает в себе согласие на то, что он, как запасной, пойдет, когда его потребуют. После вторичного требования он написал, что не пойдет, если его потребуют, т[ак] к[ак] по закону, незнанием к[оторого] никто не имеет права отказываться, он не может служить.

Скажите В[ладимиру] Г[ригорьевичу], что письма его и 7 № ² все получены, что буду писать. Знаем, что у вас дифтерит. Жду их. ³ Мы живем еще в Ясной. ⁴ Поша и Дунаев с нами, но послезавтра намерены ехать в Москву. То, что вы пишете мне о моей повести, и справедливо, и нет. Справедливо по отношению той, кот[орая] была написана: она прескверная, но несправедливо по отношению той формы, в кот[орой] мне теперь представляется та же повесть и в кот[орой] едва ли напишу. ⁵ Прощайте пока, дай бог вам того, чтобы делать его волю, как свою. Нынче написал письмо Шкарвану. Как бы я его узнал, если бы у нас не было центра общения — бога.

Л. Толстой.

Если что забыл ответить, простите. Поправки сделал бы в вашей статье, но ее нет. Я ее отдал харьковским 2-м студентам, ⁶ приезжавшим ко мне. Ничего, что я дал им?

Распечатываю письмо, чтобы приписать о Дрожжине. Марь[я] Алекс[андровна] ⁷ сделала отметки того, что по ее мнению следует выпустить. Я просмотрел ее отметки и те, с которыми согласен, отчеркнул красным. Пожалуйста, не верьте мне на слово, а проверьте. Посылаю рукопись. — Да, еще о ваших писаниях. Повторяю, что советую вам писать. В них есть искренность и потому убедительность. И потом просто хорошо написано, многосторонне обдуманно. Ну, до следующего письма. Какое славное письмо Петра Веригина, ⁸ поблагодарите за него И[вана] М[ихайловича]. Очень хочется написать ему, и Вер[игину], и И[вану] М[ихайловичу]. ⁹

Печатается по листам 135 и 136 копировальной книги. Конца письма со слов: «Распечатываю письмо, чтобы приписать...» в копировке не имеется; эта часть письма печатается по машинописной копии. Впервые опубликовано в ПТС, I, № 192, стр. 236—237, с датой: «14 окт. 1895 г.». Дата

определяется словами в тексте: «Нынче написал письмо Шкарвану»; письмо Шкарвану помечено Толстым «14/26 ноября 1895».

Ответ на письмо Попова от 29 октября 1895 г., в котором он касается различных вопросов в связи с подготовляемой им для печати статьей «Открытое письмо к обществу по поводу правительственных гонений на лиц, отказавшихся от воинской повинности».

¹ М. В. Булыгин, живший на своем хуторе Хатунке, отказался приводить своих лошадей на пункт для военно-конской переписи; за этот отказ он отбыл летом 1894 г. заключение при Крапивенском арестном доме (см. письмо к И. Б. Файнерману от 1 июня 1894 г. в т. 67).

² В. Г. Чертков имел обыкновение нумеровать свои письма к Толстому.

³ Попов в то время жил у Черткова в его имении Ржевск. Семья Чертковых приехала в Москву только во второй половине декабря этого года.

⁴ Из Ясной Поляны Толстой переехал в Москву 19 ноября.

⁵ О своих сомнениях по поводу первоначальной редакции «Воскресения» Толстой записал в Дневнике от 24 октября, 5, 7, 8 и 9 ноября 1895 г., см. т. 53, стр. 62, 69—70.

⁶ Речь идет о книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина» и о поправках в ней для предполагаемого второго издания. В следующем письме к Е. И. Попову (№ 232) Толстой называет фамилии студентов: Филатов и Дидрихсон.

⁷ М. А. Шмидт.

⁸ Письмо П. В. Веригина от 5 августа 1895 г. к И. М. Трегубову было переслано последним Толстому. См. письмо к П. В. Веригину № 229.

⁹ И. М. Трегубову.

225. А. А. Шкарвану.

1895 г. Ноябрь 14. Я. П.

Давно уже получил ваше радостное письмо, дорогой друг, и не отвечал, п[отому] ч[то] всё это время был нездоров. Письмо ваше мне было особенно радостно, п[отому] ч[то] по всем чувствам и мыслям, выраженным в нем, я узнавал в нем брата по духу. Радостно оно было мне, для меня, как радостно (как и вы говорите) найти нового спутника по дороге; радостно было и за вас в том смысле, что, прочтя ваше письмо, мне перестало быть страшно за вас, не боюсь того, чего боялся прежде, что вы ослабеете духом или от тяжести гонения, или, напротив, от того, что прекрати[тся] гонение, и после того как люди, делавшие, хотя и невольно, дело божие за вас тем, что гнали вас, перестанут это делать, и вам самим придется продолжать это дело. Я не боюсь этого теперь, п[отому] ч[то] по письму ва-

шему вижу, что у вас есть никогда не изменяющая точка опоры, вера в духовную жизнь, в то, что сущность жизни не в материальном, познаваемом нашими чувствами мире, а в том, что мы называем богом и что сознаем в себе. — Очень часто встречаешь людей, казалось бы, очень близких нам по взглядам, признающих добром и злом то же, что и мы признаем таковым, но не знающих никакой другой жизни, не допускающих даже возможности другой жизни, кроме той, кот[орую] они познают чувствами, и всегда оказывается, что сближение с этими людьми только случайное, что мы сблизились с ними только п[отому], ч[то] пути наши перекрестились, но что мы не идем вместе и, при дальнейшем движении жизни, расходимся с ними. Этого не мож[ет] быть с людьми, полагающими сущность жизни в духе: представление о мире материальном мож[ет] быть бесконечно различным, но сознание своей души и бога у всех одно и то же. Вы принадлежите к этим, и потому я уверен, что и без того поощрения, кот[орое] дают гонения, вы будете продолжать дело божие. Не думайте, чтобы я под словами: делать дело божие подразумевал какую-нибудь особую деятельность внешнюю. Под этими словами я разумею деятельность внутреннюю, духовную, кот[орая] иногда ничем внешним не выражается и даже часто заглушается попытками преднамеренной внешней деятельности. — И как это ни неприятно революционерам и социалистам, истинная христианская и самая плодотворная в мире деятельность состоит вся только из отрицательных поступков — как ваш — не делать того, что противно богу и совести. Многие, не понимая того, что сама жизнь, движение жизни, то, что Шопенгауер называет *Wille zum Leben*,¹ есть любовь, думают, что только отрицательные поступки, без положительных, могут уменьшить силу любви и плодотворность деятельности. Но думать так — все равно, что думать, что плотина на мельнице и спуск воды на колесо уменьшают силу воды и пользу ее движения. О, если бы только 0,001 той энергии, кот[орую] употребляют люди на производство всяких глупостей и гадостей под видом общего блага, была направлена на то, чтобы не делать того, что прямо противно нашему разуму и нашей совести, как плодотворна бы сделалась деятельность людей! Я пишу так же, как вы, отдаваясь течению своих мыслей, но имею в виду вас, ваше теперешнее положение, и мне хочется посоветовать вам то, что вы, вероятно, и без меня знаете,

именно, чтобы вы теперь не тяготились своим бездействием, если оно наступит, а только, не делая того, что противно вашей совести, отдавались бы с любовью тем требованиям, опять-таки согласным с совестью, кот[орые] предъявят вам люди, окружающие вас, и ваша личность. Еще есть 3 пункта, о к[ото-рых] хочется написать вам: 1) Что вы думаете об Eugen Schmitt и его журнале? Несмотря на большую горячность, поспешность и потому часто напыщенность и многословность его писаний, я вижу в нем человека искреннего, очень даровитого и, главное, принадлежащего к разряду людей не материалистов, верующих в духовную жизнь, и потому совпадающего центром с нами. Что вы об нем думаете? Слышали? Какое о нем мнение, и какое его влияние?

2) Возьметесь ли вы переводить мои непереведенные вещи по-немецки? Если да, то напишите об этом Черткову, *Воронежск[ая] губ. Станция Россоха, Владимиру Григорьевичу Черткову*; он вышлет вам те рукописи, кот[орые] он переводит на английский язык. Если же кончу какую-либо новую работу и вы согласны, то я пришлю вам с тем, чтобы она вышла одновременно в Англии и Германии.

3) Меня очень заинтересовало ваше отношение к венской даме.² Если вам не неприятно, расскажите мне. Вообще всё, что вас касается, вашей частной жизни, ваших отношений к матери вашей, к вашим родным, друзьям, того, как вы материально устроили свою жизнь, всё это очень близко трогает меня, п[отому] ч[то] я вас очень полюбил.

Лев Толстой.

14/26 ноября 1895.

Печатается по фотокопии автографа, хранящегося в отделе рукописей Национального музея в Праге. Впервые опубликовано в ПТС, II, № 432, стр. 165—168.

Альберт Альбертович Шкарван (Albert Škarvan, 1869—1926) — словак, врач, сочувствовавший взглядам Толстого и подвергавшийся гонениям со стороны австро-венгерского правительства за отказ от должности военного врача.

¹ Воля к жизни.

² Графиня Маццукелли, с которой познакомился Шкарван во время своего пребывания под арестом и о которой он рассказывал в своем письме к Толстому.

* 226. Г. Ф. Ван Дейлю (G. F. Van Duyl).

1895 г. Ноябрь 18. Я. П.

Cher monsieur, j'ai reçu votre première lettre. J'avais l'intention d'y répondre, mais différentes petites circonstances m'en ont empêché jusqu'à ce jour. Hier j'ai reçu votre seconde lettre et je m'empresse de répondre. Les lettres comme la vôtre, qui me prouvent que les idées qui non seulement me sont chères, mais forment une partie de mon être, produisent les mêmes sentiments dans le coeur des autres, — sont la plus grande joie de ma vie.

La difficulté que vous avez rencontrée dans la réponse du jeune homme qui voudrait suivre les exigences de sa conscience et en même temps sent l'impossibilité d'abandonner et d'affliger sa mère, est une difficulté que je connais et à laquelle il m'est arrivé de répondre plusieurs fois. La doctrine chrétienne n'est pas une doctrine qu'exige certaines actions, l'observance ou bien l'abstinence de certaines actions; la doctrine chrétienne n'exige rien de ceux qui veulent la suivre, elle ne consiste que, comme le dit le mot «évangile», dans la connaissance du vrai bien de l'homme. Une fois que l'homme a compris et s'est pénétré de l'idée que son véritable bien, le bien de sa vie éternelle, celle qui ne se borne pas à ce monde, consiste dans l'accomplissement de la volonté de Dieu et que commettre un meurtre ou bien se préparer au meurtre, comme le font les militaires, est contraire à cette volonté, aucune considération ne pourra obliger cet homme à agir contrairement à son véritable bien. S'il y a lutte intérieure et si, comme c'est dans le cas dont vous parlez, les considérations de famille obtiennent le dessus, ce n'est qu'une preuve de ce que la doctrine chrétienne véritable n'est pas comprise et acceptée par celui qui ne peut pas la suivre, ce n'est qu'une preuve de ce que l'individu voudrait paraître chrétien, mais ne l'est pas.

Et c'est pourquoi je trouve qu'il est inutile et même souvent nuisible de prêcher certaines actions ou abstinence d'actions, comme le refus au service militaire et autres actions de ce genre. Il faut que toutes ces actions proviennent non pas du désir de suivre certains préceptes, mais d'une complète impossibilité d'agir autrement. Aussi quand je me trouve dans la position dans laquelle vous vous êtes trouvé vis-à-vis de ce jeune homme, je

conseille toujours de faire tout ce qu'on exige d'eux, d'entrer au service, de servir, de prêter serment etc., — si cela est leur moralement possible, de ne s'abstenir de rien, à moins que cela ne devienne tout aussi impossible moralement, comme il est impossible à un homme d'enlever une montagne ou de se soulever dans les airs. Je leur dis toujours: si vous voulez refuser le service militaire et supporter toutes les suites de ce refus, tâchez d'arriver à un tel degré de certitude et de clarté de la vérité chrétienne, qu'il vous devienne tout aussi impossible de prêter serment et de manœuvrer avec un fusil, comme il vous est impossible d'égorger un enfant ou autre chose pareille. Mais si cela vous est possible — faites-le, car il vaut mieux fournir un soldat, qu'un hypocrite de plus, ou bien un renégat de la doctrine, ce qui arrive à ceux qui entreprennent des actions audessus de leurs forces. C'est pourquoi je suis convaincu, que la vérité chrétienne ne peut pas se propager par la prédication de certaines actions extérieures, comme cela se fait dans les religions quasi-chrétiennes, mais seulement par la destruction, la démonstration des tentations et des impostures et surtout par la conviction de ce que le vrai et l'unique bien de l'homme consiste dans l'accomplissement de la volonté de Dieu, qui n'est autre que la loi de la destination de l'homme.

Dans le moment où je vous écrit il y a deux jeunes gens¹ de mes amis qui sont enfermés l'un dans une prison, l'autre dans une maison de fous, pour avoir refusé le service militaire. L'un d'eux — un jeune peintre — est à Moscou. Eh bien, je tâche de l'influencer aussi peu que possible dans son refus, car je sais que pour supporter toutes les épreuves qu'il aura à subir, il lui faut la force qui ne peut pas venir d'en dehors, mais la ferme conviction que sa vie n'a pas d'autre sens que l'accomplissement de la volonté de celui qui l'y a envoyé. Et cette conviction se forme intérieurement. Je puis l'aider à la former, mais je ne puis pas la lui donner. Je crains surtout de lui faire croire qu'il a cette conviction, quand il ne l'a pas. J'ai de la difficulté de m'exprimer en français, mais j'espère que vous comprendrez mon idée, d'autant plus que je crois l'avoir exprimé dans mes écrits, qui sont traduits.

L'idée d'une grève militaire a été annoncée par un des vos compatriotes que j'estime beaucoup, quoique j'ai oublié son nom (Domela² — je crois) à l'avant-dernier congrès socialiste. Si vous me faites le plaisir de m'écrire encore une fois, donnez moi,

je vous prie, des nouvelles de ce (Domela) socialiste très remarquable et de son oeuvre. Vous me ferez plaisir aussi en me disant qui vous êtes: votre profession et surtout vos convictions religieuses.

Recevez l'assurance de mon amitié.

Léon Tolstoy.

Милостивый государь,

Я получил ваше первое письмо. Я хотел уже отвечать на него, но разные мелкие обстоятельства до сих пор мешали мне сделать это. Вчера я получил ваше второе письмо и спешу ответить. Письма, подобные вашему, которые показывают мне, что идеи, которые не только дороги мне, но составляют часть моего существа, вызывают те же чувства в других людях, — эти письма самая большая радость моей жизни.

Затруднение, которое вы встретили в ответе молодого человека, который хотел бы следовать требованиям своей совести и в то же время чувствует невозможность покинуть и огорчить свою мать, это затруднение я знаю, и мне приходилось несколько раз отвечать на это. Учение Христа не есть учение, которое требует известных поступков, соблюдения или воздержания от известных поступков, учение Христа ничего не требует от тех, кто хочет следовать ему; оно состоит, как говорит само слово «евангелие», в познании истинного блага человека. Раз человек понял и проникся идеей, что его истинное благо, благо его вечной жизни, той, которая не ограничивается этим миром, состоит в исполнении воли бога, и что совершать убийство или готовиться к убийству, как это делают те, кто становятся военными, что это противно этой воле, тогда никакое соображение не может заставить этого человека действовать противно своему истинному благу. Если есть внутренняя борьба и если, как в том случае, о котором вы говорите, семейные соображения берут верх, это служит лишь доказательством того, что учение Христа не понято и не принято тем, кто не может ему следовать, это доказывает только, что он хотел бы казаться христианином, но не таков на самом деле.

И вот почему я нахожу бесполезным и часто даже вредным проповедовать известные поступки или воздержание от поступков, как отказ от военной службы и другие поступки того же рода. Нужно, чтобы все действия происходили не из желания следовать известным правилам, но из совершенной невозможности действовать иначе. И потому, когда я нахожусь в положении, в котором вы очутились перед этим молодым человеком, я всегда советую делать всё то, что от них требуют: поступать на службу, служить, присягать и т. д. — если только это им нравственно возможно, ни от чего не воздерживаться, пока это не станет столь же нравственно невозможным, как невозможно человеку поднять гору или подняться на воздух. Я всегда говорю им: если вы хотите отказаться от военной службы и перенести все последствия этого отказа, старайтесь дойти до той степени уверенности и ясности в христианской истине, чтобы вам стало столь же невозможным присягать и делать ружейные приемы, как невозможно для вас задушить ребенка или сделать что-нибудь подобное.

Но если это для вас возможно, то делайте это, потому что лучше доставить лишнего солдата, чем лишнего лицемера или отступника учения, что случается с теми, кто предпринимает дела свыше своих сил. Вот почему я убежден, что христианская истина не может распространяться проповедью известных внешних поступков, как это делается в мнимо христианских религиях, но только разрушением и обличением соблазнов и обманов и, особенно, убеждением, что единое истинное благо человека заключается в исполнении воли бога, которая есть не что иное, как закон и назначение человека.

В ту минуту, как я вам пишу, два молодых человека из моих друзей¹ заключены один в тюрьму, другой в сумасшедший дом за отказ от военной службы. Один из них — молодой живописец в Москве. И вот я стараюсь как можно меньше влиять на него в деле его отказа, потому что я знаю, что для того, чтобы перенести все испытания, которые ему предстоят, ему нужна сила, которая не может прийти извне, нужно твердое убеждение, что его жизнь не имеет другого смысла, как только в исполнении воли того, кто его сюда послал. А это убеждение складывается внутри. Я могу помочь образованию его, но не могу его ему дать, я боюсь больше всего заставить его поверить в то, что у него есть убеждение, когда его у него нет. Мне несколько трудно выразить свою мысль по-французски, но надеюсь, что вы поймете мою мысль, тем более, что я считаю, что выразил ее в моих сочинениях, уже переведенных.

Идея военной стачки уже была провозглашена одним из ваших соотечественников, которого я очень уважаю, хотя и забыл его фамилию (кажется, Домела²), на предпоследнем конгрессе социалистов. Если вы мне сделаете удовольствие, еще раз написать мне, пожалуйста, сообщите мне что-нибудь об этом социалисте (Домела), очень замечательном по своей деятельности. Вы мне сделаете также удовольствие, написав, кто вы: о вашей профессии, а главное, о ваших религиозных убеждениях.

Примите уверение в моей дружбе

Л. Толстой.

18/30 ноября 1895.

Печатается по машинописной копии из архива Н. Л. Оболенского. Впервые опубликован (отрывок) в газете П. И. Бирюкова «Свободная мысль», Женева, 1900, № 11, и в Б, III, стр. 434—440. Дата определяется словами письма: «Вчера я получил ваше второе письмо» — от 14 ноября.

Ван Дейль (Van Duyl, р. 1857) — голландский писатель и журналист.

Ответ на два письма Ван Дейля, в которых он рассказывал о лекциях, прочитанных им в кругах молодежи на темы папифистского характера, и о вопросах, которые задавались ему слушателями.

¹ Толстой имеет в виду крестьянина Петра Васильевича Ольховика (см. т. 87, стр. 383) и Леопольда Антоновича Сулержницкого (см. письмо № 232, прим. 3).

² Фердинанд Домела Ньювенхейс (Ferdinand Domela Nieuwenhuys, 1846—1919), голландский анархист.

227. И. Б. Файнерману.

1895 г. Ноября 18. Я. П.

Иван Михайлович переслал мне вашу рукопись.¹ Я нынче еду в Москву и, чтобы не завозить ее туда, отправляю ее вам. Напишу подробно после. Продолжать стоит, если есть влечение. Для того, чтобы имело силу, надо переделывать, в особенности сокращать, просевать и избегать желания сказать всё. Слишком много несогласованного между собой содержания нарушает впечатление. —

Любящий вас
Л. Т.

Печатается по машинописной копии с датой: «Ноябрь 1895 г.». Впервые опубликовано в СТМ, стр. 269—270. Дата определяется, с одной стороны, получением рукописи Файнермана при письме И. М. Трегубова от 30 октября 1895 г., с другой — словами письма: «Я нынче еду в Москву». Толстой переехал в Москву 19 ноября.

¹ См. письмо № 228.

228. И. Б. Файнерману.

1895 г. Ноября 18? Я. П.

Сейчас вновь перечел ваш рассказ¹ и очень внимательно. Вся его первая часть совершенно невозможна. Всё это так неестественно, преувеличено и выдуманно, что ни одна редакция, по моему мнению, не решится его напечатать. Судья, берущий взятки чаем и виноградом, кот[орый] он с жадностью поедает с своей женой, становой с тесаком на боку, признания станового и судьи друг другу во взятках, давание купцами 10 т[ысяч] судье для того, чтобы не платить по векселям, и т. п. неверные, очевидно в одном умышленно мрачном свете выставляемые и выдуманные события и подробности делают всю эту часть невозможною. Такая же выдуманность и преувеличенность, подрывающие доверие читателя, есть и в допросе станового. Хороши только описания заседания у судьи и, в особенности, мирового съезда. Эта картина очень хороша, но пока до нее дойдет читатель, он потеряет уже всё доверие к описываемому. — В таком виде посылать рассказ ни в Вестник Европы, ни в какую другую редакцию невозможно, и потому возвращаю вам его.

Знаю, что это письмо мое будет вам очень не только неприятно, но и тяжело, но что же мне было делать? Лучше сказать правду. У вас есть способность писать, но нет строгого критического отношения к себе и потому терпения перерабатывать. Пожалуйста же, не сердитесь на меня и верьте искреннему расположению к вам и желанию вам истинного блага. Как и во всех делах, «тише едешь, дальше будешь». Гораздо выгоднее, даже в материальном отношении, — если вы уже непременно хотите зарабатывать хлеб этой опасной для души литературной работой, — подвергнуть свою работу самой строгой своей критике, не скучая этим, переделать ее 10, 20, 30 раз, откинуть всё лишнее, очистить до конца и тогда только отдать ее в печать. Тогда устанавливается репутация, и можно добывать и этим опасным путем — средства жизни, и гораздо легче, чем писать кое-как и много. Придумать, как исправить этот рассказ, вы должны сами, но мне казалось бы, что надо вот как сделать: начать прямо с вымазанных ворот и вкратце рассказать, кто и зачем их вымазал, и потом допрос, суд у судьи и в съезде. Центр тяжести и смысл рассказа в самоуверенном, жестоком пренебрежении развратных и праздных господ к трудящемуся и смиренному народу и фарисейство мнимой справедливости на суде. И это хорошо выставляется в последних главах. Их надо еще подчистить, усилить, а остальное рассказать только настолько, насколько нужно для понимания суда. Так бы я сделал.

Ну прощайте, так не сердитесь. Желаю вам не литературного успеха, а того состояния, при кот[ором] можно быть равнодушным к нему.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по листам 113 и 114 копировальной книги. Впервые опубликовано в СТМ, стр. 270—271. По связи с предыдущим письмом от 18 ноября датируется предположительно тем же днем.

¹ Рассказ Файнермана «Суд».

229. П. В. Веригину.

1895 г. Ноября 21. Москва.

Дорогой брат!

Иван Михайлович Трегубов переслал мне ваше письмо к нему, ¹ и я очень радовался, читая его, радовался тому, что

узнал про вас и как будто услышал ваш голос, понял, о чем вы думаете, как думаете и чем живете. Вижу из письма вашего, что вы живете в духовном мире и заняты духовными вопросами. А для блага человека это главное, потому что только в духе человек свободен, и только духом творится дело божие, и только в духе человек чувствует себя в единении с богом, так как «бог есть дух». Мысли, высказанные вами в письме о преимуществе живого общения над мертвой книгой, мне очень понравились, и я разделяю их. Я пишу книги и потому знаю весь тот вред, который они производят, знаю, как люди, не желающие принять истину, умеют не читать или не понимать того, что им против шерсти и обличает их, как перетолковывают и извращают, как они перетолковали евангелие. Всё это я знаю, но все-таки считаю в наше время книгу неизбежной. Я говорю: *в наше время*, в противоположность временам евангельским, когда не было книгопечатания, не было книг и средство распространения мыслей было только устное. Тогда можно было обходиться без книги, потому что и у врагов истины не было книги; теперь же нельзя предоставлять одним врагам это могущественное орудие для обмана, и не пользоваться книгой или письмом для передачи своих мыслей и восприятия мыслей других людей — всё равно, что не пользоваться силой своего голоса для передачи сразу многим людям того, что имеешь сказать, и своим слухом — для того, чтобы понять то, что громко говорит другой человек, а признавать возможность передачи и восприятия мыслей только один на один или шопотом.

Письмо и печать только увеличили в тысячу, сотни тысяч раз число людей, которым может быть слышен выражающий свои мысли, но отношение между выражающим и воспринимающим остается то же; как в устной беседе слушающий может вникать и понимать и может точно так же пропускать мимо ушей то, что ему говорится, то же и в печати; как может читающий книгу вкривь и вкось перетолковывать ее, так же и слушающий ушами; как в книгах можно — как мы это и видим — много писать лишнего и пустого, так точно можно и говорить. Разница есть, но разница иногда в пользу устного, иногда в пользу печатного общения. Выгода устной передачи та, что слушатель чувствует душу говорящего, но тут же и невыгода та, что очень часто пустые говоруньи, как, напр[имер], адвокаты, одаренные даром слова, увлекают людей не разумностью речи,

а мастерством ораторского искусства, чего нет при книге; выгода другая устной передачи та, что непонявший может переспросить, зато невыгода та, что непонимающие, часто нарочно непонимающие, люди могут спрашивать то, что не нужно, и перебивать ход мысли, чего тоже нет при книге. Невыгоды книги те, что, во-1-х, бумага всё терпит и можно печатать всякий вздор, стоящий таких огромных трудов рабочих бумаги и типографшиков, чего нельзя делать при устной передаче, потому что вздор не станут слушать; во-2-х, те, что они (книги) разрастаются в огромном количестве и хорошие теряются в море глухих, пустых и вредных книг. Но зато выгоды печати тоже очень велики и состоят, главное, в том, что круг слушателей раздвигается в сотни, тысячи раз против слушателей устной речи. И это увеличение круга читателей важно не потому, что их становится много, а потому, что среди миллионов людей разнообразных народов и положений, которым доступна книга, отбираются сами собой единомышленники и благодаря книге, находясь за десятки тысяч верст друг от друга, не зная друг друга, соединяются в одно и живут единой душой и получают духовную радость и бодрость сознания того, что они не одиноки. Такое общение теперь я имею с вами и с многими и многими людьми других наций, никогда не выдавших меня, но которые мне близки больше моих сыновей и братьев по крови. Главное же соображение в пользу книги то, что при известной степени развития внешних условий жизни книга, печать вообще, сделалась средством общения людей между собою и потому нельзя пренебрегать этим средством. Столько вредных книг написано и распространено, что противодействовать этому вреду можно только книгой же. Клин выбивать клином. Христос сказал: «Что я говорю вам на ухо, то будете говорить с крыш». Это самое провозглашение с крыш и есть печатное слово. Печатное слово есть тот же язык, только хватающий очень далеко, и потому к печатному слову относится и всё то, что сказано об языке: им же благословляем бога и им же проклинаем человек, сотворенных по подобию божию; и потому нельзя быть достаточно внимательным к тому, что говоришь и слушаешь, так же как и к тому, что печатаешь и читаешь. Пишу всё это не потому, чтобы думал, что вы иначе думаете (из вашего письма вижу, что вы так и понимаете это), но потому, что эти мысли пришли мне в голову и захотелось поделиться ими с вами. В особенности

полюбилось мне в письме вашем то, что вы говорите о том, что *«если бы мы сохранили всё, данное уже свыше нам, то вполне бы были счастливы. А то, что необходимо и законно, то непременно должно быть в каждом и получается непосредственно свыше или от самого себя»*. Это совершенно справедливо, и я точно так же понимаю человека. Всякий человек несомненно знал бы всю истину Божию, всё то, что ему нужно знать для того, чтобы исполнять в этой жизни то, чего хочет от него бог, если бы только эта открытая человеку истина не затемнялась бы ложными толкованиями человеческими. И потому для познания божеской истины человеку нужно прежде всего откинуть все ложные толкования и все соблазны мирские, влекущие его к принятию этих толкований, и тогда останется одна истина, которая доступна младенцам, потому что она свойственна душе человеческой. Трудность же главная в том, чтобы, откидывая ложь, не откинуть вместе с ней и часть истины, и в том, чтобы, разясняя истину, не внести новых заблуждений.

Благодарю вас, любезный брат, за поклоны, которые вы прислали мне. Пишите мне, если ничто этому не помешает, в Москву, Хамовнический пер., д. Толстого. Не могу ли чем-нибудь служить вам? Вы меня очень обрадуете, если дадите какое-либо поручение.

Братски обнимаю вас,

Лев Толстой.

Печатается по копии с рукописной копии Тобольского губернского музея. Впервые опубликовано в журнале «Свободная мысль», Крайстчёрч, Англия, 1900, 11, стр. 166—167.

Петр Васильевич Веригин (1859—1924) — руководитель так называемой «большой партии» духоборов. В феврале 1887 г. он был арестован и выслан сначала в Шенкурск Архангельской губ., потом в Обдорск Тобольской губ. Во время ссылки Веригин познакомился с сочинениями Л. Н. Толстого и усвоил некоторые из его взглядов. Находясь в постоянных сношениях со своими приверженцами на Кавказе, он сделался главою нового движения, начавшегося в то время среди духоборов и закончившегося их переселением в Канаду, куда в 1902 г., после пятнадцатилетней ссылки уехал и Веригин. С Толстым переписывался с 1895 по 1909 г. (16 писем Толстого); лично познакомился с ним осенью 1902 г., проездом из сибирской ссылки в Канаду.

¹ Письмо Веригина к И. М. Трегубову от 5 августа 1895 г., на которое отчасти отвечает Толстой, напечатано в книге «Письма духоборческого руководителя Петра Васильевича Веригина», под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, изд. «Свободное слово», Крайстчёрч, 1901, стр. 14—16.

* 230. Джону Джепсону (John Jepson).

1895 г. Ноября 21. Я. П.

Dear Sir,

I have received your letter. If you write Moscow, it will always reach me.

I was very glad to hear, that through the same means, I mean the Christian doctrine, you came to the same conclusion as myself, i. e. to free yourself from all worldly authority and to obey only your conscience and the commands of Christ. I think, that in our pagan society organization it is impossible to be a true christian without opposing the exigencies of governments, and that a man, who is in earnest, cannot fail to be disobedient to government, if he wish to act in accordance with his conscience. And I think it is greatly time, that men should begin to act so. I am therefore very anxious to hear your story, as you call it.

Expecting to have news from you, I remain

Yours truly

Leo Tolstoy.

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо. Если вы будете писать в Москву, то письма всегда дойдут до меня.

Я был очень рад услышать, что тем же самым путем, т. е. при помощи христианского учения, вы дошли до того же самого заключения, что и я, именно, что нужно освободить себя от всех мирских авторитетов и покоряться только своей совести и заповедям Христа. Я думаю, что при нашем языческом общественном устройстве совершенно невозможно быть истинным христианином без оппозиции требованиям правительств и что человек серьезный необходимо должен стать противником правительства, если он желает поступать согласно своей совести. И я думаю, что в самом деле уже пора, чтобы люди начали поступать таким образом. Поэтому мне очень хочется услышать вашу историю, как вы ее называете.

Ожидая известий от вас, остаюсь

искренно ваш

Л. Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата копии, подтверждаемая словами ответного письма Джепсона от 5 декабря н. ст. 1895 г., извещающего о получении письма от 21 ноября.

Джон Джепсон — торговец, родом из Чикаго. В письме от конца октября (почтовый штемпель получения: «Москва, 29. X. 1895»), написанном под впечатлением чтения «Царства божия внутри вас», он сообщает Толстому, что, идя своим путем, он пришел к тем же выводам, что и Толстой.

* 231. А. Ф. Кони.

1895 г. Ноября 30. Москва.

Дорогой Анатолий Феодорович,

Благодарю вас за ваше доброе письмо. Я всё надеюсь повидаться с вами нынешней зимой в Москве. Соф[ья] Влад[имировна] Трофим[овская]¹ говорила мне, что это очень возможно, и я очень рад этому. Письмо это передаст вам очень хорошая девушка,² давнишняя моя знакомая и близкая мне по духу человек, и будет просить вас помочь ей освободить ее сестру от всяких бессмысленных и не имеющих никакого основания преследований жандармов. Что она никаких политических замыслов не имела и не имеет и даже не сочувствует революционерам, в этом я могу ручаться. Помогите ей, если можете. Ее очень жалко, главное потому, что она болезненная, нервно непрочная девушка. Пользуюсь случаем переслать вам статью о духоборах, про кот[орую] я говорил Соф[ье] Влад[имировне].

Дружески жму вам руку и от души желаю сил для продолжения вашей бодрой и полезной деятельности.

Лев Толстой.

30 ноября 1895.

Главное дело, ей нужен паспорт, кот[орого] ей не отдадут.
Т.

Ответ на письмо Кони от 30 октября 1895 г.

¹ Софья Владимировна Трахимовская-Бельгард, рожд. Менгден (р. 1854), жена сенатора Николая Алексеевича Трахимовского (1838—1895). Ее воспоминания о Толстом, под заглавием «Лучи прошлого», напечатаны в «Литературных приложениях к «Ниве» 1903, 8, стр. 514—534.

² Личность этой девушки установить не удалось.

232. Е. И. Попову.

1895 г. Ноября 30. Москва.

Сейчас получил вашу посылку,¹ дорогой Ев[гений] Ив[анович]. Прежде прочел ваше письмо ко мне и испугался, прочтя оговорку о том, что мне может быть неприятно. Читал и всё искал неприятно[е], и кроме самого приятного ничего не нашел.

Студенты в Харькове: Филатов и Дидрихсон. Я думаю, можно написать им в универс[итет], одному Дидрих[сону] или обоим вместе. ² В статье всё хорошо. Жаль, что вы не посетили сейчас страдающего Суллерж[ицкого]. ³ Я на днях был у него и был тронут и поражен его простотой, спокойствием и благодушием. У него настоящий внутренний переворот, ему хорошо везде. Всё, что вы пишете в письме ко мне и в письме Хилк[сву], мне было очень по душе. И письмо Хилкова ⁴. Мне это особенно было близко, п[отому] ч[то] я теперь уже две недели опять всеми силами души занят тем же: выразить, как можно проще и бесспорнее, наше миросамопонимание ⁵. Ваше деление на 3 вопроса я не оспариваю, но я не люблю делений. Если придется делать деления, то значит, что еще не вполне овладел предметом. Будем стараться сказать то, что мы знаем нужное, радостное нам и несомненное, и бог (тот самый, кот[орого] вы думаете, что надо обходить) нам поможет. Называя его, я признаю свою недостаточность, стараюсь я, слабое, частное вместилище его, раскрыть себя, ту часть себя, кот[орая] принимает его, чтобы он вошел в меня, насколько я могу и годеи принять его. Главное же, он мне нужен для того, чтобы выразить то, куда я иду и к кому приду. В этой однообразной жизни здешней я могу не чувствовать его, обходиться без этой формы мысли и выражения, но при переходе из прежней жизни в эту, и из этой в иную, я не могу не называть им того, откуда я пришел и куда иду, п[отому] ч[то] это есть самый близкий к истинному смыслу дела способ выражения: — от бога к богу: из вневременного и внепространственного и в такое же. Я не спорю с вами и вполне понимаю вас, и одобряю, и уверен даже, что эта ваша осторожность не принять своего произведения за существующее, только придает вам твердости, и что вы только копаете до материка, на к[оторый] можно опереться и к[оторый] не поддается. — Письмо политического ⁶ очень сильно действует, но как жалко его, что у него нет точки опоры. Вот где ужас, не в карцере, а в выхолощенной душе. Целую вас. Вл[адимиру] Гр[игорьевичу] не пишу, п[отому] ч[то] не успеваю. Москва отнима[ет] ужасно много времени. Письмо его получил и жду их. Квартира прекрасная—братнина — девочки, верно, писали.

Вегетарианская народная книга ⁷ очень нужна. Если бы вы не писали, я хотел писать. Заглавие: перестань есть мясо или живое.

Как хорошо и верно вы говорите, что надо не обличать, а просвещать.

В мыслях о сне и бессознательной жизни много хорошего, но опасно отрицательное возводить в положительное и мерять положительное отрицательным. То, что думаю об этом, скажу в другой раз и другом месте.

Л. Т.

Печатается по листам 4 и 5 копировальной книги. Впервые опубликовано в ПТС, II, № 190, стр. 233—234, с датой: «1894 г. окт.». Дата определяется местом письма в копировальной книге, где оно скопировано между письмами к М. А. Сопоцько и Д. А. Хилкову, датированными Толстым: «30 ноября 95 г.».

¹ При письме от 21 ноября 1895 г. Попов послал Толстому: 1) новый дополненный экземпляр своей статьи: «Открытое письмо к обществу»; 2) переписку с Д. А. Хилковым и 3) письмо своего знакомого «политического».

² Этим студентам, в ноябре приезжавшим в Ясную Поляну, Толстой отдал статью Попова, о чем и писал ему 14 ноября. Прислав Толстому новый экземпляр своей статьи «в окончательном виде», Попов просил указать ему адрес студентов, чтобы получить от них статью и внести в нее дополнения.

³ Леопольд Антонович Сулержицкий (1872—1916) учился вместе с Т. Л. Толстой в Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве. Осенью 1895 г. был арестован за отказ от военной службы по религиозным убеждениям и помещен в отделение для душевнобольных при военном госпитале. Однако вскоре он, под влиянием просьб родных, согласился нести военную службу и был послан в пограничные кордоны в Туркестан. Позднее был режиссером Художественного академического театра им. А. М. Горького (см. т. 87, стр. 350).

⁴ О письмах Д. А. Хилкова см. в письме № 234.

⁵ В то время Толстой особенно напряженно был занят «Катехизисом», или «Изложением веры», впоследствии получившим свое окончательное название «Христианского учения».

⁶ «Письмо политического», присланное Поповым, описывало тюремные переживания одного заключенного, его знакомого, и было им озаглавлено: «В карцере киевской тюрьмы». Личность автора письма не установлена.

⁷ См. письмо № 184, прим. 7.

233. М. А. Сопоцько.

1895 г. Ноября 30. Москва.

Получил ваши письма и рукопись,¹ дорогой Михаил Аркадьевич, и исполнил часть ваших поручений, а именно — рукопись отправил в Неделю, прося Гайдеб[урова]² снести об

ней с вами прямо, и передал с большим неудовольствием ваше поручение жене,³ последствием кот[орого] был, разумеется, справедливый и законный отказ. Солдат, и не солдат, и людей столь же жалких есть достаточно в виду у каждого, и каждый устанавливает какое-нибудь свое отношение к таким людям и держится его, вмешательство же других людей, всегда бывает только неприятно. Вопросы благотворительности я ведь уже лет 15 тому назад передумал, и перечувствовал, и переболел ими, и давно решил, что надо или всё отдать и ничего не иметь своего, или ничего не давать из того, что имеешь, а играть в милосердие нехорошо. Почему я дам этому, а не тому? На этот вопрос нет и не может быть ответа. И если я даю этому, а не тому, то только п[о]тому, ч[то] это мне так нравится, и такое давание по нравственному достоинству равняется даванию тому, кто веселит, забавляет меня. Билет солдата возвращаю. —

К последнему письму моему⁴ вам хотел приписать p[ost] s[criptum] о том, что как рассуждения о том, что вы присягнули для того, чтобы не выделяться, и едите мясо для того, чтобы быть свободным, несправедливы и основаны только на том, что вы хотите оправдать себя, так и рассуждение ваше о том, что есть личный бог, кот[орому] можно и должно молиться, основано на том, что в минуты слабости душевной вам хотелось бы, чтобы был такой бог и вы молились (бы) этому воображаемому вами богу. Самое драгоценное свойство мысли в том, чтобы думать свободно, т. е. совершенно независимо от своих чувств и своего положения. Простите, если вам неприятно то, что пишу вам. Нынче такой день, что пишу вам всё неприятное. Неприятное еще и то, что статья ваша нехороша — разбросана и нет ничего нового. Единственно приятное, что могу сказать вам, это то, что я исполняю ваше желание, люблю вас и от этого пишу вам правду, приглашая вас как можно больше давать в себе развиваться критику, судье и как можно задерживать мыслителя. Еще вам много впереди. Свободны ли вы? Что делаете? Есть ли друзья? — Ник[олай] Алекс[еевич] Философ[ов] в параличе умирает. Прощайте пока, обнимаю вас.

Л. Толстой.

30 ноября 95.

Печатается по листам 6 и 7 копировальной книги. Опубликовано впервые в «Летописях», 2, стр. 145—146.

¹ Рукопись статьи Сопоцько «Культ науки и нравственная свобода», подписана псевдонимом «Изгоев». Сопоцько писал о ней Толстому в письме от 16 октября.

² См. письмо № 212.

³ В письме от 17 ноября 1895 г. Сопоцько посылал Толстому свидетельство об отставке «одного колченого солдата — николаевского» и просил устроить так, чтобы С. А. Толстая высылала этому солдату ежемесячно по 3 рубля из гонорара за представления «Власти тьмы».

⁴ См. письмо № 209.

* 234. Д. А. Хилкову.

1895 г. Ноября 30. Москва.

Дорогой Дмитрий Александрович. Сейчас прочел ваши письма к Ев[гению] Ив[ановичу] и очень обрадовался, увидав в них ваш внутренний мир, который давно не видал и про кот[орый] не знал — какая в нем идет работа. Мне было радостно сознавать свое полное согласие со всем тем, что вы говорите там. Если есть несогласие — но и то, вероятно, оттого, что вы поспешно выражаетесь, — то только в том, что вы говорите о том, что в этом мире человек воскресает или Хр[истос] воскресает в человеке, но погребается в человечестве. Я думаю, что работа, совершающаяся в человечестве, не праздная, а что в нас идет такая же работа, как и во всем человечестве, и с теми же последствиями. Последствия, цель бога недоступна нам, но нам дано знать, что есть цель, и что мы должны делать для содействия этой неизвестной нам цели. Впрочем, я, может б[ыть], не понял вашу мысль. Всё же, что писал вам Евгений Иванович и что пишете вы ему, мне было очень важно и дорого, потому что я выражением этих самых мыслей занят с большим напряжением это последнее время. Слава богу, думаем мы все одно и то же, понимаем одинаково свое назначение в мире. Хотелось бы коротко, ясно, доступно всякому выразить это. Не знаю, велит ли бог. Очень стараюсь и желал бы, чтобы на этом деле застала меня смерть. Прощайте пока. Привет вашей жене. Пишите хоть изредка и хоть самые короткие письма.

Л. Толстой.

30 ноября 95.

* 235. И. Б. Файнерману.

1895 г. Конец ноября. Москва.

Сейчас получил письмо от Ив[ана] Млх[айловича] Тр[егубова] и в нем выписку из вашего письма о том недобром,

нехристианском настроении, кот[орое] видно в моем предисловии к Дрожжину. Это правда, и я сердечно благодарю вас за это братское обличение, дорогой Исаак Борисович, — хотя оно и косвенно дошло до меня. И письмо это напомнило мне то, что я еще хотел написать вам по случаю вашей статьи о суде. Вы там пишете, что вы признаете себя христианином, но не православным и не рационалистом, но признаете живого Христа. Что вы понимаете под этим? Истинно, смутно даже не могу представить себе, что вы под этим понимаете. Что Христос — бог и что поэтому он всегда, везде, как бог? Если так, то он замещает бога или составляет с ним двоицу? Или вы признаете Троицу, как все церковники? Если же не так, то как? Христос умер, как Сократ и все умершие люди, и потому живой не может быть. Если же под словом живой разумеет то, что образ его, представление о нем живо, то так и надо говорить, и именно избегать о Христе, о кот[ором] столько наговорено суеверного, выражения: «живой». Простите пожалуйста, если то, что пишу, будет неприятно вам, но пишу, п[отому] ч[то] это думаю и, любя и уважая, хочу говорить вам то, что думаю о вас. Боюсь, что у вас тут есть неясность, вкраившаяся вследствие какого-нибудь чувства. Не отвечая мне, подумайте об этом, уясните себе свои мысли и, если есть ошибка, исправьте ее. Если же я чего не понимаю, то разъясните мне.

Пишу же вам об этом, п[отому] ч[то] много раз видел, как раз допущенное, неоправданное, на веру принятое или чувствами вызванное положение может извратить всё мирозерцание и подорвать твердость веры. Прощайте пока.

Любящий вас Лев Толстой.

Датируется по связи с письмом к Файнерману от 18? ноября (№ 228) и с письмом к В. Г. Черткову от 1 декабря (т. 87, № 406).

236. В. Г. Черткову от 1 декабря 1895 г.

* 237. Н. Т. Изюмченко.

1895 г. Декабря 4. Москва.

Получил ваше письмо, Николай Трофимович, и спешу ответить. Очень рад был узнать о вас, но очень пожалел о том, что вести о вас нехорошие: обстоятельная, — т. е. бестолковая

жизнь, как вы пишете, и болезнь. Хуже всего первое: такая жизнь, — которой недоволен тот, кто ее ведет. — Болезнь не от нас, и потому разумный и верующий в бога человек может переносить ее спокойно; но жизнь свою нельзя тратить, как попало, и везде и во всех условиях можно делать то, для чего нам дана жизнь, а именно, совершенствоваться, приближаться к богу — «Будьте совершенны, как отец ваш небесный», стараться быть разумным и любовным во всем. И если не делать этого, то бывает очень грустно. — Делать же это, т. е. совершенствоваться и приближаться к богу, не только всегда и везде можно, но и не трудно. Некоторые думают, что для этого нужно что-то предпринимать, устраивать. Это несправедливо, надо только не делать ничего из того, что считаешь дурным; жизнь же сама сложится так или иначе, и если только не будешь делать того, что считаешь дурным, то непременно будешь делать хорошее, пот[ому] что здоровый человек не может оставаться праздным. Это самое я и советую вам, милый друг: только воздерживайтесь, не ссорьтесь, не старайтесь выказаться, не затевайте ничего нового, только не пускайте воду никуда, кроме как на колесо, и колесо будет работать на пользу вам и людям. Бог есть любовь, и человек есть любовь. И если только человек не будет отдаваться соблазнам, обманам, кот[орые] заставляют его напрасно тратить жизнь, то любовь проявится и будет делать в нем дело божие. Прощайте пока, напишите мне по-подробнее, как вы живете, с кем видите, что делаете и весь обиход вашей жизни. Жена благодарит вас за память и кланяется.

Любящий вас Л. Толстой.

4 дек. 1895.

Печатается по листам 10 и 13 копировальной книги.

Ответ на письмо Изюмченко от 9 ноября 1895 г. из места его ссылки, г. Березова Тобольской губ.

238. П. Н. Гастеву.

1895 г. Декабря 7.

Кругом виноват перед вами, дорогой Петр Николаевич. Письмо ваше и рукопись давно получил, прочел и послал в Петерб[ург] Гайдебурову. ¹ П. И. Бирюков повез ее и теперь еще там. Боюсь, что не напечатают. А напечатать нужно. Изложение

мне понравилось. Пишу это письмо к Новоселову,² которому передайте мою искреннюю любовь к нему; надеюсь, что оно вас застанет там.³ Волнующее для меня событие в Москве был отказ нашего хорошего знакомого киевского — он был близок старику Ге, и сам ученик школы живописи — Суллержицкого, от военной службы. Он сидит в отделении душевно-больных в военном госпитале на испытании в умствен[ных] способностях. Он очень живой, общительный и искренний человек и очень тверд в своем решении. Мы посещаем его. Нынче была Соф[ья] Андр[еевна] и всё свое красноречие употребляла на то, чтобы отговорить его. И я был очень рад этому. Опаснее всего для души обмануться в своих силах и начать строить башню, не имея средств достроить. Другое событие — смерть Философова.

Что вы делаете? Верно, поедете или пойдете через Москву, заходите к нам.

Прощайте, братски целую вас.

Лев Толстой.

1895, 7 декабря.

Впервые опубликовано в «Летописях», 12, стр. 66.

Петр Николаевич Гастев (р. 1866) — участник земледельческих общин, сторонник взглядов Толстого. См. т. 52, стр. 327.

¹ См. письмо № 212, прим. 2.

² Михаил Александрович Новоселов (р. 1864), основатель первой толстовской общины в Тверской губ. В конце 1880-х гг. был близок к Толстому по взглядам, но затем вернулся в православную церковь.

³ Гастев был в Ясной Поляне в начале октября (см. запись в Дневнике от 6 октября), откуда ушел пешком в Тверскую губ. с поручением от Толстого повидать там Новоселова.

239. Л. Ф. Анненковой.

1895 г. Декабря 12. Москва.

Получил чулки и ваши оба письма, дорогая Леонила Фоминична. Чулки прекрасные, и мне очень нужны были, а еще более хороши письма и еще более нужны, как нужно и радостно мне всегда общение с вами. Меня тоже очень больно поразила смерть Черкасова.¹ Здесь мне говорили — сведения от Великанова,² — что он не умышленно отравился, а от бессонницы принимал опиум всё в более сильных дозах, говорили, что он

пил. Очень жалко и больно во всяком случае. То, что вы пишете мне о том, что будто я могу быть полезен, уяснив таким люлям — им имя легион, — кот[орые], как овцы без пастыря, блуждают по жизни, не зная зачем, я сам часто думаю. Но не могу знать, правда ли это, т. е. то, что я могу и должен это сделать. Знаю я, что иногда и большей частью мне кажется всё так ясно, что кажется, что я могу и должен это сделать, главное, что я сам чувствую такую твердость и часто радость, что хочется сделать, но от того, чтобы самому испытывать и знать, до того, чтобы выразить это ясно и понятно всякому самому простому человеку, — большое расстояние. Я все-таки всё это последнее время занят этим изложением своей веры или своего понимания жизни, опять всё сначала, и иногда чувствую восторг просветления, иногда опять затемняется не в душе, но в форме выражения. Я все-таки продолжаю работать и хотелось бы, чтобы смерть застала за этой работой.

Наши все попрежнему и вас любят попрежнему. Мне очень хорошо на душе, радуюсь, что и вам также.

Братски целую вас.

Любящий вас очень Л. Толстой.

Мой привет Конст[антину] Никан[оровичу].

Впервые опубликовано в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной» 1914, № 11, стр. 65, с датой: «30 мая 1897 г.». Дата определяется тем, что в копировальной книге это письмо скопировано между письмами к А. М. Бодянскому и Д. Л. Иванову, датированными Толстым 12 декабря 1895 г.

Ответ на два письма Анненковой, оба без даты, но второе с почтовым штемпелем: «30 ноября 1895 г.».

¹ Иван Егорович Черкасов, земский учитель из Вятской губ., воспитанник Великанова.

² Павел Васильевич Великанов (1860—1945), земский учитель Лукояновского уезда Нижегородской губ., знакомый с Толстым с 1891 г. См. т. 66, стр. 62.

* 240. А. М. Бодянскому.

1895 г. Декабря 12. Москва.

Дорогой Александр Михайлович,

Пав[ел] Ив[анович]¹ сообщил мне ваше письмо и мне захотелось написать вам. Во-1-х, хочется написать вам о том, что

вы не у дела и одиноки. Дело ваше вы делаете, не переставая, уж хоть одним тем, что живете в изгнании за то, что служите истине, но я уверен, что вы не перестаете делать дело божие, только оно стало вам так привычно, что вы и не замечаете его. Одиноким же никто из нас быть не может, п[отому] ч[то] каждый из нас может перенести свою жизнь в бога и в боге найти общение со всем миром. Во-2-х, хочется написать о том, что вы напрасно жалуетесь на упадок духа. Упадок духа чувствует только тот, кто стремится к высшему состоянию духа; а есть стремление к высшему, то дух и достигнет этого высшего состояния, п[отому] ч[то] дух свободен, и потому хорошо, что вы чувствуете упадок духа. Вот я, напротив, должно быть, теперь в низком состоянии духа, п[отому] ч[то] не могу не радоваться на то вспыхиванье света истины со всех сторон, и у нас в России, и в ² Австрии и Англии. Я всегда боюсь этой радости и вспоминаю стих: не радуйтесь тому, что бесы повинуются вам, а ищите того, чтобы имена ваши были написаны на небесах. Почему вас изгнали в Кутаис, а не в другое место? Мне кажется, что и место это дурное, и вы очень удалены от друзей. Разве нет возможности вам перевестись в другое место? Пробудет ли долго с вами ваша жена? И дети где? Напишите мне, если вам не тяжело, о своей материальной жизни. Не могу ли я чем-нибудь служить вам? Я бы очень рад был, если бы мог чем-нибудь служить вам.

Любящий вас Л. Толстой.

12 дек. 95, Москва.

Печатается по листам 16 и 17 копировальной книги. Впервые опубликовано (отрывок) в журнале «Единение» 1916, 1, стр. 7.

¹ Бирюков.

² Зачеркнуто: Германии

* 241. Д. Л. Иванову.

1895 г. Декабря 12. Москва.

Очень вам благодарен, уважаемый Дм[итрий] Льв[ович], за присылку мне в высшей степени интересных фотографий. Очень может быть, что они мне нужны будут для моей работы. ¹ Я воспользуюсь вашим любезным разрешением снять копии с тех,

которые должны быть возвращены, и потому еще не возвращаю их.

Еще раз очень благодарю вас и прошу принять уверение в моем совершенном уважении.

Лев Толстой.

12 дек. 95. Москва.

Печатается по листу 21 копировальной книги.

Дмитрий Львович Иванов (р. 1846 — ум. после 1913) — бывший студент Московского университета. В 1866 г. был арестован в связи с делом Каракозова, заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к ссылке в Сибирь на поселение. Ссылка ему была заменена отдачей в военную службу рядовым. Будучи произведен в офицеры, в 1873 г. вышел в отставку, поступил в Горный институт и окончил его в 1878 г. Впоследствии геолог и автор многочисленных работ, в том числе геологических изысканий на постройке Уссурийской ж. д. С Толстым знаком не был.

Иванов прислал Толстому 15 фотографий при письме от 2 декабря 1895 г., в котором писал: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич. Прочитал в газетах, что Вы пишете новую повесть и что Вам довелось сесть за изучение материалов о жизни и работах каторжников на Сахалине. Я знаю, что таких материалов, к сожалению, немного. В моих руках есть несколько фотографий, сделанных на Сахалине в 1889 г. Если сообщение о Вашем новом труде верно, то, быть может, Вы найдете полезным просмотреть эти фотографии». При этом Иванов просил часть из них, по миновании надобности, вернуть обратно.

¹ Имеется в виду роман «Воскресение», работу над которым Толстой тогда временно оставил.

242. А. А. Шкарвану.

1895 г. Декабря 16. Москва.

Дорогой Шкарван,

Я очень виноват перед вами за то, что, получив ваше письмо и записки, ¹ так долго не отвечал вам. Старость, не столько вследствие слабости, сколько вследствие очень усложнившейся жизни, что я особенно чувствую в городе, делает, что времени становится всё меньше. Пожалуйста, извините меня.

Ваши записки в высшей степени интересны и важны. Я с умилением и большой духовной радостью читал их. Такое же впечатление они производят и на других. Немецкий дневник доктора ² (очень интересный) переведен, записки же переписываются. Чертков здесь, и я ему передал их. Одно, что в высшей степени любопытно и вместе с тем непонятно, это — отношения

ваши с графиней М. ³ Что ее привлекло к вам и что оттолкнуло? Не пишите про это, если какое-нибудь чувство мешает вам это сделать. Ваши записки еще особенно тронули меня, пот[ому] что теперь в Москве сидит в военном госпитале, в отделении душевно-больных, наш молодой друг Суллержикский, бывший художник, так же, как вы, отказавшийся от военной службы. Замечательно, что отношение к нему властей, и его к ним, почти то же в России, как и в Австрии. ⁴ Он написал свои записки во время своего ареста, и я спрошу у моих друзей экземпляр их и пришло вам. Поразительно, несмотря на различие положений и характеров, единство внутреннего состояния: душевных движений. Известие о том, что вы не освобождены совсем, а что вам предстоит опять служба или борьба, очень поразило и огорчило меня. Пожалуйста, простите меня, если то, что я скажу вам, покажется вам неприятным, но мне нужно это сказать вам; именно то, что если бы вы в предстоящем вам решении поступить или не поступить на службу избрали бы первое, то уважение и любовь моя и всех наших друзей ни на волос бы не уменьшилась. Во мне же лично есть одна сторона души, та, к[оторая] просто по-человечески любит вас, как брата, эта сторона души очень бы обрадовалась, узнав, что ей не предстоит страдать за вас, когда вас опять станут мучить. Я уверен, что все эти соображения весят очень мало для людей, решающих в своем сознании те вопросы, кот[орые] вам приходится решать, но мне хотелось снять с весов и эти маленькие тяжести, кот[орые] в такие минуты, когда весы колеблются, могут человеческими соображениями нарушать решение божеское. — Прощайте пока, братски любящий вас

Лев Толстой.

16 декабря 1895.

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в отделе рукописей Национального музея в Праге. Впервые опубликовано в ПТС, II, № 434, стр. 171.

¹ Шкарван прислал Толстому при письме и свои записки: «Почему нельзя служить военным врачом». Это письмо и записки Шкарвана впоследствии вошли в его книгу «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача», изд. «Свободное слово», Крайстчёрч, 1898.

² «Немецкий дневник доктора», переведенный, повидимому, для рукописного журнала «Архив Л. Н. Толстого», не был помещен в нем и остался неизвестным.

³ Графиней Маццукелли. См. письмо к Шкарвану от 2 мая 1896 г. (т. 69, № 76).

⁴ Постановлением военно-врачебной комиссии от 25 октября 1895 г. Шкарван был признан негодным для военной службы, и дело его кончилось сначала только отнятием докторского диплома; но в декабре постановление комиссии было отменено и Шкарвану предоставили лишь годовой отпуск, по окончании которого он снова должен был быть призван на военную службу.

* 243. С. И. Танееву.

1895 г. Декабря 16—18. Москва.

Очень благодарен г-м Чехам ¹ за их предложение. Лучше бы всего было, если бы они приехали во вторник обедать в 5. Если поезд их идет поздно, то они могли бы играть до ² обеда, если же рано, то, приехав в 3 или около этого, — до обеда. Надеюсь, что вы тоже приедете. Дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

На оборотной стороне секретки: Сергею Ивановичу Танееву.

Датируется на основании упоминания о предполагаемом посещении Толстого чешским квартетом, которое состоялось во вторник 19 декабря 1895 г.

Сергей Иванович Танеев (1856—1915) — композитор, профессор Московской консерватории, См. т. 53, стр. 450.

¹ См. письмо № 249.

² Слово: до зачеркнуто и вместо него рукой С. А. Толстой надписано после

* 244. Ф. А. Желтову.

1895 г. Декабря 18. Москва.

18 ¹ декабря 95. Москва.

Дорогой Федор Алексеевич,

Как только получил ваше письмо, так тотчас хотел вам отвечать, так как имею очень определенные мысли о том вопросе, кот[орый] занимает вас; но отчасти нездоровье, отчасти суета жизни и занятия до сих пор задержали меня. О воспитании я думал очень много. И бывают вопросы, в кот[орых] приходишь к выводам сомнительным, и бывают вопросы, в кот[орых] выводы, к кот[орым] пришел, окончательные, и чувствуешь себя

не в состоянии ни изменить их, ни прибавить к ним что-либо: таковы выводы, к к[оторым] я пришел, о воспитании. Они следующие: Воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех пор, пока мы х[отим], не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если же поймем, что воспитывать других мы можем только через себя, воспитывая себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни: как надо самому жить? Я не знаю ни одного действия воспитания детей, к[от]орое не включало бы и воспитания себя. Как одевать, как кормить, как класть спать, как учить детей? Точно так же, как себя. Если отец, мать, одеваются, едят, спят умеренно и работают, и учатся, то и дети будут то же делать. Два ² правила я бы дал для воспитания: самому не только жить хорошо, но работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать из своей жизни от детей. Лучше, чтобы дети знали про слабые стороны своих родителей, чем то, чтобы они чувствовали, что есть у их родителей скрытая от них жизнь и есть показная. Все трудности воспитания вытекают от того, что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотя не видят эти недостатки в детях. В этом вся трудность и вся борьба с детьми. Дети нравственно гораздо пронизательнее взрослых, и они — часто не выказывая и даже не сознавая этого — видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков — лицемерие родителей, и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям. Лицемерие родителей при воспитании детей есть самое обычное явление, и дети чутки и замечают его сейчас же и отвращаются и развращаются. Правда есть первое, главное условие действительности духовного влияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтоб не страшно было показать детям всю правду своей жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или хоть менее дурной. И потому воспитание других включается в воспитание себя, и другого ничего не нужно. Любящий вас

Л. Толстой.

Ответ на письмо Желтова от 19 октября 1895 г., в котором он ставил несколько вопросов о воспитании детей.

¹ *Переправлено из:* 15

² *Переправлено из:* одно

* 245. Л. Л. Толстому.

1895 г. Декабря 18. Москва.

Давно не писал тебе, милый Лева, и, несмотря на то, что ты часто пишешь, спасибо тебе, соскучился о тебе. Ты пишешь, что тебе одиноко перед праздниками, я очень понимаю это, но тут же пишешь, что у тебя есть друзья, тебя любят, — это очень радостно. Вчера был Поша у Суллера¹ — ты знаешь, что он отказался от воен[ной] службы и его держат на испытании в психиатрическом отделении военного госпиталя. Так, вчера его заперли — прежде он был на свободе и общался с своими всё такими же, как он, здоровыми товарищами — и ему стало грустно, но не надолго; все эти его товарищи солдаты, с кот[орыми] он сдружился, учил их, все пришли к его двери, все выражали ему такую любовь, что он не только утешился, но почувствовал себя счастливым взаперти. Он очень просто, добро несет свое положение, но страшно за него. — У нас в доме всё хорошо. С мальчиками, в особенности с Андр[юшей], я сблизился. Он даже стал ходить ко мне в комнату, как ты ходил — поговорить. В нем большая слабость, но очень много добродушия, так что я очень рад, что его полюбил. Вчера он уехал, жалко его.² Но пути, кот[орым] идут люди всё к одной и той же цели, все различны. С мама у меня самые радостные, близкие, откровенные отношения. Это нас обоих очень радует. Хочется мне писать много, но не позволяю себе ничего другого, кроме того, что я начал в форме катехизиса, теперь просто, без вопр[осов] и отв[етов]. Девочки хороши; Саша стала огромная и еще представляет загадку и для нас и для себя самой, но натура хорошая. Нынче все в концерте — чехов квартета,³ а я один дома и за долгое время выбрал время написать письма. Много бы хотелось бы написать тебе, да не знаю, что ты знаешь, чего не знаешь. Знаешь ли ты про Шкарвана, про духоборов? Про Суллерж[ицкого]? Знаешь ли про статьи Соловьева?⁴ Это всё в одном направлении. Напряжение всё растет и растет. Иногда мне это кажется, а иногда кажется, что этого ничего нет. Одно я знаю, и это несомненно, что та истина, кот[орой] я живу всё больше и больше, будет завоевывать мир и завоюет его весь, а что я с этой истиной умру спокойно. Прощай, целую тебя.

По письмам твоим не знаю, ходишь ли ты и много ли и как весишь.

Л. Т.

Впервые опубликовано (отрывок) в книге В. А. Жданова «Любовь в жизни Толстого», 2, М. 1928, стр. 174. Дата определяется, с одной стороны, почтовым штемпелем: «Москва, 21 XII 1895 г., а с другой — словами письма: «Нынче все в концерте — чехов квартета». Чешский квартет играл в Москве 18 декабря.

¹ У Леопольда Антоновича Сулержицкого. В семье Толстых его сокращенно называли «Суллер».

² Андрей Львович Толстой в 1895 г. поступил вольноопределяющимся на военную службу.

³ В декабре 1895 г. в Москве гастролировал с большим успехом чешский струнный квартет, состоявший из Ганса Вигана (1855—1920), Карла Гофмана (1872—1936), Иосифа Сука (1874—1935) и Оскара Недбала (1874—1930).

⁴ Речь идет, вероятно, о статьях В. С. Соловьева «Нравственность и право» («Вестник Европы» 1895, XI) и «Значение государства» (там же, XII). Обе статьи представляли собою отдельные главы из его большого сочинения «Оправдание добра» и резко противоречили взглядам Толстого.

* 246. И. М. Трегубову.

1895 г. Декабря 18? Москва.

Дорогой Ив[ан] Мих[айлович].

Все ваши письма получил и всё с помощью Черткова исполню!¹ Трубедному² пишете. Ему будет сказано о вас. Гарнаку³ мне неудобно писать. Но вы пишете, если хотите. О предмете вашего обращения к Гарнаку после.

О моем гонении⁴ надо справиться у Фед[ора] Ал[ексеевича] Страхова. Он знает про священника, читавшего проповедь про антихр[иста]. Вашу статью о гонениях мы хотим передать Кенворти, когда он приедет.⁵ — Я делаю большие усилия для того, чтобы понять тот интерес, кот[орый] вы можете находить в вопросах критики, и все-таки не могу ясно представить себе вашего душевного состояния; но, зная вашу серьезность и искренность, понимаю, что вам это нужно, и единственное объяснение этого для меня явления, что яд безбожия, привитой вам вашим воспитанием, еще действует в вас, хотя и много слабее, так что можно надеяться на скорое совершенное освобождение. А как вы хорошо делаете, что так усердно поддерживаете переписку и через нее общение между всеми нами. Это очень важно и даже не по последствиям, а просто радостно и подкрепляет людей.

Скажите Ев[гению] Ив[ановичу], что его предисловие к вегет[арианской] книге мне не очень понравилось; зато письмо

его очень хорошо. Не отвечаю ему, по[тому] ч[то] написал нынче больше 10 писем, выбрав в месяц наконец свободный вечер, а во-2-х, п[отому] ч[то] скоро увижу его. Прощайте пока, очень любящий вас

Л. Толстой.

На конверте: Россоша, Воронежской губ. Ивану Михайловичу Трегубову.

В конце письма рукой Трегубова помечено: «20 декабря 1895 г.». Дата определяется, с одной стороны, почтовым штемпелем отправления: «Москва. 21. XII — 95 г.», с другой — упоминанием в тексте письма: «написал нынче больше 10 писем», что позволяет отнести это письмо к 18 декабря — дню, от которого сохранилось еще несколько писем.

Ответ на два письма Трегубова: от 11 и 14 декабря 1895 г. В последнем он сообщал Толстому, что хотел бы поближе ознакомиться с «данными библейской критики» и по этому поводу войти в письменное общение с С. Трубецким и протестантским богословом Гарнаком, знающим русский язык, он просил Толстого помочь ему в этом, а именно к его письму к Гарнаку «прибавить несколько слов от себя для того, чтобы Гарнак отнесся к нему с доверием».

¹ В письме от 11 декабря 1895 г. Трегубов просил Толстого прислать ему все получаемые письма, содержащие какой-либо материал о сектантах и о гонениях на них; о том же он просил также Татьяну Львовну и Марию Львовну.

² Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1906), профессор философии Московского университета, в 1890-х гг. много занимался вопросами по истории раннего христианства.

³ Адольф Гарнак (1851—1930), профессор Берлинского университета, исследователь в области раннего христианства.

⁴ В своем письме Трегубов писал Толстому: «Недавно я вспомнил, что Вы, Л. Н., были гонимы за свою веру и, главное, за ту любовь, которую Вы обнаружили во время голода 92 года. Попы и возбужденная ими толпа называли Вас антихристом и собирались причинить Вам и Вашим помощникам вред» — и просил Толстого, не может ли он записать это и прислать ему.

⁵ Кенворти приехал в Москву из Лондона в конце декабря этого года и здесь впервые лично познакомился с Толстым.

247. Эугену Генриху Шмиту (Eugen Heinrich Schmitt).

1895 г. Декабря 18. Москва.

Lieber Freund,

Entschuldigen Sie mich, ich bitte, dass ich ihnen so lange nicht geschrieben habe. Ihr Buch: Das Geheim[nis] Chr[ist]i¹

und später das 6-e Heft der R[eligion] d[es] G[eistes] [habe ich] erhalten. Die Form des ersten hat mir nicht so sehr gefallen; was den Artikel: Liebet eure Feinde² anbetrifft, so bin ich mit der Grundidee des Artikels gänzlich übereinstimmend.

Was die Bemerkungen ihres Russischen Freundes³ anbetrifft, so können sie diese abdrucken lassen, aber nur nicht in meinem Namen oder des Verfassers der Correspondenz über die Duchoboren. Der Erfolg ihrer Thätigkeit freut mich sehr, obgleich ich bei solcher immer des Spruches des Evangeliums gedenke, wo es Lukas X, 20 gesagt wird, dass die Jünger sich nicht freuen sollen... u. s. w. — Es ist so natürlich und gefährlich sich zu täuschen und mehr, als es in der That ist, Wichtigkeit solchen Begebenheiten, die uns erwünscht sind, und noch gefährlicher — mehr dem Äusseren, als dem Inneren, zuzuschreiben, dass ich eben jetzt, da ich von allen Seiten dieselbe Anerkennung der Wahrheit sehe, mir öfters diesen Spruch erinnere.

Ihr Freund Leo Tolstoy.

18/30 December 95. Moskau.

Дорогой друг,

Простите, пожалуйста, что я так долго вам не писал. Вашу книгу «Тайна Христа»¹ и, позднее, 6-ю тетрадь «Религии духа» получил. Форма первой мне не очень понравилась, что же касается статьи «Любите врагов ваших»,² то я совершенно согласен с ее основной мыслью.

Что касается замечаний вашего русского друга,³ то вы можете их напечатать, но только не от моего имени и не от имени автора корреспонденции о духоборах. Успех вашей деятельности меня очень радует, хотя при таких обстоятельствах я всегда вспоминаю изречение евангелия, где, Лука, X, 20, говорится, что ученики не должны радоваться... и т. д. Так естественно и опасно обмануться и придать желательным для нас событиям больше значения, чем они в действительности имеют, а еще опаснее приписать внешнему больше значения, чем внутреннему, — что даже сейчас, когда я со всех сторон встречаю одинаковое признание истины, я зачастую вспоминаю об этом изречении.

Ваш друг Лев Толстой.

18/30 декабря 95. Москва.

Печатается по листу 26 копировальной книги. Опубликовано впервые в книге Кейхеля «Die Rettung wird kommen», Гамбург, 1896, стр. 35.

¹ «Das Geheimnis Christi. Ein Mysterium» («Тайна Христа. Мистерия»), Лейпциг, 1895. Книга Шмита написана в «поэтической форме мистерии», как писал Шмит в письме от 6/18 октября. Эта литературная форма и не понравилась Толстому.

² Статья Шмита «Любите врагов ваших» напечатана в его журнале «Religion des Geistes» 1895, № 6, стр. 169—177.

³ В письме от 28/16 ноября Шмит писал Толстому, что его «русский друг», переводчик статьи П. И. Бирюкова о преследовании духоборов в России, сделал к ней несколько дополнительных замечаний, касающихся участия Хилкова в движении духоборов и некоторых эпизодов преследования, и спрашивал разрешения Толстого напечатать эти замечания.

* 248. Берте фон Зутнер (Bertha von Suttner).

1895 г. Декабря 19. Москва.

Chère Madame,

J'ai reçu votre lettre trop tard pour avoir le temps d'envoyer une dépêche, et je regrette beaucoup ce contre-temps, qui m'a privé du plaisir de remplir votre désir et de l'occasion de témoigner de ma haute estime de vos travaux, ainsi que de ceux de la société de la paix.

Recevez, Madame, l'assurance de ma considération.

Léon Tolstoy.

19/30 Décembre 1895.

Милостивая государыня,

Я получил ваше письмо слишком поздно, чтобы успеть послать телеграмму, и очень сожалею об этой проволочке, лишившей меня удовольствия исполнить ваше желание и случая засвидетельствовать вам мое глубокое уважение к вашей деятельности, а также к деятельности общества мира.

Примите, милостивая государыня, выражение моего совершенного уважения.

Лев Толстой.

19/30 декабря 1895.

Печатается по листу (без номера) копировальной книги.

Берта фон Зутнер (1843—1914) — австрийская писательница, пацифистка, автор романа «Die Waffen nieder!» («Долой оружие!»), 1889.

Ответ на письмо Зутнер от 8 декабря н. ст. 1895 г., в котором она сообщила Толстому о предстоящем 18 декабря годичном собрании основанного ею Общества друзей мира и «закликала» его прислать на это собрание телеграмму.

* 249. А. Д. Столыпину.

1895 г. Декабря 19. Москва.

Дорогой Аркадий Дмитриевич,

У нас нынче от двух с половиной часов до пяти играют чехи (квартет знаменитый), не приедете ли вы и Мария Аркадьевна¹. Это доставило бы удовольствие и вам и нам.

Лев Толстой.

Печатается по машинописной копии. Дата определяется словами письма: «У нас нынче... играют чехи», и записью в дневнике С. А. Толстой от 19 декабря 1895 г.: «Играли у нас чехи».

Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821—1899) — генерал-от-инфантерии, товарищ Толстого по Севастополю. См. т. 47, стр. 261—262.

¹ Дочь Столыпина (ум. в 1927), была замужем за Владимиром Александровичем Офросимовым.

250. Арvidу Эрнефельту.

1895 г. Декабря 22. Москва.

Дорогой Арвид Эрнефельт,

Я очень виноват перед вами. Перевод ваш я получил¹ и передал его друзьям моим. Многие читали вашу книгу и получили от нее пользу и радость. В наш Архив² мы еще не поместили ее. Номера Архива постараюсь прислать вам; пишу: постараюсь, п[о]тому ч[т]о не знаю, есть ли готовые. Пожалуйста же, простите меня за то, что не известил вас о получении вашей рукописи. Сделалось это по разным причинам, но только не по той, чтобы я не ценил вас и не дорожил общением с вами. В книге вашей есть драгоценные черты правдивости и серьезности, и потому она действует на людей.

Как идет теперь ваша жизнь? Напишите мне. Увидаться же с вами я буду очень рад, только не советовал бы вам предпринимать стоящее время и денег путешествие нарочно в Москву. Коли бог велит, и так свидимся, а нет, то переговоримся письмами. Если что знаю и сумею сказать, подробно отвечу на ваши вопросы.

Любящий вас Л. Толстой.

22 дек. 1895.

На конверте: Финляндия. Гельсингфорс. Арvidу Эрнефельт.

Впервые опубликовано в книге Арвида Эрнефельта «Мое пробуждение (Исповедь)», М. 1921, стр. XIX.

Ответ на письмо Эрнефельта от 10 мая 1895 г., в котором он спрашивал о судьбе посланного им русского перевода своей книги «Мое пробуждение» и просил Толстого высказать о ней свое мнение.

¹ Рукопись была получена 18 июня (см. запись в Дневнике от 19 июня, т. 53, стр. 44) и передана Черткову.

² «Архив Л. Н. Толстого» — рукописный журнал. См. письмо к Эрнефельту № 21, прим. 1.

251. С. А. Толстой от 28 декабря.

252. В. Г. Черткову от 28 декабря.

253. Л. Я. Гуревич.

1895 г. Декабрь? Москва.

Дорогая Любовь Яковлевна.

Мне прочла одна наша знакомая ¹ рассказ, кот[орый] никак не назван, но который она *не хочет* назвать *Сиротка*; мне рассказ чрезвычайно понравился, и я попросил ее послать его вам. Она согласилась, и я так и делаю. ² Если вы захотите знать что-нибудь больше об авторе, спишитесь с Таней. Это ее приятельница.

Давали одному знакомому читать книгу А[кима] Льв[овича], и были рады слышать, что она, как я ожидал, была полезна ему. Поблагодарите его за присылку. Дружески жму вам руку.
Лев Толстой.

Впервые опубликовано в «Летописях», 2, стр. 124. Дата определяется предположительно, на основании упоминания о присылке книги А. Волынского «Русские критики»; хотя на обложке и обозначен 1896 г., книга в действительности вышла в конце 1895 г., так как на экземпляре, посланном Толстому, сделана автором надпись: «Льву Николаевичу Толстому от любящего его автора. 1895. Ноября 30».

¹ Софья Александровна Стахович (1862—1942).

² Рассказ Стахович в «Северном вестнике» напечатан не был. Он вышел в 1899 г. в изд. «Посредник» под заглавием «Сиротка», с рисунком И. Е. Репина.

СПИСОК ПИСЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО, ТЕКСТ КОТОРЫХ НЕИЗВЕСТЕН

1. Н. И. Флоринскому. 1895. *Конец января*. Упоминание Флоринского в письме от 1 февраля.
2. Л. Я. Гуревич. *Января 29*. Упоминание Толстого в письме к Н. Н. Страхову от 29 января.
3. В. Е. Генкелю. Ответ на его письмо от 10 апреля.
4. В. Е. Генкелю. Ответ на его письмо от 26 апреля 1895 г. Упоминание в письме Генкеля от 18 мая.
5. А. Н. Холлизееву. *Мая начало*. Упоминание в письме Холлизеева от 9 мая.
6. Джону Кенворти. *Мая середина*. Упоминание в письме А. Ф. Моода от 20 мая.
7. М. А. Сопоцько. *Июня 12*. Упоминание в письме Сопоцько от 14 июня.
8. А. М. Олсуфьевой. *Июня середина*. Упоминание в письме Олсуфьевой от 19 июня 1895 г.
- 9—12. **Неизвестным**. 2—3 июля написано 4(?) письма. См. запись в Дневнике от 4 июля: «Третьего дня и вчера писал письма — написал более 10», т. 53, стр. 45. Из них известны только шесть писем.
13. П. И. Бирюкову. *Августа 16—17* — телеграмма. Упоминание в письме Бирюкова от 18 августа.
14. П. И. Бирюкову. *Сентября конец (?)*. Упоминание в письме Бирюкова от 29 сентября.
15. П. И. Бирюкову. *Октября 5*. Упоминание в письме Бирюкова от 11 октября.
16. Джону Кенворти. *Октября 5*. Упоминание в Дневнике Толстого от 6 октября (т. 53, стр. 59).
17. М. Э. Эдзеховскому. Ответ на его письмо от 14/2 октября. *Октября начало*. Упоминание в письме к В. Г. Черткову от 12 октября.
18. Эугену Генриху Шмиту. *Октября 8* — телеграмма. Упоминание в письме к Шмиту от 8 октября.
- 19—23. **Неизвестным**. 18 декабря написано 5(?) писем. Упоминание в письме к И. М. Трегубову от 18 декабря: «Написал нынче более 10 писем». Из них известны только пять.

СПИСОК ПИСЕМ,
НАПИСАННЫХ ПО ПОРУЧЕНИЮ Л. Н. ТОЛСТОГО

1895

1. Хиве Каган — на письмо от 2 января, ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Ответь, что отвечать нечего. С марк[ой].

2. Робертсону-Скотту — на письмо от 22/10 января, с присылкой брошюры о квакерах. Пометка на конверте рукой Толстого: Поблагодарить за интересную присылку.

3. Эрнесту Смит — на письмо от 23/11 января, с присылкой первых страниц рассказа. Надпись Толстого на конверте: Напиши, что я прочел его начало и, насколько могу судить по началу, сочинение это не будет иметь успеха.

4. А. К. Боянусу — на письмо от 15 января ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Ответить, что в заграничных изд[аниях].

5. Козловскому — на письмо от 18 января, ответила М. Л. Толстая на основании надписи на конверте рукой Толстого: Отец просил передать, что ответы на ваши вопросы изложены им в его сочинениях, и он очень рад бы был, если бы они удовлетворили вас.

6. В. В. Стасову — на письмо от 24 января, ответила Т. Л. Толстая: Отец предоставляет вам выбирать, что вы найдете нужным.

7. И. В. Попову — на письмо от 25 января, отвечено одной из дочерей Толстого на основании его пометки: Отец мой просит вас извинить его, что он не исполняет вашего желания. Он очень занят и советует вам послать рукопись в другую редакцию.

8. М. В. Шпановой, из Курска, — на письмо от 25 января, ответила М. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Напиши, что просил Посредник, обращаться к нему.

9. В. Г. Сысоеву — на письмо от 29 января, ответила М. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Написать, что нет и трудно достать.

10. **Кларе Бооль** — на письмо от 30 января, ответила М. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Ответь, что получ[ил] письмо и рад, что знаю про нее.

11. **Хиве Каган** — на письмо от 1 февраля, отвечено одной из дочерей Толстого на основании его пометки: Ответь, что толковать нечего.

12. **Николаю Урике** — на письмо от 15/2 февраля, с просьбой о разрешении перевести на сербо-хорватский язык рассказ «Хозяин и работник». Помечено на конверте рукой Толстого: Ответить надо, что разрешаю.

13. **И. Д. Гальперину-Каминскому** — на письмо от 17/5 февраля, отвечено на основании пометки Толстого: Попросить прислать письмо Дюма. И обещать свой Хоз[яин] и раб[отник].

14. **Эдгару Джонсу** — на письмо от 18/6 февраля, с извещением об избрании Толстого почетным вице-президентом Международного общества писателей. Помечено на конверте рукой Толстого: Написать благодарность. Я подпишу.

15. **Вуде** — на письме от 21/9 февраля помечено рукой Толстого: Поблагодар[ить] за книгу, когда получ[ится].

16. **Н. Е. Чернышеву** — на письмо от 12 февраля, с просьбой указать, где бы он мог достать книгу Толстого «Царство божие внутри вас», отвечено на основании пометки Толстого: Ответить, что нет, а за гра-ни[цей].

17. **В. Б. Антоновичу** — на письмо от 14 февраля, с просьбой о пожертвовании в научное общество имени Шевченко во Львове портрета Н. И. Костомарова работы художника Н. Н. Ге, отвечено на основании пометки Толстого: Ответить, что я соглас[ен], дело за Петр[ом] Ник[олаевичем] (сыном художника Н. Н. Ге).

18. **Н. П. Столпянскому** — на письмо от 18 февраля, отвечено на основании пометки Толстого: Благодарить за присылку книг.

19. **С. В. Васильеву** — на письмо от 24 февраля, ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Ответь, что ничего не имею против.

20. **П. А. Эверсу** — на письмо от 25 февраля, с просьбой разрешить перевести на латышский язык «В чем счастье», отвечено на основании пометки Толстого: Написать, что очень рад.

21. **В. Филипову** — на письмо от 27 февраля, с просьбой познакомить его с взглядами Толстого, отвечено на основании пометки Толстого: Написать, что может узнать это из последних сочинений. Ц[арство] б[ожие], Х[ристианство] и Пат[риотизм], к[оторых] у меня нет, но достать, думаю, можно.

22. **Обществу «Umelecka Beseda», из Праги,** — на присылку почетного членского билета. Ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Благ[одарить] по-ру[сски].

23. **Э. Г. Валечек, из Праги,** — на письмо от 13/1 марта, с просьбой предоставить ему право издания на чешском языке рассказа «Хозяин и

работник», отвечено на основании пометки Толстого: Ответить разрешено.

24. А. Е. Грушину, знакомому Д. В. Григоровича, — на письмо от 2 марта, с просьбой разрешить прислать написанную им повесть, ответила М. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Написать, чтобы не присылал. Д. В. Григоровичу.

25. М. В. Булыгину 3 (?) марта, по поручению Толстого, было послано письмо с просьбой выслать для него «статью Евгения Шмита о Мамоне вместе с переводом ее на русский язык», о чем сообщал Булыгин в письме от 11 марта.

26. Е. П. Павловой — на письмо от 5 марта, с просьбой написать статью или предисловие для ее сборника «Путь жизни», отвечено на основании пометки Толстого: Отослать и сказать — не могу.

27. С. Н. Трухачеву — на письмо от 8 марта, с просьбой разрешить напечатать прилагаемые стихи, посвященные им Толстому, отвечено на основании пометки Толстого: Ответить, что согласен, но запрещен[о].

28. Н. К. Реутовскому — на письмо от 10 марта из Самары, с вопросом о согласии на издание отдельными книжками рассказа «Хозяин и работник», ответила Т. Л. Толстая.

29. Анне Телешевой — на письмо от 10 марта с просьбой указать, где можно достать «Царство божие внутри вас», ответила Т. Л. Толстая.

30. А. М. Киселю — на письмо от 11 марта, с просьбой послать сочинения Толстого для библиотеки Прилуцкого общества сельских хозяев. Отвечено посылкой книг на основании пометки Толстого: Выслать экз[емпляр] соч[инений].

31. Г. П. Иваненко, И. Проханову и А. Берникову — на письмо от 12 марта из Петербурга, с просьбой высказаться печатно о сектантах, отвечено на основании начатого Толстым черновика-автографа: Очень рад случаю, заставляющему меня исправить мою неучтивость и хоть через (несколько месяц.) полгода ответить вам. Я не отвечал вам полгода тому назад, п[отому] ч[то] не мог исполнить вашего желания по причинам, кот[орые] коротко не сумел бы объяснить, теперь же рад случ... Отметка на конверте неизвестной рукой: «Отв[ечено] 12 сент. 1895 г.».

32. Александру Черкесову — на письмо от 13 марта, с приложением двух фотографических карточек — себя и своей дочери, отвечено на основании пометки Толстого: Поблагодарить за карточки.

33. Софье Гейдерих — на письмо от 16 марта, с просьбой о разрешении на перевод ею сочинения г-жи Сейрон «Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben» («Граф Лев Толстой. Из его интимной жизни»), отвечено на основании пометки Толстого: Ответить, что согласен на перевод.

34. Куррьер (Courrière) — на письмо со ст. Клевань Волынской губ. от 17 марта, с просьбой об авторизации перевода на французский язык

повести «Хозяин и работник». Помечено рукой Толстого на конверте: Нельзя сказать, одобряю ли.

35. **И. Л. Леонтьеву** — на письмо от 18 марта, с приложением его книги «О народном театре», отвечено Т. Л. Толстой.

36. **Лу Андреас Саломе и Фриде Бюлов** — на письмо от 30/18 марта, с просьбой о разрешении посетить Толстого в Москве. На обороте письма помечено рукой Толстого: Отв. я на конверте: Отв., что я в Москве, но у меня вес[ьма] сильно больна жена.

37. **В. Н. Коробанову**, из Москвы, — на письмо от 19 марта с его стихами, отвечено на основании пометки Толстого: Стихи ваши сочинены, в этом их недостаток.

38. **И. Хуллигеру** — на письмо от 19 марта, с просьбой о разрешении на перевод повести «Хозяин и работник», отвечено Т. Л. Толстой на основании пометки Толстого: <Напиши> Ответить.

39. **Султану Меджиду Ганиеву**, из Баку, — на письмо от 27 марта, с просьбой разрешить издание его перевода на азербайджанский язык комедии «Первый винокур», отвечено на основании пометки Толстого: Отв[етить], что всем разрешено.

40. **Н. Певзнеру** — на письмо от 27 марта, с просьбой о высылке ему «Исповеди», отвечено на основании пометки Толстого: Ответить, что нет — за границ[ей].

41. **Г. Трахтенбергу** — на письмо от 29 марта, с просьбой объяснить ему мотивы душевного движения Брехунова, спасающего Никиту в рассказе «Хозяин и работник», отвечено на основании пометки Толстого: Отв[етить], что нельзя передать определенными словами моего худож[ественного] произв[едения].

42. **Бернгарду Эйленштейну** — на письмо от 6 апреля н. ст., с присылкой книги Генри Джорджа «A perplexed philosopher» («Запутавшийся философ»), — пометка рукой Толстого: Благодарить за присылку, очень занят другими вопросами.

43. **Диане Гарсия**, певице из Южной Америки, — на письмо из Парижа от 4 мая/ 22 апреля, с просьбой о свидании. Помечено на конверте рукой Толстого: Ответить, что не до посещений.

44. **В. Е. Генкело**, из Мюнхена, — на письмо от 18 мая, с сообщением, что он ожидает приезда Толстого на 15 июня н. ст., отвечено М. Л. Толстой на основании пометки Толстого: Написать, что раздумал.

45. **А. Ф. Калите** — на его просьбу в письме от 18 мая прислать ему сочинения Толстого посланы книги на основании пометки Толстого: Послать 13, 14 т[ом] и рассказ[ы].

46. **Э. Муру**, из Чикаго, — на письмо от середины мая, с присылкой двух книг. Пометка на конверте рукой Толстого: Благодарить.

47. **И. Ф. Волкову** — на письмо от 21 мая, с просьбой выслать литературу, издаваемую обществом трезвости, ответила М. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Написать и послать листки.

48. **А. Ю. Фрею** — на письмо от 29 мая, с просьбой разрешить перевод повести «Хозяин и работник» на финский язык, отвечено на основании пометки Толстого: Ответить разрешаю.

49. **Венедикту Немировскому**, из Эссена в Славонии, — на письмо от 2 июня, с просьбой разрешить перевод сочинений Толстого на кроатский язык, отвечено Т. Л. Толстой на основании пометки Толстого: Напиши согласие.

50. **Изабелле Флоренс Хангуд**, из Нью-Йорка, — на письмо от 16/4 июля, с просьбой написать предисловие к ее переводу двух рассказов Лескова. Помечено на конверте Толстым: Ответь, что очень занят и не могу.

51. **Ивану Новикову**, из Тулы, — на письмо от 16 июля с вопросом, где достать сочинения Толстого «В чем моя вера?» и др., отвечено одной из дочерей Толстого на основании его пометки: Ответь, что нет, а цензура не пропуска[ет].

52. **В. В. Стасову** — на письмо из Киева от 31 июля, с просьбой о разрешении посетить Толстого в Ясной Поляне проездом в Москву, ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Приезжайте, рад вас видеть. Л. Толстой.

53. **А. А. Борзенко** — на письмо от 2 августа, с извещением, что им послана Толстому, по поручению Э. А. Козалета, книга «Memorial of a short life» («В память короткой жизни»). Пометка Толстого: Написать и благодарить, если книга получена. Кажется, нет.

54. **М. А. Коншину** (пом. редактора «Биржевых ведомостей») — на письмо его из Петербурга от 6 августа, с извещением о высылке газеты и просьбой высказаться о ней, отвечено на основании пометки Толстого: Благодарить за присылку и сказать, что буду читать и скажу, если что найду нужным.

55. **Р. Огибалову** — на письмо от 9 августа, с приложением им своей рукописи «Торжество истины» и просьбой высказаться о ней. На рукописи пометка Толстого: Сочинение это нехорошо. Л. Т.

56. **А. К. Заборовскому**, из Минусинска, — на письмо от 14 августа, с просьбой разрешить выслать Толстому его рукопись — наблюдения над местной жизнью, отвечено на основании пометки Толстого: Чтобы обратились в Неделю.

57. **Эдварду Брайту**, из Нью-Йорка, — на письмо от 13/1 сентября, с просьбой о предоставлении ему права на перевод повести «Хозяин и работник». Помечено на конверте рукой Толстого: Ответить, что не даю искл[ючительного] права.

58. **М. Д. Белкину** — на письмо от 7 сентября, с просьбой «предать гласности» приложенный при письме его благотворительный проект, отвечено на основании пометки Толстого: Вернуть назад, не могу помест[ить].

59. **Иллариону Толстому**, бывшему флигель-адъютанту, — на письмо от 8 сентября, с присылкой двух своих брошюр, отвечено одной из дочерей

Толстого на основании его пометки: Отец просил благодар[ить] за присланные интересн[ые] брошюры.

60. **Б. Ф. Лебедеву** — на просьбу в его письме от 10 сентября послать наложенным платежом книги Толстого. На конверте пометка Толстого: Послать, что просит.

61. **Касьяновой**, гимназистке 8-го класса Орловской гимназии, — на письмо от 19 сентября с вопросом, что нужно для вступления в какую-нибудь колонию последователей Толстого, отвечено на основании пометки Толстого: Ответить, что колоний нет.

62. **Юлии Эйварович** — на ее просьбу в письме от 30 сентября прислать экземпляр статьи Толстого «Неделание», ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Пошли ей или напиши, что есть в 12 т[оме].

63. **П. Л. Пискунову** — на просьбу в письме от 2 октября выслать книжек против пьянства, ответила М. Л. Толстая посылкой книг на основании пометки Толстого: Послать о пьянстве книги.

64. **Лауренсу Гровлунду**, из Вашингтона, — на письмо от 31/19 октября, с просьбой помочь ему устроиться корреспондентом каких-нибудь русских газет. Помечено на конверте рукой Толстого: Ответить учтиво, что постараюсь.

65. **Л. Д. Левитан** — на просьбу в письме от 24 октября разрешить перевести на малороссийский язык драму «Власть тьмы», ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Ответь, что очень рад.

66. **Ф. А. Куманину** — на просьбу в письме от 28 октября разрешить напечатать в журнале «Театрал» драму Толстого «Власть тьмы», ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Ответить, что можно.

67. **М. А. Бернову** — на письмо от 5 ноября, с настойчивой просьбой принять его. Помечено Толстым: Бернову ответить, что не могу. Бернову — на второе письмо в тот же день с извещением об отправлении им первого письма, отвечено на основании пометки Толстого: Бернову ответить сейчас же, что я не могу принять.

68. **А. И. Дувану** — на письмо от 13 ноября, с просьбой разрешить издавать маленькими книжками небольшие произведения Толстого для бесплатной раздачи учащимся — покупателям его писчебумажного магазина, отвечено на основании пометки Толстого: Ответ[ить], что можно после 81 года.

69. **В. А. Молочникову** — просьбу его в письме от 22 ноября послать ему фотографию Толстого исполнила Т. Л. Толстая на основании отметки Толстого: Пошли ему фотографию.

70. **В. Д. Щучкину** — на письмо от 24 ноября, с просьбой дать ему стипендию для приготовления к профессорскому званию, отвечено на основании пометки Толстого: Отослать назад бумагу, не могу.

71. **А. А. Ланских**, из Костромы, — на письмо от 12 декабря, с вопросом, как произносить слова «тае» или «таё» в роли Акима из «Власти тьмы», ответила М. Л. Толстая.

72. П. М. Новицкому — на письмо от 14 декабря, с просьбой о предоставлении места врача в Тульской губ., отвечено одной из дочерей Толстого на основании его пометки: Поскорее ответь.

73. Д. А. Дмитриеву — на письмо от 17 декабря, с извещением о присылке сборника своих произведений, ответила Т. Л. Толстая.

74. П. С. Алексееву — на письмо от 21 декабря с вопросом о здоровье Толстого и о его трудах. Отвечено на основании пометки Толстого: Ответ[ить] благодар[ю].

75. Эммануэлю Вертхеймеру, из Берлина, — на письмо от 4 января 1896 г./23 декабря 1895 г. с извещением о посылке книги «Pensées et maximes» («Мысли и изречения»). На 4-й стр. письма рукой Толстого карандашом набросок ответа: Geehrter Herr. Ich habe (ihren Brief sowie) ihr Buch erhalten u[nd] danke ihnen (herzlich) verbindlichst (da) für dessen Zusendung Leo Tolstoi [«Милостивый государь. Я получил (ваше письмо, а также и) вашу книгу и (сердечно) признательно благодарю за их присылку. Лев Толстой»]; на конверте его же рукой: Ответить благодар[ю].

76. Л. Я. Можаровскому — на его просьбу в письме от 26 декабря разрешить для постановки на сцене переделку драмы «Власть тьмы» на малороссийском языке под названием «Темни люди», ответила Т. Л. Толстая на основании пометки Толстого: Напиши — согласен.

77. Ивану Новикову, из Тулы, — на письмо от 27 декабря с вторичной просьбой прислать, хотя бы на время, для прочтения книгу Толстого «В чем моя вера?», отвечено на основании пометки Толстого: Послать, что есть.

78. Н. И. Максиму, переплетчику из Царского Села, — на письмо от 31 декабря, с просьбой послать ему книг. Он писал, что прочел некоторые сочинения Толстого во время работы над переплетом их, и ему теперь не нравится все, что он читал прежде. Отвечено Т. Л. Толстой. В письме от 9 июня Максимов благодарил Толстого за присылку письма и книг.

79. Катыку, фабриканту гильз, — на его просьбу в письме от 1895 г. разрешить печатать сочинения Толстого для премий, отвечено на основании пометки Толстого: Отв[етить], что после 81 г. можно.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ

	№	Стр.
Александрову А. И.	2—9 ноября	218 247
Александрову А. А.	28 июня	108 109
Алехину М. В.	14 февраля	29 30
»	16 мая	89 94
»	4 сентября	151 154
* Андрееву В. Ф.	18 сентября	166 180
* Анненковой Л. Ф.	6? апреля	68 75
»	1—10 августа	134 138
»	19 августа	137 141
»	12 декабря	239 274
Архангельскому А. И.	29 августа	146 150
* Ахременко П. М.	7—20 октября	200 231
Баженову И. Р.	8—9 ноября	219 248
Беллоузу Д.	5—6 октября	189 211
* Берсу В. А.	18 сентября	167 181
Бирюкову П. И.	8 июня	97 100
* Болянскому А. М.	2 октября	179 193
»	5 октября	182 202
»	12 декабря	240 275
Бондареву Т. М.	19—26 августа	139 143
* Бооль К. К.	9 ноября	222 251
* Братскому издательскому товариществу	Конец августа	149 152
»	»	150 153
* Бруни А. А.	14—26? июля	123 121
Буткевичу А. С.	3 января	2 41
* Ван Дейлю	18 ноября	226 257
* Венгерову С. А.	1—5 апреля	67 73
»	8 июня	98 101
»	26 июля	125 122
Веригину П. В.	21 ноября	229 262
Веселитской Л. И.	10 июля	115 115
* Веселовской В. Н.	1 февраля	19 21
* Виману Э. А.	4 мая	81 86
* Владиславлеву В. М.	2 ноября	213 246
* Воробьеву Е. Н.	4 января	4 12
»	1 февраля	20 22
»	14—16? февраля	32 33
* Вундзаму Ю.	Конец февраля?	42 40
* Гайдебурову В. П.	28 апреля	78 82
»	13 июля	118 118

		№	Стр.
* Гайдебурову В. П.	30 октября	212	246
Гастеву П. Н.	7 декабря	238	273
* Ге Н. Н. (сыну)	4 марта	43	41
* Горнунгу В. И.	Конец марта?	65	72
* »	8 июня	99	102
* »	2 июля	112	112
* »	26 августа	140	144
* Грунскому К.	12 марта	49	45
Гуревич Л. Я.	14 января	10	14
* »	9 февраля	27	28
* »	28 февраля	41	39
* »	26 августа	141	145
* »	8—9 ноября	220	250
* »	Декабрь?	253	287
* Давидсону Д. М.	10 сентября	158	164
Давыдову Н. В.	Начало марта	63	72
* »	Конец июля?	133	137
* Демидову М. Д.	30 июля	131	135
* Джепсону Д.	21 ноября	230	266
* Доливо-Добровольскому А.	8—9 ноября	221	251
* Дунину-Барковскому В.Н.	2—3 июля	109	110
Ернефельту А.	1 февраля	21	23
* »	22 декабря	250	286
* Желтову Ф. А.	19 августа	138	142
* »	18 декабря	244	279
* Зацепину А. Т.	18 сентября	168	181
Здзеховскому М. Э.	10 сентября	159	165
* Зонову А. С.	26 июля	126	123
* Зутнер Берте	19 декабря	248	285
* Иванову Д. Л.	12 декабря	241	276
* Издательству «Библиографическое бюро»	19 апреля	71	77
Изюмченко Н. Т.	19 февраля	37	37
* »	4 декабря	237	272
* Исупову Е. А.	14 марта	51	48
* К.С.О.	14—26? июля	124	122
* Кандидову П. П.	16 января	13	16
* Каневскому А. Н.	Конец июля, не позже 30	130	133
* Кельшу А.	13 июля	119	118
Кенворти Д.	27 марта	59	54
* »	10 июля	116	116
* »	18 августа	136	139
* »	18 сентября	169	182
* Кобелеву С. И.	17—19 апреля	76	76
* Колбасину Д. Я.	16 февраля	34	34
Кони А. Ф.	26 августа	142	146
* »	30 ноября	231	267
* Кудрявцевой М. Ф.	23—24 апреля	74	80
* »	26 июля	127	123
* »	20 октября	201	231
* Кудрявцеву Д. Р.	16 января	14	17
* Кузминскому А. М.	4 сентября	152	155
* Лазареву Е. Е.	21 октября	202	232
* Левитскому М. А.	19 апреля	72	78
* Ледерле М. М.	1—5? марта	44	42
* Макдональду А.	26 июля	128	123
* Макееву А. Г.	2—17 марта	53	50
* »	Начало апреля?	69	75

		№	Стр.
Маковицкому Д. П.	10 февраля	28	29
»	11 сентября	162	175
»	29 сентября	175	187
»	24—25 октября	205	234
* Максимова В. Ф.	13 июля	120	119
* Марфельсу К.	9 марта	48	44
* »	26 августа	143	14
* Маршалу Д.	21 октября	203	233
* Меньшикову М. О.	26—29 августа	145	148
* »	8 сентября	156	160
* »	2—5 октября	181	196
* »	5 октября	183	203
Миловидову М. А.	16 февраля	35	35
* Михеевой Н. В.	10 августа	135	139
* Морозову А. П.	3—4 мая	80	85
* Нагорному А. А.	28 марта	61	68
* Неизвестной	23? марта	56	53
* » (Ольге Петровне)	14 мая	88	93
Никифорову Л. П.	18—19 января	16	19
»	29 августа	147	151
»	8 сентября	157	163
* Попову Е. И.	31 мая	94	98
* »	Июль — август	148	152
»	5 октября	184	205
* »	16—17 октября	196	218
»	24—25 октября	204	233
»	14 ноября	224	252
»	30 ноября	232	267
* Потемкину В. П.	2—3? февраля	26	28
* Пучковскому И. Л.	18 сентября	170	183
Редактору английской газеты	10 сентября	160	173
* Роза С. А.	2—3 июля	111	111
Русанову Г. А.	1—2 февраля	22	24
»	5 марта	45	42
* Сарракану Л.	26 августа	144	147
* Саханскому П. Т.	2—3 июля	113	113
* »	13 июля	121	120
* Син-Джону А.	4 января	5	13
* Сергеенко П. А.	16—17 января	15	18
* Скугаревской К. Н.	5 мая	83	88
Сопощко М. А.	19 июня	106	108
»	30 июля	132	136
»	11 сентября	163	176
»	28 октября	209	236
»	30 ноября	233	269
Сопощко Н. А.	8 июня	100	103
* Стадлингу И.	14 января	11	14
Стасовой Н. В.	4 сентября	153	156
* Столышину А. Д.	19 декабря	249	286
Страхову Н. Н.	14 января	12	15
»	27—28 января	17	20
* »	14 февраля	31	32
»	8 марта	46	43
* »	26 апреля	75	81
»	5 мая	84	88
* »	25 мая	93	97
»	13 июня	102	103
»	5 октября	185	206

		№	Стр.
* Танееву С. И.	16—18 декабря	243	279
Толстой А. А.	31 марта	62	70
»	Конец мая	96	99
Толстой А. И.	16 марта	52	49
Толстой М. Л.	18 марта	54	51
»	4 сентября	155	159
»	23 сентября	174	185
»	Конец сентября	177	191
Толстой С. А.	2 или 3 января	3	—
»	7 января	7	—
»	8 или 9 января	8	—
»	12 января	9	—
»	26 апреля	76	—
»	21 мая	92	—
»	12 июля	117	—
»	13—14 сентября	164	—
»	3 октября	180	—
»	16 октября	194	—
»	25 октября	206	—
»	28 октября	210	—
»	2 ноября	214	—
»	3 ноября	215	—
»	4 ноября	216	—
»	7 ноября	217	—
»	12 ноября	223	—
»	28 декабря	251	—
* Толстой Т. Л.	5 октября	186	208
* »	14 октября	193	214
* »	25 октября	207	235
Толстому А. Л.	16? октября	195	215
* Толстому Л. Л.	19 мая	91	96
* »	13 июня	103	105
* »	4 сентября	154	157
* »	19 октября	199	229
* »	18 декабря	245	281
* Толстому М. Л.	16—19 октября	198	219
* »	27—30 октября	211	239
* Толстому С. Н.	22—23 июня	107	108
* Трегубову И. М.	5 октября	187	208
* »	18? декабря	246	282
* Тулякову Н. П.	13 февраля —	66	73
	1 апреля		
* Фадееву А.	18 сентября	171	184
* Фасту Г.	1 февраля	23	25
Файнерману И. Б.	16 мая	90	95
»	18 ноября	227	261
»	18? ноября	228	261
* »	Конец ноября	235	271
Флексеру А. Л. (Волынскому)	14 февраля	30	31
»	18—21 февраля	38	38
»	26 февраля	40	39
»	Конец сентября	178	192
* Хансфорду В.	Начало сентября	161	174
* Херрону Д.	13 июня	104	106
* »	2—3 июля	110	110
* Хилкову Д. А.	12 марта	50	45
* »	28 апреля	79	83
»	29 июля	129	131

		№	Стр.
* Хилкову Д. А.	30 ноября	234	271
* Хойак Д.	5 мая	85	90
* Хохлову Г. И.	18 сентября	172	185
Хряпину С. В.	Середина апреля	73	79
Худякову И. И.	16—17 октября	197	218
Черткову В. Г.	1 января	1	—
»	6? января	6	—
»	2 февраля	25	—
»	17 февраля	36	—
»	24 февраля	39	—
»	8 марта	47	—
»	23? марта	57	—
»	26 апреля	77	—
»	31 мая	95	—
»	8 июня	101	—
»	21 сентября	173	—
»	7 октября	190	—
»	12 октября	192	—
»	25 октября	208	—
»	1 декабря	236	—
»	28 декабря	252	—
* Чичаговой А. И.	28 января — 1 февраля	18	21
* »	23 марта	58	53
Чичерину Б. Н.	Март	64	72
* Шимановскому В. Ю., Губернарчуку С. Т. и Гулько Д. Е.	12 мая	87	92
Шкарвану А.	14 ноября	225	254
»	16 декабря	242	277
Шмидт М. А.	14—16? февраля	33	34
* »	22 марта	55	52
Шмиту Э. Г.	1 февраля	24	26
* »	27 марта	60	55
»	4 мая	82	87
»	3 июля	114	113
»	Середина сентября	165	177
»	29 сентября	176	189
»	8 октября	191	213
»	18 декабря	247	283
* Эдвардсу Д.	5 октября	188	209
* Эйнарвич Ю.	13 июля	122	120
* Ю. Б.	5 мая	86	91
Яремичу С. П.	13 июня	105	107

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Редакционные пояснения 5

№			ПИСЬМА	
1	Января	1	В. Г. Черткову	—
2	»	3	А. С. Буткевичу	11
3	»	2 или 3	С. А. Толстой	—
* 4	»	4	Е. Н. Воробьеву	12
* 5	»	4	Син-Джону А.	13
6	»	6?	В. Г. Черткову	—
7	»	7	С. А. Толстой	—
8	»	8 или 9	С. А. Толстой	—
9	»	12	С. А. Толстой	—
10	»	14	Л. Я. Гуревич	14
* 11	»	14	И. Стадлингу	14
12	»	14	Н. Н. Страхову	15
* 13	»	16	П. П. Кандидову	16
* 14	»	16	Д. Р. Кудрявцеву	17
* 15	»	16—17	П. А. Сергеевко	18
16	»	18—19	Л. П. Никифорову	19
17	»	27—28	Н. Н. Страхову	20
* 18	Янв. 28 — февр. 1		А. И. Чичаговой	21
* 19	Февраля	1	В. Н. Веселовской	21
* 20	»	1	Е. Н. Воробьеву	22
21	»	1	А. Эрнефельту	23
22	»	1—2	Г. А. Русанову	24
* 23	»	1	Г. Фасту	25
24	»	1	Э. Г. Шмиту	26
25	»	2	В. Г. Черткову	—
* 26	»	2—3?	В. П. Потемкину	28
27	»	9	Л. Я. Гуревич	28
28	»	10	Д. П. Маковицкому	29
29	»	14	М. В. Алахину	30
30	»	14	А. Л. Флексеру (Волыньскому)	31
* 31	»	14	Н. Н. Страхову	32
* 32	»	14—16?	Е. Н. Воробьеву	33
33	»	14—16?	М. А. Шмитт	34
* 34	»	16	Д. Я. Колбасину	34
35	»	16	М. А. Миловидову	35
36	»	17	В. Г. Черткову	—
37	»	19	Н. Т. Изюмченко	37
38	»	18—21	А. Л. Флексеру (Волыньскому)	38
39	»	24	В. Г. Черткову	—
40	»	26	А. Л. Флексеру (Волыньскому)	39
* 41	»	28	Л. Я. Гуревич	39
* 42	»	конец?	Ю. Вундзаму	40

№	Стр.
* 43 <i>Марта</i>	4
* 44 »	1—5?
45 »	5
46 »	8
47 »	8
* 48 »	9
* 49 »	12
* 50 »	12
* 51 »	14
52 »	16
* 53 »	2—17
54 »	18
* 55 »	22
* 56 »	23?
57 »	23?
* 58 »	23
59 »	27
* 60 »	27
* 61 »	28
62 »	31
63 »	начало
64 <i>Март</i>	
* 65 »	конец?
* 66 <i>Февраля</i>	13—
	апреля 1
* 67 <i>Апреля</i>	1—5
* 68 »	6?
* 69 »	начало?
* 70 »	17—19
* 71 »	19
* 72 »	19
73 »	середина
* 74 »	23—24
* 75 »	26
76 »	26
77 »	26
* 78 »	28
* 79 »	28
* 80 <i>Мая</i>	3—4
* 81 »	4
82 »	4
83 »	5
84 »	5
* 85 »	5
* 86 »	5
* 87 »	12
* 88 »	14
89 »	16
90 »	16
* 91 »	19
92 »	21
* 93 »	25
* 94 »	31
95 »	31
96 »	конец
97 <i>Июня</i>	8
Н. Н. Ге (сыну)	41
М. М. Ледерле	42
Г. А. Русанову	42
Н. Н. Страхову	43
В. Г. Черткову	—
К. Марфельсу	44
К. Грунскому	45
Д. А. Хилкову	45
Е. А. Исупову	48
А. И. Толстой	49
А. Г. Makeеву	50
М. Л. Толстой	51
М. А. Шмидт	52
Неизвестной	53
В. Г. Черткову	—
А. И. Чичаговой	53
Д. Кенворти	54
Э. Г. Шмиту	55
А. А. Нагорному	68
А. А. Толстой	70
Н. В. Давыдову	72
Б. Н. Чичерину	72
В. И. Горнунгу	72
Н. П. Тулякову	73
С. А. Венгерову	73
Л. Ф. Анненковой	75
А. Г. Makeеву	75
С. И. Кобелеву	76
Издательству «Библиографическое бюро»	77
М. А. Левитскому	78
С. В. Хряпину	79
М. Ф. Кудрявцевой	80
Н. Н. Страхову	81
С. А. Толстой	—
В. Г. Черткову	—
В. П. Гайдебурову	82
Д. А. Хилкову	83
А. П. Морозову	85
Е. А. Виману	86
Э. Г. Шмиту	87
К. Н. Скугаревской	88
Н. Н. Страхову	88
Д. Хойак	90
Ю. В.	91
В. Ю. Шимановскому, С. Т. Губер- нарчуку и Д. Е. Гунько	92
Неизвестной (Ольге Петровне)	93
М. В. Алехину	94
И. Б. Файнерману	95
Л. Л. Толстому	96
С. А. Толстой	—
Н. Н. Страхову	97
Е. И. Попову	98
В. Г. Черткову	—
А. А. Толстой	99
П. И. Бирюкову	100

98	Июня	8	С. А. Венгерову	101
* 99	»	8	В. И. Горнунгу	102
100	»	8	Н. А. Сопозько	103
101	»	8	В. Г. Черткову	—
102	»	13	Н. Н. Страхову	103
* 103	»	13	Л. Л. Толстому	105
* 104	»	13	Д. Херрону	106
105	»	13	С. П. Яремичу	107
106	»	19	М. А. Сопозько	108
* 107	»	22—23	С. Н. Толстому	108
108	»	28	А. А. Александрову	109
* 109	Июля	2—3	В. Н. Дунину-Барковскому	110
* 110	»	2—3	Дж. Давису Херрону	110
* 111	»	2—3	С. А. Роза	111
* 112	»	2	В. И. Горнунгу	112
* 113	»	2—3	П. Т. Саханскому	113
114	»	3	Э. Г. Шмиту	113
115	»	10	Л. И. Веселитской	115
* 116	»	10	Д. Кенворти	116
117	»	12	С. А. Толстой	—
* 118	»	13	В. П. Гайдебурову	118
* 119	»	13	А. Кельшу	118
* 120	»	13	В. Ф. Максиму	119
* 121	»	13	П. Т. Саханскому	120
* 122	»	13	Ю. С. Эйнарвич	120
* 123	»	14—26?	А. Л. Бруни	121
* 124	»	14—26?	К.С.О.	122
* 125	»	26	С. А. Венгерову	122
* 126	»	26	А. С. Зонову	123
* 127	»	26	М. Ф. Кудрявцевой	123
* 128	»	26	А. Макдональду	123
129	»	29	Д. А. Хилкову	131
* 130	Конец июля, не позже 30		А. Н. Каневскому	133
* 131	Июля	30	М. Д. Демидову	135
132	»	30	М. А. Сопозько	136
133	» конец?		Н. В. Давыдову	137
* 134	Августа	1—10	Л. Ф. Анненковой	138
* 135	»	10	Н. В. Михеевой	139
* 136	»	18	Д. Кенворти	139
* 137	»	19	Л. Ф. Анненковой	141
* 138	»	19	Ф. А. Желтову	142
139	»	19—26	Т. М. Бондареву	143
* 140	»	26	В. И. Горнунгу	144
141	»	26	Л. Я. Гуревич	145
142	»	26	А. Ф. Кони	146
* 143	»	26	К. Марфельсу	146
* 144	»	26	Л. Сарракану	147
* 145	»	26—29	М. О. Меньшикову	148
146	»	29	А. И. Архангельскому	150
147	»	29	Л. П. Никифорову	151
* 148	Июль — август		Е. И. Попову	152
* 149	Августа конец		Братскому издательскому товариществу	152
* 150	»		Братскому издательскому товариществу	153
151	Сентября	4	М. В. Алехину	154
* 152	»	4	А. М. Кузминскому	155
153	»	4	Н. В. Стасовой	156

№	Стр.
* 154 <i>Сентября</i>	4
155 »	4
* 156 »	8
157 »	8
* 158 »	10
159 »	10
160 »	10
* 161 »	<i>начало</i>
162 »	11
163 »	11
164 »	13—14
165 »	<i>середина</i>
* 166 »	18
* 167 »	18
* 168 »	18
* 169 »	18
* 170 »	18
* 171 »	18
* 172 »	18
173 »	21
174 »	23
175 »	29
176 »	29
177 »	<i>конец</i>
178 »	»
* 179 <i>Октября</i>	2
180 »	3
* 181 »	2—5
* 182 »	5
* 183 »	5
184 »	5
185 »	5
* 186 »	5
* 187 »	5
* 188 »	5
189 »	5—6
190 »	7
191 »	8
192 »	12
* 193 »	14
194 »	16
195 »	16?
* 196 »	16—17
197 »	16—17
* 198 »	16—19
* 199 »	19
* 200 »	7—20
* 201 »	20
* 202 »	21
* 203 »	21
204 »	24—25
205 »	24—25
206 »	25
* 207 »	25
208 »	25
209 »	28
210 »	28
* 211 »	27—30
Л. Л. Толстому	157
М. Л. Толстой	159
М. О. Меньшикову	160
Л. П. Никифорову	163
Д. М. Давидсону	164
М. Э. Эдзеховскому	165
Редактору английской газеты	173
В. Хансфорду	174
Д. П. Маковицкому	175
М. А. Сопоцько	176
С. А. Толстой	—
Э. Г. Шмиту	177
В. Ф. Андрееву	180
В. А. Берсу	181
А. Т. Зацепину	181
Д. Кенворти	182
И. Л. Пучковскому	183
А. Фадееву	184
Г. И. Хохлову	185
В. Г. Черткову	—
М. Л. Толстой	185
Д. П. Маковицкому	187
Э. Г. Шмиту	189
М. Л. Толстой	191
А. Л. Флексеру (Волыньскому)	192
А. М. Бодянскому	193
С. А. Толстой	—
М. О. Меньшикову	196
А. М. Бодянскому	202
М. О. Меньшикову	203
Е. И. Попову	205
Н. Н. Страхову	206
Т. Л. Толстой	208
И. М. Трегубову	208
Д. Эдвардсу	209
Д. Беллоузу	211
В. Г. Черткову	—
Э. Г. Шмиту	213
В. Г. Черткову	—
Т. Л. Толстой	214
С. А. Толстой	—
А. Л. Толстому	215
Е. И. Попову	218
И. И. Худякову	218
М. Л. Толстому	219
Л. Л. Толстому	229
П. М. Ахременко	231
М. Ф. Кудрявцевой	231
Е. Е. Лазареву	232
Д. Маршалу	233
Е. И. Попову	233
Д. П. Маковицкому	234
С. А. Толстой	—
Т. Л. Толстой	235
В. Г. Черткову	—
М. А. Сопоцько	236
С. А. Толстой	—
М. Л. Толстому	239

№	Стр.
* 212 <i>Октября</i> 30	В. П. Гайдебурову 246
* 213 <i>Ноября</i> 2	В. М. Владиславлеву 246
214 » 2	С. А. Толстой . . . . . —
215 » 3	С. А. Толстой . . . . . —
216 » 4	С. А. Толстой . . . . . —
217 » 7	С. А. Толстой . . . . . —
218 » 2—9	А. И. Александрову 247
219 » 8—9	И. Р. Баженову 248
220 » 8—9	Л. Я. Гуревич 250
* 221 » 8—9	А. Доливо-Добровольскому 251
* 222 » 9	К. К. Бооль 251
223 » 12	С. А. Толстой . . . . . —
224 » 14	Е. И. Попову 252
225 » 14	А. А. Шкарвану 254
* 226 » 18	Г. Ф. Ван Дейлю 257
227 » 18	И. Б. Файнерману 261
228 » 18?	И. Б. Файнерману 261
229 » 21	И. В. Веригину 262
* 230 » 21	Д. Джемсону 266
* 231 » 30	А. Ф. Конн 267
232 » 30	Е. И. Попову 267
233 » 30	М. А. Соподько 269
* 234 » 30	Д. А. Хплкову 271
* 235 » <i>конец</i>	И. Б. Файнерману 271
236 <i>Декабря</i> 1	В. Г. Черткову . . . . . —
* 237 » 4	Н. Т. Изюмченко 272
238 » 7	П. Н. Гастеву 273
239 » 12	Л. Ф. Анненковой 274
* 240 » 12	А. М. Бодянскому 275
* 241 » 12	Д. Л. Иванову 276
242 » 16	А. А. Шкарвану 277
* 243 » 16—18	С. И. Танееву 279
* 244 » 18	Ф. А. Желтову 279
* 245 » 18	Л. Л. Толстому 281
* 246 » 18?	И. М. Трегубову 282
247 » 18	Э. Г. Шмигу 283
* 248 » 19	Б. Зутвер 285
* 249 » 19	А. Д. Столыпину 286
250 » 22	А. Эрнефельту 286
251 » 28	С. А. Толстой . . . . . —
252 » 28	В. Г. Черткову . . . . . —
253 » ?	Л. Я. Гуревич 287
Список писем Л. Н. Толстого, текст которых неизвестен 288	
Список писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого 289	
Алфавитный указатель адресатов 296	

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Л. Н. Толстого 1896 г. между 8 и 9 стр.